

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

Москва
2002

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

Подписано в печать 04.02.2002 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 17 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 50

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск тринадцатый)
М., 2002, ??? стр.

Ответственные редакторы

В.А.Исаев, А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией в Арабском мире и с положением в ряде сопредельных государств. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

ISBN 5- 89394-068-7

ISBN 5–89394–068–7

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск тринадцатый)
М., 2002, 272 стр.

Ответственные редакторы

В.А.Исаев, А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией в Арабском мире и с положением в ряде сопредельных государств. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

ISBN 5– 89394–068–7

ISBN 5–89394–068–7

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЛИВАНЕ

Начиная с 1948 г. Ливан стал одной из стран, разместивших на своей территории палестинских беженцев. В течение более пятидесяти лет палестинское присутствие является чувствительной социально-экономической и политической проблемой ливанского общества. Многие исследователи определяют положение палестинцев в Ливане как «непрекращающийся кризис»¹, поскольку на протяжении всех лет своего присутствия в Ливане четыре поколения палестинцев были непосредственно вовлечены в социально-экономические и политические кризисы в этой стране.

Прибывавшие в Ливан беженцы расселялись в специально организованных лагерях. Самые большие лагеря были образованы около Бейрута и на юге страны, рядом с городами Сайдой и Тиром, которые были традиционно связаны с Палестиной экономическими и семейно-клановыми узами. Порядок расселения в лагерях во многом напоминал образ жизни палестинцев в их деревнях. Уже в 1948 г. беженцев насчитывалось около 90 тыс. человек². Большинство лагерей было занято мусульманами. Только лагеря Мар Элиас и Дбайе в пригородах Бейрута были преимущественно христианскими. Палестинцам-христианам оказывала помощь христианская церковь. Впоследствии большинство беженцев-христиан воспользовалось возможностью, предоставленной ливанским правительством, и приняло ливанское гражданство.

Основную социально-экономическую поддержку палестинцам оказывало специально организованное в декабре 1949 г. по резолюции № 302 ООН агентство UNRWA (the United Nation Relief and Work Agency for Palestine Refugees in the Near East) для обеспечения гуманитарной помощи и осуществления различных социально-экономических программ в области здравоохранения, образования, социальной занятости. Агентство начало свою работу в мае 1950 г.

Палестинцы в Ливане с момента их появления стали считаться неассимилируемой группой, что было обусловлено прежде всего негативной позицией официальных властей. Например, одной из

главных задач ливанской секретной полиции (Deuxième bureau), образованной президентом Шехабом в 1959 г., стал контроль за деятельностью палестинцев на территории страны. Шехаб полагал, что в лице палестинцев таится потенциальная опасность для безопасности Ливана. Поэтому ливанские власти ограничили перемещения палестинцев внутри страны. Действительно, как свидетельствуют исследования «из всех арабских стран, где присутствуют палестинские беженцы, наименьшей мобильностью внутри страны обладали палестинцы, живущие в Ливане»³.

Палестинский вопрос в Ливане остро встал в конце шестидесятых годов, когда активизировалась политическая и военная деятельность палестинского сопротивления. В 1969 г. состоялось несколько столкновений между ливанской армией и палестинскими боевиками. Лагерь беженцев перешли под контроль военных отрядов ООП. В результате Каирского соглашения 1969 г. были определены взаимоотношения между ливанскими властями и руководством ООП, что также регулировало жизнь беженцев. Соглашение гарантировало палестинцам право на работу, проживание на территории страны, право образовывать местные комитеты в лагерях и участвовать в вооруженной борьбе против Израиля.

Ливанская политическая элита оказалась слишком слаба для каких-либо эффективных мер, противостоящих палестинцам, спровоцировавшим политическую активность ливанских мусульман, рост левых настроений в обществе и усиление влияния внешних сил, прежде всего Сирии.

ООП выполняла также и определенные функции социальной защиты: ведала управлением лагерей, обеспечивая как их безопасность, так и деятельность образовательных, социальных и здравоохранительных служб, где работали палестинские беженцы. Такая организация дала повод ливанским христианам и шиитам обвинять палестинцев в создании «государства в государстве». Более того, активизация военных действий палестинцев провоцировала ответные меры израильтян на территории Ливана. В результате эта ситуация повлияла на ослабление позиций официальной власти и парламентской системы в Ливане, возникла угроза ливанскому суверенитету, увеличилась напряженность между различными конфессиональными общинами Ливана, обострилась «проблема Юга» – части страны с преимущественно шиитским населением, недовольным своим социально-экономическим маргинальным положением и соседством с палестинскими лагерями, в которых проходили подготовку боевики ООП.

Община маронитов отвергла Каирское соглашение и усилена мобилизовать силы на активную борьбу и силовое противостояние деятельности палестинцев на территории страны. Именно нападение правохристианской милиции фалангистов на авто-

бус с палестинцами в апреле 1975 г. стало поводом многолетней гражданской войны в Ливане, которая длилась более пятнадцати лет. Война вызвала огромные разрушения и жертвы в лагерях беженцев. Жители лагерей страдали от военных действий, как и обыкновенные граждане Ливана. Например, при двухмесячной осаде лагеря Тель а-Заатар в 1976 г. христианской милицией погибли более 3000 палестинских женщин, стариков и детей⁴. По данным UNRWA, миграции во время войны были подвержены более 30 тыс. палестинцев⁵. Также много беженцев оказалось в числе лиц, не имевших документов, удостоверявших личность. Война разрушила почти всю инфраструктуру лагерей. Образовательные, медицинские и другие социальные службы прекратили свою работу. В дальнейшем, по окончании гражданской войны, восстановление этих структур велось уже усилиями UNRWA, тогда как ООП, покинув Ливан в начале 80-х годов, больше не оказывала социальной поддержки лагерям беженцев в Ливане. Ливанские власти также оказались в стороне от оказания помощи лагерям в восстановлении инфраструктуры.

В целом за годы, прошедшие после окончания гражданской войны, численность палестинцев, по данным агентства UNRWA, увеличилась.⁶

Годы	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Численность палестинских беженцев	302049	346164	352668	359005	364551	370144	376472

Однако есть и другие данные. Так, газета «Ан-Нахар» от 1 декабря 1995 г. пишет, что численность палестинцев в Ливане колеблется от 400 до 450 тыс. человек.

В целом, по данным UNRWA, к 2000 г. на территории Ливана функционируют 12 лагерей: Нахр эль-Барид, Шатила, Мийе-Мийе, Беддави, Мар Элиас, Эль-Бусс, Увавель, Бурж эль-Баражних, Бурж эль-Шимали, Дбайе, Эйн эль-Хилуйе, Рашидийе. Из общего числа зарегистрированных беженцев (376472 чел.) 210715 человек (55,98%) проживают в лагерях, а 165757 палестинцев (44,02%) проживают вне территории лагерей⁷.

Посткризисный период обнажил политику властей, направленную на дальнейшую социальную, экономическую и политическую маргинализацию палестинских беженцев в Ливане. «Они ущемляют нас... Они хотят отобрать часть земли, на которой мы живем или выгнать нас в Ирак или Сирию...»⁸ Именно такие отзывы об отношениях палестинцев с ливанскими властями можно было слышать в середине 90-х годов.

То, что к 1994 г. более половины палестинцев все еще проживали в лагерях, по мнению ливанского исследователя Х.Кашана, свиде-

тельствовало о сложностях, возникавших у палестинцев, желавших покинуть лагерь. Социальное взаимодействие с ливанскими конфессиональными группами оказалось минимальным. Даже палестинцы, не проживавшие в лагерях, а поселившиеся в больших городах, таких как Бейрут, Тир, Сайда, жалуются на то, что ливанцы обычно социально дистанцируются от них⁹.

По результатам социологического исследования, проведенного в конце 1992 г., из всех опрошенных ливанцев (независимо от их этно-религиозной принадлежности) личные контакты с палестинцами поддерживали меньше половины респондентов (52%). Личные контакты в основном затрагивали сферу дружбы, (32%) работы (6), брака (5), политики (5%)¹⁰. В целом невысокое межгрупповое взаимодействие является закономерностью для Ливана.

При исследовании межличностных контактов с палестинцами представителей каждой из ливанских общин были получены следующие результаты (в %)¹¹:

	Сунниты	Шииты	Друзы	Марониты	Православные	Католики	Армяне
Дружба	42	38	38	17	33	20	23
Работа	10	7	-	3	7	9	-
Заключение брака	11	4	-	3	1	1	3
Политические контакты	2	3	21	2	14	4	-
Отсутствие контактов	34	48	41	75	45	66	74

Результаты исследования показали, что религиозная принадлежность является одним из основных факторов, влияющих на контакты ливанцев с палестинцами. Сунниты из всех ливанских общин имеют наибольшее количество контактов, особенно через брачные связи. Слабые контакты в политической сфере обусловлены в целом достаточно периферийной политической ролью, которую играли суннитские военно-политические организации в период гражданской войны 1975–1990 годов. В противоположность суннитам друзы активно контактировали с палестинцами в течение всего социально-экономического кризиса, когда палестинцы являлись военными союзниками отрядов Прогрессивно-социалистической партии друзов.

Прежде всего палестинцы испытывают трудности с устройством на работу. Еще в 1962 г. в стране был принят закон, согласно кото-

рому палестинцы приравнивались к иностранцам, для которых были введены определенные ограничения в области трудоустройства в Ливане. Ливанское законодательство препятствует палестинцам работать как в общественном секторе, так и в частных организациях. По данным UNRWA, около 40% палестинцев, проживающих в лагерях, – безработные. Однако некоторые местные обозреватели утверждают, что уровень безработицы порой достигает 90%¹². Недоброжелательная официальная политика ливанских властей в отношении трудоустройства беженцев спровоцировала отток наиболее квалифицированной палестинской рабочей силы в другие страны, прежде всего в государства Персидского Залива. Подобная ситуация с законами толкает палестинцев на поиски нелегальной и малоквалифицированной работы (без каких-либо социальных гарантий) в области строительства, сельского хозяйства, в кожевенном ремесле, автосервисе, текстильной промышленности и ковроткачестве, а также в сфере обслуживания (няни, служанки, повара, воспитатели). Однако есть определенные нюансы при конкуренции с сирийскими рабочими, например, в строительстве. По свидетельству одного из палестинцев, многие виды работ, особенно грубый и тяжелый ручной труд, не по силам палестинцам в отличие от сирийцев, готовых к любой работе. Оплата за подобный труд тоже не устраивает палестинцев, которые должны содержать семью, платить за социальные услуги, жилье, тогда как сирийские рабочие живут прямо на стройке и едят «хлеб и помидоры», отправляя все деньги домой в Сирию¹³.

О статусе палестинцев в Ливане достаточно емко сказал западный исследователь Р. Фиск: «С самого начала палестинцы не пользовались большой любовью у ливанцев. Те, кто имел родственников, приняли ливанское гражданство, но многие из беженцев были классифицированы как лица без гражданства...»¹⁴. Официальные власти Ливана пытаются разнообразными способами уменьшить численность палестинцев в стране. Один из таких способов – натурализация. Следует отметить, что многие палестинцы воспользовались Декретом о натурализации № 5247¹⁵ (1994 г.) и приняли ливанское гражданство. Ими оказались жители семи приграничных шиитских деревень, чей статус беженцев был признан еще в 1948 г. Через год после издания Декрета, в 1995 г., некоторое число (точная статистика отсутствует) суннитов-палестинцев и палестинцев-христиан также приняли ливанское гражданство. По отдельным данным, за несколько лет посткризисного периода натурализовалось до 30 тыс. палестинских беженцев¹⁶. Оппозиция в посткризисный период присутствию палестинцев в Ливане открыто выражалась и выражается политиками и средствами массовой информации. Эта тема – одна из самых обсуждаемых политизированной частью ливанцев. Тем не

менее к началу 90-х годов ливанское общество смирилось с самим фактом временного присутствия палестинцев в стране, но только временного, поскольку большинство ливанцев отвергло идею постоянного проживания палестинцев в Ливане. Отношение к проблеме проживания палестинцев имеет непосредственную связь с этноконфессиональными особенностями ливанского общества. Опросы, проведенные в конце 1992 года, показали следующие результаты (в %) ¹⁷:

	Сунниты	Шиты	Друзы	Марониты	Православные	Католики	Армяне
Положительное отношение	19	8	17	5	12	7	6
Негативное отношение	63	78	71	87	78	78	54
Затрудняются ответить	18	14	12	8	10	15	40

Почти $\frac{3}{4}$ опрошенных заявили, что расселение палестинцев в Ливане может иметь негативные последствия, как политические, так и экономические. Так, на встрече министра иностранных дел Ливана с послом США министр заявил, что «все ливанские группы отклоняют идею расселения беженцев в Ливане, поскольку этот шаг может спровоцировать гражданскую войну» ¹⁸. Присутствие палестинцев негативно повлияет на этноконфессиональный баланс в стране – еще больше увеличится доля мусульманского, суннитского населения. Исходя из результатов того же опроса, только незначительная часть респондентов (7%) пришла к выводу, что в случае интегрирования палестинцев в ливанское общество возникнет еще одна этнорелигиозная и политическая группа, подобно другим ливанским общинам. Отрицательное отношение к палестинцам во многом обусловлено воспоминаниями ливанцев о деятельности ООП и о том, что присутствие палестинцев явилось одним из дестабилизирующих факторов, приведших Ливан к многолетнему социально-экономическому кризису и гражданской войне.

С другой стороны, перевод больших денежных средств как ООП, так и организациями, поддерживающими палестинских беженцев (UNRWA, другие международные и региональные доноры), в какой-то степени укрепил бы ливанскую экономику и помог бы выйти из экономической депрессии, в которой страна оказалась в посткризисный период. Только этот аспект, выгодный для Ливана, по мнению социологов, сделал ответы респондентов менее категоричными, но в целом

оставшимися отрицательными в отношении планов расселения палестинцев на ливанской земле.

Ожидаемое влияние на жизнь ливанских общин потенциального расселения палестинцев на территории Ливана было расценено респондентами следующим образом (в %) ¹⁹:

Политическое влияние:

	Позитивное	Негативное	Затрудняются ответить
Сунниты	45	29	26
Шииты	14	69	17
Друзы	30	37	33
Марониты	8	74	18
Православные	15	51	34
Католики	9	65	26
Армяне	6	63	31
Все опрошенные	22	55	24

Экономическое влияние:

	Позитивное	Негативное	Затрудняются ответить
Сунниты	40	27	33
Шииты	23	52	25
Друзы	22	35	43
Марониты	11	52	37
Православные	18	36	46
Католики	21	43	36
Армяне	14	34	52
Все опрошенные	24	41	35

Позитивных экономических и политических последствий от возможного расселения палестинцев в Ливане ожидали лишь сунниты. На определенную политическую выгоду от воплощения проекта расселения палестинцев рассчитывали друзы. Зато марониты и армяне осознавали, что негативные политические последствия сведут к нулю все экономические выгоды.

Для шиитов палестинцы тоже будут как политическими, так и экономическими соперниками. На юге Ливана палестинское население является важным демографическим фактором. Так, если в 1962 г., по данным UNRWA, было зарегистрировано 140 тыс. беженцев, то к 1990 г. их численность выросла до 300 тыс. Приняв во внимание тот факт, что общая численность населения на юге к тому времени составляла 500 тыс. человек, становится ясно, что более половины населения юга – палестинцы, являющиеся достаточно изолированной, маргинальной социально-экономической группой, живущей за чертой бедности ²⁰.

Социально-экономическая маргинализация палестинцев, изоляция от ливанского общества и негативное отношение как со стороны официальных властей, так и ливанского общественного мнения к присутствию палестинцев в стране, определяют положение этой этнической группы в Ливане. Единственно приемлемым для Ливана решением вопроса палестинских беженцев станет их возвращение на места исторического проживания. Однако в период очередного обострения палестино-израильского конфликта решение проблемы беженцев так и остается открытым.

¹ Peteet Julie. M. Lebanon: Palestinian Refugees in the Post-War Period, 1997. – С. 13

² Khashan Hilal. Palestinian Resettlement in Lebanon. American University of Beirut, 1994. – С. 3

³ Khashan Hilal. The Despairing Palestinians. Journal of South Asian and Middle Eastern Studies 16, 1 (Fall 1992). – С. 5

⁴ Harris William W. Faces of Lebanon. Markus Wiener Publishers. Princeton, 1997. – С. 165

⁵ Assaf G. The Displacement of People in Lebanon. /ICVA Meeting. – N.Y. 1992. – С. 2

⁶ <http://www.un.org/unrwa>

⁷ <http://www.un.org/unrwa>

⁸ Peteet Julie. M. Lebanon: Palestinian Refugees in the Post-War Period, 1997. – С. 8

⁹ Khashan Hilal. Palestinian Resettlement in Lebanon. American University of Beirut, 1994. – С. 3

¹⁰ Там же, с. 6

¹¹ Там же, с. 6–7

¹² Sayigh R. Palestinians in Lebanon: (dis)solution of the Refugee Problem. Race and Class, vol. 37, № 2 (October-December 1995). – С. 38

¹³ Peteet Julie. M. Lebanon: Palestinian Refugees in the Post-War Period, 1997. – С. 9

¹⁴ Fisk Robert. Pity the Nation: Lebanon at War. London: Andre Deutsch, 1990. – С. 68–69

¹⁵ Malik H.C. Between Damascus and Jerusalem. Lebanon and Middle East Peace. Washington, 1997. – С. 41

¹⁶ Peteet Julie. M. Lebanon: Palestinian Refugees in the Post-War Period, 1997. – С. 10

¹⁷ Khashan Hilal. Palestinian Resettlement in Lebanon. American University of Beirut, 1994. – С. 9–10

¹⁸ al-Wasat, 12.10.1992

¹⁹ Khashan Hilal. Palestinian Resettlement in Lebanon. American University of Beirut, 1994. – С. 13–14

²⁰ Charif Hassan. Unresolved problem of the South. Centre for Lebanese Studies, 1992. – С. 16

О РАЗВИТИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ЕГИПТА И ВАРИАНТАХ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Нильская вода – главный источник водоснабжения для всех стран бассейна Нила, но ни одна из них не заинтересована в увеличении забора воды из этой великой африканской реки в такой степени, в какой Египет. Ведь он намного превышает остальные приречные страны по уровню экономического развития и численности населения. Он испытывает особенно большие потребности в освоении новых районов для переселения туда людских контингентов из перенаселенных областей, сосредоточенных в узкой долине и дельте Нила.

Повторное использование дренажных и канализационных вод различного происхождения рассматривается как важное пополнение источников влаги. Чтобы облегчить эту задачу, необходимо строительство мощной инфраструктуры, новых очистных сооружений, а также централизованное принятие мер для недопущения загрязнения воды химикалиями, промышленными стоками и бытовыми отходами.

Для удовлетворения растущих потребностей в воде Египет ведет переговоры со странами нильского бассейна о совместных действиях по увеличению речного стока. Известны усилия Египта в строительстве плотины Джонглей в экваториальной части Судана. Работы по этому проекту были завершены на 70–80%, но были прерваны в связи с развертыванием военных действий. Между тем на первом этапе осуществления этого проекта сток Нила мог бы возрасти на 4 млн. куб. км в год, а на втором - на 8 млрд. куб. км. Возможные результаты совместных усилий стран бассейна Нила могли бы привести к увеличению стока на 40 млрд. куб. км в год. Одновременно эти проекты могли бы способствовать увеличению выработки электроэнергии, которую можно было бы использовать, в частности, для опреснения морской воды и, за счет этого значительно расширить ресурсы водопользования.

Важным источником воды, помимо Нила, являются подпочвенные воды, расположенные на плитах песчаника и известняка. Почти все они считаются невозобновляемыми источниками влаги, за исключением приморских зон, где они пополняются дождями. Эти подземные бассейны рассматриваются как важный стратегический резерв на случай критических ситуаций. Неглубоко залегающие грунтовые воды в долине и дельте Нила в случае интенсификации масштабов ирри-

гации могут потерять часть своих запасов из-за недостаточного восполнения. Кроме того, они загрязняются химическими веществами, используемыми в сельском хозяйстве, что снижает их ценность как стратегического ресурса.

Совместно со странами, лежащими выше по течению, Египет разрабатывает проекты сбора и задержания дождевых вод в верховьях реки. В настоящее время, по оценкам, в долине Нила используется не более 20% дождевых вод, остальные четыре пятых стекают в море. Дождевые воды лишь в немногих местах нильской целины и в ограниченной степени могут служить для целей орошения, но только в отношении зимних культур. Ведь для их накопления требуется строительство многочисленных сооружений, рассчитанных на обводнение сравнительно небольших участков, в основном садов (фиги и маслины). В целом же дождевая вода в этом варианте может служить лишь дополнительным резервом для орошения, тем более, что количество выпадающих осадков сильно варьирует год от года.

Из-за прогрессирующей нехватки влаги для орошения большие надежды возлагаются на опреснение морской воды. Общая протяженность морской береговой линии в Египте достигает 4 тыс. км, что создает условия для строительства большого числа опреснительных заводов, некоторые из которых могут комбинироваться с генераторами для выработки гидроэлектроэнергии, в частности, для обслуживания самой станции и туристических поселков.

Существуют и другие источники получения влаги, которые не привлекают пока большого внимания, хотя исследования по ним ведутся. Это формирование дождевых облаков, использование росы и некоторые другие технологии, не получающие пока промышленного применения.

Мировая экспертиза считает, что существенное увеличение водных ресурсов малореально, особенно в таких критических районах, как Египет и другие арабские страны. Мировое использование воды в хозяйстве приближается к 5 тыс. куб. км в год. Кроме того, для функционирования живой природы требуется 4 тыс. куб. км в год. Возобновляемые источники воды не превышают 9 тыс. куб. км в год. Поэтому мировому сообществу следует искать варианты более эффективного и экономного использования имеющихся ресурсов [1]. Эти цифры и идеи были оглашены на конференции по водопользованию, проведенной авторитетным Центром стран Юга в Вашингтонском университете в конце 1998 г. Выступивший на конференции шведский представитель предсказал на ближайшие годы 10 войн по поводу воды, настолько остро стоит вопрос водообеспечения в странах с повышенным дефицитом водоснабжения.

Представитель Йемена констатировал, что объем годового потребления на душу населения в его стране (130 куб. м) более, чем в 10 раз меньше минимума, установленного Всемирной организацией

здравоохранения (1600 куб. м), что можно расценивать как катастрофу. В йеменский город Таиз, например, вода поступает один раз в 40 дней. Половина сельского населения удовлетворяет свои потребности в воде за счет неорганизованных сетей водотока, не соответствующих санитарным нормам. Но даже пополнение таких водных источников в четыре раза отстает от забора воды из них.

Египет находится далеко не в столь критическом положении, как Йемен, но и на него распространяется основная рекомендация, принятая на конференции. Она заключается в том, что наступило время уделять растущее внимание не столько поиску новых ресурсов, сколько рачительному использованию имеющихся. В отношении Йемена на конференции предлагалось в качестве очевидного паллиатива увеличение цен на воду, что могло бы уменьшить ее потребление; улучшение и модернизацию методов орошения; использование водосберегающих культур и даже отказ от негативных привычек, например, хотя бы частичное сокращение посадок катанаркотика, потребляющего в процессе роста на 30% воды больше, чем продовольственные растения.

Очевидно, что общая тенденция требует, чтобы вместо наращивания и диверсификации источников воды и тем самым увеличения ее оборота упор переносился на рационализацию использования воды без акцента на прирост ее базисных объемов. Другими словами, курс, направленный на увеличение предложения воды, должен постепенно заменяться политикой, имеющей целью более жесткое управление спросом на воду [1].

Эта рекомендация имеет непосредственное отношение и к Египту, где обсуждение методов использования воды вылилось в серьезные рекомендации. Так, 21–22 февраля 2000 г. в Каире проходила конференция под девизом «Арабская водная безопасность». Основной рекомендацией конференции было сокращение использования воды на сельскохозяйственные нужды до 65% водного баланса по сравнению с высокой нормой, достигающей 85% по ряду стран в настоящее время. Уменьшение потребления воды в сельском хозяйстве связывалось с необходимостью увеличения ее использования в других областях, где отдача на вложенные ресурсы более высокая.

Помимо орошения, вода в Египте используется в коммунальном хозяйстве, в промышленности, в рыболовстве, для выработки электроэнергии, для поддержания нужного уровня воды в речном судоходстве (по Нилу между Луксором и Асуаном и другими городами, в том числе в дельте, курсируют около 250 плавучих гостиниц с туристами, что заставляет поддерживать достаточную глубину фарватера, значит, приходится мириться с тем, что часть нильской воды не может использоваться для орошения и других хозяйственных нужд и бесполезно сбрасывается в Средиземное море). Кроме того, для сохранения уровня баланса в подземных водных резервуарах, рас-

положенных в долине Нила и в его дельте, также расходуются огромные массы воды. Расход воды огромен, но возможности экономии ее невелики из-за стойких традиций небрежного отношения к ресурсу и появления новых потребностей.

Сельское хозяйство в Египте поглощает более 80% всей воды. Увеличивается потребление ее и на бытовые нужды из-за быстрого роста населения, численность которого приближается к 67 млн. человек, что требует расширения сети водоочистных станций, возвращающих ныне в полноценный оборот до 18 млн. куб. м в день, или 6,5 млрд. куб. м в год.

Между тем расширение сферы услуг, быстрое развитие туризма, строительство крупных гостиниц предъявляют повышенные требования к качеству и количеству водообеспечения.

Сторонники коренного изменения принципов использования воды исходят из того, что сельское хозяйство поглощает огромное количество влаги, отдача ее в расчете на единицу продукции, учитываемой в объеме национального дохода, сравнительно невелика. Основная часть экспертов, тем не менее, высказывается за сохранение высокой доли расхода воды на нужды сельского хозяйства, мотивируя это тем, что, во-первых, это предотвращает слишком большую миграцию сельского населения в города, особенно крупные, которые и без того переполнены. Во-вторых, большой расход воды в сельском хозяйстве при существующих технологиях является единственным залогом сохранения приемлемого уровня производства продовольствия. Любые сбои в этом процессе в любой части его составляющей и по любым причинам создают опасность возникновения социального недовольства, политических волнений и конфликтов, поскольку резкое расширение импорта сельскохозяйственных продуктов неприемлемо из-за высокого уровня цен на них. В-третьих, несмотря на значительное повышение роли индустриального сектора как производителя товаров народного потребления, промышленность Египта пока еще не в состоянии конкурировать с развитыми странами в производстве этих товаров на основе сберегающих технологий. Способность ее к расширению производства параллельно с сокращением потребления воды мала, за исключением немногочисленных случаев, когда отдельные отрасли производства располагают относительно благоприятными возможностями. В-четвертых, в сельском хозяйстве, чтобы оно хотя бы минимально соответствовало современным требованиям экономии воды, должны применяться новые технологии ее использования. Между тем хозяйственное освоение любых новых территорий, которые, как правило, представляют собой засушливые районы, «создают» любые сэкономленные за счет применения таких технологий ресурсы, тем более что отдача от продвинутых технологий мала, поскольку распространены они на небольших территориях страны, не превышающих нескольких процентов.

Что касается противников сохранения высокой доли расходов воды в аграрном хозяйстве, то их аргументы сводятся к чисто математически обоснованному требованию добиваться максимума добавленной стоимости на единицу объема затраченной воды, хотя по сравнению с рядом других отраслей сельское хозяйство в этом отношении значительно проигрывает. Апологеты водозатратных приемов приводят такой пример. Для выращивания 1 кг пшеницы требуется 1 куб. м воды. Цена 1 кг пшеницы на мировом рынке составляет около 10 ам. центов (по действовавшему в 2000 г. курсу 1 долл. = 3,5 ег. ф.). Но если тот же 1 куб. м воды использовать для производства цемента, то отдача от использования этого кубометра воды, выраженная в цене соответствующего количества цемента, окажется значительно выше, чем в случае с пшеницей, что можно сказать и о многих других отраслях производства. Продолжая рассуждение в том же ключе, противники высоких водных затрат в земледелии отмечает, что одного кубометра воды хватит для содержания 5 туристов, на каждого из которых приходится расходовать 200 л в сутки. Таким образом, использование 1 куб. м воды в сфере туризма дает отдачу, эквивалентную стоимости пребывания 1 туриста в течение пяти ночей в отеле. Чистый доход от этого оценивается в 30 долл. Один кубометр воды в этом случае создаст добавленную стоимость в размере 150 долл. по сравнению с 10 центами при выращивании пшеницы [2; с. 43]. В качестве примера, достойного подражания, можно привести Кипр, где на обслуживание индустрии туризма затрачивается более половины национального дохода во многом благодаря сокращению площадей в сельском хозяйстве, уменьшению потребления воды здесь и освобождению ресурсов для рекреационных услуг [2; с. 43].

В рамках самого сельскохозяйственного производства отдача на затраченный 1 куб. м воды также различается в зависимости от выращиваемой культуры. Для наиболее массовых традиционных культур (хлопок, пшеница и др.) она, как правило, ниже по сравнению с некоторыми видами овощей, фруктов и цветами, где соотношение затраты-доходы значительно выше в пользу последних. Поэтому сторонники ограничения расходования воды на сельское хозяйство и на традиционные культуры в нем исходят из простого правила: нужно максимизировать стоимость выпуска и минимизировать стоимость затрат, в том числе затрат воды.

Представляется, что столь упрощенный «математический» подход непрактичен, поскольку призывающие к нему не учитывают факторов реальной действительности, прежде всего нужду в обеспечении населения продовольствием и сырьем, т. е. поддержания национальной безопасности. Они аргументируют свои доводы также и тем, что при орошении половина воды теряется на испарение и просачивание в почву и только оставшаяся половина может быть рециклирована. В промышленности, в коммунальном хозяйстве невозполнимые

потери не превышают 20%, и можно регенерировать 80% затраченной воды. Но и этот довод по указанной выше причине выглядит неубедительным, хотя никто в Египте не отрицает важности экономии воды и необходимости использования любых преимуществ, которыми может располагать Египет в этой области. При правильном применении последних использование воды в сельском хозяйстве можно заметно рационализировать. Так, географически Египет расположен вблизи развитых стран Европы, что сокращает транспортные расходы во внешней торговле. Кроме того, климатические особенности страны позволяют выращивать в этой стране редкие культуры, не произрастающие в Европе, а равно и аналогичные европейским, такие как сахарная свекла, картофель и помидоры. Однако они выращиваются зимой на открытом грунте без использования дорогостоящих теплиц и в течение более короткого времени. Это дает Египту некоторые коммерческие преимущества, особенно в области ценообразования.

Высказываются мнения о пользе сокращения площадей под летними посадками и расширения их под осенне-зимними урожаями, особенно экспортоориентированными культурами. Важным доводом является то, что зимой расход воды примерно наполовину меньше, чем летом, когда интенсивность испарения резко возрастает. Теоретически это дает возможность при переводе летних культур на зимний режим вдвое увеличить посевные площади под ними при том же расходе воды. Практически, очевидно, подобная смена летнего режима на зимний для ряда культур вряд ли осуществима, в том числе из-за невозможности отказаться от выращивания многих летних культур.

Видимо, все же основной выход усматривается в освоении новых земель в Египте, которое сейчас возможно только с выходом за рамки нильской долины и дельты с выводом из нее части населения, а следовательно и с привлечением больших масс воды. Это одна из причин того, почему нельзя серьезно относиться к предложениям аврального изъятия водных ресурсов из сельского хозяйства, в зоне которого создаются все новые аграрные анклавные для приема и рассредоточения населения из переуплотненных во вновь осваиваемые районы. Крупнейшими в этой области считаются проекты Ташка на юге нильской долины, проекты Суэц-Запад, Порт-Саид-Восток, северное побережье.

Выполнение этих проектов позволит вывести туда часть населения и разместить там ряд видов экономической деятельности, в первую очередь земледелие, землеобработку и перерабатывающие сельхозпродукты промышленные отрасли. Общая площадь обрабатываемых земель в Египте в 1999 г. составляла 8 млн. федданов (1 феддан = 0,42 га), или 3,36% всей территории Египта. В 2002 г. ожидается окончание работ по введению в оборот еще 1,75 млн. федданов, из которых освоение 1,21 млн. началось в 80-х годах. Это (тыс. федданов) север Синая – 400, юг Синая – 40, дельта Нила –

505, Верхний Египет – 175 (районы Вади аль-Сааида, Вади ан-Накра, Вади аш-Шабах, Асьют, Файюм). Кроме того, в 1997 г. началось освоение 540 тыс. федданов в районе Тошка [2; с. 44]. В последующий период, с 2002 по 2017 гг. намечается освоение 1,7 млн. федданов на базе использования подпочвенных вод и рециклированной воды, а также воды из Нила, особенно в случае завершения строительства канала Джонглей в Судане. Это позволит существенно расширить земли в хозяйственном обороте, но не даст возможности радикально решить проблему землеобеспечения крестьянского населения. Среди крупных объектов – освоения многочисленные оазисы и другие районы западной пустыни, включая Тошку и Синайский полуостров. Это указывает на то, что приходится изыскивать все более удаленные и менее удобные участки, так как все легкие земли, являвшиеся частью нильской долины или примыкавшие к ней, практически уже освоены. На новых неудобьях в виде возвышенных участков резко возрастают затраты, отдача от капиталовложений уменьшается и замедляется, окупаемость инвестиций растягивается. Поэтому освоение новых земель возможно преимущественно за счет осуществления крупных проектов в отдаленных местах при широком участии государства, ресурсы которого и без того напряжены.

Наряду с увеличением расходов на вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земель заметно растет себестоимость получения дополнительных водных ресурсов. Если в период строительства первых плотин на Ниле в начале прошлого века себестоимость 1 млрд. куб. м воды не превышала полумиллиона египетских фунтов, то при сооружении Высотной Асуанской плотины в 60-х годах этот показатель достиг 20 млн. ег. ф. При прокладке канала Джонглей в южном Судане в 1983 г., когда работы были выполнены на 70%, себестоимость 1 млрд. куб. м воды оценивалась уже в 300 млн. ег. ф. Возведение новых плотин взамен устаревших в районе Асьюта, построенных еще сто лет назад, обойдется в 200 млн. ег. ф. в расчете на 1 млрд. куб. м воды [2; с. 45]. Источник этих данных не сообщает, как и насколько изменился за это время обменный курс египетской валюты, но из динамики этих цифр можно заключить, что с течением времени наращивание водных ресурсов сопряжено с огромными растущими расходами, особенно если учесть необходимость возведения усложненной инфраструктуры и т.п. Например, уголья на пересеченной местности требуют, помимо магистральных и распределительных каналов, присутствия мощных насосных станций, капитального оборудования, мощной электроэнергетики и т.п. факторов.

Если к концу 2002 г. площади под обработкой увеличатся до 9,75 млн. федданов, то потребление воды возрастет, по оценкам специалистов, до 70 млрд. куб. м в год, в том числе 64 млрд. куб. м будет направлено на ирригацию, 5,5 млрд. составит питьевая вода и потребление в промышленности, 0,5 млрд. должно быть отведено для обес-

печения нужд навигации за счет сокращения фарватеров и для выработки электроэнергии. Нильской воды для этого не хватит. По соглашению с Суданом от 1959 г. Египет вправе претендовать лишь на 55,5 млрд. куб. м из стока. Могут быть дополнительно использованы 7,5 млрд. куб. м из дренажных каналов в сельском хозяйстве и 7 млрд. куб. м грунтовых вод долины Нила и дельты, что вместе с забором воды из Нила может дать общий объем в 70 млрд. куб. м воды в год. Кроме того, предполагается сэкономить 7 млрд. куб. м воды за счет усовершенствования ирригационной и дренажной систем (2,5 млрд.). Из общего объема сэкономленной воды на орошение предлагается использовать 4 млрд. куб. м на ирригацию и остальные 3 млрд. – для коммунального хозяйства и в промышленности [2; с. 45].

Однако водный баланс Египта постоянно нарушается и является неустойчивым. Достаточно упомянуть, что помимо прочего, потребление воды увеличивается и в связи с быстрым ростом населения, численность которого к 2017 г. должна возрасти на 25% по сравнению с настоящим временем. Большие заботы вызывает прогрессирующая загрязненность внешней среды, в том числе водной. Между тем у Египта нет источников воды, кроме Нила. В стране высказывается мнение, что Египет вправе претендовать на годовой объем потребляемой нильской воды выше договорной квоты. Одна из опубликованных статей на эту тему кончается словами: «Главной составляющей водной политики Египта является получение дополнительных водных ресурсов из районов, расположенных выше по течению Нила» [2; с. 45]. На достижение этой цели могут быть направлены все имеющиеся у страны возможности. Однако и другие сопредельные страны испытывают такие же проблемы и могут активно отстаивать свои права на сток нильских вод. Нагнетание ситуации едва ли может выглядеть продуктивным на этом фоне и способно привести к такому обострению противоречий, которое при разрешении их непереговорными методами может вообще подорвать всю систему водопользования на региональном уровне и даже разрушит ее, подорвав любые варианты созидательного хозяйственного освоения водных ресурсов Нила и открыв путь враждебности между странами вдоль реки, которая едва ли будет урегулирована только местными усилиями.

1. Аш-Шарк аль-Аусат, Лондон, 14.10.1998 г.
2. Аль-Ахрам аль-Иктисадий, Каир, 5.06.2000 г.

**АРАБСКИЙ МИР:
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Страны арабского мира вступили в XXI век с весьма дифференцированными итогами социально-экономического и политического развития, достигнутыми за предыдущее столетие. Эта дифференциация настолько велика, что дает все основания относить в социально-экономической сфере некоторые из них к наиболее динамично развивающимся государствам, а другие – и наименее развитым и беднейшим странам мира.

Отчетливое представление о динамике экономического развития стран арабского мира за последние два без малого десятилетия истекшего XX в., которые фактически и сформировали его завершающие итоги и достигнутые рубежи, дает приводимая ниже таблица 1, составленная по новейшим данным ООН за 2000 г.

Они свидетельствуют, что ни одна из 18 охваченных ООНовской статистикой арабских стран не развивалась в три указанные пятилетки равномерно и поступательно. Рост производства в некоторых странах сменялся застоем либо переходил в спад. В других – стадия стагнации завершалась и начинался подъем. В третьих наблюдались другие комбинации этих стадий.

В первую из указанных пятилеток рекордсменом по темпам роста стал, как видно из таблицы 1, Оман (15,2% в среднем в год). На втором месте был Египет (7,0%), на третьем – Алжир (5,4%). В противовес этому наибольший спад производства был отмечен в Ливии (-7,0%), в Ираке (-3,8%) и в Саудовской Аравии (-3,4%). В остальных странах производство фактически стагнировало. Данные о темпах роста в Йемене, Катаре и Ливане за первую половину 80-х годов отсутствуют.

Ситуация принципиально меняется на протяжении двух последующих пятилеток – 1985–90 гг. и 1990–95 гг. Данные по ним свидетельствуют, что во второй половине 80-х годов максимальными для арабского мира среднегодовыми темпами (4,3%) возрастал ВВП Египта и Марокко. За ними следовали Бахрейн – 4,1% и Саудовская Аравия – 3,6%. В двух странах ВВП сокращался: в Иордании в среднем на 2,0% и в Ливии – на 0,6% ежегодно. В других ВВП либо фактически стагнировал, либо рос крайне незначительно – на 1–2% в год. Поскольку, однако, население большинства арабских стран росло в рассматриваемые годы опережающими темпами, это вело к сокраще-

нию ВВП в расчете на душу населения. Наиболее заметным падение в годовом исчислении было в Катаре – на 5%, в Ливии – на 4,2% и в Иордании – на 3,9%.

Таблица 1

**Среднегодовые темпы роста ВВП арабских стран
за 1980–1998 гг. (в %)***

Страна	1980–85 гг.	1985–90 гг.	1990–95 гг.	1990–98 гг.
Алжир	5,4	0,2	– 0,1	1,1
Бахрейн	– 0,2	4,1	5,4	4,2
Египет	7,0	4,3	3,5	4,2
Иордания	5,3	– 2,0	8,1	5,5
Ирак	– 3,8	2,6	– 23,0	– 12,5
Йемен	-	-	2,9	3,8
Катар	-	1,0	2,2	5,1
Кувейт	– 3,3	1,2	16,3	10,3
Ливан	-	-	10,6	7,6
Ливия	– 7,0	– 0,8	-1,1	0,0
Мавритания	0,6	2,5	3,9	4,2
Марокко	3,5	4,3	1,0	2,2
ОАЭ	– 1,5	2,9	1,8	2,9
Оман	15,2	2,8	6,1	5,0
Сауд. Аравия	– 3,4	3,6	2,1	1,6
Сирия	2,1	1,8	6,7	5,2
Судан	0,7	1,1	7,2	7,8
Тунис	4,0	2,8	4,0	4,4

* Составлено по: UNCTAD. Handbook of Statistics 2000. UN, Geneva, 2000. – С. 298–300

В первой половине 90-х годов на экономической карте арабского мира появляются совершенно новые и необычные штрихи. Поражение Ирака в войне со странами антииракской коалиции и разрушение его экономики привело к тому, что его ВВП в этот период ежегодно снижался на 23%, а ВВП на душу населения – на 24,6%. В то же время ВВП Кувейта – жертвы иракской агрессии, – который начал восстанавливать свою экономику после окончания войны, ежегодно возрастал в первой половине 90-х годов в среднем на 16,3%, а ВВП на душу населения – на 22,4%.

Весьма быстрыми темпами – 10,6% – рос в эти годы ВВП Ливана, также втянутого в восстановительный период, а душевой доход ежегодно возрастал в среднем на 6,9%. Наряду с Ираком, хотя и в незначительной мере, снижение ВВП в эти годы переживали Ливия (-1,1%) и Алжир (-0,1%). Ливия жила в условиях международных санкций после дела Локерби, а Алжиру было навязано ограничение внешних экономических связей из-за разгула исламского терроризма.

Огромное воздействие не только на социальную ситуацию в арабском мире, но и на экономическое положение входящих в него стран оказывал крайне неблагоприятный демографический фактор.

Таблица 2

**Население арабских стран в 1998 г.
и темпы его роста в 1970–1998 гг.***

Страна	Население (тыс. человек)	Среднегодовые темпы роста (%)	
		в 1970–90 гг.	в 1990–98 гг.
Алжир	30081	3,1	2,4
Бахрейн	595	4,2	2,4
Египет	65978	2,4	2,0
Иордания	6304	4,0	4,1
Ирак	21600	3,4	2,3
Йемен	16887	3,1	4,9
Катар	579	7,7	2,1
Кувейт	1811	5,6	– 2,8
Ливан	3191	– 0,1	3,0
Ливия	5339	4,2	2,4
Мавритания	2529	2,6	2,8
Марокко	27377	2,3	1,7
ОАЭ	2353	11,6	2,6
Оман	2382	4,8	3,7
Сауд. Аравия	20181	5,5	2,8
Сирия	15333	3,5	2,7
Судан	28292	2,9	2,0
Тунис	9335	2,5	1,7
Всего:	260147	-	-

* Составлено по: UNCTAD, Handbook of Statistics 2000, UN, Geneva, 2000. – С. 292–293

Такой демографический рост результируется в удвоении населения Арабского Востока каждые 23 года, в то время как численность населения Европы, например, удваивается лишь каждые 233 года, или в 10 раз медленнее. Поэтому в большинстве арабских стран темпы роста населения в рассматриваемый период периодически опережали указанные темпы роста ВВП. Например, при сравнении темпов роста ВВП (табл. 1) и темпов роста населения (табл. 2) выявляется, что в последней декаде истекшего века (1990–98 гг.) вторые опережали первые в Алжире, Ираке, Йемене, Ливии и Саудовской Аравии. Это неизбежно ведет к снижению ВВП этих стран на душу и ухудшению социальных показателей населения.

В итоге роста ВВП и роста населения арабского мира, в частности в последнее десятилетие, регион в целом и входящие в него

страны, без учета Палестины и Западной Сахары, подошли к началу XXI века со следующими конечными социально-экономическими результатами, представленными в таблице 3.

Таблица 3

**ВВП и ВВП на душу населения арабских стран
в 1990 и 1998 гг.***

Страна	ВВП в 1990 г.		ВВП в 1998 г.	
	(млн. долл.)	на душу (долл.)	(млн. долл.)	на душу (долл.)
Алжир	52567	2106	46602	1649
Бахрейн	3484	6927	5350	8998
Египет	50908	971	82710	1254
Иордания	3946	984	7454	1182
Ирак	68041	3763	4600	211
Йемен	6528	559	5334	316
Катар	6484	15186	11703	20212
Кувейт	13490	6295	26452	14609
Ливан	3386	1236	17072	5360
Ливия	40748	8965	22050**	4036**
Мавритания	1052	520	903	357
Марокко	25222	1006	36124	1320
ОАЭ	33778	21258	47234	20073
Оман	10622	6970	14962	6282
Сауд. Аравия	100542	6761	125840	6236
Сирия	24823	2009	49153***	3461***
Судан	25858	1026	10107	357
Тунис	12513	1553	20021	2145
Итого:	483992	2281	533671	2051

* Составлено по: Handbook of International Trade and Development Statistics UN, 1992, New-York and Geneva, 1993. – С. 432; UNCTAD. Handbook of Statistics 2000, Geneva. – С. 292–293

** Данные за 1994 г.

*** Данные за 1995 г.

К началу XXI в. совокупный объем ВВП 18 арабских стран в размере 533,7 млрд. долл. был меньше, чем ВВП одной Испании, составлявший 553,2 млрд. долл., хотя общая численность арабского населения достигла 260 млн. человек и превосходила численность населения Испании (39,6 млн. человек) в 6,5 раз. Это означает, что производительность труда экономически активного населения всех арабских стран, взятого в целом, была весьма низкой по сравнению со своим аналогом даже в такой стране, как Испания, относящейся к среднеразвитым государствам Европы. Этот вывод подтверждается и при выявлении экономического места арабских стран в целом мире.

Их доля в совокупном населении земного шара в 1998 г. составляла 4,4%, а в ВВП – лишь 1,8%.

Крайняя неравномерность в распределении как имеющихся природно-ресурсных потенциалов, финансовых и людских резервов, в особенности квалифицированной рабочей силы, так и темпов экономического развития привела арабские страны к началу нового века, как указывалось, к расходящимся и даже полярным результатам, главным индикатором которых является ВВП на душу населения. Из таблицы 3 явствует, что бесспорными лидерами арабского мира, поделившими 1-е и 2-е места по этому показателю в конце истекшего века, были Катар и ОАЭ, чей ВВП на душу населения в год превысил 20 тыс. долларов, составив в Катаре 20211 долл., а в ОАЭ – 20073 долл. Тем самым по этому показателю они превысили уровень Канады (19595 долл.) и почти в два раза опередили Португалию (10922 долл.). От 5 тыс. до 15 тыс. долл. этот показатель составил в порядке возрастания в Ливане, Саудовской Аравии, Омане, Бахрейне, Кувейте.

Аутсайдерами социально-экономического развития к рубежу веков в арабском мире оказались Мавритания – 357 долл., Судан – 357 долл., Йемен – 316 долл. и Ирак – 211 долл. на душу в год. Причины такого положения в целом известны и частично были изложены выше. Если же взять полярные результаты экономического развития, в данном случае Катара и Ирака, и сопоставить их, то получится, что на одного жителя Катара приходилось в среднем столько же реальных благ, сколько на 96 иракцев, т.е. разница отмечается 100-кратная.

Несмотря на указанные различия между арабскими странами, у большинства из них отчетливо проявились и общие черты в сфере экономики на протяжении истекшего века, с которыми они вступили и в новое столетие. Эти черты сформировались и нашли свое практическое воплощение в планах их социально-экономического развития, принимавшихся и выполнявшихся на разных этапах их существования как независимых государств. Эти черты сводятся к следующему.

Во-первых, несмотря на указанные различия между арабскими странами, среди них нет практически ни одной, которая не стремилась бы разными путями поднять уровень сельскохозяйственного производства, приблизиться к самообеспечению продовольствием, а в некоторых случаях полностью прекратить его импорт.

Во-вторых, подавляющее большинство арабских стран на протяжении всего периода независимого развития стремилось и стремится развивать промышленность, придавать ей многоотраслевой характер, улучшать ее технико-экономические показатели.

В-третьих, на протяжении четырех десятилетий независимого развития большинство (15 из 20) арабских стран, став нефтепроизводителями и во многих случаях экспортерами энергоносителей, стремились максимально развить за счет этого сферу производства, социальную в производственную инфраструктуру.

В-четвертых, в планы социально-экономического развития арабских стран почти всегда включались разделы об улучшении важнейших социальных индикаторов и повышении материального благосостояния различных слоев населения. Хотя во многих случаях эти наметки не достигались, а сами планы полностью не выполнялись, налицо стремление арабских режимов проводить социальную политику в национальных интересах и в интересах самосохранения.

С социально-политической точки зрения эти режимы варьировали к рубежу веков от республиканских, в частности, президентских, до консервативных феодально-монархических, где власть передавалась и передается по наследству. Формирование органов законодательной и исполнительной власти на основе результатов демократических выборов лишь в нескольких странах, да и то с оговорками и ограничениями, предстает не правилом, а исключением. Одним из них остается конфессионально-либеральный режим Ливана с многопартийной системой и всеобщими выборами президента и других представительных органов власти. Остальные же арабские режимы отличались и отличаются сегодня друг от друга лишь разной степенью авторитаризма.

Приход к власти на рубеже веков новых лидеров в ряде значимых арабских стран дает основание полагать, что их деятельность откроет новые перспективы не только для их народов, но и для арабского мира в целом. В числе таких новых лидеров можно назвать, например, Башшара Асада в Сирии, который уже осуществил некоторые пробные шаги на пути модернизации экономического пространства в своей стране. В их числе находятся также Абдалла II в Иордании, Мухаммед VI в Марокко, который намечает превратить свою монархию в конституционную по типу испанской, премьер-министр Ливана Р.Харири, эмиры Хамад бин Иса – на Бахрейне и Хамад бин Халифа – в Катаре.

Новые перспективы перед арабским миром, несомненно, откроют меры по либерализации экономики, которые начались во многих странах региона. Эти реформы отражают неизбежное и усиливающееся воздействие таких современных тенденций мирового развития, как глобализация, информатизация, внедрение новейших технологий. Впереди других в этом отношении находится Дубай, который, по многим оценкам, уже в ближайшие годы нового века станет образцом экономического развития в арабском мире. Именно под влиянием этих тенденций на арабский мир его лидеры в наступившем веке все чаще выступают за создание межарабского экономического пространства, «общего арабского» и «общего исламского» рынков. Активизировались усилия и в рамках Лиги арабских государств по экономической интеграции входящих в нее стран. В качестве конкретных методов такой интеграции предлагаются свободное перемещение капиталов, товаров и рабочей силы, а также постепенное унифицирование таможенных тарифов.

В докладе Союза арабских банков, сессия которого проходила в августе 2000 г. в Абу-Даби, подчеркивалась настоятельная необходимость для арабских стран консолидировать свои финансовые ресурсы перед «глобальным натиском». В частности, говорилось, что совокупный банковский капитал арабского мира к рубежу веков (в 1999 г.) достиг 619,7 млрд. долл. В докладе отмечалось также, что спасение арабов состоит в образовании единого экономического организма. Путь к нему лежит через модернизацию банковского сектора, универсализацию торговых и тарифных законодательств. Однако по разным причинам создание Таможенного союза стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) тормозится, хотя именно в этой структуре следовало бы ожидать политических сдвигов в первую очередь.

Следует отметить, что и в истекшем веке не было недостатка в заявлениях о необходимости арабского экономического единства в самых разных формах. Отмечались отдельные и конкретные шаги в этом направлении. Однако достижений, кардинально меняющих ситуацию, демонстрация намерений в области интегрализма арабским странам тогда не принесла. Эти тенденции не переросли в устойчивые процессы. Так, пример Магриба продемонстрировал, что достаточно политического потрясения в виде регионального военного конфликта, чтобы интеграционные структуры, с трудом создававшиеся в течение длительного времени, сразу же рассыпались. Главными причинами отсутствия каких-либо принципиально важных результатов на пути арабской интеграции были однотипность экономик большинства арабских стран и схожесть их отраслевой структуры. Они мало чем могли дополнить друг друга и, наоборот, – выступали конкурентами на рынках третьих, в основном промышленно развитых, стран.

В новых исторических условиях наступившего века акцент смещается с общеарабской региональной на арабскую субрегиональную интеграцию, в которой участвуют не все арабские страны, а лишь некоторые, как правило, соседние, входящие в один субрегион. В качестве примера можно привести эвентуальные планы реализации идеи интеграции Сирии, Ирака, Ливана и Иордании и создания ими единого экономического пространства. Пока до конкретных мер в этом направлении далеко. Но Ирак уже поставляет остальным трем странам нефть по нефтепроводу Киркук-Баньяс на льготных условиях, получая в обмен продовольствие. Пользуясь этим, сирийцы с ноября 2000 г. стали поставлять свою нефть на экспорт. Едва ли стоило считать подобное скромное начинание проявлением интегрализма, но даже такие незначительные свершения есть соблазн выдавать за движение в сторону экономического объединения.

К числу новых тенденций в экономическом развитии следует отнести возобновление экономических связей между Ираком и ОАЭ, которые первыми из аравийских монархий рискнули нарушить воз-

душную блокаду Ирака. Размораживает торговые связи с Ираком и Саудовская Аравия.

В числе крупных межарабских проектов начала нового века, которые будут во многом определять тенденции экономического развития в ближайшие годы, можно назвать прокладку 400-километрового газопровода по дну Средиземного моря из египетского города Эль-Ариш на севере Синайского полуострова в ливанский порт Триполи, оттуда в Сирию и, возможно, в Европу, а также создание в Иордании при участии Ливии искусственной реки протяженностью 300 км.

Указанные и другие крупные проекты в случае их реализации могут способствовать росту ВВП многих арабских стран, повышению темпов роста производства и душевого дохода. Реализация же их зависит прежде всего от сохранения мира в регионе и стабильного запланированного финансирования. Пока же страны – члены ЛАГ вступили в новый век с огромной финансовой задолженностью в размере 375 млрд. долл., из которых 156 млрд. – внешняя (около 20% этой суммы составляет задолженность России), и 219 млрд. – внутрибюджетная. Такая задолженность в случае ее погашения неизбежно будет тормозить экономическое развитие арабского мира в обозримом будущем и реализацию указанных и других проектов. Будет сохраняться и дифференциация внутри региона по уровню и темпам экономического развития. В значительной мере это объясняется тем, что наибольшая часть указанной задолженности приходится именно на беднейшие арабские страны.

Сохранению дифференциации и даже поляризации внутри арабского мира будет способствовать и дальнейший рост глобального спроса на углеводородное сырье, в частности нефть. Как известно, 40% разведанных мировых запасов нефти находятся на территории стран ССАГПЗ. Поэтому именно они будут неизбежно вынуждены и далее развивать свою нефтяную промышленность. На последнем в XX в. Всемирном энергетическом форуме, состоявшемся в Эр-Рияде, в частности, отмечалось, что для того, чтобы обеспечить прогнозируемую глобальную потребность в сырой нефти в объеме 44 млн. баррелей в день, к 2010 г. страны ССАГПЗ должны будут инвестировать в нефтедобывающую промышленность 120–160 млрд. долл.

Несмотря на текущие проблемы, в целом можно полагать, что в обозримом будущем едва ли надо ожидать экстраординарных потрясений в экономической области в арабском мире, вызванных внутренними причинами.

Иное дело, когда речь заходит о социальных, демографических и природно-ресурсных факторах. Главной опасностью здесь для арабского мира будет оставаться, как и в истекшем веке, повышенное демографическое давление. Преодолеть же последствия такого давления можно лишь в том случае, если темпы роста ВВП будут опережать темпы роста населения. Последствия быстрого роста самым

негативным образом влияют на обострение продовольственной проблемы и на рост безработицы в арабском мире. Так, только в 1999 г. здесь израсходовано на импорт продовольствия 564 млн. долл., что подчеркивает крайне низкую эффективность национальных сельских хозяйств. По имеющимся оценкам, численность безработных в арабском мире к 2010 г. достигнет 133 млн. человек. Это бесспорно обострит не только социальные, но и политические проблемы для многих арабских стран и поставит под вопрос характер существующих в них режимов.

По указанным причинам сложные социальные проблемы к рубежу веков стояли в Иордании, Ливане, Марокко, Палестине, Тунисе. Еще более остро они проявились в Алжире, Египте, Сирии, Судане. Одним из наиболее ярких проявлений обострившихся социальных проблем стал разгул исламского фундаментализма и экстремизма. «Серьезнейшее положение сложилось в Алжире, где блокированы все социально-экономические и политические институты, что ускоряет погружение в нищету и влечет за собой новый подъем терроризма, а сделанные властями уступки способствуют разжиганию appetитов исламизма»¹.

Непредсказуемые сегодня последствия для социально-политического будущего арабского мира в наступившем веке будет иметь проблема водных ресурсов. Арабский регион, занимающий 9,6% поверхности земной суши, располагает менее чем 1% возобновляемых мировых запасов пресных вод и является одним из наиболее засушливых в мире. Его население обеспечено водными ресурсами в наименьшей степени по сравнению с населением других регионов мира.

Поскольку темпы роста населения опережают темпы роста вновь осваиваемых водных ресурсов, количество имеющейся воды на душу населения постоянно сокращается. В соответствии с существующими мировыми стандартами считается, что для нормального удовлетворения нужд страны объем поступающих из всех наличных источников вод должен составлять не менее 1325 куб. м в расчете на одного жителя в год. В Северной Африке, например, в наиболее благоприятном положении находится Марокко, где в начале 90-х годов на одного жителя приходилось 1185 куб. м. В Тунисе же этот показатель был в пределах 532 куб. м в год, или в 2,5 раза меньше нормы. В целом же за период 1960–1990 гг. возобновляемые ресурсы пресной воды на душу населения в год в Алжире сократились в 2,3 раза, в Ливии – почти в 3,5 раза, в Марокко – в 2,1 раза, в Тунисе – почти в 2 раза².

Постоянное увеличение спроса на воду, в частности, со стороны городского коммунального хозяйства, а также промышленности ограничивает возможности дополнительного использования водных ресурсов сельским хозяйством и неизбежно вызывает необходимость

пересмотра традиционной системы распределения воды, будь то административными методами или фискальными. О том, что потребление воды в арабских странах постоянно растет, свидетельствуют цифры, например, по Египту. Так, по данным 1997 г., суточное душевое потребление водопроводной питьевой воды в Египте возросло с 67 л. в 1982 г. до 227 л. в 1987 г., а к 2007 г. может достигнуть 636 л. В трехмиллионном Дамаске воду отключают на несколько часов в сутки. Палестинцы заявляют, что они умирают от жажды и вот уже много лет продолжают обвинять Израиль в хищении воды³.

В таких условиях сокращение расхода воды видится властям достижимым за счет повышения цен на воду, что может обеспечить сохранение водных источников и привлечение иностранных инвестиций с сопутствующими технологиями. Все арабские страны нуждаются также в уменьшении потерь воды при ее транспортировке. В противном случае сельскому хозяйству многих арабских стран неизбежно придется столкнуться с прогрессирующим опустыниванием – самым крайним выражением деградации среды обитания человека.

Возрастающий дефицит водных ресурсов может неминуемо повлечь за собой и другие отрицательные последствия – от столкновений и конфликтов между отдельными деревнями и племенами за колодцы, за места водопоя скота на берегах рек и озер до осложнения отношений между соседними странами, расположенными в регионе. Подобная борьба ведется из-за распределения вод Нила между странами его бассейна, между Ливией и ее южными и восточными соседями из-за перекачки подземных вод в Великую рукотворную реку, между Сирией, Ираком и Турцией из-за стока вод Евфрата, из-за распределения вод бассейна р.Иордан между арабскими странами, с одной стороны, и Израилем – с другой и т.д.

Наконец, самой старой проблемой, которая так и не поддалась решению на протяжении всей второй половины прошлого века, является арабо-израильский конфликт. Его дальнейший ход будет определяться рядом факторов.

Во-первых, каждое поколение политиков и высших военных стран, вовлеченных в конфликт с обеих сторон, предпринимало безуспешные попытки решить его мирными средствами или силой в свою пользу, ущемляя тем самым интересы противоположной стороны, и такая практика может иметь продолжение.

Во-вторых, с обеих сторон в каждом новом поколении и политиков, и широких масс населения определенным удельный вес составляли и составляют экстремисты, экстремистские партии, организации и другие силы, которые не признавали и не признают сегодня даже тех шагов навстречу друг другу, которые проделали умеренные политики. Они выступают с экстремистскими требованиями и за экстремистские, а, следовательно, нереалистические, пути и методы реше-

ния конфликта, что может вести лишь к его дальнейшему затягиванию.

В-третьих, огромное воздействие на ход конфликта на протяжении всей его полувековой истории оказывали позиции стран, обеспечивавших военную, экономическую и морально-политическую поддержку сторонам, противостоящим друг другу в этом конфликте. От этих трех факторов и их всевозможных комбинаций и будет зависеть дальнейшая судьба ближневосточного конфликта.

В наступившем веке арабский мир с большой степенью вероятности ожидают сохранение дифференциации в экономике, дальнейшее нарастание напряженности и возможные «взрывы» в социальной сфере в его разных странах, и полное непредсказуемости политическое будущее, и дестабилизация некоторых режимов под воздействием многочисленных внутренних и внешних обстоятельств и факторов.

1 Компас. – 2001. – № 13. – С. 71.

2 Труды XI съезда Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 2000. – Т. 4. – С. 78.

3 См.: Водный кризис на Ближнем Востоке // Новые Известия, 29.06.2001.

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ (на примере Алжира)

Прежде чем приступить к рассмотрению данной темы, необходимо определить, что собой представляет современный процесс глобализации (как один из этапов исторического развития человеческого общества), и попытаться выделить в предыдущих исторических периодах примеры попыток глобализации.

На наш взгляд, глобализация – это объединение в планетарном или, по крайней мере, в достаточно широком территориально – географическом масштабе стран и народов в единое экономическое и политико-идеологическое пространство. Такое объединение предполагает сближение различных социокультурных типов обществ, существующих в этих странах, и как конечный результат – некую цивилизационную унификацию.

На разных уровнях развития человеческой цивилизации попытки глобализации имели место как в древней и новой, так и в новейшей истории. В древней истории таким примером, по нашему мнению, является создание Римской империи, объединившей значительные, даже по сегодняшним представлениям, территории, на которых проживали различные в этноконфессиональном отношении народы. В Древнем Риме существовала единая административно – политическая система, унифицированные законы (римское право), регулировавшие хозяйственную деятельность, и был единый государственный язык. В новой истории попыткой глобализации, в определенной степени, можно считать войны, которые вела Франция после Великой французской революции, а затем наполеоновские войны, в результате которых была создана империя Наполеона Бонапарта, объединившая большую часть Европы. Создание Империи происходило на основе объединения экономического (система континентальной блокады) и политико-идеологического, то есть побежденные противники Франции (монархические режимы) заменялись республиканскими (Римская республика) или во главе их вставали представители правящей династии Бонапартов (Жозеф Бонапарт – неаполитанский король, Луи Бонапарт – король Голландии, Жером Бонапарт – король Вестфалии и т.д.). Наконец, в новейшей истории можно отметить несколько примеров попыток глобализации. Первый – создание «тысячелетнего рейха» фашистской Германии и ее союзников. Как извест-

но, конечной целью стратегических планов его руководителей являлось достижение мирового господства, предполагавшее завоевание всей Европы, СССР, США, подчинение Индии, Ближнего Востока и т.д. В данном случае основой такой глобализации являлась теория «арийского расового превосходства». Наконец, идею «мировой социалистической революции» и унификации мира по законам социализма и коммунизма также можно считать попыткой глобализации, то есть создания единого экономического и политико-идеологического пространства.

В этой связи нельзя не отметить современный феномен – подъем исламского фундаментализма, так называемое исламское возрождение (*нахда ислямийя*), происходившее в целом ряде мусульманских государств в конце 80-х – начале 90-х годов. В достаточной степени этот феномен также можно определить как своеобразную попытку «исламской» глобализации. Идеологи исламского фундаментализма и лидеры сформировавшихся в этих странах исламистских партий и движений ставили своей целью создание исламского государства на принципах и морально-этических нормах, определенных Кораном, каковые, по их мнению, являются вечными и непреходящими ценностями и приемлемы для всех времен и всех народов. Например, египетский профессор Хусейн Мунис в своей книге «Религия и развитие арабской цивилизации» утверждал: «Ислам универсален по отношению к любому времени и месту, исламские доктрины и этические нормы являются мощным стимулом развития в любую эпоху»¹. Практически воплотить в жизнь эти мессианские идеи пытался, в частности, один из наиболее известных суданских идеологов исламского фундаментализма Хасан ат-Тураби. По его инициативе в 1993 г. на встрече представителей исламских организаций Алжира, Судана, Египта, Туниса, Палестинской автономии и некоторых других арабских и африканских стран было принято решение о создании «Исламского интернационала», в задачи которого должно входить оказание взаимопомощи и координация деятельности его участников².

Современный процесс глобализации отличается ото всех вышеперечисленных примеров своим поистине общепланетарным масштабом. Это прежде всего касается характера нынешних международных экономических отношений и уровня развития производительных сил, обеспечивших впечатляющий технический прогресс, в частности, в таких областях, как транспорт, средства связи, спутниковое телевидение, компьютеризация, развитие всемирной сети Интернета, позволяющее в считанные секунды производить тысячи деловых и коммерческих операций, перемещение капитала, предоставляющее неограниченные возможности общения и получения огромного объема информации. Эта грандиозная научно-техническая революция за каких-то два – три десятилетия коренным образом изменила мир, как

бы уменьшила размеры нашей планеты и сделала глобализацию, сближение различных народов насущной необходимостью, объективно – историческим процессом. Тем не менее современная глобализация имеет далеко неоднозначный характер. Сосредоточение огромных производственно-финансовых ресурсов в руках ТНК (транснациональных корпораций) делает их поистине всемогущими властителями мира, в результате чего национальные правительства постепенно теряют свой суверенитет и утрачивают контроль над развитием финансово-экономической ситуации на рынках своих стран. Направление такого развития все в большей степени диктуются международными банковско-финансовыми структурами – такими, как Международный валютный фонд, Международная торговая организация, Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития и др. Решения, принимаемые этими организациями по различным вопросам мировой экономики, естественно, учитывают главным образом свои собственные интересы и интересы ТНК (руководство и владельцы которых являются в основном представителями стран Большой восьмерки, прежде всего США) и зачастую противоречат интересам работников тех или иных отраслей экономики конкретных стран. Этим, кроме всего прочего, объясняются массовые протесты противников глобализации во время проведения саммитов стран Большой восьмерки. Названная проблема не является единственной, которую ставит перед мировым сообществом процесс глобализации.

Другой, не менее важной проблемой является интеграция в этот процесс развивающихся стран на адекватных условиях, учитывающих интересы **их** народов, которые, как известно, составляют большинство современного человечества. В этой связи у многих руководителей этих стран вызывает беспокойство тот факт, что в результате процесса глобализации развивающиеся государства все в большей степени превращаются в бесправные объекты ее воздействия. Такая озабоченность прозвучала в выступлении на саммите тысячелетия, проходившем в ООН с 6 по 8 сентября 2000 г., президента Алжира Абд аль-Азиза Бутефлики, в котором он, в частности, сказал: «Глобализация уже не зависит от нашей воли. В мире все большую силу набирает тенденция дегуманизации, и это беспокоит все развивающиеся страны. Будет ли услышан наш голос при принятии решений, от которых зависит наше будущее или мы попадем в систему завуалированного рабства, где наши страны окажутся лишь объектами глобальных планов, в которых интересы наших народов будут иметь второстепенное значение»³. Свою озабоченность, хотя и несколько другого плана, высказывают и наиболее ответственные руководители вышеупомянутых международных финансовых структур. В интервью французскому журналу «Экспресс» президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон заявил: «В настоящее время 3 млрд. людей на нашей планете, проживающих в наименее развитых государствах Азии, Африки и Латинской Америки,

имеют ежедневный доход менее 2 американских долларов. В то же время 20 % всех стран мира (примерно 40 государств) обладают 80 % всех богатств нашей планеты. Такая диспропорция таит в себе серьезную опасность для мирового сообщества. Проблемы бедных стран в результате эмиграции, легальной и нелегальной, могут стать таковыми и для наиболее развитых государств. Несправедливый мир является нестабильным миром»⁴.

Вопрос интеграции развивающихся стран в процесс глобализации, безусловно, является многогранным и включает в себе множество аспектов. В данной работе мы попытаемся на примере современной ситуации в Алжире рассмотреть в основном социально-экономическую и гуманитарную составляющие этой проблемы. Прежде всего необходимо отметить, что новый руководитель Алжира Абдаль-Азиз Бутефлика с момента своего избрания президентом в апреле 1999 г. не видел для страны иной альтернативы, кроме интеграции в мировой процесс глобализации с сохранением вместе с тем его исторических корней и национально-культурных особенностей. В своей речи по случаю вступления в должность Президента он заявил: «Алжир обязан обеспечить себе возможность интегрироваться в эту новую схему международных экономических отношений и подняться до уровня требований глобализации, сохраняя при этом свою индивидуальность и свои национальные интересы. В первую очередь существует необходимость адаптации образовательной системы с тем, чтобы она была больше повернута к миру и его эволюционным процессам. Та же потребность в развитии и умении адаптироваться ощущается в сфере экономической деятельности»⁵.

Реализация этих планов в определенной степени осуществляется. Разработан проект реформы системы образования, предполагающий, в частности, изучение иностранных языков уже в начальной школе. В октябре 2000 г. Национальная народная Ассамблея (нижняя палата алжирского парламента) приняла экономическую программу, предусматривающую ускоренную приватизацию и активное привлечение иностранных инвестиций. Данная программа является ключевым пунктом мероприятий, направленных на переход к рыночной системе функционирования алжирской экономики, которая характеризуется в настоящее время наличием трех секторов: государственного, частного и так называемого неофициального. Государственный сектор состоит из предприятий, входящих в шесть национальных и пять региональных холдингов (временные промышленно-финансовые структуры, созданные для подготовки государственных предприятий к приватизации), которые создают примерно 50% алжирского ВВП. Частный сектор, представленный, согласно статистическим данным Всемирного банка, 728 тысячами малых и средних предприятий, дает около 40-45% ВВП. Наконец, неофициальный сектор (мелкие частные предприятия и торговые точки, не зарегистрированные официально) явля-

ется, тем не менее, важной частью алжирской экономики, так как он предоставляет работу примерно 1,4 млн. алжирцев, которые составляют около четверти активного населения страны⁶.

Экономическая программа, предусматривающая, кроме всего прочего, демонтаж холдингов и реструктуризацию и приватизацию входящих в них государственных предприятий, была разработана правительственной комиссией, сформированной новым премьер-министром Али Бенфли. Он является самым ближайшим соратником президента Бутефлика, а также известен в Алжире тем, что будучи министром юстиции в правительстве президента Шадли Бенджедиды, отказался юридически подтвердить решение о массовых репрессиях против активистов Исламского фронта спасения. В последствии, будучи смещенным с этого поста, он стал одним из основателей алжирской Лиги защиты прав человека. Прежний премьер-министр Ахмед Бенбитур, ушедший в отставку в соответствии с указом президента, пытался сохранить государственные холдинги под своим руководством, что сосредотачивало бы в его руках значительные финансово-экономические рычаги для влияния на политику страны. Экономическую программу, назначение Али Бенфли новым премьер-министром, а также изменения в составе правительства, которое теперь многие алжирские и иностранные обозреватели называют «президентским», поддержало большинство партий, входящих в правительственную коалицию. Многие алжирцы видят в таком усилении президентской власти позитивный момент, так как это позволит продолжить борьбу с так называемой «финансово-политической мафией», то есть с теми, кого в Алжире называют «магнатами импорта – импорта», которых А. Бутефлика не раз обвинял в «использовании экономических реформ для своего собственного обогащения незаконным путем»⁷. Представители этих кланов, как правило, обладающих широкими связями с правительственными чиновниками, получали от государственных органов (иногда за счет этих связей или прямой взятки) право проводить операции по импорту наиболее востребованной в Алжире продукции (продовольствие, медикаменты, строительные материалы, автомобили, бытовая электротехника и т.д.). В результате таких операций они получали огромные прибыли (до 8 млрд. франков в год)⁸. К этой же категории дельцов Бутефлика отнес и некоторых новых землевладельцев и владельцев недвижимости, получивших ее в результате сомнительных сделок, произведенных в период наиболее острого вооруженного противостояния в Алжире в середине 90-х годов.

В то время зачастую использовались мафиозные методы устранения конкурентов – террористические акты, вина за которые впоследствии возлагалась на исламистских боевиков. Данная социальная группа, естественно, не заинтересована ни в укреплении президентской власти, ни в оздоровлении алжирской экономики, так как возрождение национальных предприятий, способных производить

товары, которые в настоящее время импортируются, лишает таких дельцов их прибылей. Стремясь сохранить свои интересы, группы дельцов используют свое влияние в различных политических группировках для критики президентской власти и дискредитации ее курса. Кроме того, некоторые алжирские политики из легальной исламистской оппозиции, а также те, кто представляет как правый, так и левый спектр алжирского политического истеблишмента, также подвергают критике экономическую программу и курс президента, определенный принятым законом «О восстановлении национального согласия». Этот закон одобрено в результате всеобщего референдума 16 сентября 1999 г. подавляющее большинство алжирцев (свыше 98%).

Наиболее непримиримым оппонентом проводимого курса и лично президента Бутефлики со стороны право – либеральных кругов является Сид Ахмед Гозали, бывший премьер-министр в правительстве президента Шадли Бенджедида. Он заявляет о провале президентского плана национального примирения, так как террористические акты продолжают продолжаться. А.Гозали приводит совершенно фантастические цифры о нынешнем числе боевиков в рядах Вооруженных исламских групп (до 50 тыс., между тем как официальные источники говорят о 2–2,5 тыс. чел.). Ахмед Гозали пытается создать свою собственную политическую партию «Демократический фронт», но пока еще не получил разрешения властей на ее официальную регистрацию⁹. В то же время бывший премьер обладает определенными связями в алжирских деловых кругах, а также за рубежом, в частности, во Франции, где имеет имидж либерального реформатора, и его интервью транслируются по французскому радио и телевидению. В Алжире же многие считают, что Ахмед Гозали несет определенную часть ответственности за политический кризис 1991–1992 годов, приведший к многолетнему кровопролитному вооруженному противостоянию.

Что касается легальных исламистских партий, то они, ссылаясь на текст Конституции, где говорится об исламе и арабском языке как об «основных составляющих самоидентификации алжирской нации»¹⁰, заявляют о необходимости усиления процесса арабизации. Они же пытаются добиться от президентской администрации отказа от проекта закона о введении изучения иностранных языков в начальной школе. В этом вопросе с ними солидаризируются наиболее консервативные политики из Фронта национального освобождения и Национально-демократического объединения. Курс президента подвергается ожесточенной критике со стороны левой оппозиции. Хашеми Шериф, один из лидеров Партии социалистического авангарда, наследницы бывшей Алжирской коммунистической партии, утверждает, что закон «О восстановлении национального согласия» практически освобождает от уголовного преследования всех добровольно сложивших оружие исламистских боевиков, так как до настоящего времени ни один из них не прошел судебного разбиратель-

ства, хотя закон это предписывает. На митинге сторонников своей партии в Оране Хашеми Шериф заявил, что «Бутефлика обслуживает интересы террористов.»¹¹ С критикой правительственной экономической программы выступила Луиза Ханун, лидер Партии трудящихся (троцкистского толка), объявив планы ускоренной приватизации государственных предприятий «распродажей народного достояния»¹². К этой критике присоединились и некоторые руководители Фронта социалистических сил. В свою очередь, Генеральный секретарь Всеобщего союза алжирских трудящихся (самое крупное алжирское профсоюзное объединение) Абд аль-Маджид Сиди Сайд высказал свою озабоченность по поводу приватизации и реструктуризации государственных предприятий, что может привести к массовым увольнениям. Тем не менее после его личной встречи с премьер-министром Али Бенфли было достигнуто соглашение, в соответствии с которым в процессе принятия конкретных решений о реструктуризации крупных предприятий будут проводиться консультации с профсоюзами.

Политическая борьба происходит на фоне достаточно сложной социально-экономической ситуации в Алжире. Продолжается демографический рост (1,6% в год), который опережает рост экономический. В настоящее время больше половины населения страны составляют молодые люди в возрасте до 25 лет (57% алжирцев родились после 1976 г.)¹³. Именно эта категория населения больше всего страдает от безработицы, которая достигает 30%, и от острого жилищного кризиса (по данным МВФ, в 1998 г. в Алжире на одну единицу жилья приходилось от 7 до 12 человек)¹⁴. Уровень жизни большинства алжирцев остается достаточно низким. Согласно данным отчета французского сенатора Мишеля Шарасса, совершившего ознакомительную поездку в Алжир в октябре 2000 г. в составе делегации французской неправительственной организации – Фонда общественной помощи развивающимся странам (APD), ВВП Алжира в пересчете на каждого жителя за десять лет сократился вдвое и составил соответственно 1550 американских долларов в 1999 г. против 3524 в 1990 г.¹⁵ В то же время современная экономика Алжира в основном продолжает базироваться на «нефтяной ренте». Так, по данным отчета М.Шарасса, в 1999 г. доходы от экспорта энергоносителей достигали 97% от всей экспортной выручки и, соответственно, составили 55% суммы бюджетных поступлений и 25% ВВП¹⁶. В то же время области алжирской экономики, не обслуживающие нефтегазовый комплекс, в значительной степени находятся в состоянии стагнации. Такая структура хозяйствования предполагает для Алжира только один путь – интеграцию в глобализованную мировую экономику в качестве ее сырьевого придатка. В этом случае плоды интеграции в основном достанутся относительно узкому слою населения, приобщенному к экспорту энергоресурсов и все тем же магнатам «импорт – импорт».

Вместе с тем уровень жизни значительной части населения будет оставаться достаточно низким.

В то же время эти обездоленные социальные слои, имея возможность наблюдать другое качество жизни (например, по телевидению), будут чувствовать себя изгоями глобализации. Такое положение, естественно, провоцирует в обществе социальную напряженность. Примером такого рода развития ситуации могут служить массовые выступления в Кабилии в мае 2001 г. (в манифестации в столице Кабилии г. Тизи-Узу участвовало около 500 тыс. человек), переросшие в кровавые столкновения протестующей молодежи с жандармерией (по официальным данным, до 50 убитых манифестантов), и двухсоттысячная демонстрация в их поддержку в г. Алжире¹⁷. Поводом для них послужили требования берберского населения иметь свою национально-культурную самоидентификацию, а также признания амазигского (берберского) языка в качестве второго государственного. Вместе с тем глубинные причины этих выступлений коренятся в нерешенности все тех же социально-экономических проблем: дороговизна жизни, недостаток жилья, рост безработицы. В Кабилии к этому добавились еще, как было отмечено в заключении независимой комиссии по расследованию причин беспорядков, «проявления социальной несправедливости, произвол властей, в частности руководства жандармерией, и их отказ в признании права кабиллов на национальную самоидентификацию»¹⁸.

Необходимо отдать должное президенту А. Бутефлике, который в своем обращении к нации признал серьезность происшедших событий, назначил независимую комиссию для расследования причин столкновений, пообещал привлечь к ответственности виновных в гибели людей и, кроме того, заявил, что «вопрос о кабилльской самоидентификации и языке амазиг будет принят во внимание в рамках будущих конституционных реформ»¹⁹. В то же время нельзя не отметить, что события в Кабилии прозвучали тревожным сигналом для алжирского руководства. Во-первых, такого массового протеста с таким количеством жертв при столкновениях с силами правопорядка Алжир не знал со времен грандиозных митингов сторонников Исламского фронта спасения в начале 90-х годов и, во-вторых, эти события свидетельствуют об относительном падении кредита доверия со стороны населения к правительству А. Бутефлики и к нему лично.

Анализируя современную внутривнутриполитическую обстановку в Алжире, нельзя не отметить и продолжающееся вооруженное противостояние сил правопорядка с непримиримой исламистской оппозицией, представленной в основном Вооруженными исламскими группами (Джама'ат ислямийя мусалляха). Алжирские официальные власти называют это противостояние «остаточным терроризмом» и утверждают, что «незначительные вооруженные акции исламистских террористов имеют место только в удаленных от городов районах, в то

время как на большей части территории страны обстановка стабилизируется и восстанавливается нормальная жизнь»²⁰. Конечно, уровень сегодняшнего противостояния гораздо ниже, чем в середине 90-х годов, когда в Алжире, в сущности, шла гражданская война. Тем не менее за январь и февраль 2001 г. от рук террористов погибло около 500 гражданских лиц, военнослужащих правоохранительных сил и бойцов отрядов самообороны²¹. О продолжающей существовать угрозе со стороны радикальных исламистов пишет в своем отчете французский сенатор Мишель Шарасс. Он утверждает, что «несмотря на усиления местных властей и относительное улучшение обстановки, восстановление безопасности и нормальной жизни в Алжире пока еще нельзя признать необратимым»²².

Необходимо отметить, что несмотря на все переживаемые Алжиром трудности, его нынешнее руководство считает, что страна может адаптироваться к процессу глобализации и не обязательно только в качестве сырьевого донора. А. Бутефлика в одном из своих выступлений подчеркивал, что «в мире быстрых перемен и стремительного технического прогресса Алжир обязан обеспечить себе возможность интегрироваться в это всеобщее движение. В качестве приоритета необходимо создать благоприятную почву для реализации творческих и созидательных возможностей нашего народа, обеспечить развитие частных инвестиций и их ориентацию в производительные сферы, на освоение новых пространств в сельском хозяйстве и его модернизацию с тем, чтобы покончить с неприемлемой для нас зависимостью от экспорта энергетических ресурсов и избежать того, чтобы новая схема международных экономических отношений лишила бы нас сначала шансов на прогресс, а затем и своей национальной самобытности и независимости»²³. Для того, чтобы добиться эффективного для Алжира варианта интеграции в процесс глобализации необходим очень точный и строгий экономический и политический расчет, учитывающий, с одной стороны, необходимость создания благоприятного внутривнутриполитического климата с тем, чтобы привлечь частные иностранные и национальные инвестиции для модернизации и развития на современном научно-техническом уровне алжирской экономики.

С другой стороны, чтобы поддерживать такую благоприятную внутреннюю обстановку в стране, необходимо обеспечить достаточный прожиточный минимум для населения, предполагающий, в том числе, приемлемый уровень образования, медицинского обслуживания и т. д. Такие условия, в свою очередь, возможно создать при наличии в распоряжении государства достаточных средств. Решение этой задачи, кроме всего прочего, расширяет социальную базу, на поддержку которой может опираться руководство страны. Такая экономическая структура, предполагающая получение необходимых средств, в определенной степени создается.

В частности, благодаря участию Алжира в рамках регионального объединения Союза арабского Магриба (САМ) в реализации совместных проектов сотрудничества со странами Европейского союза (ЕС) Европейское сообщество финансировало осуществление трех крупных проектов: завершение строительства автомагистрали и железной дороги через Гибралтар и строительство газопровода через территорию Марокко и Гибралтарский пролив, по которому алжирский газ (до 17 млрд. куб. м в год)²⁴ будет подаваться в Европу.

В последнее время внешнеэкономические отношения ЕС со странами Магриба, в том числе и Алжиром, претерпевают определенные изменения. Если раньше в них преобладал традиционный обмен готовой промышленной продукции европейских стран на сырье и сельскохозяйственные продукты государств Магриба, то в настоящее время расширяется такая форма сотрудничества, как «долгосрочные встречные поставки» компаниям – потребителям в рамках кредитно-компенсационных соглашений. Такие соглашения предусматривают предоставление иностранной стороной долгосрочных кредитов с их последующим погашением поставками продукции предприятий, построенных за счет этих кредитов. Планируется также участие иностранных компаний-кредиторов в капитале смешанных фирм, в которых согласно конкретной договоренности, контрольный пакет акций или их часть может принадлежать государству, в данном случае Алжиру. Кроме сотрудничества с ЕС, алжирское руководство возлагает определенные надежды на расширение экономических связей с арабскими странами и на привлечение их инвестиций в Алжир. Такая направленность является традиционной для Алжира еще с того периода, когда Абд аль-Азиз Бутефлика, возглавлявший в 70-е годы министерство иностранных дел, многое сделал для укрепления арабской солидарности. Назначение в конце 2000 г. новым министром иностранных дел Абд аль-Азиза Белькадема, имеющего широкие связи в правительственных кругах государств Персидского залива, многие обозреватели объясняют именно таким «арабским вектором» в алжирской внешней политике.

Современный процесс глобализации – явление сложное и многогранное. Одним из важных его аспектов является постепенное формирование неких общечеловеческих гуманитарных основ: культурологических, идеологических, морально-этических, на базе которых будет происходить сближение наций и народов, принадлежащих к разным цивилизациям и имеющих различную историю, традиции и культуру. Каковы будут эти основы, приемлемые для большинства народов мира? Сегодня на этот вопрос ответить довольно сложно. Тем более, что в последнее время прослеживается тенденция доминирования одной из ныне существующих мировых цивилизаций и, в частности, одной оставшейся в мире сверхдержавы. Иными словами,

происходит некая «американизация» глобализации, опирающаяся на финансово-экономическую мощь ТНК. Такая тенденция вызывает неоднозначную реакцию как в развивающихся странах, так и в Европе. Французский журнал «Ле Пуан» приводит следующие доводы французских сторонников и противников такой глобализации. Первые заявляют, что «в результате глобализации исчезнут границы, а вместе с ними тоталитарные режимы и проявления национализма, будет покончено с бедностью, нищетой, региональными вооруженными конфликтами и родится мировая суперкультура. Вторые утверждают, что глобализация приведет к жесткой конкурентной борьбе между народами, массовому сокращению рабочих мест, глобализация сделает сильные нации еще сильнее, а слабые еще слабее, уничтожит национальные культуры и унифицирует образ жизни под воздействием американизации»²⁵.

Французские противники такой модели глобализации, представленные в основном партией «зеленых» и движением фермеров под руководством Жозефа Бовэ, одного из лидеров Конфедерации французских фермеров, действуют довольно активно. Так, во французском городе Кэвер сторонники Жозефа Бовэ пытались разрушить ресторан Макдональдс²⁶. В свою очередь, выражая мнение многих лидеров развивающихся стран, присутствовавших на саммите тысячелетия, А. Бутефлика высказал обеспокоенность тем, что «значительная часть человечества, проживающая в развивающихся странах, будет все в большей степени маргинализироваться при продолжении тенденции развития мирового сообщества, основанной исключительно на принципах материальной выгоды», и выразил надежду на то, что «в будущем мире достоинство человека не будет определяться только имеющимся у него количеством долларов»²⁷.

В этой связи подъем исламского фундаментализма (ни в коей мере не оправдывая его радикальных проявлений) в определенной степени можно определить как своеобразную реакцию части мусульманского общества в ответ на имплантацию чуждых его культуре и традициям социально-политических моделей, ценностей и образа жизни. Это в равной степени касается как исламской революции в Иране, направленной, в основном, против шахской политики «вестернизации», так и массовой поддержки алжирцами на выборах в начале 90-х годов Исламского фронта спасения и его лозунга о создании «исламского государства» в Алжире. Алжирские исламисты умело использовали стихийный протест неимущих слоев населения, направленный как против дискредитировавшего себя режима партии ФНО (Фронт национального освобождения), так и против тех деформированных форм, которые зачастую принимал процесс демократизации и перехода к рыночной экономике, объективно необходимый алжирскому обществу для приобщения к общемировой тенденции

развития. Тем не менее такие деформации в конкретных алжирских реалиях приводили к обогащению социальной прослойки, близкой к элите прежнего режима, и в то же время к снижению жизненного уровня основной массы населения.

В заключение хотелось бы отметить, что мировой процесс глобализации, на наш взгляд, является объективной закономерностью и при определенных условиях действительно сможет решить многие современные проблемы – такие, как ликвидация нищеты, неграмотности, болезней, поддержание экологического равновесия. Он сможет покончить с проявлениями национализма, религиозного фанатизма, региональными конфликтами. Перечисленные проблемы в основном касаются развивающихся стран, в том числе Алжира. В этой связи совершенно очевидно, что своевременная адаптация экономической и социально-политической структуры развивающихся стран для адекватной интеграции в мировой процесс глобализации является их насущной необходимостью, несмотря на все сложности, связанные с такой адаптацией. Вместе с тем успех глобализации, который предполагает, что ее плодами воспользуются все нации, возможен, во-первых, при условии «отказа богатых стран от своего регионального эгоизма» и изменения ситуации, когда, по словам президента Всемирного банка Джеймса Вулфенсона, «к сожалению, многие лидеры самых развитых государств больше озабочены очередными выборами, чем перспективой будущего развития как своих стран, так и всей планеты»²⁸. Во-вторых, такой успех, как уже отмечалось выше, обусловлен созданием определенных общечеловеческих морально-этических и гуманитарных основ, которые способствовали бы сближению и взаимопониманию различных по своей культуре народов.

В этом плане достаточно позитивными выглядят исследования независимых, неправительственных международных организаций. Так, Римский клуб предлагает направить усилия международного сообщества на «формирование «целостной человеческой личности», альтернативной современному «экономическому человеку» и «обществу потребления». Такая целостная личность самоориентируется не столько на удовлетворении материальных потребностей, ибо на базисном уровне они полностью удовлетворены, сколько на раскрытии человеческого потенциала и саморазвитии индивидуальности»²⁹. Общество рассматривается как эколого-гуманистическая цивилизация, в рамках которой сохраняются, восстанавливаются и развиваются природно-культурные ценности всех наций, входящих в данную цивилизацию. Конечно, создание такого общества – вопрос будущего. Тем не менее и в процессе современной глобализации, а именно – в формировании его гуманитарных основ должно быть использовано культурное наследие всех цивилизационных потоков человечества, что, безусловно, обогатит каждый народ и мировое сообщество в целом.

¹ Цит. по: Hani A. Faris. Heritage and Ideologies in Contemporary Arab Thought: Contrasting Views of Change and Development. – Journal of Asian and African Studies. – Leiden, 1986. – Vol. 21. – № 1–2. – С. 91.

² К. И. Поляков. Хасан ат-Тураби: во главе исламских фундаменталистов в Судане // Ближний Восток и современность. Вып. VII. – М., 1999. – С. 104.

³ Le Nouvel Afrique Asie. – Octobre 2000. – № 133. – С. 27.

⁴ L'EXPRESS, 12.10./2000. – С. 28.

⁵ Речь г-на Абд аль-Азиза Бутефлики по случаю его вступления в должность президента Алжирской Народной Демократической Республики. – Алжир. 27 апреля 1999 г. Бюллетень посольства АНДР в Москве. – С. 4.

⁶ Jeune Afrique. /L'Intelligent. – Du 22 au 28 Mai 2001. – № 2106. – С. 81.

⁷ Le Nouvel Afrique Asie. – Octobre 2000. – № 133. – С. 24.

⁸ Le Nouvel Afrique Asie. – Fevrier 2001. – № 137. – С. 30.

⁹ L'EXPRESS, 30.11.2000. – С. 31.

¹⁰ Ад-дустур. Аль-джумхурия аль-джазаирийя ад-димукратийя аш-ша'абийя. Истифта'а 28 нумфумбир 1996. Визарату ль-адль. 1998 (Конституция Алжирской Народной демократической Республики. Референдум 28 ноября 1996 г. Министерство юстиции). – Алжир, 1998. – С. 3.

¹¹ Le Nouvel Afrique Asie. – Fevrier 2001. – № 137. – С. 30.

¹² Jeune Afrique/L'Intelligent. № 2072 du 26 septembre au 2 octobre 2000. – С. 44.

¹³ L'EXPRESS, 21.6.2001. – С. 30.

¹⁴ International Monetary Fund. Algeria: Stabilisation and Transition to the Market. – Washington. D.C., 1998. – С. 4, 49.

¹⁵ Jeune Afrique./L'Intelligent. № 2106 du 22 au 28 mai 2001. – С. 81.

¹⁶ Op.cit., с. 81.

¹⁷ JeuneAfrique./L'Intelligent. № 2108 du 5 au 11 juin 2001. – С. 13.

¹⁸ Jeune Afrique./L'Intelligent. № 2107 du 29 mai au 4 juin 2001. – С. 33.

¹⁹ Jeune Afrique./L'Intelligent. № 2108 du 5 au 11 juin 2001. – С. 14.

²⁰ Le Nouvel Afrique Asie. – Octobre 2000. – № 133 – С. 25.

²¹ Jeune Afrique./L'Intelligent. № 2096 du 13 au 19 Mars 2001. – С. 78.

²² Jeune Afrique./L'Intelligent. № 2106 du 22 au 28 Mai 2001. – С. 81.

²³ Речь г-на Абд аль-Азиза Бутефлики по случаю его вступления в должность президента Алжирской Народной Демократической Республики. – Алжир. 27 апреля 1999 г. – Бюллетень посольства АНДР в Москве. – С. 4–5.

²⁴ Смирнова Г.И. Создание Союза арабского Магриба – новой политико-экономической структуры и перспективы его отношений с ЕС. // Арабский сборник. – М., 1999. – С. 47.

²⁵ Le Point. 23 juin 2000. – Numero 1449. – С. 59.

²⁶ Ibid., с. 59.

²⁷ Le Nouvel Afrique Asie. – Octobre 2000. – № 133. – С. 28.

²⁸ L'EXPRESS, 12.10.2000. – С. 29.

²⁹ Дрейер О.К., Лось Б.В., Лось В.А. Глобальная проблематика и Римский клуб. – М., 1997. – С. 19.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – ОПАСНЕЙШИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Международный терроризм, безусловно, относится к числу наиболее опасных вызовов и угроз современности. Беспрецедентные террористические атаки, которым подверглись США 11 сентября 2001 г., подтвердили это. По предварительным данным, пострадали тысячи, если не десятки тысяч человек. Экономические потери, которые, конечно, нельзя сопоставить с гуманитарным измерением, еще предстоит подсчитать. Помимо прямого экономического ущерба, теракты вызвали колебания на ведущих мировых биржах.

Имевшие место в последние годы террористические акции показали, что методы и способы действия террористов стали изощреннее. Подключаются все более совершенные технические средства, используются новейшие достижения для организационно-технического обеспечения, осуществляется масштабная финансовая подпитка подготовки и проведения террористических операций. Особую угрозу представляют попытки террористов получить доступ к химическому, биологическому оружию. Между тем в условиях глобализации, быстрого перемещения капитала, электронных транзакций контроль за финансовыми потоками и отслеживание средств, используемых террористами, становятся все более сложным делом.

Следующий краткий и далеко не полный перечень проведенных за десять с небольшим лет терактов против США дает определенное представление о масштабе и росте террористической активности, не только против этого государства, но и вообще:

– декабрь 1988 г. – крушение пассажирского авиалайнера Boeing-747 компании Pan American World Airways в результате взрыва бомбы на борту. Погибли 270 человек;

– февраль 1993 г. – подрыв фургона, оставленного между двумя небоскребами World Trade Center в Нью-Йорке. В результате взрыва погибли 6 человек и более 100 были ранены;

– ноябрь 1995 г. – нападение на американский военный центр в Эр-Рияде. Погибли 7 человек, пятеро из них – американцы;

– июнь 1996 г. – взрыв на американской военной базе Хобар в Саудовской Аравии. Погибли 19 американских военнослужащих, свыше 400 человек ранены;

– август 1998 г. – теракты против посольств США в Найроби и Дар эс-Саламе, в результате которых погибли 224 человека, в том числе 12 американцев;

– октябрь 2000 г. – теракт против американского эсминца Cole, находившегося на рейде в порту Адена. Погибли 17 моряков, 39 ранены.

Размах террористических действий и их характер дают основания говорить о формировании своего рода «террористического интернационала». К его основным признакам можно отнести: участие в подготовке акций нескольких достаточно мобильных групп; разветвленные связи террористов, простирающиеся далеко за пределы какого-либо конкретного региона; использование новейших достижений научно-технического прогресса; осуществление руководства подготовкой и проведением терактов из одного или нескольких центров.

В опубликованном 30 апреля 2001 г. докладе (за 2000 год) Госдепартамента США «Тенденции глобального терроризма» подчеркивается, что терроризм по-прежнему представляет серьезную угрозу для международного сообщества и безопасности США. Фиксируется рост совершенных в 2000 г. терактов (на 8% по сравнению с 1999 г.), в том числе имеющих антиамериканскую направленность, а также числа пострадавших.

Нет сомнений в том, что за последние годы центр международного терроризма переместился на контролируемые Движением талибов территории в Афганистане. Именно отсюда руководил своими сторонниками «террорист №1» – Усама бен Ладен, возглавляющий группировку «Аль-Каида» и подозреваемый в причастности к большинству из упомянутых терактов, в том числе к нападениям на объекты в США 11 сентября. «Аль-Каида» установила контакты с рядом террористических организаций и групп, включая Исламское движение Узбекистана, и действовавшими в Чечне и Дагестане экстремистскими формированиями. На контролируемых талибами территориях были созданы лагеря по подготовке террористов, в которых проходили обучение экстремисты из Чечни, Ливана, Косово, Алжира, Кашмира.

Более того, как сообщалось в СМИ, лидер афганского Движения талибов (ДТ) М.Омар в августе 2001 г. назначил У.бен Ладена главным командующим вооруженными формированиями талибов в Афганистане. Заместителем У.Бен Ладена был выдвинут Дж.Намангани, печально известный вооруженными вылазками в Баткенском районе Киргизии. Своей основной целью Намангани ставит создание государства по типу талибского режима на территории Центральной Азии. Интегрирование лидеров международных террористов во властные структуры ДТ, неприкрытая подготовка ими плацдарма для экспансии воинствующего экстремизма и сепаратизма далеко за пределы региона свидетельствуют о фактически новом измерении террористической угрозы.

Для обеспечения своих нужд ДТ активно использует доходы от наркотрафика. Несмотря на оказываемое в этом контексте давление извне на ДТ, в том числе через Пакистан, производство опиума-сырца по-прежнему достигает значительных объемов. Продолжают действовать подпольные лаборатории по производству опаснейшего наркотика – героина. Особую опасность представляет и то, что большинство маршрутов доставки героина в Европу и Америку проходит через центральноазиатские государства, угрожая тем самым и России. Не исключено, что часть транзитного «товара» оседает в России.

Эффективная борьба с терроризмом требует постоянного совершенствования усилий, тесной координации действий международного сообщества. Примером тому может служить деятельность созданной по решению президентов России и США в июне 2000 г. российско-американской Рабочей группы по противодействию угрозам, исходящим из Афганистана. За прошедшее время Группа стала важным механизмом согласования и координации действий России и США в широком контексте борьбы с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, которые непосредственно затрагивают интересы как наших стран, так и мирового сообщества в целом. 19 декабря 2000 г. СБ ООН большинством голосов одобрил внесенную США и Россией резолюцию 1333 по Афганистану, вводящую с 19 января 2001 г. дополнительных санкций в отношении ДТ.

Новый набор санкций предусматривает одностороннее военное эмбарго в отношении талибов, замораживание средств и других финансовых активов У.бен Ладена, а также связанных с ним установленных физических и юридических лиц, запрет на полеты иностранных самолетов на территорию Афганистана, контролируруемую ДТ (за исключением отдельных разрешений Комитета по санкциям ООН), закрытие отделений и представительств ДТ, включая все отделения авиакомпании «Ариана», в зарубежных странах. Запрещены поставки талибам субстанций, используемых для производства наркотических веществ. Содержится призыв к странам, поддерживающим дипотношения с ДТ, к сокращению числа и уровня сотрудников представительств талибов. В резолюции выдвигается требование к ДТ прекратить предоставлять убежище международным террористам, выдать без промедления У.бен Ладена, принять меры к закрытию всех лагерей по подготовке террористов на территории, находящейся под контролем ДТ.

Россия и США также выступили инициаторами принятия Советом Безопасности ООН 30 июля 2001 г. резолюции 1363 о создании мониторингового механизма за осуществлением санкций, введенных резолюциями 1267 и 1333 СБ ООН. В задачи создаваемого механизма входят сбор, оценка и проверка сообщений о нарушениях санкционного режима в отношении талибов, а также оказание содействия государствам, граничащим с находящимися под контролем ДТ районами Афганистана.

Россия незамедлительно выступила с решительным осуждением беспрецедентных актов агрессии, с которыми столкнулись США. Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем заявлении отметил, что эти события выходят за рамки национальных границ, и подчеркнул актуальность предложения России объединить усилия мирового сообщества в борьбе с терроризмом (еще в ноябре 2000 г. Россия выступила на 55-й сессии Генассамблеи ООН с предложением о создании коллективного фронта для борьбы с международным терроризмом).

По инициативе США Советом Безопасности ООН 28 сентября 2001 г. была принята резолюция 1373 о борьбе с международным терроризмом, направленная на принятие государствами-членами ООН дополнительных мер с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма.

Резолюция, опирающаяся на главу VII Устава ООН, предусматривает, в частности, обязательства всех государств-членов ООН предпринять следующие меры:

- предотвращать и пресекать финансирование террористических актов;

- ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались (или, при осознании того, что они будут использованы) для совершения террористических актов;

- безотлагательно заблокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или участвуют в совершении террористических актов, или содействуют их совершению; организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, участвующих от имени или по указанию таких лиц и организаций, включая средства, полученные или приобретенные с помощью собственности, прямо или косвенно находящейся во владении или под контролем таких лиц и связанных с ними лиц и организаций.

Кроме того, государства-члены ООН должны:

- воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки – активной или пассивной – организациям или лицам, замешанным в террористических актах, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп и ликвидации каналов поставок оружия террористам;

- принять необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов, в том числе путем раннего предупреждения других государств с помощью обмена информацией;

– отказывать в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты или предоставляет убежище;

– не допускать создания условий, при которых те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан;

– обеспечивать привлечение к судебной ответственности любого лица, принимающего участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов, а также добиваться, чтобы помимо любых других мер в отношении этих лиц такие террористические акты квалифицировались бы как серьезные уголовные правонарушения во внутригосударственных законах и положениях и чтобы наказание должным образом отражало серьезность таких террористических актов;

– оказывать друг другу содействие в связи с уголовными расследованиями или уголовным преследованием, которые имеют отношение к финансированию или поддержке террористических актов, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для такого преследования;

– предотвращать передвижение террористов или террористических групп с помощью эффективного пограничного контроля и контроля за выдачей документов, удостоверяющих личность, и проездных документов, а также с помощью мер предупреждения фальсификации, подделки или незаконного использования документов, удостоверяющих личность, и проездных документов.

В резолюции содержится также призыв найти возможность активизации и ускорения обмена информацией, особенно о действиях или передвижениях террористов или террористических сетей, подделанных или фальсифицированных проездных документах, незаконной торговле оружием, взрывчатыми веществами или материалами двойного назначения, использования террористическими группами коммуникационных технологий, а также интенсифицировать взаимодействие в других сферах, имеющих отношение к борьбе с терроризмом.

Весьма важно, что в резолюции нашла отражение связь между терроризмом и транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, отмыванием денег, нелегальным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально опасных материалов. Подчеркнута необходимость улучшения координации усилий на национальном, субрегиональном, региональном и международном уровнях с тем, чтобы адекватно реагировать на эти серьезные вызовы.

Ряд стран уже предпринял на национальном уровне меры по пресечению финансовой подпитки терроризма. Так, президент Дж. Буш подписал 23 сентября 2001 г. исполнительное распоряжение,

предусматривающее, кроме других мер, блокирование собственности и имущественных интересов лиц, которые совершили террористические акты или в отношении которых существует значительная возможность совершения ими таких актов, а также в отношении лиц, которые оказывают поддержку террористам либо связаны с ними.

Важно отметить, что терроризм не может быть эффективно подавлен, если не будут устранены его первопричины. А они зачастую кроются в неурегулированности ряда острых региональных конфликтов, в том числе ближневосточного. Продолжающееся противостояние создает благоприятные условия для деятельности группировок, не отказывающихся от террора как средства борьбы за свои цели.

Нельзя не отметить и имеющие место попытки политизирования тех или иных проявлений терроризма, стремление некоторых государств под прикрытием «борьбы с терроризмом» решить свои внутренние и внешние задачи. В качестве иллюстрации можно отметить появившиеся сразу же после громких терактов ссылки в СМИ на некоторые исламские государства или же определенные регионы как «источники террористической опасности». Одной из самых больших ошибок было бы противопоставление в этом контексте исламского мира христианскому, попытка расколоть мировое сообщество на два лагеря.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Турция проводит активную внешнюю политику, связанную с Закавказьем. Это легко объяснимо – Кавказский регион в целом является зоной стратегических интересов Турции, предметом ее особого геополитического внимания.

Ныне Турецкая Республика воспринимается в мире как влиятельная региональная держава, занимающая важное место в межгосударственных отношениях на Кавказе. Заботясь о своих политических и экономических интересах, Анкара в то же время играет особую роль стратегической «опоры» своих западных союзников. По выражению бывшего президента Турецкой Республики С.Демиреля (S.Demirel), она является «мостом» между тюркскими республиками бывшего СССР и Западом (так же, как раньше отмечалась роль Турции в качестве «моста», соединяющего Запад и Ближний Восток).

Турция была одной из первых стран, установивших дипломатические отношения с образовавшимися в результате распада СССР новыми независимыми государствами Центральной Азии и Южного Кавказа (за исключением Армении). Вскоре после этого последовало подписание двусторонних соглашений в торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной сферах с целью развития многопланового сотрудничества.

Как заявил С.Демирель в ходе всемирного экономического форума в Стамбуле в июне 1992 года, Турция ставит своей задачей стать лидером в деле укрепления межрегиональных экономических связей. Исходя из этого, Анкара выразила готовность взять на себя посреднические обязательства, связанные с процессом подключения к системе мирового хозяйства центральноазиатских и закавказских республик, и оказанием содействия западному бизнесу в установлении долгосрочных контактов с новыми независимыми государствами¹.

Запад заинтересован в налаживании надежных связей с этими странами, обладающими богатыми природными ресурсами, прежде всего энергетическими. В данном контексте посредничество Турции чрезвычайно важно – оно включает в себя комплекс мер по строительству современной телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры, по формированию благоприятной правовой среды. Все это способно обеспечить соответствующие условия для прихода на рынки новых независимых государств зарубежного капитала.

Серьезным стимулом для Турции к продвижению сотрудничества со странами Южного Кавказа являются национальные экономические интересы. Она стремится использовать потенциально емкие рынки этих молодых государств, экспортируя туда капитал, товары и услуги, что, конечно же, благотворно влияет на развитие турецкого бизнеса в целом.

Турецким предпринимателям оказывают поддержку как государство, так и специально созданные консультативные структуры (торговые палаты, деловые советы). Эти организации помогают наладить торговые связи между хозяйствующими субъектами, содействуют в поиске партнеров, проводят рыночные исследования, анализ конкурентоспособности, выявляют перспективные направления сотрудничества, организуют выставки, семинары, круглые столы и конференции, посвященные актуальным проблемам, стоящим перед бизнес-сообществом.

Турецкий государственный Эксимбанк (Eximbank) осуществляет кредитование экспорта в страны Закавказья, поддерживает программы развития торговли и промышленности, инвестиционные и строительные проекты, мобилизуя средства как из внутренних, так и из внешних источников. Одновременно банк предоставляет турецким предпринимателям, ведущим бизнес в странах СНГ, гарантии от политических, финансовых и иных рисков².

В силу ряда причин торгово-экономические связи Турции и Закавказья развиваются не столь быстро, как того хотели бы стороны. Неконвертируемость денежных единиц, нехватка свободных валютных средств, слабость кредитно-финансовых систем – вот лишь некоторые из «сдерживающих» факторов.

Сегодня турецкое руководство рассматривает Закавказье в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики страны. В Анкаре считают, что изменения геополитической ситуации, имевшие место после распада Советского Союза, не только выдвинули Турцию на передовые стратегические позиции в центре Евразии, но и определили для нее новую, ведущую роль на пространстве этого обширного макрорегиона, частью которого являются государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия³. Эта оценка еще более подкрепляется тем, что ряд государств Центральной Азии, а также Азербайджан, будучи этнически и языково близкими Турции, проявляют интерес к турецкому опыту в проведении экономических преобразований.

В Турции существует убеждение, что в последние годы роль Анкары как стабилизирующей силы в этой части мира становится все более значимой. Более того, в турецких политических кругах распространено мнение, что Анкара несет решающую ответственность за поиски мирного решения конфликтов на обширном евразийском пространстве. При этом Кавказу придается особое значение. Как отметил высокопоставленный турецкий дипломат, выступая на семинаре, организованном Обществом турецких промышленников и деловых людей (ТЮСИАД

– TUSIAD) в 1997 г., «это не только приграничный Турции регион, он также служит нам воротами в Центральную Азию... Некоторые из крупнейших мировых запасов нефти и газа расположены в Каспийском бассейне, граничащем с Кавказом... Очевидно, что Кавказ расположен на стыке России и региона Персидского залива, Турции и Центральной Азии, и это еще более увеличивает его важность»⁴.

В январе 2000 г. С.Демирель выступил с инициативой заключения Пакта стабильности для Кавказа как многостороннего форума, «сориентированного на принципы ОБСЕ (OSCE)». Предлагалась формула 3+2+2 (государства Закавказья, Турция и Россия, США и ЕС), позже было предложено подключить Иран.

По мнению разработчиков, подписание Пакта позволило бы «запустить» процесс урегулирования конфликтов в регионе прежде всего силами трех республик Южного Кавказа, одновременно обеспечить политическую и экономическую поддержку со стороны трех ближайших соседей (России, Турции и Ирана), а также Соединенных Штатов и Евросоюза.

Инициативу приветствовали в Азербайджане и Грузии. Армения восприняла перспективу заключения Пакта весьма прохладно.

В развитие предложения бывшего президента Турции в феврале 2001 года в Стамбуле прошла конференция «Поиск путей стабильности на Кавказе», организованная Турецким фондом экономических и социальных исследований. Открывший мероприятие министр иностранных дел Турецкой Республики И.Джем попытался вновь вернуться к идее подписания Пакта. При этом он заявил о намерении Турции незамедлительно приступить к конкретным шагам по «нормализации ситуации» в Кавказском регионе. В частности, прозвучало предложение организовать встречу глав внешнеполитических ведомств Турции, Азербайджана и Армении с целью продвижения нагорно-карабахского урегулирования. При отсутствии дипломатических отношений между Анкарой и Ереваном и учитывая общее состояние турецко-армянских отношений, эта идея была, очевидно, не вполне уместной. Кроме того, односторонняя инициатива турецкой стороны, как представляется, должна была вызвать недоумение со стороны других стран, вовлеченных в процесс мирного урегулирования карабахской проблемы.

В целом же, как и ожидалось, в ходе конференции были обсуждены насущные проблемы Кавказа. Участники сошлись во мнении, что подобные встречи необходимо продолжать и расширять, вырабатывая в их ходе предложения по поиску взаимоприемлемых развязок конфликтов в регионе.

Большое значение Турция придает углублению вовлеченности в политические и экономические дела региона внешних «игроков», в первую очередь НАТО и ЕС, для обеспечения «психологической поддержки» новым независимым государствам. Как заявляют турецкие

руководители, страна готова к активному диалогу и с Россией, которую рассматривает как партнера, а не как конкурента.

В Анкаре исходят из того объективного факта, что Турция в одиночку не в состоянии справиться с возложенными на нее задачами «евразийского моста». Не в силах ей и освоить самостоятельно рынки государств Закавказья и Центральной Азии, осуществить капиталоемкие инфраструктурные проекты развития транспорта и коммуникаций. В этой связи Турция призывает США и Западную Европу активно вкладывать капитал в эти республики и одновременно предоставлять Анкаре финансовую помощь для реализации ее политики в регионе. Эти призывы встречают широкий отклик на Западе, который оказывал и продолжает оказывать Турции существенную поддержку. Причем финансовая помощь приходит как по линии международных организаций, так и на двусторонней основе – от США, Великобритании, Германии, Японии.

В общем контексте кавказской политики Турция придает большое значение вопросу транспортировки углеводородных энергоресурсов Каспийского бассейна. Пропускная способность Босфора и Дарданелл ограничена объективными причинами, а также соображениями экологической и аварийной безопасности. Следовательно, существенно увеличить проход через эти проливы нефтяных танкеров не представляется возможным. Исходя из этого, Турция выступает за развитие в регионе трубопроводного транспорта и поддерживает проекты, предусматривающие прокладку транзитных веток через свою территорию⁵. В частности, Анкара активно поддерживает строительство нефтепровода из Азербайджана через Грузию и далее – через турецкую территорию к терминалу в Джейхане (средиземноморское побережье). Здесь Турция выступает не как покупатель «черного золота», а как возможный организатор транзита нефти на мировые рынки.

Вместе с тем одной только политической воли Анкары, а также Баку и Тбилиси здесь недостаточно. Оценки потенциальной рентабельности нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан сильно разнятся. Многие эксперты и представители нефтяных компаний высказывают серьезные сомнения в том, что магистраль протяженностью более 1700 километров и прогнозируемой стоимостью от 2,5 до 4 млрд. долл. США когда-либо вообще окупится. До сих пор отсутствует ясность с использованием мощностей нефтепровода (его потенциальная пропускная способность достигает 1 млн. баррелей в сутки, однако на сегодняшний день нет твердой гарантии, что магистраль будет загружена на 100%). Кроме того, развитие системы уже задействованных трубопроводов Баку-Новороссийск и Баку-Супса (Грузия), а также введение в действие нового маршрута между Тенгизским месторождением (Казахстан) и нефтеналивным терминалом в районе Новороссийска, осуществляемое Каспийским трубопроводным кон-

сорциумом (КТК), может обесмыслить строительство в глазах потенциальных инвесторов.

Как известно, администрация Соединенных Штатов, поддерживая Турцию, с самого начала выступала за реализацию проекта Баку–Тбилиси–Джейхан. Однако ей пока не удалось убедить нефтяные компании в целесообразности огромных финансовых вложений в строительство данного маршрута. Когда же бизнесмены дали понять, что поддержат проект при условии, что американское руководство предоставит гарантию в размере 1,5 млрд. долл. США на покрытие возможного перерасхода средств, администрация Б.Клинтонна на это не пошла.

Таким образом, будущее проекта Баку–Тбилиси–Джейхан остается весьма туманным. Турция, Грузия и Азербайджан не располагают достаточными ресурсами для покрытия расходов на строительство нефтепровода, и поэтому решение данного вопроса по-прежнему мало от них зависит.

Очевидно, что отношения Турции с тремя закавказскими государствами дифференцированы. Связи Анкары с Азербайджаном и Грузией можно назвать партнерскими и стратегическими, тогда как перспективы турецко-армянского сотрудничества сегодня фактически блокированы глубокими многоплановыми противоречиями, что до сих пор не позволяет двум соседним странам установить дипломатические отношения.

В стремлении играть ключевую роль на новом геополитическом пространстве Турция сделала ставку на родственные тюркские народы, пообещав новым независимым государствам предоставить, при финансовой поддержке Запада, крупномасштабную помощь в экономическом и культурном строительстве. В числе этих стран был и **Азербайджан**.

В Анкаре подчеркивают «особый характер» отношений с Баку. Президент Азербайджана Г.Алиев называет Турцию «партнером номер один». Сказываются глубокая этническая и языковая общность двух тюркоязычных народов, их естественное стремление к духовному и культурному сближению. Азербайджанское руководство усматривает в «турецкой модели» пример для подражания и склонно, как было отмечено выше, использовать турецкий опыт структурных реформ в поиске Азербайджаном своего места в мировой политике и экономике, прежде всего в Европе.

Двусторонние турецко-азербайджанские отношения имеют солидную договорно-правовую основу. В числе действующих двусторонних документов – Договор о дружбе и братстве, Декларация о стратегическом сотрудничестве, целый ряд отраслевых соглашений между различными ведомствами – от министерств здравоохранения до спецслужб. Заметен политический, экономический и культурный диалог на различных уровнях.

Серьезное внимание Турция уделяет взаимодействию в образовательной сфере, популяризации своего языка и культуры среди азербайджанского населения. В Баку функционируют 5 школ для имамов-хатибов (настоятелей мечетей). Здесь же открыт Анатолийский лицей – учреждение среднего образования с возможностью изучения турецкого и европейских языков. В 1995 г. в столице Азербайджана начал работу Кавказский университет, где ведется обучение на английском и турецком, углубленно изучают турецкий язык и литературу. Кроме того, в Баку функционирует Институт управления, созданный на средстве турецкой стороны и частично укомплектованный турецкими преподавателями. Институт предоставляет студентам возможность пройти стажировку в государственных структурах и коммерческих учреждениях Турции.

Важным фактором дальнейшего сближения турецкого и азербайджанского народов, безусловно, будет служить переход азербайджанской письменности на латинский шрифт с 1 августа 2001 г. Соответствующий указ подписан президентом Г.Алиевым. (До середины 20-х годов прошлого века в Азербайджане использовалась арабская вязь, с 1924 по 1939 годы – латиница. В 1939 году руководством СССР было принято решение о переводе азербайджанской письменности на кириллицу). Комментируя это историческое решение, министр культуры Азербайджана П.Бюль-бюль-оглы особо подчеркнул, что переход на латинский шрифт еще более укрепит связи между двумя соседними странами⁶.

В отношениях с **Грузией** Турция делает упор прежде всего на активизацию торгово-экономических, межрегиональных и военно-технических связей. Грузинское руководство со своей стороны проявляет встречную заинтересованность в углублении взаимодействия с южным соседом. В ходе официального визита в Анкару в январе 2001 г. Э.Шеварднадзе выразил надежду, что совместно с новым президентом Турции А.Сезером ему удастся не только осуществить ранее намеченное, но и приступить к реализации новых совместных проектов и инициатив. Бывший председателем парламента З.Жвания заявил: «Грузия расценивает Турцию как главного торгово-экономического партнера, а границу с Турцией – как границу с НАТО и Евросоюзом». Взгляды Анкары и Тбилиси на актуальные вопросы как региональной, так и мировой политики близки, что обе стороны не перестают подчеркивать.

Договорно-правовая база двусторонних связей состоит из нескольких десятков соглашений, среди которых – рамочный Договор о дружбе и сотрудничестве.

Все возрастающее значение в турецко-грузинских отношениях придается сегодня развитию торгово-экономических аспектов. Здесь, безусловно, инициатива принадлежит экономически более развитой Турции, обладающей высоким экспортным потенциалом. По данным грузинского статистического департамента, доля турецких товаров и

услуг в совокупном объеме торговли республики постоянно растет. Так, в 2000 г. этот показатель составил 17% по сравнению с 13% в 1999 г. В 2000 г. суммарный экспорт Грузии в Турцию в стоимостном выражении превысил 73,5 млн. долл. США (основные статьи – металлолом (40,7 млн. долл.) и электроэнергия (6,1 млн. долл.). Турция экспортировала в Грузию в основном продукты питания, такие как мука (21 млн. долл. США), сахар (11,8 млн. долл.), а также электротовары (11 млн. долл.).

Кооперацию на микроуровне пока нельзя назвать достаточной для удовлетворения потребностей обеих стран в частных инвестициях, несмотря на то, что, по подсчетам экспертов, в Грузии на начало 2000 г. функционировало около 150 турецко-грузинских предприятий со смешанным капиталом. Совместные предприятия создаются в основном в сфере пищевой промышленности и торговли, а также транспорта, связи, туризма и строительных услуг.

Турция входит в десятку крупнейших стран-инвесторов Грузии. По разным оценкам, турецкие капиталовложения в гражданский сектор экономики республики составляют от 150 до 200 млн. долл. США. Значительная часть этих средств направлена на реализацию строительных проектов и в развитие сотовой связи.

Расширению коммерческой деятельности турецких компаний в Грузии препятствует неблагоприятный инвестиционный климат в стране. Как отмечают турецкие предприниматели, сегодня существенным барьером на пути иностранного инвестиционного капитала являются коррумпированность чиновников и политическая нестабильность.

Турция оказывает безвозмездную донорскую помощь Тбилиси. Так, по сообщениям СМИ, пострадавшей от сильной засухи республике было передано в 2000 г. мазута, дизтоплива и пшеницы в общей сложности на 8 млн. долл. США.

Фактором, значительно затрудняющим **турецко-армянский** диалог, служит общее неудовлетворительное состояние двусторонних отношений. Как неоднократно упоминалось выше, между государствами-соседями отсутствуют дипломатические отношения, несмотря на то, что Турция одной из первых признала независимость Армении в 1991 году. В течение ряда лет Анкара осуществляет режим экономических санкций и транспортную блокаду Еревана. В качестве «ответной меры» Армения в последнее время заметно активизировала углубление сотрудничества с Россией. Наличие на территории Армении российских военных баз Ереван характеризует как «фактор, позволяющий уравновесить присутствие других сил в регионе».

Одной из главных преград между Анкарой и Ереваном является неурегулированность Нагорно-Карабахского конфликта. Турецкая дипломатия увязывает нормализацию двусторонних отношений с достижением консенсуса между Азербайджаном и Арменией. По мнению Анкары, взаимоприемлемое решение карабахского вопроса может быть достиг-

нуто на основе формулы «плюс автономия, минус независимость», что подразумевает предоставление Нагорному Карабаху статуса широкой автономии и создание международной группы мониторинга, которая бы следила за соблюдением возможного соглашения⁷.

Отдавая должное усилиям Минской группы ОБСЕ (Россия, Франция, США) в налаживании диалога между армянской и азербайджанской сторонами, Турция сегодня оценивает перспективы урегулирования как весьма реальные. Вместе с тем, считают многие аналитики, инициатива Анкары по нормализации турецко-армянских отношений может вызвать негативную реакцию Азербайджана.

Ереван настороженно относится к попыткам Анкары участвовать в процессе карабахского урегулирования. Руководство Армении неоднократно заявляло: с учетом того, что в этом вопросе турецкая сторона однозначно поддерживает Баку, а также из-за продолжающейся экономической блокады Еревана, Турция не может выступать посредником в диалоге по Нагорному Карабаху.

Еще одной острой проблемой турецко-армянских отношений является вопрос о геноциде армян, проводившемся в Османской империи в начале XX века на почве нетерпимости к нетюрским народам. Турция напрочь отвергает обвинения Еревана и призывает заниматься «вопросами геноцида» историков, а не политиков.

Между тем во многом благодаря усилиям армянской диаспоры растет международное признание факта геноцида. Так, Армению уже официально поддержали Аргентина, Уругвай, Кипр, Россия, Греция, Ливан, Бельгия, Ватикан, Италия и Франция. В ноябре 2000 г. Европарламент принял резолюцию, требующую от Турции признания геноцида армян в Османской империи.

Наметившееся в последнее время стремление Анкары сделать шаг в направлении нормализации отношений с Ереваном позитивно воспринимается армянской стороной. Министр иностранных дел Армении В.Осканян, выступая 11 января 2001 г. по национальному телевидению, сообщил о «серьезном обсуждении этого вопроса» в Турции. Он выразил удовлетворение тем, что турецкая сторона «осознала необходимость обсуждения проблемы геноцида путем установления диалога».

Эффективная внешняя политика невозможна без экономического стержня – это известная аксиома. Внешнеполитическая активность Анкары в отношении Кавказского региона, в частности, Южного Кавказа ограничивается ее скромными экономическими возможностями.

Сегодня внешний долг Турции перевалил за сотню млрд. долл. США, на его обслуживание уходит ежегодно более 12 млрд. Экономическое положение страны ухудшилось из-за разразившегося в феврале 2001 г. финансового кризиса, в результате которого лира девальвировалась на 40%, около полумиллиона человек лишились работы, а потери экономики уже оцениваются в 90 млрд. долл. США.

Экономический рост, составивший в 2000 году 6%, сменился четырехпроцентным спадом в 2001 году.

Сегодня турецкое правительство надеется убедить МВФ в необходимости выделить Анкаре очередной транш в 1,5 млрд. долл. из общего кредита в 16 млрд. долл. МВФ, уже предоставивший Турции 4 млрд. долл., приостановил кредитование, объяснив это тем, что проводимая в стране банковская реформа недостаточно эффективна. Действительно, турецкая экономика остро нуждается в реструктуризации банковской системы, в особенности государственных банков, стабилизации финансовых рынков, дерегулировании ключевых отраслей и приватизации монополий. Кроме того, необходим комплекс мер по реабилитации реального сектора, наиболее пострадавшего в результате кризиса.

Приведенные факты дают серьезные основания полагать, что в ближайшее время геополитическое влияние Турции на происходящие в регионе процессы может снизиться. Это ставит перед турецким руководством непростые вопросы: каким образом найти разумный баланс между порой завышенными «внешнеполитическими аппетитами» и реальными потребностями участия страны в региональной кооперации? Какая стратегия будет действительно способствовать долгосрочным интересам Анкары, укреплению ее позиций на Кавказе?

Как представляется, императивом внешнеполитической деятельности Турции в нынешних условиях должен быть реализм и экономическая целесообразность. Одним из возможных вариантов действий, вероятно, может стать линия на укрепление сотрудничества с другими региональными центрами силы, в частности, с Москвой, влияние которой в регионе сегодня все более заметно и, по всей видимости, будет усиливаться.

¹ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века // Институт востоковедения РАН. – М., 2001. – Разд. 4. – С. 450.

² Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века // Институт востоковедения РАН. – М., 2001. – Разд. 4. – С. 453.

³ Opportunities and Challenges in the Eurasian Area. Panel by TUSIAD. November 3, 1997. Istanbul.

⁴ Там же.

⁵ Strategic Assessment of Central Eurasia (Report). The Atlantic Council of the United States, January 2001.

⁶ Интервью П.Бюль-бюль-оглы радиостанции «Эхо Москвы», 1.08.2001.

⁷ См., в частности: Turkish Daily News, 27.05.2001.

**МАРОККО: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ
ДВУХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ МОХАММЕДА VI**

От самых мрачных до хвалебно-славословных. Таков спектр оценок итогов двух лет пребывания на марокканском престоле короля Мохаммеда VI, представленных в зарубежной и марокканской прессе накануне и после отмеченного 30 июля национального праздника Марокко – Дня трона.

По части первых оценок преуспели зарубежные, и в частности, французские и испанские аналитики. От них не отстали и их незаангажированные марокканские коллеги. Кроме традиционных негативных характеристик состояния дел в связи со ставшим уже системным глубоким социально-экономическим кризисом они добавили в свои оценки то, чего никогда не было при покойном Хасане II, а именно: заговорили о кризисе власти и даже поставили под сомнение прочность святая святых – королевской власти как таковой. Понятно, что вторые оценки дали марокканские политологи, а также некоторые из европейских специалистов, главной особенностью анализов которых является нежелание затрагивать вообще тему дворца. Пожалуй, и первую, и вторую категорию отличает одно общее искусство: служа определенным интересам, они едва ли могут быть объективными. Дать насколько возможно объективную оценку состояния дел в Марокко можно, рассмотрев те процессы, которые прошли в стране за последние два года.

Взойдя на престол, марокканский монарх объявил в качестве одного из своих приоритетов борьбу с бедностью. Такой акцент неудивителен. Пропасть по-прежнему разделяет самых бедных и самых богатых марокканцев, однако два года – действительно слишком малый отрезок времени, чтобы добиться по-настоящему заметных результатов в решении этой сложной проблемы. Тем более, что средства, направляемые на борьбу с бедностью, остаются весьма ограниченными в связи с экономической ситуацией в стране, обусловленной, в частности, многолетней засухой. Именно это позволяет отметить, что благие намерения в данной сфере в большинстве своем остались нереализованными.

По официальным данным, 19% марокканцев имеют доход менее одного доллара в день. Уровень безработицы в городах достиг отметки в 20,1%. Показатель экономического роста в 2000 г. составил 0,3%.

Левоцентристское правительство Марокко, назначенное в 1998 г., во многом из-за собственной разношерстности (в нем представлены семь партий) медлит с осуществлением экономических реформ, что замедляет развитие частного сектора. Другим сильным тормозом является бюрократический аппарат, коррумпированность которого стала в Марокко национальным бедствием. Во многом из-за этого в ряде отраслей иностранные инвесторы сворачивают производство и в конечном счете бегут из страны. Сложная социально-экономическая ситуация толкает тысячи отчаявшихся марокканцев любым путем, в том числе и нелегально, иммигрировать из страны.

Буксуют судебные и административные расследования, проводимые в ряде ключевых государственных структур, и в частности, в Национальной кассе социальной безопасности, поскольку кому-то очень не хочется, чтобы стало известно, куда пошли аккумулировавшиеся в ней деньги простых людей.

В начале правления Мохаммеда VI значительно расширилось поле общественных и личных свобод. В первые месяцы монарх принял несколько важных решений, расцененных как знаковые. В страну вернулся один из самых известных оппозиционеров Абрахам Серфати, после 10-летнего нахождения под домашним арестом был освобожден духовный лидер марокканских исламистов Абдессалам Ясин. Был отправлен в отставку министр внутренних дел Дрис Басри, бывший фактически вторым лицом в стране в период правления Хасана II. Однако, по мнению наблюдателей, затем несколько эпизодов (в частности, запрет осенью прошлого года трех независимых еженедельников, осуждение нескольких журналистов) свидетельствовали о серьезном откате назад.

К сожалению, как карточный домик, рухнул блеф о нефтяных «богатствах» Марокко. Миф об их существовании был раздут властями и официальной прессой с одной целью – марокканцам было предложено подождать три года обещанной нефтяной манны. Однако неожиданно для властей как бы «с цепи сорвался» Абрахам Серфати, вроде «прирученный» дворцом в первые месяцы после прихода к власти Мохаммеда VI. В свойственной бывшему самому знаменитому политзаключенному Марокко манере он камня на камне не оставил от фантазеров, которые хотели убедить марокканцев в наличии на самом деле несуществующих нефтяных богатств. Он «не закрыл рот» даже после того, как в попытке утихомирить его пристегнули к «кормушке», назначив на почетную должность советника при Национальном офисе по разведке и добыче нефти.

Пока ни монарх, ни правительство социалиста Абдеррахмана Юсуфи никак не высказали своего отношения к так называемым разоблачениям бывшего агента марокканских спецслужб Ахмеда Бухари. Последний утверждает, в частности, что самый известный марокканский оппозиционер Мехди бен Барка был похищен и убит в 1965 году в Париже при непосредственном участии министра внутренних дел

Марокко того периода Мохаммеда Уфкира. Король фактически уклонился от оценки «дела Бухари», заявив, что якобы не посвящен в курс дела [3].

В сфере внешней политики Мохаммед VI сохранил приоритеты, унаследованные от Хасана II. Тем не менее провозглашенная в качестве первоочередной задача региональной интеграции в рамках Союза арабского Магриба не решается из-за неурегулированности западносахарской проблемы. На достаточно продолжительное время Марокко в лице монарха как бы самоустранилось от участия в межарабских и ближневосточных делах. 28 июля 2001 г. Мохаммед VI попытался напомнить о Марокко, призвав мировое сообщество и постоянных членов СБ ООН не допустить провокаций со стороны евреев-ортодоксов в Иерусалиме, однако этого оказалось явно недостаточно.

Не блестяще идут дела и на других важнейших направлениях марокканской внешней политики – испанском и западносахарском. С упорством, достойным лучшего применения, Марокко в течение последних двух лет отказывалось заключить новое соглашение с Евро-союзом о рыболовстве. Это спровоцировало резкое охлаждение в отношениях с Испанией. Последняя прямо и недвусмысленно обвинила марокканскую верхушку в потворствовании незаконной иммиграции и наркоторговле.

В части, касающейся западносахарского урегулирования, Марокко поддержало предложенный США через спецпредставителя генерального секретаря ООН по Западной Сахаре Джеймса Бейкера так называемый «третий путь» решения проблемы. Однако это совсем не означает, что Рабату удалось решить ее окончательно, как поторопился заявить король [3]. В условиях, когда после 11 сентября 2001 г. США объявили «крестовый» поход против терроризма, у Вашингтона едва ли дойдут руки до «закрытия» этой проблемы, тем более что для этого ему еще предстоит «доломать» Алжир.

30 июля 2001 г. в тронной речи 39-летний король показал, что он хорошо знает проблемы Марокко. Одновременно монарх изложил, какими он видит пути их решения.

В частности, король подтвердил, что парламентские выборы в стране пройдут в установленные конституцией сроки, т.е. осенью 2002 года. При этом он отметил, что предвыборная борьба между политическими партиями должна разворачиваться в рамках «честного соперничества» между «реалистичными и реализуемыми программами, сконцентрированными на путях создания богатств и мобилизации ресурсов, необходимых для конкретизации нашего проекта общества». Отвечая многочисленным критикам, утверждавшим, что результаты предшествовавших выборов традиционно фальсифицировались, король предупредил, что правительство и органы юстиции должны обеспечить честность предстоящего голосования через «бдительный, эффективный и независимый контроль» [1].

Реагируя на возросшую активность берберских общественно-политических организаций, монарх исключил возможность строительства демократического государства без учета «региональных культурных особенностей». Король напомнил, что марокканская национальная идентичность является многоликой, построенной под влиянием берберской, арабской, субсахарско-африканской и андалузской культур, каждая из которых обогатила ее. В этой связи он сделал действительно сильный ход, объявив о создании Королевского института берберского языка, на котором говорят до 50% марокканцев. В задачу этого института, кроме развития берберской культуры, войдет разработка и внедрение языка тамазиг в систему образования. Сейчас только время может показать, сумел ли король этим шагом перехватить инициативу у берберских общественных организаций, голос которых, несмотря на все препоны властей, становится все слышнее.

В сфере социальной политики Мохаммед VI высказался за разработку нового так называемого всеобщего социального контракта, который должен включать в себя, в частности, трудовое законодательство, определить права и обязанности работодателей и трудящихся.

Судя по всему, всеобщий социальный контракт должен на деле прийти на смену так называемому социальному перемирию, установленному в свое время по инициативе покойного Хасана II. В рамках этого перемирия политические партии «добровольно» отказались на время от выдвижения социально-экономических требований с тем, чтобы сконцентрировать усилия нации на главной задаче – решении западносахарской проблемы. Сразу же появилось несколько признаков того, что в случае необходимости и даже при условии, что главный «объединитель» нации – западносахарская проблема – будет решена, Рабат найдет новую причину умерить пыл политпартий, подбросив им, к примеру, лозунг о необходимости решения проблемы испанских анклавов. Более того, придание проблеме анклавов военного оттенка может помочь режиму достигнуть желанной цели – надолго решить проблему внутренней стабильности.

Многозначительный сигнал: в начале сентября испанская разведка CECID представила премьер-министру этой страны доклад, в котором утверждается, что Марокко якобы пытается спровоцировать с Испанией «конфликт низкой интенсивности». Ближайшей целью этого конфликта будет создание атмосферы внутреннего единства, в которой нуждается режим, чтобы заставить отвлечься от подведения итогов обещанных два года назад реформ. Примечательно, что за несколько недель до появления этого доклада у CECID поменялось руководство. Спецслужбу возглавил Хорхе Декаллар, до этого являвшийся послом Мадрида в Рабате. Упомянутый доклад был одобрен новым главой CECID.

Авторы доклада предупредили, что конечной целью марокканской стратегии будет установление контроля над испанскими анкла-

вами Сеута и Мелилья. Они также утверждали, что Марокко якобы готово к военному вторжению на территорию анклавов. Для осуществления этого замысла, отметили испанские аналитики, Рабату не хватает «кризисной ситуации» в самой Испании, как это было в период агонии режима Франко в 1975 году. Тогда кризисная ситуация позволила покойному королю Хасану II организовать «Зеленый марш» на Западную Сахару. Более того, испанские аналитики обнаружили в структурах марокканской власти признаки подготовки второго «Зеленого марша» теперь уже на Сеуту и Мелилью [4, 13.09.2001].

Как представляется, прогнозы испанских аналитиков вряд ли будут реализованы на практике. Во-первых, в современной Испании не может возникнуть проблема преемственности власти, а, значит, невозможно повторение ситуации 1975 года. Во-вторых, для осуществления такой операции Марокко не располагает необходимыми средствами для прикрытия с воздуха сил вторжения. В-третьих, Марокко едва ли нужен международный кризис, в котором НАТО явно не будет сидеть, сложа руки.

Возможно, появление доклада CECID основано вовсе не на реалиях, а на дипломатических противоречиях между Испанией и Марокко. Мадрид обвиняет Рабат в том, что тот прикладывает недостаточно усилий для обуздания потока незаконной иммиграции и наркоторговли. В свою очередь марокканская пресса считает, что испанские обвинения во многом продиктованы отказом Марокко заключить новое соглашение с Евросоюзом по морскому рыболовству, отсутствие которого больно ударило по испанским экономическим интересам. Если же авторы доклада CECID руководствовались действительными фактами, то ситуация в зоне анклавов может обостриться в любой момент.

Говоря об основных путях решения социально-экономических проблем, Мохаммед VI объявил о преобразовании Фонда им. Хасана II для экономического и социального развития в одноименное национальное агентство, в распоряжение которого будет направлена «значительная часть средств», поступающих от приватизации и открытия капитала государственных предприятий. Король предложил правительству «решительно и неустанно» работать с потенциальными инвесторами, а также разработать ряд мер, призванных стимулировать «производительное» вкладывание капитала.

Новым явлением в политической сфере призвано стать специально разработанное законодательство, которое разграничит политические партии и общественные организации. Как известно, в Марокко существует ряд ассоциаций, например, исламистских, которые, не получив разрешения на официальную деятельность в качестве полноправных политических партий, тем не менее активно работают в форме общественных организаций. Новое законодательство позволит Рабату, с одной стороны, продемонстрировать терпимость режима по

отношению к исламистам, а с другой, – фактически держать их на «коротком поводке».

Говоря про правозащитную сферу, монарх объявил о предстоящем учреждении поста медиатора (посредника) по правам человека, призванного доводить жалобы от населения до администрации.

Отвечая критикам марокканской бюрократической машины, король указал на необходимость углубления реформы административного аппарата с тем, чтобы постепенно «упростить, сделать максимально гласной, быстрой, эффективной и привлекательной для инвесторов» схему принятия решений. Он также напомнил об обязанности чиновников всех уровней строго соблюдать «культуру и этику государственной службы». «Мы не потерпим, чтобы политическая или административная должность была использована для получения преимуществ для себя или кого-либо из близких», – подчеркнул он. В этой связи государственным структурам предложено сверх имеющегося в них административно-юридического контрольного аппарата обзавестись «новыми инструментами и органами оценки». Аналогичные кампании по оздоровлению госаппарата не раз предпринимались и покойным Хасаном II, но даже этот жесткий политик фактически ничего не смог поделать с махзеном, сохраняющим в своих руках все реальные нити управления марокканским обществом.

Тронная речь Мохаммеда VI имела долгосрочный программный характер. Теперь только будущее сможет показать, насколько быстро и полно реализуются поставленные в ней задачи. Лишь практические дела по их выполнению позволят дать беспристрастную оценку монарху как государственному деятелю, равно как и его умению держать власть и использовать ее. За несколько дней до тронной речи король назначил новых вали (губернаторы, обладающие самыми широкими правами) в девяти крупнейших городах страны, причем первые назначения были произведены не из «обоймы» министерства внутренних дел. Тем самым было показано, что если раньше главной задачей вали был контроль за благонадежностью населения, отныне их первостепенной заботой становится социально-экономическое развитие соответствующих регионов [6, 09.2001]. Впрочем, все новые вали вышли из того слоя, который называется махзеном, т.е. новые назначения были лишь всего-навсего обычной рокировкой. А по оценкам независимых наблюдателей, обеспечить продвижение Марокко по пути проведения реальных социально-экономических реформ могут только элиты, независимые от махзена, т.е. от тех членов правительства, прерогатива назначения которых принадлежит монарху.

Пока же можно констатировать, что по прошествии двух лет правления Мохаммеда VI власть в Марокко по-прежнему находится в руках монарха, и он удерживает ее достаточно крепко благодаря системе власти, основанной на махзене. В то же время системный кризис режима продолжает углубляться, грозя в перспективе достичь

критической массы. Успеет ли король реализовать поставленные им самим задачи, либо кризис наступит раньше? Ответ на этот вопрос может дать только время.

А пока король всеми силами пытается обезопаситься от взрыва. Только так, скажем, можно трактовать выдвинутое монархом требование к местным властям не допустить роста бидонвелей – общепризнанной «пороховой бочки» марокканских городов. Беспокойство короля более чем оправданно. В настоящее время свыше 4 млн. из 30 млн. марокканцев проживают в бидонвелях – городских кварталах с хаотической застройкой, жилища в которых возводятся с использованием фанеры, картона, жести и других подручных средств. Ежегодно в них перебираются до 40 тысяч семей. В настоящее время в бидонвелях проживает в общей сложности 770 тысяч семей марокканцев. 50% подобных поселений находятся в приморских районах вдоль «оси» Кенитра – Сафи. По оценке короля, подобная динамика грозит оказать негативное влияние на «равновесие социального механизма», а также подорвать сферу туризма.

Достаточно длительным молчанием короля (только с середины лета 2001 г. он вспомнил про прессу, а также выступил с несколькими программными речами) не преминули воспользоваться его критики. Один из них оказался из ... королевской семьи. Двоюродный брат монарха, стоящий третьим в марокканской системе престолонаследия как старший сын Мулая Абдаллы – принц Мулай Хишам в многочисленных интервью западным СМИ и в нескольких выступлениях в марокканской прессе обрушился с резкой критикой на систему власти в Марокко.

Мулай Абдалла был братом короля Хасана II, отца нынешнего монарха Мохаммеда VI и принца Мулая Рашида.

В частности, в интервью марокканскому еженедельнику «Журналь эбдомадэр» принц Мулай Хишам утверждал, что «социально-экономические проблемы, с которыми сталкивается Марокко, имеют не технический подтекст, а политический». «Если ситуация останется в том виде, в каком она существует сейчас, мы направимся к открытому политическому кризису», – утверждал он [5, 07.07.2001]. Это заявление стало логическим продолжением предыдущего выступления принца со страниц французской газеты «Монд», в котором он говорил об «упущенных возможностях, политическом параличе и всеобщем разочаровании» как характеристиках сегодняшнего Марокко.

Давая оценку современному состоянию дел в королевстве, а фактически – подводя итоги двух лет правления своего двоюродного брата, Мулай Хишам утверждал: «Можно отличать прежний режим от нового, однако пока невозможно говорить о новом порядке... Два года назад можно было мечтать. Сегодня эти мечты оказались несбыточными». Говоря о том, что нужно сделать для преодоления кризиса, принц указывал, в частности, на необходимость проведения консти-

туционной реформы. Она, по его мнению, должна заключаться в «усилении разделения властей путем передачи правительству, вышедшему из демократически избранного парламента, прерогатив, которыми оно в настоящее время не располагает». Другая важная и жизненно необходимая операция – реформа святая святых, монархического режима, путем обновления его основ и механизмов с конечной целью его трансформации в монархию по типу испанской.

Следует напомнить, что покойный Хасан II был противником подобной трансформации, равно как, судя по всему, и его старший сын.

Давая оценку действующему левоцентристскому правительству во главе с социалистом Абдеррахманом Юсуфи, Мулай Хишам выразил мнение, что оно «подходит к завершению своего цикла». Тем не менее он признал, что само появление правительства альтернативы стало «идеологическим и философским прорывом для Марокко». Комментируя открывшиеся незадолго до этого обстоятельства таинственного исчезновения в 1965 г. марокканского оппозиционера Мехди бен Варки, принц посчитал, что «этот печальный эпизод не поставит под сомнение статус покойного Хасана II как великого короля и великого политического деятеля конца XX века».

Кстати, именно «красный принц» – такое имя Мулай Хишам получил в прессе – огласил то, что уже давно в кулуарных беседах обсуждали многие наблюдатели. Он утверждал, что после кончины Хасана II реальную власть в стране осуществляет группа высокопоставленных военных.

Можно по-разному оценивать выступления Мулая Хишама. Возможно, они стали следствием закулисной борьбы в «семье», возможно – проявлением его «демократических» взглядов. Некоторые даже назвали выступления принца «заявкой» на престол, «пропагандистской кампанией» претендента. Если это так на самом деле, возможно, принц что-то знает, что неизвестно пока широкой публике. Ясно одно: острие этих выступлений оказалось направлено против фактически авторитарной и вряд ли соответствующей духу времени манеры правления двоюродного брата. Сам принц объяснил свои действия тем, что они осуществлены в рамках некоего «семейного пакта» [5, 08.09.2001].

Двор никак официально не ответил на выступления проживающего в Европе принца. Что касается официальной прессы, то она в своих оценках выступлений Мулая Хишама договорилась – по злобе и собственному бессилию – до того, что назвала действия принца «частью иностранного заговора против Марокко» [5, 08.09.2001]. Сам же принц, отвечая своим критикам, резонно заметил, что самые злейшие враги Марокко находятся внутри страны...

В роли еще одного авторитетного критика после двухлетнего молчания выступил бывший госминистр внутренних дел страны Дрис Басри.

Как считает «серый кардинал» эпохи короля Хасана, долгое время железной рукой отстаивавший интересы королевства, предлагаемый бывшим госсекретарем США Джеймсом Бейкером так называемый «третий путь» решения западносахарской проблемы ведет к независимости этой территории. Свою точку зрения на развитие событий вокруг сахарских провинций он изложил в 2001 г. в статье, опубликованной 8 сентября в независимом еженедельнике «Демэн магазин» (ДМ). Как стало известно, экс-министру было настоятельно «рекомендовано» не публиковать этот «взрывоопасный» материал, который первоначально предполагалось разместить во французской газете «Монд» и еще одном зарубежном издании. Судя по всему, Басри, всегда представлявший себя в качестве «верного слуги трона», был вынужден подчиниться. Он обратился к руководству «Монд» с просьбой не публиковать уже готовый материал. Однако этот запрет никоим образом не коснулся сумевшего получить текст статьи ДМ [4, 08.09.2001].

В рамках инициативы Бейкера предполагается урегулировать многолетний конфликт путем заключения сторонами рамочного соглашения, согласно которому сахарские провинции получили бы самую широкую автономию в рамках Марокко. Население сахарских провинций изберет исполнительные органы власти и парламент, которые будут иметь широкие полномочия по управлению этой территорией. Через пять лет планируется провести референдум об окончательном статусе провинций. Рабат в принципе согласился с американским проектом рамочного соглашения. В то же время базирующийся на территории АНДР Фронт ПОЛИСАРИО категорически отверг его, равно как и собственно Алжир.

Д.Басри, курировавший при Хасане II западносахарскую проблематику, подверг резкой критике план Бейкера. По его мнению, реализация этого плана приведет к «тиморизации» территории и последующей ее независимости. Инициатива Бейкера, считает бывший «первый полицейский» королевства, «наносит удар по марокканской нации в ее единстве и разнообразии», поскольку результатом рамочного соглашения может быть как окончательная интеграция сахарских провинций в составе Марокко, так и их независимость.

После обнародования плана Бейкера, одобренного США и Францией, король Мохаммед VI утверждал, что он «урегулировал» западносахарскую проблему. Более того, по его словам, Марокко добилось согласия 11 членом СБ ООН относительно «признания законности марокканского суверенитета над (Западной) Сахарой». «Я урегулировал сахарский вопрос, который довлел над нами 25 лет, – заявил он. – Чтобы достичь этого, мы напряженно работали в условиях самой строгой конфиденциальности в течение 18 месяцев». «Мы согласны, чтобы было найдено справедливое решение в рамках марокканского суверенитета» над этой территорией, заметил король [3].

Статья Басри стала его первым выступлением в прессе после почти двухлетнего молчания. До этого он избегал комментировать шаги нового монарха.

И, наконец, третьим залпом критики стал «выстрел» марокканских улемов. Они подвергли критике курс Марокко на сотрудничество с антитеррористической коалицией.

В начале октября группа видных марокканских улемов выступила с фетвой, осуждавшей решение Марокко и других исламских стран присоединиться к формировавшейся тогда Соединенными Штатами антитеррористической коалиции. Мусульманские богословы утверждали, что Марокко «не следовало бы участвовать в антитеррористическом альянсе, к созданию которого призывают США, поскольку сами они используют двойные стандарты» в борьбе с терроризмом. По мнению критиков, «не следует участвовать в какой-либо коалиции, направленной против мусульман вообще или конкретной исламской страны в частности», поскольку такое участие противоречит шариату. Подобной фетвой улемы фактически покусились на святая святых – авторитет Амира аль-Муминина, подвергнув критике курс Марокко на сотрудничество с антитеррористической коалицией.

Уже в октябре 2001 г. вновь в роли мрачного пророка выступил А.Серфати. Этому весьма пожилому человеку уже нечего терять. Он уже все прошел в своей жизни. И если его после почти двух лет уважительного молчания по отношению к власти «прорвало», это говорит о многом. В период, когда эта статья готовилась к печати, он перedal во французскую «Монд» по меньшей мере катастрофический анализ ситуации в Марокко [4, 29.09.2001]. Те, кто читал этот материал, были поражены жесткостью оценок и глубоким разочарованием бывшего лидера марокканских ультралевых новой властью. Главный вывод Серфати весьма прост – в Марокко два года назад не наступило никакой новой эры, как об этом трубили придворные припевалы. А режим, с которым он боролся в течение нескольких десятилетий и который, как он было поверил, исчез с лица земли после июля 1999 г., вновь четко проявил себя. Подобное резюме по своему смыслу фактически совпадает с критикой режима, которая изложена выше.

Кстати, на момент подготовки этой статьи «Монд» по понятным причинам так и не опубликовала скандальный материал...

1. Тронная речь короля Мохаммеда VI, 30.07.2001.
2. Обращение к нации по случаю годовщины так называемой революции короля и народа, 20.08.2001.
3. Интервью короля Мохаммеда VI газете «Фигаро», 04.09.2001.
5. Le Journal Hebdomadaire, Casablanca.
6. Le Nouvel Afrique Asie, Paris.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ В 2001 г.
(НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ)**

8 июня 2001 г. в Иране состоялись выборы президента страны. В результате предыдущих выборов 1997 г. президентом стал Сейед Мохаммад Хатами, период пребывания которого у власти ознаменовал новый этап политической истории Ирана, а сам Хатами в зарубежной прессе получил имя «аятоллы Горбачев.» Хотя Хатами и имеет имидж реформатора, кроме, так сказать «деклараций о намерениях» сколько-нибудь радикальных шагов по реформированию общества сделано не было. Даже избрание в прошлом году нового меджлиса, высшего законодательного органа, принципиально не изменило ситуацию. Иран с напряжением ждал президентских выборов, которые могли бы гарантировать на предстоящие несколько лет большинства в исполнительной и законодательной ветвях власти. Конечно, М.Хатами предпринял меры по демократизации политической жизни. Особенно впечатляющим было изменение внешнеполитического курса страны. Президент страны, долгие годы олицетворявший себя с идеями экспорта исламской революции, выступил с инициативой новой парадигмы мировых взаимоотношений – концепцией «диалога цивилизаций». Началось сближение Ирана с мировым сообществом. В меньшей степени новому президенту удалось успехи в области экономического развития. Фактически до 2001 г. не было принято новых основополагающих экономических законов, в частности, относительно налогообложения, защиты частных и иностранных инвестиций, гарантий инвестиций и их возврата и т.п. которые бы стимулировали углубление экономических реформ. До выборов в 6 меджлис не был принят в окончательном варианте даже III пятилетний план на 2001–2005 гг., этот основной экономический закон страны, более того, его начало с 2000 г. было передвинуто на 2001 г. Все законодательные рычаги находились в руках противников дальнейших реформ, именно они составляли большинство меджлиса, с которым было вынуждено работать первые два года правительство Хатами, Провозглашенный Хатами курс на политическую либерализацию также требовал внесения изменений в законодательную основу. Особенно острым было обсуждение закона о печати. Именно поэтому столь острой была политическая борьба в стране накануне выборов в меджлис 6 созыва, состоявшихся 18 февраля 2000 г. Новым явлени-

ем в политической жизни страны стало появление различных партий и политических группировок. В стране ранее фактически действовала, да и то полулегально, только одна партия, хотя и религиозного характера, но состоявшая из светских деятелей. Это партия бывшего первого премьера Временного революционного правительства М.Базаргана – «Движение за свободу Ирана». Все остальные представляли собой фактически религиозные организации. Легальной попыткой создать проправительственную партию и первой попыткой использования партии для укрепления своих политических позиций, стало создание накануне президентских выборов 1997 г. технократами правительства Рафсанджани организации «Группа 6-ти» или «Горухе каргозаране сазендеги» (служителей созидания), затем оформившуюся в партию «Каргозаран». До создания этой партии сущность внутривнутриполитического процесса в Иране и внутривнутриполитической борьбы, особенно после роспуска в 1987 г. Партии исламской республики составляли взаимоотношения двух организаций духовенства – Организации борющегося духовенства и Ассамблеи борющихся улемов (борющегося духовенства). Часть высшего духовенства вышла в 1988 г. из Организации борющегося духовенства и создала Ассамблею («Маджма») борющихся улемов, или Ассамблею борющегося духовенства. (Более адекватным смыслу персидского названия является название Ассамблея борющихся улемов). Члены этих группировок духовенства и до сих пор составляют не только религиозную, но и политическую элиту страны, занимая ведущие посты в государстве, иногда примыкая к различным партиям.

Накануне выборов в меджлис был создан Фронт 23 мая, или 2 хордада (день победы на выборах президента М. Хатами), в который вошли 18 партий и организаций, которые и выдвинули общих кандидатов. Главным политическим ядром этого блока стала партия «Мошарекят», образованная братом президента Мохаммадом Резой Хатами. Партия стала издавать свою газету «Мошарекят». Главный предвыборный лозунг Фронта 23 мая и партии «Мошарекят» – «Иран для всех иранцев» – оказался весьма привлекательным и действенным в значительной степени из-за того, что не связывал лояльность с исламской идеологией. Хотя инициатором создания «Фронта» явилась организация духовенства «Ассамблея борющихся улемов, или Маджма, членом которой является М.Хатами, некоторые партии «Фронта» представляли собой партии обычного типа, объединяя всех сторонников курса президента, а не только представителей духовенства.

Кандидатам-сторонникам Хатами противостояла Организация борющегося духовенства, как традиционный оппонент Маджмы – Ассамблеи борющихся улемов.

Нужно сказать, что в определенной мере победа сторонников Хатами на выборах в меджлис укрепила позиции не только светски ориентированных партийных организаций, но и позиции Маджмы.

Основное содержание внутривластной ситуации в Иране накануне президентских выборов заключалось в том, что главное, чего ждали от правительства реформаторов и нового меджлиса – это реального ускорения реформирования общества. Ведь и законодательная и исполнительная власть оказались в руках реформаторского крыла политических лидеров страны. В какой-то мере эти ожидания при новом меджлисе стали реализовываться. Ускорился законотворческий процесс либерализации общества. Был принят окончательный вариант III пятилетнего плана, одобрены поправки к закону о свободных зонах, было законодательно разрешено создание первого негосударственного банка. Новые варианты разрабатываемых законов о налогах, о банковской системе, об иностранных инвестициях, о разделе продукции, – стали носить характер, более приближенный к общемировым нормам. Однако прорыва в политической демократизации общества не произошло. По мере приближения президентских выборов политическая напряженность стремительно нарастала. Консервативное духовенство, стремясь нивелировать потери от поражения в парламентских выборах, особенно активизировалось в стремлении усилить контроль над внутривластной жизнью общества, за сохранением приоритета религиозных структур власти. Оно заставило меджлис принять поправки к закону о прессе, по которым суд мог заставить журналистов раскрыть источники информации и лишиться права на работу в прессе любого, которого суд заподозрит вовлеченным в «нестабильную» деятельность. Чтобы уменьшить поддержку реформистов среди молодежного электората, возрастной ценз был повышен с 15 до 16 лет. Но самым впечатляющим явилось использование для ограничения свободы печати и слова религиозных органов власти, таких как религиозные суды, Революционный Корпус¹. Наблюдательный Совет издал ряд рекомендаций, направленных на ограничение свободных политических дискуссий. Было закрыто свыше 37 периодических изданий, арестован ряд журналистов, политических деятелей, для разгона студенческих и молодежных митингов и собраний использовались военные силы. Более 70 человек, тесно связанных с партией ДСИ (Движение за свободу Ирана) были арестованы и некоторые осуждены по обвинению в действиях «по свержению исламской республики», а деятельность самой партии запрещена. Под давлением консервативно настроенных религиозных деятелей в отставку ушли такие члены правительства и соратники Хатами как Абдулла Нури (был даже арестован) и Атаулла Мохаджерани. Буквально накануне выборов в марте – апреле 2001 г. были арестованы и осуждены зам. министра внутренних дел Мостафа Таджаде, бывший руководитель МВД Хашем Сабакиян, бывший мэр Тегерана Мохаммад Тавазоли, племянник Мехди Базаргана – Абольфазл Базарган.

Сама ситуация перед президентскими выборами 2001 г. разительно отличалась от предыдущих выборов 1997 г. Победа Хатами в 1997 г. скорее была победой «против» решительного противника начатых Рафсанджани реформ – против тогдашнего спикера парламента Акбара Натег-

Нури. Хатами в то время для духовенства представлялся весьма приемлемой кандидатурой, так как его программа обеспечения конституционных прав для иранского общества не связывалась с его дальнейшими шагами по демократизации режима. В какой-то степени он был, вероятно, даже более «удобен» для религиозной элиты, чем энергичный и опытный политик Рафсанджани. Однако за три года пребывания Хатами у власти стало очевидным, что все большая часть иранского общества стала связывать с ним надежды на улучшение своего положения, качества жизни, на более тесные связи Ирана с мировым сообществом, которые позволили бы стране поднять свой экономический и политический уровень. Для всех было очевидным, что переизбрание Хатами является индикатором настроения иранского общества не просто на дальнейшую эволюцию режима, но на ускорение этой эволюции, на политические реформы, на создание правого гражданского общества, на повышение его толерантности. Недаром накануне выборов Организация моджахедов исламской революции заявляла, что выборы 8 июня – «это референдум» между «реформами и необратимостью» и «консерватизмом и закрытостью».

Консервативная часть духовенства, сосредоточенные главным образом в Наблюдательном Совете, глава Совета по целесообразности – бывший президент Али Акбар Рафсанджани, у которого сложились сложные отношения с Мохаммадом Хатами и рахбар страны – Али Хаменеи это также прекрасно осознавали. Но альтернативного, а главное, более харизматического кандидата, у них не было. Победа Хатами на выборах практически ни у кого не вызвала сомнений. Однако для консерваторов было чрезвычайно важным, чтобы уровень поддержки Хатами не оказался демонстративно высок, чтобы в своем противодействии инициативам президента можно было апеллировать и достаточно высоким уровнем населения, не согласного с ним. Для иранского менталитета чрезвычайно важным является не только сам факт избрания или не избрания, но и соотношение голосов «за» и «против». Наблюдательный Совет, который осуществляет отбор кандидатов для президентских выборов, представил окончательный список в 10 кандидатов из представленных ему 814. Причем официальное согласие самого Хатами было получено Наблюдательным Советом только за 2 дня до срока завершения регистрации кандидатов. Вполне логично предположить, что затягивание Мохаммадом Хатами своего решения было «перетягиванием каната» – отражением давления на него консерваторов, и своеобразным давлением на консервативные слои духовенства в ситуации вакуума реальных политических претендентов, а само решение баллотироваться было согласовано с высшими религиозными авторитетами страны. Но возможно, что Хатами отчетливо понимал, что он сам оказался как бы заложником тех надежд на оздоровление общества, которые он разбудил, и что вторичное его избрание неизбежно потребует от него более решительных мер по реформированию системы. И лично для него, который больше склонен к философии, концептуальному обоснованию необходимости изменений, нежели к открытой

политической борьбе за эти перемены, вероятно, решение было не простым. Четыре года президентства отчетливо показали, что полномочий президента недостаточно для проведения коренных перемен, даже при наличии большинства сторонников в меджлисе, решения правительства и меджлиса могут быть заблокированы. О том, что он вполне адекватно связывал свое вторичное избрание с настроением иранского общества на ускорение перемен, свидетельствует его обращение к нации сразу же после выборов: «народ Ирана теперь ожидает, что система и правительство ускорит шаги по реализации потребностей общества. А что ему нужно сегодня и завтра – это установление и укрепление демократической системы, условием которой является здоровая и открытая атмосфера, свобода слова, критики, даже протестов в рамках закона, поддержание и укрепление этой атмосферы»². Незадолго до окончания срока регистрации кандидатов к Хатами обратились 220 из 290 депутатов меджлиса с просьбой выставить свою кандидатуру.

Расширение окончательного списка кандидатов до 10 человек (в 1997 г. в нем было четыре кандидатуры), тем более в ситуации затягивания решения Хатами о своем участии, конечно, могло отобрать у него часть голосов. В число кандидатов, помимо Хатами, входили:

1. Али Фалахиян, бывший министр безопасности, известный как один из наиболее консервативно (прохомейнистски) настроенных политических деятелей, имя которого связывается с убийствами политических диссидентов в стране и за рубежом, член Совета экспертов.

2. Али Шамхани, министр обороны в правительстве Хатами, который мог в первую очередь рассчитывать на голоса армии и КСИР (Корпуса стражей исламской революции), арабов его родины – Хузестана.

3. Мостафа Хашеми-Таба, вице-президент Хатами по вопросам физической подготовки.

4. Ахмад Таваколи, бывший министр труда, в значительной мере мог рассчитывать на голоса жителей Западного Курдистана, которые его выдвигали кандидатом на пост президента в 1993 г., когда был избран Рафсанджани.

5. Хасан Гафури-Фард, бывший министр энергетики.

6. Абдолла Язби, ректор Исламского университета «Азади» (свободного). После его заявлений о необходимости облегчения вступительных экзаменов мог рассчитывать на голоса молодежи.

7. Махмуд Кашани, профессор Университета «Шахид Бехешти». Хотя в прошлом Кашани отчетливо примыкал к консервативному крылу, в последнее время он выступает с критикой как правых, так и реформатов.

8. Шахабеддин Садр, бывший член парламента.

9. Мансур Разави, член Тегеранского городского совета.

Предполагалось, что наличие такого большого числа кандидатов, с одной стороны, может стать свидетельством демократичности исламского режима, а с другой, не только сможет снизить уровень поддержки Хатами, но и возможно приведет к необходимости проведения второго тура. Но,

как отмечалось выше, консервативное крыло не только не видело реальной альтернативы Хатами, но, видимо, не было единства мнений в вопросе о необходимости борьбы за его переизбрание. Ведь за время его пребывания у власти реальная власть духовенства не была сколько-нибудь значительно потеснена, а необходимость внесения новых элементов в политику Ирана Хатами обосновывал не отказом от ислама, а также исламскими принципами. Кроме того, на наш взгляд, больший уровень противостояния Хатами как реформатора с консерваторами, можно обнаружить, как это ни парадоксально, в отношениях не с Али Хаменеи, а с Рафсанджани. Возможно, этим объясняется достаточно лояльное отношение к Хатами Организации борющегося духовенства во время подготовки президентских выборов. Именно эта организация была главным оплотом антиреформистских сил в выборах 1997 г., а в 2001 г. инициативу перехватили связанные с ней другие политические организации. Но, возможно, что это результат внутривнутриполитического развития, когда место религиозных объединений все больше начинают занимать организации более открытого типа.

На выборах 2001 г. главным оппонентом Фронта выступала «Коалиция исламских ассоциаций», объединявшая многих крупных коммерсантов, лидеров КСИР, Корпуса печати, Специального суда для духовенства. В состав этой в достаточно степени тесной коалиции входят 16 различных организаций. Объединяющей силой коалиции является партия «Последователи линии Имама» (Хатте имам). Именно лидер этой партии Сейед Хади Хосейни Хаменеи, брат рахбара страны Али Хаменеи, возглавил Специальную парламентскую комиссию по Афганистану, созданную в связи с началом операции США в Афганистане. Одной из наиболее активных партий Коалиции является «Ансаре Хезболла», основанная еще в 1995 г. по инициативе Общества борющегося духовенства.

Главной политической силой, поддерживавшей Хатами во время выборов, как было сказано выше, был Фронт 2 хордада и его основная партия «Мошарекят». Второй крупной партией, входящей во «Фронт» является Организация моджахедов исламской революции. Лидером является Бехзад Набави, который в правительстве Мусави был министром тяжелой промышленности. В настоящее время он является президентом частной нефтяной компании «Петро Парс», созданной с помощью министра нефтяной промышленности кабинета Хатами Биджана Зангане и заключивший многомиллиардные контракты с зарубежными компаниями. Будучи в 80-е годы сторонником «исламской» экономики, ориентированной на государственный контроль, Бехзад Набави в последние годы поддерживает курс Хатами на либерализацию экономической и политической жизни Ирана. В коалицию «Фронта 2 хордада» входит и крайне радикальная партия «Партия солидарности исламского Ирана», которая к выборам выдвинула несколько других кандидатов реформаторского крыла, среди них – Ибрагим Аскарзаде, члена Тегеранского городского Совета, в прошлом участника захвата в 1979 г. посольства США в Тегеране.

К «Фронту» продолжает примыкать «Каргозаран», занимая в нем центристские позиции. Созданная технократами правительства Рафсанджани, партия поддержала в 1997 г. кандидатуру Хатами, За прошедшие 5 лет партия в значительной степени утратила свое влияние. Не последнюю роль в этом сыграли разногласия с Рафсанджани, поддержка кандидатуры Хатами в 2001 г. лишний раз свидетельствует о дистанцированности от Рафсанджани³. Результаты выборов действительно можно считать всеобщим референдумом относительно дальнейших тенденций развития общества. Хатами одержал убедительную победу. На избирательные участки явилось 88% избирателей, которые отдали за него 77% своих голосов. В 1997 г. за него проголосовало 69%, количество поданных за Хатами голосов – 21,6 млн., в 1997 г. – 20 млн. И это первый случай в истории президентских выборов Ирана, когда кандидат на второй срок набирает голосов больше, чем при избрании на первый срок. Так было с Али Хаменеи, так было и с Рафсанджани. Показательно, что в Куме, религиозном центре Ирана, за Хатами проголосовало 55% избирателей, а за Таваколи – 35%. За Али Фаллахиана проголосовало всего 55 тыс. (0,2%), Али Шамхани – 700 тыс., или 2,5%. Наиболее успешно выступил Ахмад Таваколи, получив 4,4 млн. голосов, или 15%.

Уже первые шаги по официальному вступлению Хатами в должность показали наличие разногласий в высших эшелонах власти. По закону 5 августа Мохаммад Хатами должен был принести присягу перед членами Наблюдательного Совета, который также обновлялся в этом году. Однако меджлис категорически отказался принять предложенные главой Верховного суда Махмудом Хашеми Шахруди 8 кандидатур на три вакантных места, отвергнув из них семь. Спор был вынесен на рассмотрение главы Совета по целесообразности Рафсанджани, решение было согласовано со спикером парламента Мехди Карруби и Махмудом Шахруди и 8 августа Хатами был приведен к присяге. Только после приведения к присяге президент мог официально приступить к формированию правительства.

Правда, формирование нового правительства прошло относительно спокойно, возможно потому, что не было внесено сколько-нибудь значительных изменений в структуру прежнего кабинета. Конечно, не обошлось без критики и справа, и слева. Одни критиковали, что ряд министров имеет явно западную ориентацию, другие, что кабинет не достаточно укомплектован либералами. Пожалуй, самым значительным, хотя и прогнозируемым, стала отставка первого вице-президента Хасана Хабиби. Хабиби занял этот пост еще при Рафсанджани, сохранение поста первого вице-президента за сторонником Рафсанджани было объективно нецелесообразно. Он еще летом заявил о своем желании уйти в отставку, официальное заявление им было подано в августе и удовлетворено. Первым вице-президентом стал открытый сторонник курса Хатами Мохаммад Реза Ареф, в правительстве Хатами занимавший посты министра почты, а затем главы Плановой организации. До этого Ареф, получивший степень доктора в области телекоммуникаций Стэнфордского университета (США),

был ректором Тегеранского университета, крупнейшего в Иране. Меджлис полностью одобрил новый кабинет в составе, предложенном Хатами.

Состав правительства Мохаммада Хатами

президент	Хатами, Мохаммад
первый вице-президент	Ареф, Мохаммад-Реза
вице-президент (по вопросам защиты окружающей среды)	Эбтекар, Масуме
вице-президент (атомная энергетика)	Агазаде, Голам-Реза
Вице-президент (физическое воспитание)	Хашеми-Таба, Мостафа
Вице-президент (по связям с парламентом и судом)	Абтахи.Мохаммад-Али
Вице-президент (планирование и менеджмент)	Сатарифар, Мохаммад
Министры: торговли	Шариатмадари, Мохаммад
сельскохозяйственного джихада	Ходжати, Махмуд
кооперативов	Суфи, Али
науки и исследований	Моин, Мостафа
культуры и исламской ориентации	Маджид Джамеи, Ахмад
обороны	Шамхани, Али
экономики и финансов	Мазахери, Тахмасеб
образования	Хаджи, Мортеза
энергетики	Битараф, Хабиболла
иностранных дел	Харрази, Камал
здравоохранения	Пезешкиян, Масуд
жилищного и городского развития	Абдоллализаде, Али
безопасности	Юнеси, Али
внутренних дел	Мусави Лари, Абдолвахед
юстиции	Шустари, Мохаммад Исмаил
труда и социальных дел	Хосейни, Ахмад
промышленности	Джахангири, Исхак
нефти	Зангане, Биджан Намдар
почты, телеграфа, телефона	Мотамади, Ахмад
Транспорта и дорог	Хоррам, Ахмад

Некоторые изменения произошли в структуре кабинета: уменьшилось число вице-президентов, объединены министерство промышленности и министерство рудников и металлургии, также слились в одно министерство сельского хозяйства и Созидательного джихада, появилось новое министерство— науки и исследований. Некоторые из министров возглавили другие министерства. Самое главное для Хатами, что министерство внутренних дел, иностранных дел и министерство безопасности возглавили его сторонники. Более однородный по составу, чем предыдущий, кабинет приступил к работе.

Уже менее, чем через месяц правительство Ирана столкнулось с чрезвычайно острыми проблемами, которые поставил перед ним террори-

стический акт 11 сентября в США. Здесь можно выделить две главные проблемы:

- выработка единой для всего руководства Ирана позиции
- сохранение внутривнутриполитической стабильности.

Занятая президентом взвешенная позиция, осудившего террористические акции, но одновременно и военные бомбардировки в Афганистане, заявления о возможности участия в совместной антитеррористической операции, но под эгидой ООН, помощь войскам Северного Альянса и афганским беженцам была поддержана большинством членов его кабинета. И это в ситуации, когда антиамериканизм долгие годы являлся составляющей частью внешней и внутренней политики Ирана. И даже на протяжении военной операции правительству удалось, как ни в другой соседней с Афганистаном стране, удержать население от всплеска антиамериканских настроений.

Несмотря на то, что в текущем году США не смягчили жесткого режима санкций в отношении Ирана, Иран одним из первых официально осудил террористические акты 11 сентября и признал необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Чрезвычайно важно, что это было сделано не только на уровне президентской власти, фактически олицетворяющей светские элементы иранской государственной власти, но и на религиозном уровне – через заявления высших шиитских улемов. Конечно, нужно учитывать, что антиталибская направленность операции США объективно отвечает интересам Ирана. Иран, как известно, поддерживал антиталибскую коалицию, оказывал ей финансовую и военную помощь, в первую очередь, войскам Исмаил-хана, представляющим интересы шиитского населения. В Иране находилось правительство Раббани, численность только официально учтенных афганских беженцев накануне военной акции США приближалась к 1 млн., а общая – к 2 млн. Еще перед началом военных действий Иран дал согласие на размещение гуманитарной помощи, а в ходе операции – на размещение лагерей беженцев на своей территории. Были открыты воздушные коридоры для транспортных самолетов, поставляющих гуманитарные грузы. Гуманитарные грузы в Герат сопровождали иранские группы. Иран надеялся и надеется, что эти действия позволят ему сохранить свое влияние на развитие афганского политического процесса. Иран всегда выступал и сейчас выступает за необходимость формирования широкого коалиционного руководства Афганистаном. Иран заявлял:

о целесообразности создания Временного административного Совета, в который бы вошли в пропорциональном отношении представители разных этнических групп,

чтобы державы не настаивали на выдвижении своих лидеров, имея в виду прежде всего Захир-шаха,

о необходимости скорейшего вывода иностранных войск, считая, что войска антиталибской коалиции способны навести порядок, и что дальнейшее пребывание войск может осложнить этническую ситуацию.

Очевидная заинтересованность Ирана в ослаблении талибского режима была уравновешена официальным осуждением военной операции как до, так и после начала ее проведения, заявлениями о необходимости проведения антитеррористической акции под эгидой ООН. Иран также не дал согласия на использование своего воздушного пространства и аэродромов для нанесения воздушных ударов США по Афганистану, своей территории для размещения наземных войсковых соединений. И неоднократно визиты глав иностранных ведомств ряда европейских стран, видимо, оставляют позицию Ирана прежней. На чрезвычайной сессии ОИК Ираном была высказана резко негативная позиция по отношению к военным операциям в Афганистане. Иранскому руководству по мере продолжения операции в Афганистане становилось сложно вырабатывать единую позицию, так как не всегда объективные государственные интересы, отражаемые преимущественно правительством Хатами, совпадают с интересами некоторых исламских лидеров. Несмотря на укрепление позиций сторонников президента и значительную эволюцию исламского режима, позиции исламских органов власти все еще очень значительны. С одной стороны, государственные интересы Ирана, в том числе возможность свержения власти талибов и установления лояльного к Ирану правительства, сдерживали антиамериканизм исламских структур власти. С другой стороны, растущий антиамериканизм в соседних странах, особенно в Пакистане, мог привести к изменению баланса политических сил в самом Иране в сторону усиления влияния религиозных властных структур, в том числе военных. Сам ход операции, ее результаты, а в дальнейшем результаты послевоенного устройства Афганистана, – стали оказывать и будут оказывать непосредственное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Иране. Пока не был взят Кабул и продолжался рост антиамериканизма в исламских странах, официальная позиция Ирана, а она всегда озвучивается правительством и президентом, стала использоваться консервативным духовенством для уменьшения влияния сторонников Хатами. Вполне прогнозируемым было заявление главы судебной власти аятоллы Махмуда Хашеми Шахруди о том, что «национальная безопасность достигается борьбой против глобального высокомерия и угнетения во главе с США». Разногласия обнаружились и в самом правительстве. Неожиданной стала распространенная через канал «Ап-Джазира» критика позиции президента Ирана Мохаммада Хатами военным министром Али Шамхани. Газета «Техран Таймс» от 30 октября писала, что Шамхани назвал линию президента по поводу военных действий США в Афганистане «слишком мягкой» по отношению к «врагу», заявил о целесообразности вернуться к идеям имама Хомейни. Беспорядки, устроенные футбольными болельщиками в Тегеране и ряде других городов в последние две недели, он связал с недовольством официальной политикой прави-

тельства. При этом он признал, что целью сдержанной политики Хатами является повышение рейтинга Ирана на Западе. Но эта критика курса Хатами членами его правительства не получила поддержки остальных членов кабинета. Успехи антиталибской коалиции активизировали действия реформистов. Меджлис неоднократно добивался изменения закона о выборах, которые бы давали возможность уменьшить абсолютную власть Наблюдательного Совета (Guardian Council) при отборе кандидатов в меджлис и в президенты. Новый, более либеральный закон о банковском контроле представил в меджлис глава ЦБ Мохсен Нурбахш. Суд по делам печати снял обвинения с ряда журналистов. Так, 26.11. были сняты обвинения с гл. редактора «Техран Таймс» Аббаса Салими Намина.

Но и противостояние консерваторов очень сильное. Так, переданный на арбитраж Совету по целесообразности (Expediency Council) закон о выборах рассматривался на специальной сессии в ночь с 26 на 27 ноября, но согласие не было достигнуто, и дело передано для окончательного решения лично Рафсанджани.

Определенной демонстрацией антиамериканизма стала широко отмеченная в конце ноября «неделя басиджа» (ополчения), парад был проведен у бывшего посольства США. Рафсанджани отметил роль басиджа в укреплении безопасности на восточных (афганских и пакистанских) границах. А Али Шамхани назвал именно басидж «оплотом исламской системы, а его существование необходимым для исламской революции».

Прагматично настроенное крыло правительства Мохаммада Хатами рассчитывает, что сохранение Ираном позитивного нейтралитета может иметь самое важное для него последствие – изменение к нему позиции США и Европы в отношении инвестиционной и торговой политики. Без иностранных инвестиций Ирану вряд ли удастся добиться прорыва в экономическом развитии. Конечно, и Иран и Европа находят обходные пути, достаточно назвать создание частной нефтяной компании «Петропарс», зарегистрированной на Виргинских о-вах (Британия), через которую заключены миллиардные сделки с европейскими компаниями. Во главе ее стоит Бехзад Набави, друг министра нефти, один из лидеров второй крупнейшей партии, входящей во «Фронт 2 хордада» (Организация моджахедов исламской революции). Но такие обходные пути дают консерваторам повод для обвинения правительства в коррупции. В конце ноября было достигнуто соглашение между компанией и Министерством экономики и финансов, по которому компания в течение определенного времени будет зарегистрирована в Иране и переведет свои средства на счета иранских банков. Санкции были наложены под предлогом того, что «нефтяные «используются Ираном для финансирования пропалестинских террористических организаций. Но они не финансируются по официальным, или бюджетным каналам. Легализация связей с Западом в случае смягчения позиции США объективно в интересах не столько исламского государства, которое может использовать для финансирования религиозные источники, сколько в интересах правительства реформаторов. К тому же антиамери-

канизм уже перестал быть фактором, который когда-то сплачивал нацию, сейчас это скорее фактор, разделяющий иранское общество. Если США отменят санкции в отношении Ирана, особенно закон Дамато, это снизит уровень негативной реакции руководства на вполне прогнозируемое усиление американского влияния в Центральной Азии и Закавказье и усилит возможности Ирана в области транспортировки региональных энергоресурсов на мировые рынки. В этом случае Иран укрепит свои геополитические позиции в регионе. Показательно, что ООН стала активно налаживать связи с ОЭС – Организацией Экономического сотрудничества, членами которой являются Иран, Турция, Пакистан, Афганистан и новые мусульманские государства Центральной Азии и Кавказа. В последние годы из-за политических противоречий и этнонациональных конфликтов эта организация практически бездействовала. Но в конце ноября Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан уже встречался с иранским представителем в этой организации, заявляя о необходимости усиления роли ОЭС в регионе, координации ее с ООН.

России нужно учитывать возможность такого развития событий. Позиция России должна учитывать и разные возможности развития политической ситуации в Иране и разные сценарии развития отношений с США. При этом каждый из них может быть по-разному использован политически и экономически. Это – тема многовариантная, но в целом сближение Ирана с США при такой же тенденции России с США для России может оказаться значительно экономически и геополитически выгоднее, чем при обратном варианте. Особенно оптимистичным может стать участие в энергетических и транспортных проектах, особенно международных проектов под эгидой ООН и ЕС. Участие Ирана в них чрезвычайно ограничено из-за позиции США, отказывающихся финансировать проекты с его участием.

У России и Ирана, помимо Таджикистана и Афганистана, много общих проблем и общих экономических интересов. По-прежнему нерешенной остается проблема Каспия. С иранской стороны с конца 2001 г. Специальным представителем по делам Каспия был назначен Мехди Сафари, бывший до этого послом в России. Определенные подвижки в смягчении позиции ИРИ в свете предстоящей 18–20 декабря 6-й сессии по Каспию есть. Актуальным является активизация транспортных транзитных проектов, в том числе по Волге. Иран в последние два года активно действует в этом направлении, укрепляя не только свою судоходную Каспийскую компанию, но и обустривая терминалы по побережью Каспийского моря, организуя свободные экономические зоны. Россия значительно отстает в модернизации своей инфраструктуры не только на Каспии, но и Волге, рискуя уступить в конкурентной борьбе в случае увеличения транзита Европа-Азия, оживления связей ОЭС с ЕС. Иран остается выгодным экономическим партнером России, рынок Ирана достаточно емкий, размер ВВП на душу населения по ППС в 2000 г. составил почти 6 тыс. долл. Размер внешнего долга в 2000 г. чуть больше 10 млрд. долл., задолженностей по

выплатам долга Иран не имеет. Растущий в Иране экономический интерес европейских стран и США очевиден, внутренняя политическая ситуация становится все более предсказуемой, и помимо сохранения уже завоеванных в Иране позиций, Россия вполне могла бы их усилить, став в создавшейся ситуации одним из участников установления и расширения Ирана с Западом.

При этом Россия не должна упускать из виду, что Иран и при правительстве реформаторов не отказывается от лидерства в регионе, от распространения своего культурного влияния, в том числе религиозного. Ислам же в Иране отнюдь не снизил уровень своей политической составляющей, продолжает сохранять значительную политическую активность. Уроки афганского кризиса, вероятнее всего, заставят Иран, как уже отмечалось, снизить уровень поддержки исламистских организаций за рубежом. Но необходимо иметь в виду, что в самом Иране практически весь спектр внутривнутриполитической жизни представлен либо религиозными организациями, либо партиями с исламской ориентацией. Поэтому для России, особенно ее исламских регионов, главным содержанием отношений с Ираном должны стать экономические, а в военной сфере с возможно большей степенью контроля за использованием техники и технологий, не исключая третьих стран и международных организаций.

Говоря о последствиях событий Афганистана на политическую ситуацию в Иране, нельзя не обойти те, которые могут возникнуть в случае фактического распада Афганистана. Это неизбежно приведет к развитию региональных этнических конфликтов, а для Ирана – это чрезвычайно болезненная проблема. Наблюдаемое в последние годы увеличение числа этнически однородных провинций не безопасно с точки зрения сохранения единого государства. 26 ноября 2001 г. заместитель министра внутренних дел озвучил план, согласно которому страна будет разделена на 10 штатов во главе с министрами, которые будут введены в состав правительства. Каждый из штатов будет включать несколько останов (провинций). Безусловно, это новое административное устройство будет более стабильным.

Занятая правительством Ирана позиция «позитивного нейтралитета» позволила ему добиться от европейских стран признания необходимости пересмотра их отношений с оппозиционными иранскими партиями, особенно с «Моджахеддине хальк», ведущей активную террористическую деятельность против иранского режима.

Правительство надеется, что успех военной операции укрепит позиции реформаторского крыла правящей элиты, а следовательно, ускорится эволюция режима, но **только** в рамках конституционного процесса. Тенденция к тому, что правительству удастся преодолеть сопротивление Наблюдательного Совета и Совета по целесообразности по принятию более либеральных законов как экономического, так и политического характера с достаточной долей вероятности прогнозируется. Прогнозируемо в этом случае и изменение отношения Ирана к исламским экстремистским

группировкам, к возможности превращения их в партии, к палестинской проблеме. Достаточно напомнить, что в Нью-Йорке президент Ирана впервые сказал о том, что Иран готов принять то решение, которое будет одобрено палестинским народом, т.е. не связал решение палестинской проблемы с полным отрицанием права Израиля на свою государственность.

Если США не изменят своей политики санкций в отношении Ирана, это, безусловно, усложнит не только экономическую, но и политическую ситуацию в Иране. Можно прогнозировать рост влияния того крыла духовенства, которое объединено в Общество борющегося духовенства, лидеры которого составляют большинство Наблюдательного Совета, судебной системы, КСИР. Вновь к этим лидерам стал в последнее время склоняться и Рафсанджани.

Но, изменение сложившегося баланса политических сил в пользу исламского крыла, на наш взгляд, маловероятно, и такую возможность можно прогнозировать лишь на крайне ограниченную перспективу. Для Ирана ориентация исключительно на исламский фактор развития уже доказала свою несостоятельность и на экономическом и на внешнеполитическом уровне. Индикатором позитивных изменения настроений иранского общества стала всеобщая поддержка выдвинутой президентом страны Мохаммадом Хатами концепции «диалога цивилизаций».

¹ Political Paralysis: Iran's 2001 Election and the Future of Reform. <http://www.asiasociety.org/publications/update-iran.html>

² Middle East International, 15.06.2001, p. 13.

³ Political Paralysis... p. 7.

КУРДСКИЙ МАКИАВЕЛЛИ
Свыше 50 лет Джалал Талабани активно участвует
в иракской и региональной политике

За последние два-три года Ближний Восток лишился нескольких крупнейших политических деятелей региона, своего рода патриархов ближневосточной политики. Короли Марокко и Иордании Хасан и Хусейн и президент Сирии Хафез Асад последние несколько десятилетий определяли лицо ближневосточной политики. На сегодняшний день на Ближнем Востоке всего два политика имеют «стаж» длиной в несколько десятилетий. Это палестинский лидер Ясир Арафат и лидер иракских курдов Джалал Талабани. Однако в отличие от Ясира Арафата курдский лидер лишен широкого общественного внимания, что объясняется главным образом подчиненным положением Курдистана и перманентным замалчиванием курдской проблемы. Один из известнейших курдских лидеров XX в. Джалал Талабани является рекордсменом политического долгожительства или, если так можно сказать, «долгоучастия» в региональной политике, более 50 лет беспрерывно находясь в самой гуще политической жизни Курдистана, Ирака и в целом Ближнего и Среднего Востока.

В то же время необходимо отметить, что нахождение *Мам* Джалала, как называют его в Курдистане (*мам* по-курдски означает «дядя» и используется среди курдов как уважительное обращение к авторитетным людям), на протяжении такого длительного времени в авангарде иракской и курдской политики (он один из немногих политиков современного Ирака, чья деятельность началась еще во времена монархического режима) априори предполагает обладание уникальным политическим чутьем и высоким уровнем политического искусства. Талабани нередко приходилось лавировать, балансируя на острие бритвы иракской и региональной политики. Его позиция, действия и различные заявления нередко оценивались в курдском национально-освободительном движении как «предательство национальных интересов курдов, отсутствие четкой политической линии и долгосрочной программы, проявление политического конформизма». Его лозунги и заявления часто были очень противоречивыми, вызывая среди курдов неоднозначную реакцию, и в то же время могли быть им сразу же аннулированы в соответствии с каждой конкретной политической ситуацией. Талабани нередко называли «слугой баг-

дадского режима», а его действия характеризовали как «бесперспективные и недальновидные с точки зрения объективных политических условий». Несколько раз, казалось, он стоял на грани политической катастрофы, но чудом удачно выходил из трудных ситуаций. *Мам Джалал* пережил несколько иракских режимов и показал свою политическую жизнеспособность, став одним из крупнейших курдских и иракских политиков современности. Джалал Талабани, по-видимому, всегда хорошо понимал, что политическое выживание курдских деятелей в крайне жесткой ближневосточной политике, в которой курды традиционно в силу разделенного и колониального положения Курдистана и объективных международно-политических и глобальных условий становились разменной монетой, предполагает балансирование на грани многочисленных и многослойных геополитических и геоэкономических интересов (в этой связи невольно вспоминается, например, меткое выражение Мустафы Барзани, касающееся ближневосточной и курдской политики: «тонны истины меняют на баррель нефти») всех сил региона.

Вероятно, понимание этих факторов обусловило всю политическую жизнь Джалала Талабани. Чтобы выжить, Талабани стал «*курдским Макиавелли*». Ему в своей политической деятельности пришлось сочетать качества льва и лисы. Джалала Талабани традиционно из-за его дипломатических качеств называют «лисицей», а своими многочисленными героическими поступками он заслужил репутацию «льва» (его визави, лидера Демократической Партии Курдистана (ДПК) Масуда Барзани называют «пантерой»). Эти качества позволяют ему «быть подобным лисе, чтобы обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков»¹. А его многочисленные противоречивые заявления и политические действия необходимо рассматривать в контексте сентенции Никколо Макиавелли о том, что «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание»². Не случайно, политические условия, в которых знаменитый средневековый итальянский политический гений создавал свои научно-патриотические труды, в немалой степени схожи с политическими условиями деятельности его курдского последователя. В этом смысле не вызывает ни малейших сомнений, что вся зигзагообразная политическая жизнь Джалала Талабани была обусловлена стремлением к созданию независимого курдского государства.

Джалал Талабани родился в 1933 г. в селении Келкан вблизи водохранилища Койсанджак в уважаемой в Иракском Курдистане семье. Его отец Хусамеддин Талабани был известным исламским религиозным деятелем ордена *кадырийя* и имел дервишскую келью-текке в Койсанджаке, а затем и в Киркуке. Начальную школу Джалал Талабани окончил в Койсанджаке, далее учился в Эрбиле и Киркуке. В 1946 г. в возрасте 13 лет Джалал Талабани сформировал подпольную

курдскую молодежную организацию. Еще во время учебы в школе, пытаюсь получить разрешение иракских властей на продолжение учебы в медицинском институте, Талабани из-за своей активной политической деятельности получил отказ. В 1947 г. он вступил в единственную в то время курдскую политическую партию – Демократическую партию Курдистана (ДПК), а в 1951 г. в возрасте 18 лет стал членом ЦК ДПК и руководителем крупнейшего киркукского отделения ДПК. В 1952 г. Джалал Талабани на некоторое время был подвергнут аресту, однако через год получил разрешение от властей хашимитского королевства поступить на юридический факультет Багдадского университета, который окончил лишь в 1959 г., так как с 1956 г. и до свержения монархического режима в июле 1958 г. ему пришлось скрываться от служб иракской безопасности. В 1953 г. Талабани стал генсеком вновь созданного Союза студентов Курдистана, а в 1954 г. был избран членом Политбюро ДПК. В 1957 г. он приезжал в Москву для участия в фестивале молодежи и студентов и встречи с находящимся тогда в Советском Союзе курдским лидером Мустафой Барзани. В 1959 г. в течение года служил офицером иракской армии в артиллерии и командиром танковой части. Джалал Талабани в 1972 г. женился на дочери одного из лидеров курдского освободительного движения в Ираке Ибрагима Ахмеда – Геро. Имеет двоих сыновей. Талабани пользуется репутацией интеллектуала и считается олицетворением современной курдской дипломатии. Он в совершенстве знает пять восточных и европейских языков.

Как известно, Мосульский вилайет (Южный Курдистан) был отторгнут от Османской империи и включен в состав подмандатного Англии вновь образованного Иракского королевства с целью сохранения англичанами контроля над этими стратегически важными территориями, а также в рамках политики «разделяй и властвуй» для противопоставления арабского и курдского национализма. В 20–30-х годах в Ираке прокатилось несколько крупных курдских освободительных восстаний, но все они были жестоко подавлены с помощью британских военно-воздушных сил. Однако угнетенные курды продолжали бороться за свои права.

Июльская революция 1958 г., свергнувшая хашимитскую монархию и провозгласившая Иракскую Республику, была воспринята курдами с большим энтузиазмом. Правительство республики, в которое в качестве министров были введены два курда, возглавил Абдель Керим Касем. Временная иракская конституция декларировала равноправие арабов и курдов, а статья 3 конституции гарантировала национальные права курдов. Были амнистированы лидеры и участники курдских национально-освободительных восстаний курдов. Мустафа Барзани после двенадцатилетнего пребывания в СССР получил приглашение вернуться на родину. ДПК получила право свободной деятельности.

Однако сложное внутреннее состояние молодой республики, отсутствие готовности правительства реализовать данные обещания и неуклонный рост курдского национализма привели в 1961 г. к началу новой арабо-курдской войны. Примечательно, что Мустафа Барзани, в то время уже почти легендарная фигура среди курдов, всячески пытался избежать конфликта. Молодой, но к тому времени являвшийся одним из руководителей курдского движения и олицетворением современного политического лидера среди курдов Джалал занимал значительно более радикальную позицию. В начавшемся конфликте Талабани довольно успешно руководил киркукско-сулейманийским фронтом и в том же году был избран главой военного бюро ДПК. Баасистский переворот 1963 г. на некоторое время способствовал прекращению огня. Талабани во главе курдской делегации вел переговоры с иракскими властями в Багдаде, а также в Каире и Алжире с лидерами арабского мира – президентами Насером и Бен Беллой. (В то время Египет, будучи лидером панарабского движения, а также проявляя интерес к возможному объединению двух стран, был заинтересован в политическом решении курдской проблемы в Ираке. Как заявлял Гамаль Абдель Насер, «война в Курдистане является позором для арабов», хотя во время встречи с Талабани он ограничился лишь заверением курдов в «сочувствии и нейтралитете».) Примечательно, что несмотря на присутствие в то время в курдском движении нескольких довольно уважаемых фигур, имеющих значительный опыт политико-дипломатических переговоров и авторитет в курдском движении, Мустафа Барзани в качестве своего представителя на переговорах с лидерами Ирака и в целом арабского мира отдавал предпочтение молодому Талабани, еще не достигшему и 30-летнего возраста, что на Ближнем и Среднем Востоке бывает крайне нечасто. По словам некоторых очевидцев, Мустафа Барзани не раз признавался, что любит Джалала Талабани как родного сына, видя в нем безусловно наиперспективнейшего и интеллектуальнейшего курдского лидера, который сумел бы поднять уровень курдской дипломатии на качественно новый уровень.

К 1962–1963 гг. курды контролировали большую часть Иракского Курдистана. Однако баасистский режим был свергнут через несколько месяцев группировкой братьев Арефов и в стране была установлена диктатура военных. Война с курдами была возобновлена, однако ее безуспешность вынудила Багдад в феврале 1964 г. заключить с Мустафой Барзани соглашение о прекращении боевых действий и мирном урегулировании курдской проблемы. Это соглашение стало причиной раскола в ДПК. Амбициозный Талабани, претендующий на лидерство в курдском национально-освободительном движении, вместе со своим будущим тестем и генеральным секретарем ДПК Ибрагимом Ахмедом (Мустафа Барзани был президентом ДПК) выступил резко против этого соглашения. По мнению Талабани, политика Бар-

зани противоречила духу курдского национального движения и не отражала национальных интересов курдов, так как правительство ничего не говорило об автономии курдов «в рамках свободного и демократического Ирака», что, собственно, и являлось целью курдского движения. Он также обвинил Барзани в авторитаризме и руководстве партией устаревшими методами. Талабани и его сторонники организовали «конференцию ДПК» и объявили о нелегитимности Барзани. Таким образом, безусловное лидерство Барзани было оспорено. При этом следует заметить, что среди широких масс населения курдов авторитет Барзани был безграничен.

Однако необходимо отметить, что это соглашение являлось лишь поводом для разногласий. Глубокие, серьезные причины, кроме личных особенностей характера Талабани*, состояли в другом.

Несмотря на внутреннюю цельность и интегрированность, Иракский (Южный) Курдистан по природно-климатическим, лингво-диалектным и, отчасти, социально-экономическим условиям можно разделить на две части. Первая, ее называют Бахдинан, включает север и северо-запад Иракского Курдистана с городами Дохук, Захо и Ревандуз, а вторая (Соран) охватывает центральную, южную и юго-восточную части с городами Эрбиль, Сулеймания, Киркук и Ханекин. Бахдинан – более суровый в природно-климатическом отношении и аграрный регион. В Соране же находятся основные плодородные земли Южного Курдистана. С социально-экономической точки зрения это более развитый и урбанизированный регион, а в курдском движении здесь более значительную роль по сравнению с выходцами из деревни играют городские круги, мелкая буржуазия и интеллигенция. На севере говорят на курдском диалекте *курманджи*, называемом там *бихдинини*. а на юго-востоке на диалекте *сорани*, называемом *курди* – «курдский».

В то же время необходимо отметить, что исторически в этом регионе, известном ранее как Шахризур и являющемся колыбелью курдского народа, особенно сильны позиции курдского национализма. А начиная с XIX в. Соран и его центр город Сулеймания становятся ядром курдского просвещенного национализма, *геокультурным центром Курдистана*, «поставщиком» курдских национальных идей, в то время как Койсанджак, малая родина Талабани, традиционно являлся духовной столицей курдских националистов. В 20-х годах XX в. в Сулеймании было провозглашено курдское королевство шейха Махмуда Барзинджи, обладавшее за время его краткого существования основ-

* Как метко отметил однажды в беседе с автором известный курдский исследователь профессор Шахро Мгои, личность Джалала Талабани, безусловно, являющегося одним из наиболее талантливых курдских политиков, если не самым талантливым, находится в перманентном конфликте, существующем между его между характером (психологией) и умом.

ными атрибутами государственности и сыгравшее весьма значительную роль в формировании идеологии курдского национального движения. К этому региону относится также энергопромышленный центр всего Ирака – Киркукский район. Таким образом, указанные различия являются причиной противоречий между этими регионами Южного Курдистана. В то же время необходимо отметить, что эти различия не ставят под сомнение внутрияжнокурдистанское единство, являясь лишь фактором *внутрикурдистанской* региональной конкуренции.

Талабани, как выходец из сулейманийско-киркукского региона (Сорана), и Мустафа Барзани, род которого традиционно имел большое влияние в Бахдинане, в горных районах на стыке границ Турции, Ирана и Ирака, олицетворяли это межкурдское региональное соперничество. После смерти Мустафы Барзани, с конца 70-х годов его место в барзанско-талабанийском соперничестве заняли его сыновья Идрис и Масуд. Последние же пятнадцать лет, после смерти в 1987 г. Идриса Барзани, Иракский Курдистан, с точки зрения внутрияжнокурдистанской политики, стал полигоном противостояния Масуда Барзани и Джалала Талабани. Пиком противостояния последних лет стало приглашение в конце августа 1996 г. Масудом Барзани иракских войск на территорию «зоны безопасности» для выдворения «иранского агента Талабани».

Это противоречие присутствовало в курдском движении в Ираке с самого основания ДПК (ДПК основана в 1946 году) в конце 40-х и начале 50-х годов. В то время олицетворением этих противоречий было соперничество Хамзы Абдуллы (Мустафа Барзани в то время находился в Советском Союзе) и Ибрагима Ахмеда. В 60-х годах это соперничество сменилось оспариванием Джалала Талабани лидерства в курдском движении у Мустафы Барзани. По мнению некоторых наблюдателей, свою роль сыграла принадлежность этих курдских лидеров к различным суфийским направлениям. Талабани – выходец из семьи деятелей *кадирийского* ордена, а семья Барзани традиционно имеет значительное влияние в ордене *накшбенди*.

Примечательно, что Джалал Талабани для расширения своего влияния в южнокурдистанском политическом пространстве при соперничестве с Барзани не гнушался использовать ресурсы иракских властей. В 1964 г. при расколе ДПК Багдад стал определять группировку Талабани, которую тот называл «истинной ДПК», «прогрессивной курдской силой», противопоставляя ее Мустафе Барзани и «реальной» ДПК, снабжал оружием для борьбы с Барзани и рассматривал в качестве возможного партнера по переговорам.

До сих пор многие в курдской среде в качестве упрека припоминают Талабани его сотрудничество с иракскими властями против Мустафы Барзани, обозначая это как предательство. Однако подобная точка зрения, по меньшей мере, является не совсем верной, если не вредной, и не учитывает особенностей курдской политики.

Сотрудничество Джалала Талабани с Багдадом, хотя и было направлено на борьбу с основными силами курдского национально-освободительного движения, осуществлялось со стороны Талабани однозначно под «курдской эгидой». Позиционируя себя в качестве модернисткой и радикальной альтернативы традиционному и консервативному Мустафе Барзани, Талабани выдвигал перед Багдадом порой не менее «патриотические требования», получая значительные обещания для стимулирования внутрикурдской конкуренции. Несмотря на то, что обещания иракских властей, как правило, с легкостью ими же нарушались, сам факт предложения центральным правительством на официальном уровне предоставления прав курдам при отрицании в сопредельных Турции, Иране и Сирии даже намек на национальные особенности курдов имел большое значение. Несомненно, имея целью полномасштабное лидерство в курдском движении, Талабани стратегически всегда априори являлся противником Багдада. По крайней мере, его «патриотическую чистоту» подтверждает тот факт, что никогда значительная роль Талабани в курдском национально-освободительном движении не ставилась под сомнение курдским народом, великодушным на прощение ошибок, но беспощадным к предателям. Кроме того, нет ни одной курдской военно-политической силы, не имевшей в своем послужном списке сотрудничества с центральным правительством для борьбы с конкурентами-соплеменниками и/или для «оправдания» помощи.

При достижении соглашения между Мустафой Барзани и Багдадом о создании курдской автономии в марте 1970 г., курдская сторона выдвинула требование распустить сотрудничающую с властями группировку Талабани, гарантировав ее членам безболезненное возвращение в курдское «патриотическое политическое пространство».

Сам Талабани одобрительно отнесся к мартовской декларации иракского правительства об объявлении автономии курдов в 1970 г. В том же году, понимая бесперспективное состояние своей группировки, ему пришлось вернуться в лоно ДПК. Талабани стал представителем ДПК в Дамаске.

В 1975 г. после коллапса курдского движения в Ираке, когда в результате мартовского соглашения между Ираном и Ираком в Алжире, подписанного иранским шахом и вице-президентом Ирака Саддамом Хусейном на встрече стран ОПЕК, Иран, США и Израиль в обмен на уступки Багдада Ирану по проблеме Шатт эль-Араба перестали оказывать помощь курдскому движению, Барзани прекратил всякое сопротивление. По словам Генри Киссинджера, являвшегося в то время госсекретарем и советником по национальной безопасности в администрации Р.Никсона, США и Иран поддерживали иракских курдов в контексте американской региональной политики, направленной на ограничение «влияния Советского Союза, особенно после заключения советско-иракского договора 1972 г., и одновременно укреплению

ние гегемонии Ирана в Персидском заливе». Таким образом, в результате достижения регионального соглашения курдское национально-освободительное движение оказалось в глубоком политическом knockдауне.

Эта ситуация предоставила Талабани уникальную возможность занять свою партийно-политическую нишу в Иракском Курдистане. ДПК находилась в глубоком кризисе. Дезорганизованное курдское сопротивление нуждалось в политической организации. Вместе с тем Талабани понимал также необходимость формирования организации нового типа, гражданской политической партии. 1 июня 1975 г., то есть спустя лишь несколько недель после краха курдского движения, Талабани вместе с группой курдских интеллектуалов и активистов основал Патриотический союз Курдистана (ПСК) – курдская аббревиатура *YNK - Yekitiya Nistimaniya Kurdistan*. ПСК не являлся партией в полном смысле этого слова и поэтому не имел твердой идеологии. Это была организация, объединяющая разные группировки и партии, главными из которых были Марксистско-ленинская лига Курдистана, Социалистическая партия Курдистана и Общее течение. Однако основным объединителем вновь образованной организации была харизма Джалала Талабани. Некоторую помощь Талабани оказали и власти Сирии, заинтересованные в перманентном существовании курдской проблемы у своего вечного соперника за лидерство в арабском мире. Примечательно, что, по словам Талабани, во время его встречи в Бейруте в марте 1975 г. с Евгением Примаковым последний заявил, что СССР готов предложить свою помощь курдским повстанцам в случае продолжения курдского сопротивления. Однако, как говорил Талабани, руководство ДПК проигнорировало это предложение.

В течение нескольких месяцев ПСК создал повстанческие отряды и превратился в мощную военно-политическую силу в Иракском Курдистане. В Дамаске был организован выпуск печатного органа организации «Аш-Шарара», на первой странице которого печатался программный лозунг ПСК «Демократия Ираку, автономия Курдистану». С 1976 г. в Иракском Курдистане было возобновлено вооруженное сопротивление. Летом 1977 г. Талабани вернулся в Курдистан. Примечательно, что с самого первого момента образования ПСК начались вооруженные столкновения этой организации с ДПК. При переброске сил из Сирии в Иракский Курдистан, главным образом в районы политического влияния Талабани (Соран), члены ПСК были атакованы в Бахдинане, который являлся связующим звеном с Сирией, партизанскими отрядами ДПК под руководством сына Мустафы Барзани – Масуда.

Ирано-иракская война, являвшаяся крупнейшим региональным вооруженным конфликтом после Второй мировой войны, несмотря на разрушительные последствия (большая часть фронта проходила по территории Иранского и Иракского Курдистана), предоставила ирак-

ским курдам и Талабани возможность укрепления своих позиций. В самом начале войны, когда главные военные действия разворачивались на южном фронте, из Курдистана в большом количестве были выведены иракские войска. В руки курдских повстанцев попали некоторые склады иракской армии. В то же время в течение 1980 г. Талабани при посредничестве Организации Освобождения Палестины и Ливии сумел приобрести большое количество оружия. Горные районы оказались под контролем курдских повстанцев. Курдскими партизанами были освобождены целые районы. По ночам курдские *пешмарга* (*пешмарга* – курдское название партизан, буквально означающее «лицом к смерти») совершали нападения на крупные города и экономические объекты. В этих условиях в 1983 г. Саддам Хусейн в очередной раз предложил Талабани переговоры по мирному урегулированию курдской проблемы. В декабре того же года Талабани заявил о прекращении военных операций против иракской армии.

В то же время переговоры курдской делегации во главе с Талабани в Багдаде были использованы иракскими властями для разворачивания пропаганды о возможной сдаче курдских повстанцев. Среди части иракских курдов прокатилась очередная волна возмущения «предательской политикой» Джалала Талабани. Однако он начал получать от Багдада экономическую помощь. Саддам Хусейн даже пообещал Талабани включить в административные границы курдской автономии район Киркука, дающий около 60% иракской нефти, и установить квоту курдов в доходах от нефти, что исторически являлось основным арабо-курдским противоречием в Ираке. На праздновании курдского нового года – Навруза, 21 марта 1984 г. он даже призывал всех курдов встать на защиту «иракской Родины от иранских захватчиков».

Однако все эти обещания были лишь тактической уловкой Багдада. К тому же Турция, обеспокоенная ростом курдского движения в Турецком Курдистане, резко выступила против этих соглашений. Она, в обмен на обещания привлечения американской помощи для Ирака, добилась заключения с Ираком антикурдского соглашения, предусматривающего совместное подавление курдского движения. Талабани резко осудил это соглашение и в январе 1985 г. объявил о прекращении всех переговоров с иракским правительством. Таким образом, иракские власти использовали переговоры с Талабани как передышку для мобилизации внутренних ресурсов и заключения антикурдского договора с Турцией. Талабани же, получив лишь кратковременную экономическую, материальную помощь, оказался в политической изоляции «за сотрудничество с багдадским режимом». Позднее Талабани признавался, что Саддам Хусейн использовал переговоры как тактическую уловку, когда испытывал огромные трудности в боях за Басру, а как только опасность миновала, отказался от своих обещаний.

С этого времени Талабани, выдвинув вместо господствующего на протяжении нескольких десятилетий лозунга «Демократия Ираку, автономия Курдистану» лозунг «За права курдского народа на самоопределение» фактически открыл новый этап в развитии курдского движения в Ираке (его визави Масуд Барзани требовал лишь «расширенной версии автономии») и переориентировался на Иран, территория которого имела для него геостратегическое значение. Ведь по иранскому коридору он мог получать помощь и имел выход во внешний мир, а курдские партизаны обретали возможность восстанавливать в Иране силы. В октябре 1986 г., после неудач Ирана на южном фронте, между ПСК и Ираном было подписано соглашение. К тому же при посредничестве Ирана в ноябре 1986 г. произошло примирение ДПК и ПСК. Курдо-иранские совместные военные акции стали причиной яростных атак иракских войск и массовых депортаций курдского населения. Таким образом, как заявлял Талабани, Курдистан был ареной двух войн: ирано-иракской и войны иракских войск против курдов.

Осенью 1986 г. курдские повстанцы при помощи иранской армии начали массированные атаки против иракских нефтепромыслов в Курдистане, являющихся стратегической основой иракской экономики. С этого времени Иран в союзе с курдскими повстанцами начал войну на истощение против иракских экономических объектов. В течение 1987 г. из строя были выведены некоторые важные нефтепромыслы в Иракском Курдистане. К началу 1988 г., по словам Талабани, ПСК контролировал территорию в 40 тыс. кв. км, то есть основную часть Иракского Курдистана, за исключением крупных городов. Талабани надеялся, что победа в войне Ирана даст курдам возможность создать независимую республику или, по крайней мере, иметь статус республики в конфедеративном Ираке. Отвечая на вопрос о возможной реакции арабских стран, Талабани отмечал: «У нас нет друзей среди арабов. Только Иран помогает нам». В то же время он отрицал зависимость курдов от Ирана и заявлял, что курды извлекли уроки из 1975 г. Курдо-иранский альянс он объяснял лишь тактическими мотивами: «Мы сотрудничаем с Ираном ради достижения одних целей – уничтожения общего врага в строго определенное время».

Угроза распада Ирака и продвижение иранских войск при помощи курдов к Дербендихану, где расположена крупнейшая в Ираке плотина, снабжающая центр Ирака и Багдад водой и электроэнергией, и Киркуку, который, как уже отмечалось, является энергетическим сердцем Ирака, стали причиной использования иракскими войсками химического оружия против курдов. Так, в марте 1988 г. были уничтожены несколько тысяч жителей города Халабджа.

Окончание ирано-иракской войны полностью развязало руки Саддаму Хусейну. На следующий день после прекращения конфликта иракские войска предприняли генеральное наступление на Курдистан. Было убито около 200 тыс. курдов и около миллиона курдов были депортированы.

Поражение Ирака в войне в Персидском заливе и призывы США к свержению режима Хусейна вызвали шиитское и курдское восстания. В течение месяца курды установили контроль почти над всем Иракским Курдистаном. Однако последующее наступление иракской республиканской гвардии привело к известной курдской трагедии. Будучи на грани отчаяния, Талабани из Дамаска угрожал взорвать плотину Дербендихан и «залить Багдад водой», если Хусейн в очередной раз использует химическое оружие.

Однако, менее чем через месяц, 24 апреля 1991 г. все мировые средства массовой информации сообщили о начавшихся в Багдаде переговорах иракских властей с курдами и показали обнимающихся и целующихся Саддама Хусейна и Джалала Талабани, что вызвало бурю негодования среди миллионов курдов, считавших эти действия курдского лидера надругательством над памятью сотен тысяч жертв режима Хусейна. Талабани же в этой ситуации, учитывая международную изоляцию Ирака и его жизненную заинтересованность в диалоге с курдами, а также то обстоятельство, что великие державы в очередной раз бросили курдов, понимал, что в любом случае ключи от решения курдской проблемы находятся в Ираке и, по-видимому, надеялся выторговать некоторые дополнительные благоприятные условия, главным образом касающиеся возможности включения в Курдский автономный район нефтеносного Киркука. Но Хусейн не собирался идти на уступки курдам и использовал эти переговоры для дискредитации курдского лидера. В то же время необходимо отметить, что стремясь «не раздражать» Саддама Хусейна, что могло вызвать очередную резню курдов, Талабани неоднократно, например, в мае 1991 г. заявлял, что «Киркук не является традиционным курдским районом, и курдские партии не должны рассматривать его как интегральную часть Иракского Курдистана» и что «курды не хотят контролировать Киркук», хотя он всегда отмечал, что «Киркук является Иерусалимом Курдистана» и «рано или поздно Киркук будет нашим».

Создание под патронажем американцев зоны безопасности на части территории Иракского Курдистана севернее 36-й параллели дало возможность курдам в мае 1992 г. провести впервые в своей истории свободные выборы. На парламентских выборах ДПК и ПСК получили примерно равное количество голосов – соответственно 45,2 и 43,8% и получили по 50 мест в новом парламенте (5 мест были зарезервированы для представителей ассирийцев). На президентских выборах Масуд Барзани и Джалал Талабани набрали также почти равное количество голосов – соответственно 47,5 и 44,9%, и из-за того, что ни один кандидат не набрал свыше половины всех голосов, было решено отказаться от поста президента. Стороны поровну распределили посты во вновь сформированных парламенте и правительстве.

В то же время трения по поводу распределения таможенных доходов, являющихся значительной частью всех поступлений, спрово-

цировали в 1996 году межкурдский конфликт. Барзани при помощи Хусейна занял столицу Иракского Курдистана Эрбиль и центр региона, находящегося под контролем Талабани, – Сулейманию. Талабани вначале бежал в Иран, однако в течение нескольких недель сумел восстановить статус-кво. С этого времени Турция, предпринимающая с 1992 г. усилия по объединению ДПК и ПСК против Рабочей партии Курдистана (сумевшей после войны в Персидском заливе значительно укрепить свои позиции в Иракском Курдистане в условиях царившей там анархии и при помощи иракских властей в качестве мести Турции за участие в антииракской коалиции и для использования против организаций иракских курдов), и США затрачивали немалые посреднические усилия. Однако переговоры не достигали результата как из-за недоверия курдов к Турции, так и по причине недоверия между курдскими лидерами. Например, Талабани заявлял, что «если не будет другого выбора, то он предпочтет примирению с Барзани переговоры с Саддамом Хусейном, так как разговаривать с господином предпочтительнее, нежели со слугой». И все же в сентябре 1998 г. при посредничестве Мадлен Олбрайт было подписано соглашение между этими курдскими партиями.

Фактически в настоящее время Иракский Курдистан разделен на две части, одна из которых находится под контролем Масуда Барзани, а другая – Джалала Талабани. В то же время на протяжении последних нескольких лет, несмотря на различные негативные факторы, происходит планомерное становление курдской государственности в Ираке. Выросло целое поколение курдов, свободное от влияния саддамовской пропаганды и привыкшее жить в условиях политического плюрализма. Социально-экономическое положение в курдских районах значительно благополучнее, чем в остальных частях Ирака.

Однако дальнейшая политическая судьба Джалала Талабани, как и всего Иракского Курдистана, все-таки будет определяться борьбой интересов внутри курдского движения, политикой сопредельных стран и региональной политикой Соединенных Штатов. В этих сложнейших обстоятельствах только время покажет, насколько справедливо сравнение Дж. Талабани с Н. Макиавелли.

¹ *Никколо Макиавелли*. Государь. – М., 1990. – С. 52.

² Там же.

ОТНОШЕНИЯ МАРОККО СО СТРАНАМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА

Марокко – один из давних и стабильных объектов средиземноморской политики Европы. Страна является своеобразной «дверью» в Африку, где Европа играет довольно заметную роль, а формирующаяся в Марокко рыночная экономика создает благоприятные социально-экономические предпосылки для усиления европейского интереса к королевству. Его экономика достаточно широко интегрирована в мировое хозяйство, а марокканская буржуазия имеет устойчивую ориентацию на внешний мир и соответствующие связи с его деловыми кругами. Марокко поставляет в европейские страны цитрусовые, ранние овощи, рыбные консервы, а также фосфориты и другое минеральное сырье, химические удобрения, обувь и текстиль. Ввозит же готовые промышленные изделия, оборудование и продовольственные товары.

Совершенствуя свои внешнеэкономические связи, Марокко стремилось сблизиться с ЕЭС еще в начале 60-х годов. Этому способствовал тот факт, что сразу же после подписания Римского договора 1957 г. о создании Европейского экономического сообщества его структурами была выработана новая форма сотрудничества – «ассоциация» с бывшими колониями и зависимыми странами. Такая мера послужила дальнейшему сближению, тем более, что в силу существовавшего международного разделения труда экономика королевства была тесно связана с западноевропейским рынком. У Марокко даже существовало соглашение о «взаимозависимости» королевства и бывшей метрополии – Франции. Однако внутренняя нестабильность в бывших колониях и соперничество стран-членов ЕЭС мешали быстрой интеграции зависимых стран в Общий рынок. Основная борьба развернулась между ведущими странами ЕЭС – Францией и ФРГ. ФРГ стремилась ввозить максимум сельскохозяйственной продукции из «третьих» стран по более дешевым ценам, а Франция, будучи ее экспортером, была заинтересована как в рынках ЕЭС, так и третьих стран. Экспорт сельскохозяйственных товаров имел первостепенное значение для Италии, а также Греции, ставшей первым ассоциированным членом Общего рынка.

Переговоры Марокко с ЕЭС завершились только в 1969 г. заключением соглашения об ассоциации сроком на 5 лет. Однако на деле

оно стало соглашением о торговых предпочтениях, хотя марокканская сторона ставила своей целью создание зоны свободной торговли и получение экономической и финансовой помощи от сообщества.

В 1976 г. Марокко подписало долговременное соглашение о сотрудничестве с Европейским союзом в экономической, технической, финансовой и коммерческой областях, а также о трудовой эмиграции. Из-за ограничительных мер ЕЭС на экспорт сельскохозяйственной продукции, прежде всего цитрусовых, это соглашение было менее благоприятным для Марокко, чем предыдущее. В интересах защиты марокканских цитрусовых от конкуренции Испании марокканское правительство учредило «зеленый дирхам», обменный курс которого был выше официального. Это позволяло экспортерам покрывать часть производственных издержек.

Несколько изменилась структура торговли Марокко со странами ЕЭС: в импорте увеличилась доля производственного оборудования, а в экспорте снизилась доля сырья и возросла доля продукции сельского хозяйства и товаров широкого потребления. На ЕЭС приходилось 53% экспорта и 44% импорта Марокко, и такая структура обмена создавала постоянный рост дефицита, так как цена на готовую продукцию западных стран росла, а на марокканскую падала [1].

В 1977 г. ЕЭС ввело пропорциональные цены на марокканские текстильные изделия. Были приняты также меры к урегулированию потока марокканских эмигрантов в связи с избытком иностранной рабочей силы, что нанесло ущерб марокканской экономике. Государство было вынуждено прибегнуть к внешним займам. В соответствии с протоколом о финансовой помощи на 1978–1981 гг. и на 1981–1986 гг. Марокко получило от ЕЭС в общей сложности 320 млн. экю. Эта помощь направлялась главным образом, на строительство и расширение портов и акведуков для орошения, создание средних и мелких промышленных предприятий, осуществление сельскохозяйственных проектов, подготовку кадров и социальное развитие. Около 300 тыс. экю в 1982 г. было выделено на преодоление последствий засухи, периодически поражающей страну. В 1985 г. Марокко была предоставлена помощь в 25,5 млн. дирхамов на профессионально-техническую подготовку кадров [2].

С начала 60-х годов в результате проведения по рекомендации МВФ жесткого экономического курса произошли значительные изменения в марокканской системе хозяйства. Была осуществлена либерализация торговли, финансовой системы. Страна присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ). Был взят курс на установление реальных цен. Проведена налоговая реформа, отменены некоторые субсидии, снижены пошлины, установлен контроль над валютными операциями, введена конвертируемость национальной валюты. Началась приватизация государственных и смешанных предприятий.

По статистике второй половины 80-х годов, 45% промышленной и сельскохозяйственной продукции реализовывалось на внешних рынках [3]. Однако вступление в январе 1986 г. Испании и Португалии в ЕЭС отрицательно сказалось на условиях внешнеторговой деятельности Марокко (как и других стран Магриба), особенно на сбыте продукции обрабатывающей промышленности из-за конкуренции испанских и португальских товаров. В мае 1988 г. Марокко и ЕЭС подписали три дополнительных документа, предусматривавших сохранение установленных объемов торговли между ними и после вступления в ЕЭС Испании и Португалии. Финансовый протокол тогда определил, что в течение последующих пяти лет Марокко должно было получать помощь в размере 324 млн. экю: 173 млн. в качестве дара, остальные в виде кредитов Европейского инвестиционного банка [4]. Тем не менее в 1989 г. возникли новые трудности с экспортом продовольствия из Марокко в связи с принятием ЕЭС, по требованию Великобритании, решения о сокращении поставок морской рыбной продукции (за исключением сардин) на его рынок. На 13% сократился экспорт ранних марокканских овощей, что сопровождалось давлением ЕЭС, требовавшего уменьшить экспорт цитрусовых [5]. Марокканским экспортерам предлагалось продавать их ниже стоимости испанских фруктов.

Несмотря на периодически возникавшие трения в отношениях с Европейским союзом, Марокко считало необходимым всемерно развивать сотрудничество как с сообществом в целом, так и с отдельными странами Европы, расширять марокканские позиции на европейских рынках. Государственный министр Алауи полагал, что надо провести детальное обследование потребностей Европы в сельскохозяйственной и химической продукции, рыбных продуктах. Он был убежден, что ввиду высокой стоимости рабочей силы, Европа может отказаться от ряда промышленных отраслей (кожевенной, текстильной, швейной), в которых Марокко конкурентоспособно. Поэтому считалось целесообразным убедить партнеров, что им лучше строить заводы в Марокко, чем импортировать рабочую силу. Это открывало дополнительные возможности для экономического роста королевства [6].

Действительно, в передислокации материало-, энерго- и трудоемких производств в развивающиеся страны заинтересованы и развитые страны, все более специализирующиеся на капиталоемких и высокотехнологичных производствах. В декабре 1999 г. ЕС подписал соглашение с Народным банком Марокко о создании новых предприятий. В Марокко была выработана специальная программа информации и помощи в поддержку этой инициативы. В 1994 г. король организовал новый комитет по привлечению иностранных инвестиций, так как в 1991 и 1992 гг. эти последние покрывали, соответственно, 23 и 50% дефицита текущего бюджета [7]. Изменения в характере внешнеэкономических отношений в 90-е годы были связаны с тем, что тор-

говый обмен готовой промышленной продукции Европы на сырьевые товары стал дополняться вывозом капитала из ЕС, а также предоставлением долгосрочных кредитов.

Ныне, совершенствуя свои внешнеэкономические связи через пришедшую на смену ГАТТ в 90-е годы Всемирную торговую организацию (ВТО), Марокко стремится стать полноправным членом международного сообщества и активным участником международной торговли. Такая политика позволяет добиваться приемлемых результатов. 1 марта 2001 г. вступило в силу новое соглашение об ассоциации между Марокко и ЕС, что открывает некоторые обнадеживающие перспективы перед этой страной.

В 90-е годы отношения стран Магриба и ЕС регулировались в соответствии с «обновленной средиземноморской политикой». Основными ее направлениями были значительное увеличение финансовой помощи в рамках подписанных протоколов в 1991–1996 гг.; финансовое сотрудничество вне протоколов в осуществлении региональных проектов и защиты окружающей среды; торговый обмен, предусматривавший устранение таможенных барьеров на пути экспорта из стран Средиземноморья и ЕС. В рамках такой политики королевство стремилось добиться сбалансированного роста и устойчивого развития.

Марокко всегда было озабочено состоянием экономики своего Севера. В русле реализации региональных проектов в 1993 г. прошли переговоры премьер-министра К.Ламрани с делегацией экспертов ЕС о выработке плана помощи Марокко в экономическом возрождении отсталых северных провинций – традиционных источников трудовой эмиграции, контрабанды товаров и наркотиков.

Немаловажную роль в отношениях Марокко со странами ЕС играет поставка рабочей силы, занятой на европейских промышленных предприятиях, в строительстве, на шахтах и в сельском хозяйстве. В 1988 г. в европейских странах работало более 1 млн. марокканцев, из них свыше 600 тыс. во Франции [8]. В конце 90-х годов число легальных эмигрантов из Марокко достигло 2 млн. человек, 80% из которых проживало в Европе: во Франции – 500 тыс., в Нидерландах – 135 тыс., в Бельгии – 138 тыс., в Италии – 120 тыс. и т.д. [9]. ЕС ужесточает меры в отношении иммигрантов, законодательно разрабатывая систему найма, поскольку уже не нуждается в неквалифицированной рабочей силе. Заметно уменьшилось число контрактов, и поставка рабочей силы стала носить сезонный характер. Соответственно, уменьшились поступления валютных переводов от иммигрантов.

Наиболее болезненной в отношениях ЕС и Марокко оказалась проблема рыболовства в марокканских водах Атлантики. В январе 1988 г. вступило в действие соглашение с ЕС о морском рыболовстве, в соответствии с которым право лова в марокканских водах было предоставлено 800 судам Испании, Португалии, Франции, Италии, Гре-

ции и Голландии, а Марокко получило право на беспошлинный ввоз в страны сообщества в 3,5 раза больше консервированных сардин, чем Португалия, и денежную компенсацию в размере 71 млн. экю [10].

В дальнейшем, будучи хозяином положения, Марокко заставляло своих партнеров идти на существенные уступки в ходе длительных и упорных переговоров не только по вопросам рыболовства, но и в вопросах свободного товарообмена, кредитов и т.п. В результате работы смешанной комиссии ЕС – Марокко в мае 1992 г. было подписано соглашение сроком на четыре года вместо двух. Финансовые отчисления Марокко за лов рыбы в национальных водах существенно повышались. Ежегодная компенсация составила 100 млн. экю. Соглашение также предусматривало ежегодно двухмесячные каникулы для обеспечения биологического отдыха прибрежных вод. Однако эта тема не была исчерпана. Переговоры продолжались несколько месяцев. В феврале 1992 г. на совещании в Марракеше французский министр иностранных дел Р.Дюма обсудил новое соглашение о рыболовстве и перспективы соглашения о свободном товарообмене между королевством и ЕС, которое было оформлено в 1993 г.

В декабре 1999 г. начался новый сложный раунд переговоров о сотрудничестве в сфере рыболовства после истечения срока договора 1995 г. Ссылаясь на резкое сокращение запасов ценных морепродуктов в 200-мильной экономической зоне Атлантики, Марокко настаивало на «иных формах партнерства», добиваясь от европейцев, ведущий преимущественно прибрежный лов, помощи в переоснащении рыбообрабатывающей промышленности, модернизации рыболовного флота, а также решения о более широком доступе марокканской готовой рыбопродукции на европейские рынки. В ходе длительных дебатов иностранные рыболовецкие суда даже были вынуждены покинуть марокканскую зону, особенно пострадала Испания (из 780– 800 судов Испании принадлежало 650).

Учитывая заинтересованность европейцев в ловле рыбы в своих водах, Марокко удалось заключить исключительно выгодное соглашение, хотя и не предполагающее его автоматического продления. Королевство добивалось сокращения на 50% квоты стран ЕС на промышленный лов рыбы и реализацию почти половины улова на марокканских предприятиях. Согласно договору, общее количество вылавливаемой рыбы сократилось на 39%. Поэтому ЕС обязалось выплачивать Марокко за «аренду» его вод на 24% больше, чем раньше. Треть улова должна при этом перерабатываться на марокканских предприятиях.

В связи с этим соглашение больше устроило Марокко, чем ЕС. В ходе переговоров марокканцы пытались решать и проблемы взаимоотношений с ЕС в целом путем заключения всеобъемлющего соглашения, определяющего основные направления взаимного сотрудничества. Такое общее соглашение с ЕС было подписано. Марокко уда-

лось получить ряд льгот в отношении сельскохозяйственной продукции в ущерб европейским странам, особенно Испании.

В результате нового договора 400 рыболовецких судов стран ЕС оказались на приколе. Переговоры о заключении очередного договора в Брюсселе в марте 2001 г. также зашли в тупик, подчиняясь установившемуся алгоритму. В результате многочисленных встреч обе стороны пока не достигли компромисса. Наиболее острой стала проблема финансовой компенсации за право лова в 200-мильной зоне. Марокко добивалось ежегодной выплаты 90 млн. евро, а ЕС считало, что выплачиваемая сумма должна соответствовать числу ведущих промысел судов по принципу «меньше рыбы – меньше денег». Поскольку по настоянию марокканской стороны ЕС должен был ежегодно снижать число промысловых судов, в Брюсселе предложили платить в первый год действия соглашения 70 млн., во второй – 60 млн., в третий – 40 млн. евро с учетом согласия ЕС ежегодно добавлять по 5 млн. евро к обусловленной сумме.

Однако пока обе стороны не намерены уступать друг другу. Еще в прошлом году двум основным заинтересованным сторонам – Испании и Португалии – ЕС предложил планы «реконверсии» их рыболовного флота. Следует напомнить, что подобного рода трудности ждут и Россию в связи с необходимостью заключения нового договора о рыболовстве в марокканских водах Атлантики. Однако Россия ведет лов так называемых пелагических сортов рыбы (ставриды, скумбрии, сардины, сардонеллы и т.п.), которые считаются «недоэксплуатируемыми». Само Марокко не имеет достаточно технических возможностей для подобного лова.

Марокканская печать все чаще стала писать о необходимости установления не только экономических, но и политических связей с европейским сообществом. Марокканский министр Д.Басри, будучи в 1992 г. в Португалии, заявил, что Марокко стремится присоединиться к Европейскому союзу в разумные сроки. Тот факт, что Марокко географически не принадлежит к Европе, не является, видимо, непреодолимым препятствием. Вопрос о присоединении Марокко к ЕС будет решаться на национальном референдуме.

На сближение с Европейским союзом, в частности, подталкивает «застойная ситуация» в региональном объединении Союз Арабского Магриба (САМ), его нечеткие перспективы. Под вопросом оказался сам факт существования этого союза. Не последнюю роль здесь играют крепнущие отношения с европейскими государствами. В том числе это связано с прокладкой через марокканскую территорию газопровода в Испанию и Францию, а затем и в Германию. Речь идет и о возможности строительства через Гибралтар тоннеля или моста между Марокко и Испанией. В начале 80-х годов эти две страны создали смешанную комиссию по разработке проекта транспортной связи через пролив, вложив по 30% инвестиций каждая. При принятии

решения будет учитываться проект строительства скоростной магистрали через страны Магриба и далее через Мадрид, Севилью и Барселону. Проблема стала особенно актуальной в связи с резко возросшим потоком грузов и пассажиров через Гибралтар. Если в начале 90-х годов с помощью морского транспорта пролив пересекали 4 млн. пассажиров и 400 тыс. автомобилей, а товарные потоки достигали 30 млн. т в год, то к 2000 г. этот показатель вырос вдвое.

Европейские государства, как и ЕС в целом, предпочитают укреплять связи с отдельными странами Магриба, а не с малоэффективным региональным сообществом. Однако, по мнению председателя европейской парламентской группы по отношениям со странами Магриба Д.Бодуэна, было бы более желательно иметь отношения только с региональным объединением, поскольку ЕС и САМ заинтересованы в том, чтобы создавать равновесие по обе стороны Средиземноморья. Однако пока первая точка зрения оказывается предпочтительнее.

В начале 90-х годов само европейское сообщество предложило Марокко перейти от политики помощи к политике партнерства, предполагающего финансовое, экономическое и техническое сотрудничество, политический диалог и установление режима свободной торговли. Идея создания зоны свободной торговли для трех стран Магриба возникла еще в конце 60-х годов в качестве отдаленной перспективы. В 90-е годы ЕС пришло к выводу, что модель отношений с Марокко (благодаря относительной политической стабильности и неукоснительно прозападному курсу правительства страны) со временем можно будет применить и к другим странам Магриба.

Присоединение к зоне свободной торговли пока Марокко и добившегося экономических успехов Туниса (вслед за созданием таких зон в Турции, Израиле, на Кипре и Мальте) – часть средиземноморской политики ЕС. Однако этот процесс займет определенное время, поскольку для его созревания и реализации в магрибинских странах должны произойти соответствующие политические и экономические сдвиги.

В 1995 г. Франция предложила создать Евро-средиземноморскую морскую зону стабильности и безопасности. В стабильности этой зоны и плодотворном экономическом сотрудничестве заинтересованы и арабские страны Средиземноморья. В мае 2001 г. в Марокко состоялась встреча глав внешнеполитических ведомств Марокко, Мавритании, Алжира, Туниса, Египта, Иордании и представителей Палестины, Сирии и Ливии. Совещание десяти стран было посвящено перспективам создания Арабской зоны свободной торговли (АЗСТ). Акт о создании АЗСТ был подписан в г. Агадире рядом государств – Марокко, Египтом, Тунисом, Иорданией – и получил название «Агадирская декларация». Создание АЗСТ рассматривается как первый этап формирования единого рынка арабских стран. Двусторонние и многосторонние соглашения между ними призваны содействовать строительству

общеарабского рынка. Пока же продукция стран Магриба по-прежнему ориентирована на Европу в значительно большей мере, чем на арабский рынок. На государства ЕС приходится две трети товарооборота стран-членов САМ [11].

Франция сохраняет первое место среди западных партнеров в торговых отношениях с Марокко. Как и во всем Средиземноморье, бывшая метрополия содействует социально-экономическому развитию Магриба в целом не только в своих экономических интересах, но и в целях европейской безопасности, создания стабильности в самом североафриканском регионе. Будучи посредником между Европой и Средиземноморьем, Франция постепенно укрепляет и свои собственные позиции в этой зоне.

В Марокко проживает наибольшая по численности община французских граждан Магриба – 26 тыс. человек [12]. В 90-е годы Франция форсировала укрепление двусторонних связей со странами Магриба в противовес активной деятельности здесь США. В 1991 г. доля экспорта Франции в Марокко составляла 31,5%, импорта 22,9%. Бывшая метрополия обеспечивала 30,7% общего объема иностранных инвестиций в Марокко, являясь его главным кредитором [13]. В 1995 г. французское правительство пошло на снижение марокканского долга на 1 млрд. франков и предоставило новый кредит при условии закупки французских товаров и оборудования. В 1999 г. французское агентство развития ассигновало около 100 млн. франков (160 млн. дирхамов) на строительство разных объектов. В 2000 г. Франция, например, приняла участие в финансировании проекта технической реконструкции энергосистем Танжера и Тарфаи, вложив 200 млн. долл. в государственную компанию по энергетике [14].

Массовая трудовая эмиграция населения во Францию обеспечивает стране большой приток французской валюты. В начале 80-х годов через трансферты от марокканских «гастарбайтеров» во Франции в королевство поступало от 5,5 до 7 млрд. франков ежегодно.

Французское правительство ежегодно выделяло Марокко 450 млн. франков на цели научно-технического сотрудничества и развития. Около трети преподавательского состава новых марокканских университетов составляют французы. В Марокко действует ряд учебных заведений, принадлежащих Франции, обучение в которых ведется по французским программам, в том числе 5 лицеев, 4 колледжа и 19 школ [15].

Однако в европейской политике Рабата ясно прослеживается курс на все более явный отход от односторонней ориентации на Францию и установление «привилегированных отношений» с другими странами. Особое тяготение наблюдается к странам Средиземноморья.

До сих пор второе место во внешнеэкономической политике Марокко традиционно занимает Испания, которая стала играть более

заметную роль в Европе и стремится укрепиться и в мировой политике. Марокканское королевство было для нее всегда первым африканским партнером в силу географической близости, а также благодаря историческим и культурным связям и почти полувековой колонизации севера Марокко. В Рифе испанским предпринимателям принадлежат фабрики и заводы, фермы и т.п. В начале 90-х годов в Марокко насчитывалось 190 испанских предприятий, проживало и работало около 9 тыс. испанских предпринимателей. В то же время в Испании проживало 64,2 марокканских трудящихся [16].

В целом по-испански говорят 3 млн. марокканцев. Испанский язык изучают в 129 марокканских лицах. Испания имеет в Марокко 10 общеобразовательных учреждений, 5 культурных центров и библиотеки [17]. В 1991 г. была подписана программа «Аль-Андалуз» о сотрудничестве в области культуры и образования. Особое внимание уделялось развитию испанского туризма в Марокко. В 90-е годы число испанских туристов возросло на 20–25% [18].

Отношения двух стран не всегда были равными. Периодически возникали охлаждения из-за требований Марокко вернуть ему находящиеся на его территории испанские порты Сеуту и Мелилью, а также острова Чаффарина. Испания отвергает любые попытки начать рассмотрение вопроса. Так, он безуспешно поднимался на 49-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1994 г. В этом году испано-марокканские отношения обострились в связи с намерением Испании предоставить Сеуте и Мелилье статус автономии, что и было сделано в 1995 г., несмотря на резкие возражения Марокко.

Существует также острая конкуренция сельскохозяйственной продукции обеих стран. Трения возникали из-за ограничения трудовой эмиграции из Марокко и из-за нарушения испанскими рыбаками территориальных вод Марокко. Вообще рыболовство – одна из важнейших проблем во взаимоотношениях двух стран, поскольку Испания всегда ловила рыбу на сахарском берегу и часто нарушала установленные квоты. Поэтому подписанное в 1983 г. очередное соглашение было весьма благоприятным для Марокко. По нему было предусмотрено, что Испания снизит уровень добычи рыбы в марокканской экономической зоне на 40%. Снижение осуществлялось в пять этапов. Испания обязывалась также построить суда для рыболовного флота Марокко [19].

Отношения Испании со всеми странами Магриба активизировались с начала 80-х годов, когда к власти пришла Социалистическая партия Испании. Отдавая предпочтение Алжиру, Испания всегда искала равновесия в отношениях с Марокко. Ее политика стала более прагматичной, перспективной. В 1983 г. было заключено соглашение о сроках погашения долга Марокко Испании, который достиг 165 млн. долл., сделаны другие шаги. Таким образом, две страны постепенно восстанавливают традиционные связи.

Созданный в конце 80-х годов в Испании Институт сотрудничества с арабским миром ориентировался преимущественно на отношения именно с Магрибом в научной, технической и культурной областях. В ответ на предложение о поставке алжирского газа через межтерриториальный газопровод Испания разработала проект по снабжению электроэнергией Марокко и Алжира с перспективой создания в будущем единой энергосистемы с Магрибом. Ежегодно 15 млн. долл. из испанских фондов направлялись в сельское хозяйство, энергетику и на профессиональное обучение в Марокко [20].

В 90-е годы Испания взяла курс на равноправное сотрудничество со всеми странами Магриба. Она способствовала диалогу Франции, Испании и Португалии с САМ, стала одним из инициаторов конференции по безопасности и сотрудничеству стран Средиземноморья.

В 1991 г. обе страны подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. В 1994 г. в Барселоне состоялась встреча министров иностранных дел двух государств. Марокканские и испанские экономические госструктуры и предпринимательские круги в ходе регулярных экономических встреч проанализировали экономические и торговые отношения двух стран. Эти отношения, хотя и развивались благоприятно, не были, тем не менее, достаточно эффективными. Экспорт из Испании в Марокко вдвое превышал импорт. Испанское проникновение оставалось слабым, несмотря на рост инвестиций с 5 млн. долл. до 50 млн. в 1990 г. В 1992 г. Испании удалось занять второе место по инвестициям в марокканскую экономику (20%) после Франции, инвестиции которой составили 25% [21]. Капиталовложения Испании осуществлялись в агроиндустрию, текстильную промышленность, торговлю и финансы. Было подписано соглашение о финансово-экономическом сотрудничестве.

В мае 1995 г. состоялся визит в Марокко испанского премьер-министра Х.М.Аснара. В ходе его Испания выразила намерение быть посредником между ЕС и странами ближнего Востока, а Марокко постаралось использовать Испанию в интересах своего сотрудничества с ЕС.

В 90-е годы активизировались и связи Марокко с Португалией. В 1993 г. состоялся визит короля Хасана II в эту страну. В ходе его речь шла об укреплении экономических связей, расширении торговли и инвестициях, особенно в добычу пробковой коры, инфраструктуру и текстильную промышленность. В 1994 г. была организована первая марокканско-португальская встреча партнерства и кооперации на министерском уровне. Тем не менее в 90-е годы доля Португалии во внешней торговле Марокко и в притоке инвестиций составляла всего 1% [22].

Марокко и Португалия подписали 17 соглашений в разных областях. Как считает португальская сторона, партнерские отношения между двумя странами являются дополнительным звеном в отношениях Марокко и ЕС. Эти отношения позволяют оптимизировать экономические и финансовые инструменты, провести либера-

лизацию внешней торговли, облегчить приватизацию и улучшить инвестиционный климат, положение с занятостью населения [23]. Прямые португальские инвестиции в экономику Марокко выросли с 60 млн. в 1986 г. до 530 млн. дирхамов в 1992 г. [22]. В 1994 г. обе страны заключили соглашение о промышленной кооперации, чтобы стимулировать инвестиционный процесс и конкретизировать промышленные проекты. В 1999 г. в Марокко работали 32 предприятия с португальским капиталом.

В сентябре 1995 г. Марокко посетил премьер-министр Португалии. Для королевства были открыты две кредитные линии на сумму 210 млн. долл. в целях поддержки экономического сотрудничества между двумя странами. Португалия взяла на себя финансирование трех проектов, в том числе строительство скоростной дороги до Танжера, 10 тыс. квартир в Касабланке и порта в г. Буджур.

В 1994 г. оба государства подписали новое соглашение о морском рыболовстве и два протокола – о сотрудничестве в области подготовки соответствующих специалистов и о научных исследованиях в целях сохранения морской среды и улучшения управления рыбными ресурсами [24].

Мароккано-британские экономические связи обе стороны оценивают как «позитивные и уравновешенные». С 1960 г. в Марокко функционирует независимая организация Британский совет, подвигающаяся в гуманитарной сфере. В рамках сотрудничества Агрономического института в Рабате и Института физиологии животных и генетических исследований в Эдинбурге был подписан проект сотрудничества в области ирригации, использования инсектицидов [25].

Укрепляются экономические отношения Марокко с Германией, которая постепенно вытесняет Испанию с достигнутых этой последней экономических позиций. Германия крайне заинтересована в дешевой марокканской сельскохозяйственной продукции. За ней идут США, которые по военному сотрудничеству обгоняют Францию. Среди торговых партнеров Германии Марокко занимает седьмое место.

С конца 1991 г. начали активизироваться мароккано-итальянские отношения.

Подводя краткий итог сказанному, можно отметить, что ориентация экономики на внешний рынок в определенной мере сковала марокканскую экономику и усилила экономическую зависимость страны от Запада. Почти за полвека независимости Марокко не удалось радикально изменить структуру экономики, диверсифицировать ее так, чтобы это максимально отвечало национальным интересам. А ведь королевство пытается установить более тесные отношения с Европой, рассчитывая именно на подъем своей экономики и социальной сферы. Марокканское правительство надеется, что финансовая помощь ЕС будет в итоге способствовать успешному экономическому росту в стране. Стремясь активно вписаться в мировое хозяйство,

Марокко входит в уже существующие региональные сообщества и продолжает участвовать в создании новых структур такого же плана.

Однако в условиях глобализации, когда экономические позиции развивающихся стран могут серьезно пошатнуться под воздействием императивов заново организованного мирового экономического пространства, надежды Марокко на достижение более высоких хозяйственных показателей с помощью ЕС могут и не оправдаться в полной мере. Залогом их может быть только активная национальная политика, основанная на мобилизации внутренних ресурсов экономического роста, причем внешнее содействие не должно абсолютизироваться и рассматриваться в качестве панацеи.

1. З.А.Ментешашвили. Социальное развитие современного Марокко. – М., 1988. – С. 179.
2. Там же, с. 182.
3. Ан-Нахдж. – Багдад, 1987. – № 14. – С. 147.
4. *Le Monde diplomatique*. P., 21.09.1988.
5. *Matin du Sahara*. Rabat, 28.06.1989.
6. *Maroc Soir*. Rabat, 25.01.1989.
7. *Economap*. – Rabat, 1994. – № 963. – С. 4.
8. *SEDIEC*. – Rabat, 1988. – № 1607. – С. 502.
9. *Компас*. – М., 1999. – № 29. – С. 33–34.
10. *Le Maroc diplomatique*. P., 21.07.1988.
11. Ю.Мальцев. Страны Магриба в региональной и мировой политике. – М., 1994. – С. 52.
12. Там же, с. 107.
13. Там же, с. 106–107.
14. *MEED*. – L., 2000. – 45. – № 16. – С. 15.
15. Мальцев Ю. Страны Магриба... – М., 1994. – С. 107.
16. Там же, с. 114.
17. Marquina A., Echeveria C. La politique de l'Espagne au Magreb – *Monde arabe*. Maghreb-Machrek. P. – С. 50.
18. *Economap*. – Rabat, 1994. – № 961. – С. 9.
19. Ментешашвили З.А. Социальное развитие Марокко. – М., 1988. – С. 226.
20. Marquina A., Echeveria C. La politique de l'Espagne... – С. 43.
21. *Economap*. – Rabat, 1994. – № 969. – С. 19.
22. Там же, с. 5.
23. *Economap*. – Rabat, 1994. – № 965. – С. 10–11.
24. *Economap*. – Rabat, 1994. – № 667. – С. 8.
25. *Economap*. – Rabat, 1994. – № 962. – С. 2.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И СДВИГИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
(на примере ряда арабских стран)

За период, прошедший с начала 60-х годов, арабский мир добился существенных сдвигов в преобразовании своих экономических и социальных структур. Модернизация материально-технической базы производства под влиянием изменившихся запросов и потребностей национального государства наряду с совершенствованием инфраструктурного комплекса, сдвиги в социальных процессах, использование внешних «факторов развития» создали в ряде случаев благоприятные предпосылки для изменения условий воспроизводства общественного продукта, которые, в свою очередь, привели к некоторому улучшению макроэкономических показателей, способствовали определенному росту темпов производства, объемов и номенклатуры выпускаемой продукции.

Исключительно благоприятные возможности для успешного экономического развития арабского региона создал энерго-сырьевой кризис, возникший в мировом капиталистическом хозяйстве в 70-х годах. В условиях дефицита ряда видов минерального и сельскохозяйственного сырья на мировом рынке арабские страны сумели частично или полностью (в нефтегазовом хозяйстве) овладеть нефтяной рентой, повысить цены на экспортируемое сырье, расширить масштабы накопления в стоимостной форме и на этой основе ускорить темпы экономического роста всего региона.

Достаточно репрезентативно выглядели в 60–70-х годах темпы прироста ВВП арабского мира. В среднем они опережали аналогичные показатели по развитым и развивающимся странам, а в отдельные годы превосходили их более чем вдвое: 8,7% в 1970–1975 гг. против 3,5% в развитых и 6,6% в развивающихся государствах¹.

В 80-е годы темпы прироста ВВП в арабском регионе заметно снизились в связи главным образом с изменением конъюнктуры на мировом рынке жидкого топлива, уменьшением вывоза нефти из исследуемых стран и падением цен на энергоносители. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП в арабских странах в 1983–1984 гг. упали до 1,8% по сравнению с 4,6% в развитых и 2,7% в развивающихся государствах².

Последствия продолжительного хозяйственного спада в ближневосточных странах, по мнению многих западных аналитиков, были в

основном преодолены к середине 90-х годов, а к концу указанного десятилетия экономическое развитие заметно ускорилось. Об этом наглядно свидетельствуют данные о повышении среднегодовых темпов прироста ВВП в арабском мире. Если в 1991–1997 гг. они находились на отметке в 2,9% против 1,0% в 1981–1990 гг., то в 1998 г. и 1999 г., согласно оценке, поднялись до 3,5% и 4,4% соответственно [10.4.02.99; 19.09.98].

Общие для всего арабского региона цели преодоления экономического отставания и ускорения развития предопределили необходимость акцента в государственной политике на модернизацию хозяйственных структур, создание промышленных секторов, обеспечивающих быстрый подъем всего общественного производства. Развитие промышленности трактовалось в расширительном смысле как планируемый государством процесс наращивания производственных мощностей прежде всего в ключевых отраслях хозяйства для реконструкции материально-технической базы в национальной экономике и углубления общественного разделения труда. С формированием современных структур на индустриальной основе были связаны надежды на ускорение социально-экономической трансформации общества, ликвидацию докапиталистических укладов, архаических элементов.

Понятно, что конкретные условия арабских стран (размеры территории и численность населения, объем и набор природных ресурсов и т.п.) вносят существенные коррективы в стратегию экономического развития, в том числе и в области промышленности. Это можно рассмотреть на примере конкретных арабских стран.

В Египте, начиная с 50-х годов, когда индустриализация стала важной составной частью государственной политики, в экономике происходят глубокие структурные изменения, наблюдается неуклонное повышение доли промышленности в ВВП при сокращении удельного веса сельского хозяйства.

В итоге структура ВВП за последние десятилетия заметно изменилась. Так, согласно данным Министерства планирования АРЕ, доля промышленности (включая добывающую) в конце 90-х годов почти в полтора раза превышала соответствующий показатель 1960 г., достигнув 25,4% валового внутреннего продукта. В то же время удельный вес сельского хозяйства снизился почти вдвое – с 29% до 17%³.

Ввиду отсутствия надежных статистических данных в ряде случаев представляет немалую трудность определение некоторых важных показателей, в том числе доли обрабатывающей промышленности в ВВП, темпов прироста продукции отрасли в целом и ее подотраслей. Четкое разделение между добывающей и обрабатывающей промышленностью проводится в египетской статистике далеко не всегда, не выделяются отдельно данные по тяжелой и легкой промышленности. По имеющимся оценкам, в конце 90-х годов доля об-

рабатывающей промышленности в общем объеме производства приблизилась к 50%, а в ВВП она составляла примерно 7–18%.

Темпы прироста продукции обрабатывающей промышленности, исчисленные по показателю «добавленной стоимости» в 90-е равнялись 8–10% по сравнению с 5–6% в 60-х годах. Это увеличение явилось результатом роста объема государственных и частных капиталовложений в эту сферу египетской индустрии, а также более широкого привлечения иностранного капитала, получившего возможность действовать в различных сферах экономики АРЕ.

Анализ сдвигов в структуре обрабатывающей промышленности Египта позволяет сделать вывод о том, что хотя традиционные отрасли – пищевая и текстильная – все еще сохраняют свое значение, однако их удельный вес в добавленной стоимости снижается, а доля отраслей I подразделения возрастает.

Отмеченная тенденция находит свое отражение и в том, что в 80–90-е годы в АРЕ довольно быстрыми темпами развивается машиностроение, которое, однако, пока в значительной степени зависит от импорта компонентов изготавливаемого оборудования. В стране построен ряд заводов, производящих различные виды машин и оборудования. По данным Министерства планирования АРЕ, в 1997/98 финансовом году было выпущено 36,7 тыс. легковых автомобилей, 13,9 тыс. грузовиков и 2,8 тыс. автобусов против 20,4 тыс., 3,2 тыс. и 763 в 1984/85 г. соответственно.

В республике освоено производство (преимущественно из привозных деталей) кондиционеров, стиральных машин, холодильников, телевизоров, радиоприемников, электрических светильников, а также электротехнического оборудования производственного назначения. В частности, в 1997/98 г. в АРЕ было изготовлено 495,0 тыс. холодильников и 316,1 тыс. стиральных машин (в 1993/94 г. – 390,0 тыс. и 245,0 тыс. соответственно). На судовой верфи в Александрии и Порт-Саиде строятся небольшие суда.

Вместе с тем в АРЕ до сих пор почти отсутствует производство сложного, наукоемкого оборудования, в частности, энергетического, электронного, электротехнического, станков и т.п. В результате страна импортирует высокотехнологичное оборудование преимущественно из промышленно развитых государств.

Черная металлургия возникла в Египте фактически после июльской революции. Нарастание объемов капитального строительства и повышение темпов роста египетской промышленности создали благоприятные условия для динамичного развития этой отрасли: производство стали выросло с 800 тыс. т в 1980 г., до 4 млн. т в 1997 г., или в 5 раз⁴.

Активное участие в развитии черной металлургии АРЕ в последние два десятилетия начал играть частный сектор, удельный вес которого в выпуске, например, стальной арматуры за это время увели-

чился с 14% до 86%⁵. Но ведущими производителями стали в АРЕ в настоящее время являются Хелуанский металлургический комбинат, металлургический комбинат в Дихейле и завод специальных сталей в г. Садат-Сити. Помимо них, действуют еще 25 частных компаний, в основном небольших, производящих стальные слитки, горячекатаные лист и полосу, а также стальной профиль. В то же время следует отметить, что, несмотря на ускоренное развитие черной металлургии, она до сих пор не в состоянии полностью удовлетворить быстро растущие потребности внутреннего рынка. Для их покрытия в 1997 г., например, Египет был вынужден импортировать 2,1 млн. т разнообразной стальной продукции⁶.

С целью увеличения выпуска черных металлов и изделий из них правительство АРЕ осуществляет реконструкцию металлургических комбинатов в Хелуане и Дихейле, а также реализует проекты строительства двух новых крупных предприятий в районе Суэца и Асуана, к финансированию которых оно пригласило частных инвесторов⁷.

Совершенно новой отраслью для Египта в период независимого развития стала алюминиевая промышленность. В Наг-Хаммади был возведен крупный алюминиевый комплекс, работающий на привозном сырье и использующий дешевую электроэнергию Асуанской плотины. Годовое производство алюминия в конце 90-х годов составляло в среднем 180 тыс. т. Программа модернизации и расширения комплекса в Наг-Хаммади, осуществляемая со второй половины 90-х годов, позволит увеличить его мощности до 250 тыс. т⁸.

Быстрый рост внутреннего потребления нефтепродуктов в Египте начиная со второй половины 70-х годов (что было связано с ускорением экономического развития и высокими темпами прироста населения) предопределил активизацию строительства нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ). Шесть действующих в стране НПЗ производили в конце 90-х годов около 30 млн. т нефтепродуктов в год⁹. Для сравнения, выпуск этой продукции в АРЕ в 1975 г. равнялся 8,4 млн. т¹⁰. За годы работы эти предприятия освоили достаточно широкий ассортимент продукции: моторное топливо, керосин, дизельное топливо, мазут, сжиженный нефтяной газ, а также легкий бензин.

Постоянно растущий спрос на нефтепродукты ставит на повестку дня необходимость дальнейшего расширения нефтеперерабатывающих мощностей АРЕ. В этой связи в последние годы активно обсуждался проект «Midog» в Александрии. Тем не менее он продвигается не так быстро, как ожидали египетские и израильские инвесторы, ставшие его инициаторами.

Основной нефтеперерабатывающий проект в государственном секторе осуществляет компания «Nasr Petroleum». Он включает, в частности, сооружение паро-крекинговой установки на принадлежа-

щем этой компании НПЗ в Суэце. Как и в случае с проектом «Midor», работы идут не так быстро, как ожидали подрядчики¹¹.

Медленное продвижение новых начинаний связано, возможно, с глубинными проблемами самого госсектора, считают египетские и западные представители нефтеперерабатывающей отрасли.

Египетское руководство уделяет значительное внимание развитию таких отраслей обрабатывающей промышленности, во многом обеспечивающих сдвиги в материально-технической базе экономики в целом, как химия, нефтехимия, производство минеральных удобрений. В стране вырабатываются этилен, ксилол, глицерин, фенол, хлор, соляная и азотная кислота, каустическая сода и серная кислота, азотные и фосфорные удобрения. В возрастающих объемах выпускаются химические волокна, налажено производство камер и шин для велосипедов и мотоциклов, а также для автомобилей.

Важное значение в АРЕ придается созданию дополнительных мощностей в производстве строительных материалов для выполнения проектов в сфере жилищного, дорожного, ирригационного и энергетического строительства, сооружения промышленных объектов как в освоенных, так и новых районах, а также в индустриальных зонах. В частности, по официальным данным, производство цемента увеличилось с 3,6 млн. т в 1975 г. до 20,4 млн. т в 1998 г., или почти в 6 раз.

Наряду со становлением и развитием новых отраслей традиционные виды промышленности в Египте в прошедшие пять десятилетий не были преданы забвению. Однако несмотря на то, что в 90-е годы заметно возросло внимание к легкой и пищевой промышленности, продукция которых призвана удовлетворять основные потребности населения, эти старейшие отрасли экономики АРЕ сталкиваются с серьезными трудностями, в частности, вследствие старения основного капитала, что вызывает необходимость реконструкции предприятий.

Собственного продовольствия в Египте, как и в других арабских странах, не хватает, поскольку его производство отстает от прироста населения. Поэтому АРЕ ввозит продукты питания и сырье для пищевой промышленности во все увеличивающемся объеме. Так, в конце 90-х годов больше половины потребностей в сырье и полуфабрикатах, необходимых для загрузки предприятий пищевой промышленности, обеспечивалось за счет импорта.

Мотором ускорения социально-экономического развития Египта в течение последних двух десятилетий в определенном смысле являлась нефтегазовая промышленность республики, которая с конца 70-х годов превратилась в главную экспортную отрасль египетской экономики и в один из важнейших источников валютных поступлений. В настоящее время на нее приходится более 50% всех экспортных доходов страны. В период с 1975 г. по 1999 г. добыча нефти в АРЕ выросла с 11,1 млн. т до 42,1 млн. т, а природного газа – с 5 млрд. куб. м до 30 млрд.¹²

До середины 80-х годов нерешенной проблемой оставалось комплексное использование нефтегазовых ресурсов. Потребление росло почти целиком за счет разработки запасов свободного газа, тогда как извлекаемый вместе с нефтью попутный газ преимущественно сжигался в факелах. В результате при напряженном энергосырьевом балансе утилизация газообразного топлива составляла чуть более 60%, а мощности газоперерабатывающих предприятий загружались на 50-60%¹³. В дальнейшем эффективность использования этих ресурсов и объектов повышалась по мере ввода в строй ряда новых и расширения действующих газосборных систем и хранилищ в основном нефтепромысловом районе Суэцкого залива.

Существенную роль в хозяйственной модернизации Египта в послереволюционный период сыграло создание весьма развитой по масштабам развивающихся стран электроэнергетики. Установленные энергетические мощности, согласно данным Министерства планирования АРЕ, достигли в 1997 г. 13,9 тыс. МВт против 3,9 тыс. МВт в 1975 г., т.е. увеличение составило 3,5 раза. Производство электроэнергии выросло в указанный период с 10,4 млрд. кВт-ч до 58 млрд. кВт-ч, или в 5,6 раза.

До начала 80-х годов основным источником электроэнергии в АРЕ являлись гидростанции, на которых вырабатывалось около двух третей всей электроэнергии. Самая крупная гидроэлектростанция Египта – ГЭС Высотной Асуанской плотины, с вводом которой в эксплуатацию в 1970 г. значительно расширились производственные мощности в египетской промышленности.

В середине 80-х годов суммарная производительность ТЭС превысила мощности ГЭС. Поскольку гидроэнергоресурсы Нила освоены достаточно полно, в дальнейшем, вероятно, основным источником останутся тепловые электростанции. Если ранее полагали, что к 2000 г. значительно возрастет роль атомных электростанций, то в настоящее время вопрос о целесообразности строительства АЭС в Египте остается открытым. Более того, в стране форсируется строительство новых тепловых электростанций.

В области инфраструктуры, создающей необходимые условия для повышения уровня материально-технической базы производства и ее диверсификации, большое внимание уделяется выполнению проектов водоснабжения, строительству опреснительных и водоочистных сооружений, насосных станций, а также развитию всех видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, трубопроводного, водного, воздушного) и связи. Так, объем грузоперевозок в стране в 1997 г., согласно официальным данным, составил 45,6 млн. т/км против 22,4 млн. в 1985 г. Число телефонных линий возросло в период с 1985 г. по 1997 г. с 0,7 млн. до 3,3 млн., или почти в 5 раз.

В Сирии с 70-х годов осуществляется широкая программа перестройки экономики в интересах повышения в ней роли сферы мате-

риального производства путем ускоренного развития соответствующих отраслей. Особое внимание в этом процессе уделяется промышленному производству как основе укрепления материально-технической базы всей национальной экономики. Упор при этом делается на первоочередное развитие отраслей обрабатывающей промышленности, базирующихся, в первую очередь, на использовании и переработке местного сырья.

Важное место среди названных отраслей занимает нефтепереработка, представленная двумя заводами – в Хомсе (5 млн. т) и Баниясе (6 млн. т). В течение последних двух десятилетий эти предприятия неоднократно подвергались реконструкции с целью расширения ассортимента выпускаемой продукции.

Широкий размах капитального строительства, начатого в 70-е годы, обусловил необходимость проведения государством ряда практических мероприятий, направленных на ускоренное развитие цементной промышленности. В настоящее время суммарные мощности по выпуску цемента в Сирии превышают 5 млн. т в год, что в принципе позволяет выделять достаточное его количество на экспорт. Производство строительных материалов налажено на заводе в Хаме, способном выпускать до 30 млн. облицовочных плиток в год, заводах, изготавливающих стекло и санитарно-технические изделия и некоторых других предприятиях.

Возрастающую роль в хозяйственной жизни страны играют химическая и нефтехимическая промышленность. В номенклатуре выпускаемой ими продукции следует выделить фосфорные и азотные удобрения, мочевины и аммиак, моющие средства, лаки и краски. Крупным центром по производству удобрений в 80-е годы стал Хомс. Помимо завода мощностью 140 тыс. т аммиака и азотной кислоты в год, там в течение указанного десятилетия было введено в эксплуатацию еще одно предприятие проектной мощностью 300 тыс. т аммиака и 315 тыс. т мочевины в год, пущен завод по переработке 800 тыс. т фосфатов в год (проектная мощность – 450 тыс. т тройного суперфосфата в год). На нем производятся также нитрат кальция, серная кислота, аммиак и ряд прочих видов химической продукции.

Ведущий производитель лакокрасочных материалов – государственная компания «Омайяд». Ее годовое производство составляет 15 тыс. т продукции.

К относительно новым быстро развивающимся отраслям сирийской промышленности относятся машиностроительная, электронная, электротехническая. Предприятия этих отраслей выпускают холодильники, телевизоры, стиральные машины, кухонные плиты, электродвигатели, трансформаторы, аккумуляторы, кабель, тракторы и др. изделия. Однако производство названных отраслей основывается в значительной степени на использовании импортного сырья, мате-

риалов, комплектующих деталей и узлов, что в условиях напряженности в валютно-финансовой сфере ограничивает возможности соответствующих предприятий.

Традиционная отрасль сирийской экономики – текстильная промышленность, на долю которой приходится около 20% валового производства обрабатывающей промышленности. Основной упор в развитии этой отрасли делается на преимущественное использование местного сырья, что и обуславливает ведущее положение в отрасли хлопчатобумажного производства. Подавляющая часть хлопчатобумажных тканей выпускается на предприятиях госсектора.

Производство шелковых тканей в Сирии базируется преимущественно на импортном сырье. Ориентируя текстильную промышленность на использование местного сырья, государство проводит линию на свертывание выпуска шелковых тканей на предприятиях госсектора и их переоборудование на производство технических тканей и ковров.

Пищевая промышленность Сирии играет немаловажную роль в комплексе мероприятий по решению продовольственной проблемы. Предприятия этой отрасли производят такие продукты, как пастеризованное молоко, сливочное и растительное масло, мука, макароны, сахар, различные напитки и соки. Большие перспективы в этой области связываются, среди прочего, с дальнейшим наращиванием мощностей по выпуску консервированных овощей и фруктов, заметный толчок развитию которых был дан в 80-е годы, когда в эксплуатацию ввели сразу три консервных завода в Хасеке, Маядине, Идлибе.

Наиболее динамичным сектором сирийской экономики в 90-е годы являлась добывающая промышленность, основу которой составляет добыча нефти. К концу 80-х годов в Сирии было открыто свыше 50 нефтяных месторождений, из которых примерно два десятка находятся в разработке и эксплуатации. В 1998 г. было добыто около 28 млн. т нефти. В настоящее время поддержание добычи на достигнутом уровне на старых месторождениях представляет собой весьма непростую задачу, и ее решение связано с новыми крупными капиталовложениями.

В 90-е годы Сирия активизировала свою деятельность в области добычи газа. Традиционное направление деятельности в этой сфере связано с использованием попутного газа, извлекаемые запасы которого оцениваются в 11 млрд. куб. м. Однако основные перспективы развития данной отрасли связываются с увеличением добычи природного газа, запасы которого сосредоточены в Румеланском, Джебиссийском и Пальмирском районах. Извлекаемые запасы природного газа там оцениваются более чем в 60 млрд. куб. м. До последнего времени добыча природного газа велась в весьма ограниченных масштабах и составляла примерно 300 тыс. куб. м в год.

Успехи индустриализации в Сирии за последние три десятилетия достаточно рельефно отражает увеличение доли промышленности в

ВВП с 23% в 1970 г. до 32% в 1998 г.¹⁴ Вместе с тем гипертрофированное внимание к промышленному производству в условиях острой нехватки финансовых и материальных ресурсов обусловило нарастание в 80-е годы серьезных диспропорций в сирийской экономике и прежде всего отставание сельского хозяйства, что превратилось в дополнительный тормоз для дальнейшего экономического развития. Необходимость устранения допущенных диспропорций заставила руководство страны внести соответствующие коррективы в инвестиционную политику, приступить к более сбалансированному распределению ассигнований между отраслями экономики, продолжая уделять неослабное внимание развитию промышленности.

Руководство Сирии осознает, что дальнейший подъем национальной экономики невозможен без модернизации всей системы хозяйства путем внедрения прогрессивных технологий, высокопроизводительного и энергоемкого оборудования. Поэтому одной из приоритетных отраслей хозяйства САР является электроэнергетика.

С начала 90-х годов в стране активно осуществляется программа развития электроэнергетики, которая включает строительство новых и модернизацию существующих электростанций. Программа финансируется главным образом за счет иностранных кредитов, общая стоимость предусмотренных в ней проектов оценивается в 2,5 млрд. долл. Производство электроэнергии в Сирии осуществляется на тепловых, гидравлических и газотурбинных электростанциях. В настоящее время их суммарная установленная мощность составляет 5,9 тыс. МВт, а выработка электроэнергии в 1997 г. достигла 19,3 млрд. кВт·ч¹⁵. В соответствии с указанной программой общая установленная мощность электростанций должна увеличиться до 7,5 тыс. МВт к концу 2000 г. Поставлена также задача перевода тепловых электростанций с мазута на газ с тем, чтобы увеличить объем экспорта нефти.

Арабские страны Персидского залива начали осуществлять со второй половины 70-х годов программы индустриализации, хорошо понимая, что залогом успешного поступательного движения их экономик может служить лишь наличие у них развитой дифференцированной индустрии и прежде всего ее наиболее динамичного сектора – обрабатывающей промышленности.

Результатом этой политики явилось ускоренное развитие в первую очередь базовых отраслей промышленности, опирающихся на нефть и газ – нефтеперерабатывающей, нефтехимии, производства сжиженного газа и удобрений. Наряду с этим в странах Залива был создан ряд новых отраслей обрабатывающей промышленности. Появились современные металлургические предприятия (производство стали, алюминия и др.). Значительный прогресс был достигнут в производстве строительных материалов, прежде всего цемента. В рассматриваемой группе государств действовали также заводы по про-

изводству электротехнического оборудования, стальных труб, кабеля, резины, по сборке автомобилей, развивались пищевая промышленность и легкая индустрия.

Отмеченные сдвиги в материально-технической базе производства в аравийских монархиях можно проиллюстрировать следующими статистическими и фактическими данными.

Производство нефтепродуктов в рассматриваемой «шестерке» стран выросло со 175 млн. т в 1990 г. до 200 млн. т в 1997 г. Согласно оценке, мощности по переработке нефти в государствах ССАГПЗ возрастут на четверть к 2007 г.¹⁶ Только в одной Саудовской Аравии предполагается к указанному году увеличить мощности на 35 млн. т, что превратит королевство в крупнейшего в мире производителя нефтепродуктов.

Власти аравийских монархий, стремясь как к удовлетворению потребностей растущих национальных рынков, так и к расширению своих экспортных возможностей, в 90-е годы продолжали уделять значительное внимание развитию нефтехимической промышленности.

Саудовская корпорация САБИК в 1997 г. приступила к осуществлению третьей программы развития, согласно которой общий объем производства нефтехимической продукции должен возрасти до 28 млн. т, или примерно на 5 млн. т против современного уровня, что позволит этой компании стать одним из ведущих продуцентов в области нефтехимии в мире¹⁷. Новые предприятия этой отрасли строятся или намечаются к строительству и в других странах ССАГПЗ, в частности в ОАЭ, Кувейте, Катаре.

На заметные позиции среди отраслей обрабатывающей промышленности аравийских монархий, использующих в качестве сырья энергоносители, выдвинулось в середине 90-х годов производство сжиженного природного газа (СПГ), который многие специалисты считают топливом будущего.

Ведущим производителем СПГ в рассматриваемой группе стран является Катар, который по подтвержденным запасам газа занимает третье место в мире после России и Ирана¹⁸. Учитывая огромные ресурсы этого энергоносителя, а также усилия, прилагаемые руководством станы по развитию газового сектора экономики, можно с уверенностью утверждать, что Катар в начале XXI столетия превратится в одного из крупнейших мировых производителей и продавцов газа.

Благодаря росту спроса на удобрения, а также повышению цен на них, отмечавшемуся в 90-е годы, конъюнктура рынка указанных товаров была благоприятной для их производителей в аравийских монархиях. Это способствовало расширению выпуска удобрений в государствах Залива и увеличению прибыли фирм-поставщиков. Сложившаяся конъюнктура явилась стимулом к разработке проектов по созданию новых мощностей в рассматриваемой группе стран.

Самым крупным производителем и экспортером удобрений среди государств ССАГПЗ является Саудовская Аравия, в которой их выпуск возрос с 2880 тыс. т в 1992 г. до 3990 тыс. т в 1995 г., или в 1,4 раза¹⁹.

Из сказанного с очевидностью следует, что аравийские режимы по-прежнему делают ставку на отрасли, связанные с нефтью и газом. В то же время в течение последних десяти лет стала все более четко материализовываться тенденция, ассоциируемая со стремлением разнообразить производственный потенциал и материально-техническую базу, не замыкаться только на эксплуатации нефтегазовых ресурсов.

В рамках политики диверсификации экономики, проводимой государствами Аравийского полуострова, в некоторых из них в 90-е годы получили развитие черная и цветная металлургия. Так, Саудовская Аравия в указанный период превратилась в сравнительно крупного производителя черных металлов. Производство стали здесь возросло с 794,4 тыс. т в 1984 г. до 2,4 млн. т в 1994 г., а проката – с 410 тыс. т до 1,5 млн. т²⁰.

Наличие дешевой энергии дает региону особое преимущество для развития алюминиевоплавильного производства. Выпуск первичного алюминия в странах ССАГПЗ составил в 1998 г. 888 тыс. т, а алюминиевого литья – 395,5 тыс. т. При этом два аравийских эмирата Бахрейн и Дубай уже являются крупными не только региональными, но и мировыми производителями алюминия.

Помимо прогресса в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности заметное развитие в Аравии в 90-е годы получило производство строительных материалов. Например, мощности девяти саудовских цементных заводов увеличились в 1996 г. до 15,8 млн. т (в 1981 г. – 6 млн. т). К 2001 г. намечается довести производство цемента до 22 млн. т в год²¹.

В 90-е годы в странах Персидского залива расширили свою деятельность небольшие предприятия по сборке электротехнического оборудования, электромоторов, кондиционеров, холодильников, производству изделий из пластмасс и резины, мебельные фабрики. Интенсивно растет пищевая промышленность, включая производство безалкогольных напитков. В Саудовской Аравии, в частности, был пущен в эксплуатацию завод по сборке автобусов, предприятие по изготовлению телефонной аппаратуры в Джидде, завод по сборке сварочных агрегатов и электродов, холодильников и фармацевтической фабрики в Эр-Рияде.

Особое место в экономической стратегии государств Персидского залива занимает развитие производственной инфраструктуры, а также транспорта и связи, что является необходимым условием создания высокоразвитой промышленности, неременной предпосылкой полноценного функционирования национальных рынков. До-

статочно сказать, что на эти цели в 1974–1986 гг. было затрачено свыше 150 млрд. долл.

Динамично расширившиеся связи с внешним миром, ускорение интеграции в мировой рынок потребовали строительства современных морских и воздушных портов. В Саудовской Аравии были построены 23 аэропорта, в ОАЭ их число увеличилось до пяти. Порты ОАЭ – Рашид и Джебель Али – занимали в начале 90-х годов 15 место в мире среди портов, работавших с контейнерами²².

Аравийские монархии уже к началу 90-х годов практически решили задачу электрификации не только городов и деревень, но и отдельных поселений. Установленная мощность электростанций стран СААГПЗ составляла в 1997 г. почти 40 МВт, или 64% совокупной электроэнергетической мощности арабских государств Ближнего Востока²³.

Представленная картина развития отраслей обрабатывающей промышленности и инфраструктуры стран Аравийского полуострова позволяет сделать вывод, что в 90-е годы в экономической эволюции рассматриваемой группы государств произошло постепенное смещение центра тяжести от гипертрофированной зависимости от нефти в сторону создания более диверсифицированной материально-технической базы. Наличие развитой инфраструктуры, где существенно возросла роль управленческих и вспомогательно-обслуживающих функций, несомненно, способствовало такому сдвигу.

Тем не менее, несмотря на бесспорные достижения аравийских монархий в структурной перестройке национальных хозяйств, их социально-экономическое развитие продолжает в значительной степени зависеть от добычи и экспорта нефти и газа. Так, в конце 90-х годов доля нефтегазового сектора в ВВП Саудовской Аравии равнялась 32%, ОАЭ – 36%, Кувейта – 40%, Омана – 42%, Катара – 75%, Бахрейна – 66%²⁴. Поступления стран СААГПЗ от продажи нефти на внешних рынках составляют основу доходной части их государственных бюджетов (75–95%), а также подавляющую долю всей валютной выручки (70% и более).

Иракско-кувейтская война в Персидском заливе 1990–1991 гг., правда, не вызвавшая ожидавшегося нефтяного шока, продемонстрировала шаткость энергетического равновесия в мире на исходе XX столетия. Кризис в Персидском заливе наглядно показал, что единственная гарантия надежности мирового снабжения нефтью – это создание резерва неиспользуемых мощностей, который можно было бы мобилизовать в любых экстремальных условиях. Это, а также стремление правящих кругов аравийских монархий обеспечить финансовые ресурсы, необходимые для выполнения социально-экономических программ, предопределили существенное внимание, которое уделялось в 90-е годы в этих странах развитию нефтедобывающей промышленности.

Саудовская Аравия в середине 90-х годов увеличила производственные мощности по добыче нефти до 10 млн. барр. в сутки (500 млн. т в год), что позволило ей стать не только первым экспортером, но и ведущим (после США) производителем жидкого топлива в мире²⁵.

После завершения военных действий в Заливе ОАЭ приступили к интенсивному осуществлению программы расширения мощностей по добыче нефти до 4 млн. барр. в сутки (200 млн. т в год) в Абу-Даби, где производится около 80% жидкого топлива эмиратов²⁶. Кувейт с помощью реализации ряда крупных проектов в области разведки и добычи нефти намерен увеличить свои нефтедобывающие мощности до 3,0–3,5 млн. барр. в сутки (150–175 млн. т в год) к 2005 г.²⁷ В Омане в результате выполнения программы расширения мощностей по добыче нефти и газа удалось к 2000 г. увеличить более чем в три раза число действующих в султанате скважин²⁸.

Динамика в сфере преобразования материально-технической базы, отмечаемая в рассмотренных арабских странах, отражает особый замысел арабских государств – максимально возможное преодоление технической отсталости и укрепление основ экономической самостоятельности. Именно для этого здесь ведется активное хозяйственное строительство, в основу которого положены те ресурсы, которые служили фундаментом развития в предшествующие годы. Другими словами, движение осуществляется в рамках имеющихся возможностей, которые создают мало предпосылок для диверсификации национальных экономик. Это обстоятельство – большое место арабских режимов, которые не могут превзойти заданность в своем развитии и адаптироваться к новым условиям на мировых рынках, создаваемых глобализацией и интернационализацией экономических процессов.

Перспективы роста при таких параметрах предстают крайне ограниченными, и это является своего рода ловушкой для большинства арабских стран, которые, видимо, обречены функционировать в догоняющем режиме без особых надежд превратиться из экспортеров сырья в массовых производителей готовой продукции, пользующейся спросом на рынке.

1. Арабский мир. Три десятилетия независимого развития. – М., 1990. – С. 12.

2. Там же, с. 14; БИКИ, 04.02.1999; 19.09.1998.

3. БИКИ 06.04.1999; Арабская Республика Египет. Справочник. – М., 1990. – С. 113.

4. БИКИ, 20.04.1999.

5. Metal Bulletin Monthly. L. May 2000.

6. БИКИ, 20.04.1999.

7. БИКИ, 25.05.2000.

8. «ARABAL 99» Conference papers. – Kuwait, 1999.

9. БИКИ, 27.07.2000.
10. Арабская Республика Египет, с. 148.
11. MEED, 11.04.1997.
12. БИКИ, 27.07.2000.
13. Арабская Республика Египет, с. 144.
14. Аль-Маджмуа аль-ихсайя 1999. – Дамаск. – С. 508.
15. Там же, с. 317–319.
16. MEED, 11.04.1997. – С. 12.
17. MEED, 02.01.1998. – С. 7.
18. Oil and Gas Journal, 28.11.1996.
19. БИКИ, 20.06.1996.
20. Metal Bulletin Monthly. – L., 1997. – № 2. – С. 17.
21. Saudi Arabia. Special Report // MEED, 21.11.1997. – С. 21, 22.
22. Арабский мир. Три десятилетия ... с. 28.
23. «Gulf 97». Conference papers. – Abu Dhabi, 1997.
24. MEED. 21.03.1997, 04.12.1997, 12.12.1997.
25. Saudi Arabia. Special Report // MEED. L., 21.11.1997.
26. UAE. Special Report, MEED. L.
27. OPEC Bulletin.
28. Oman. Special Report, MEED. L.

ПРОБЛЕМА ЮГА ЛИВАНА

Появление этой проблемы в современном ее понимании связывается с последствиями масштабной военной операции Тель-Авива 14–15 марта 1978 года, в результате которой израильские войска оккупировали часть ливанской территории. Военная акция Израиля была направлена на решение жизненно важной проблемы, стоящей перед израильским обществом – обеспечением безопасности своих северных границ путем создания 10-километровой «зоны безопасности»: по мнению израильского военно-политического истеблишмента, это позволило бы Израилю ограничить угрозу, исходящую от палестинских формирований, совершавших военные рейды в Израиль с территории юга Ливана. Таким образом, военная акция Израиля наглядно продемонстрировала, что проблема юга Ливана (по крайней мере для Израиля) уже существовала, и суть ее заключалась в нахождении на этой территории элементов, деятельность которых представляла реальную угрозу если не существованию Израиля как государства, то совершенно определенно опасность для жизни и безопасности израильских граждан.

19 марта 1978 г. Совет Безопасности ООН 12 голосами «за» при воздержавшихся СССР и Чехословакии (Китай вообще не участвовал в голосовании) принял резолюцию № 425, в которой акцентировалось внимание на необходимости строгого уважения «территориальной целостности, суверенитета и политической независимости Ливана в пределах его международно признанных границ» и содержался призыв к Израилю «немедленно прекратить свои военные действия против территориальной целостности Ливана и вывести незамедлительно свои войска со всей территории Ливана». Было также принято решение о создании Временных сил ООН в Ливане (ВСООНЛ)¹. Положения резолюции № 425 Совета Безопасности ООН сосредоточили внимание в первую очередь на проблеме оккупации части ливанской территории и необходимости восстановления территориальной целостности и суверенитета ливанского государства, не касаясь иной составляющей проблемы – обеспечения безопасности израильской границы с Ливаном.

Под эгидой ООН был выработан план вывода израильских войска, суть которого состояла в передаче оккупированных израильцами ливанских территорий под контроль ВСООНЛ, которые предстояло развернуть в этом районе. Однако 13 июня 1978 г. Армия обороны

Израиля (АОИ) во время осуществления последней, четвертой фазы вывода передала контроль над территорией, непосредственно прилегающей к израильской границе, не ВСООНЛ (как предусматривалось планом), а военным формированиям под командованием майора С.Хаддада*. Обращает на себя внимание тот факт, что в период размещения контингентов сил ООН на юге Ливана С.Хаддад временно был признан ливанским правительством де-факто как командующий ливанскими войсками в этом районе «с целью способствовать миссии ВСООНЛ»². Именно наделение официальным Бейрутом С.Хаддада вышеуказанными полномочиями и дало израильтянам основание утверждать, что они рассматривают майора С.Хаддада в качестве законного представителя ливанской армии и, передав под его контроль оставшиеся оккупированные территории в зоне израильской границы на юге Ливана, Израиль полностью выполнил положения резолюций № 425 и 426, касающиеся вывода израильских войск.

В сентябре 1978 г. ливанская сторона коренным образом изменила свою позицию в отношении С.Хаддада и сил, которые находились под его командованием. Так, в письме на имя Генерального секретаря ООН от 5 сентября 1978 г. было заявлено: «Командование так называемых ливанских сил де-факто отныне должно рассматриваться как не имеющее ...полномочий на любые действия от имени ливанской армии в переговорах с Организацией Объединенных Наций или на осуществление законного командования в районе»³. На основании вышеуказанного утверждалось, что Израиль не выполнил положения резолюции Совета Безопасности ООН № 425. Однако позиция официального Тель-Авива, несмотря на отсутствие поддержки со стороны мирового сообщества, осталась неизменной. Израильское руководство продолжало утверждать, что Израиль осуществил в полном объеме вывод своих войск с ливанской территории и, поскольку положения резолюции Совета Безопасности ООН № 425 не требуют, «чтобы контроль над районом был передан ВСООНЛ»⁴, выполнил свои обязательства по первой части этой резолюции.

Создание под контролем ливанской милиции С. Хаддада анклава («зоны безопасности»), который был расположен между израильской границей на юге и зонами ответственности ВСООНЛ на севере и востоке, сделало невозможным формирование единой сплошной зоны ответственности ВСООНЛ вдоль израильско-ливанской границы и, по мнению чиновников ООН, априори предопределило невыполнимость такой функции, как предупреждение рейдов палестинцев на израильскую территорию, в равной мере как и вторжения израильских войск в Южный Ливан.

* В документах ООН для обозначения этих сил, которые длительное время были известны под названием Армия Юга Ливана (АЮЛ), используется термин «силы де-факто».

Попытка кардинальным образом решить проблему безопасности своих северных границ была предпринята Израилем во время вторжения в Ливан, которое началось 6 июня 1982 года. В период ливано-израильских переговоров под эгидой США с целью достижения соглашения о выводе израильских войск с ливанской территории позиция правительства М.Бегина, как отмечал Х.Герцог, в самом общем виде состояла в том, что Израиль требовал «вывода всех иностранных войск из Ливана – сирийских, ООП и израильских; создания соответствующих мер безопасности на юге Ливана, гарантирующих, что он никогда впредь не послужит базой для атак на северный Израиль; установление нормальных отношений между Ливаном и Израилем»⁵.

Большинство требований израильской стороны было учтено в подписанном 17 мая 1983 г. «Ливано-израильском соглашении о выводе войск». В частности, предполагалось осуществить вывод израильских войск из Ливана на протяжении 8–12 недель от момента вступления в силу соглашения⁶. Меры безопасности, выработанные в данном соглашении, предусматривали установление 45-километровой «зоны безопасности». Подчеркивалось, что ливанская армия, ливанская полиция, ливанские силы безопасности и ливанские вспомогательные отряды, находящиеся в подчинении президента Ливана, являются единственными представителями вооруженных сил, которым разрешено находиться в «зоне безопасности». Подробная регламентация количества и типов вооружений, а также численности контингента ливанской армии, сосредоточенной в «зоне безопасности» и вдоль границы с Израилем, существенно ограничивала оборонительный потенциал Ливана на этом направлении. Кроме того, ливанские власти брали на себя обязательства осуществлять особые меры безопасности с целью обнаружения и предотвращения враждебной деятельности, а также несанкционированного вступления в район безопасности или же движения через него вооруженных лиц или вооружения.

Хотя соглашение не предусматривало размещения в какой-либо форме израильских войск на юге Ливана, Израиль получил право на осуществление совместного с ливанской армией патрулирования ливанской территории в «зоне безопасности». Следует добавить, что по требованию Израиля воинские формирования С.Хаддада вливались в качестве составной части в ливанскую армию, в то время как сам С.Хаддад получал по соглашению пост заместителя командующего южным регионом Ливана и руководителя разведки.

Положения соглашения, в которых содержались обязательства обеих сторон аннулировать или же признать недействительными все соглашения и договоренности, дающие право присутствия и функционирования на территории каждой из сторон элементов, враждебных другой стороне⁷, должны были стать дополнительными составляющими системы безопасности. По сути, они

были направлены на аннулирование ливанской стороной Каирского соглашения 1969 г. (которым определялся «статус пребывания палестинцев в Ливане») и осуществление ливанским правительством всех необходимых мер для прекращения палестинского вооруженного присутствия в стране, а также вывода сирийских войск с ливанской территории.

Однако эскалация военных действий в Ливане и последующая денонсация официальным Бейрутом ливано-израильского соглашения от 17 мая 1983 г. обусловили принятие израильским правительством решения 14 января 1985 г. об одностороннем выводе израильских войск с ливанской территории в три этапа. Характерно, что третья, последняя фаза вывода предусматривала размещение Израильских сил обороны (ИСО) вдоль израильско-ливанской границы. Однако при этом подчеркивалось, что сохраняется «зона в Южном Ливане, где местная милиция, которой является Армия Южного Ливана (АЮЛ), будет действовать при поддержке ИСО»⁸.

Таким образом, осуществив вывод войск с ливанской территории (произведенный не на основе резолюции Совета Безопасности ООН № 425, которую официальный Тель-Авив по сути игнорировал), Израиль вновь перешел к ставшей уже традиционной политике в районе израильско-ливанской границы, которая предполагала обеспечение безопасности своих северных границ путем создания так называемой «зоны безопасности» и проведение ограниченных по масштабу военных акций как средства сдерживания. По мнению израильских специалистов, такая политика Израиля, с одной стороны, в определенной мере повышала безопасность жителей северных районов, усложняя возможность проведения операций со стороны противников Израиля (прежде всего «Хезболлах»); однако, с другой стороны, она была сопряжена с довольно существенным возрастанием потерь среди израильских военнослужащих. С июня 1982 года в Ливане погибло свыше 750 израильских солдат⁹.

Кардинально ливанский курс Тель-Авива относительно юга Ливана изменился в 1998 году после того, как правительство Б.Нетаньяху 1 апреля в своем специальном решении относительно Ливана заявило, что Израиль признает Резолюцию Совета Безопасности № 425 и готов вывести свои войска из Ливана¹⁰. При этом израильский премьер-министр неоднократно подчеркивал, что решение его правительства о выводе войск из Ливана – не тактический ход или же средство отвлечения внимания, а свидетельство «серьезности наших намерений и нашего стремления решить проблему [юга – *авт.*] Ливана...»¹¹. Принципиально новым в позиции Израиля относительно решения проблемы юга Ливана было следующее:

- признание наличия интересов Сирии в Ливане (об этом было заявлено Б.Нетаньяху 3 апреля 1998 г.¹²) и, соответственно, отказ от такого предварительного условия прекращения оккупации ливанских

территорий, как одновременный вывод сирийских и израильских войск из Ливана;

- отказ от уязвки проблемы вывода израильских войск с юга Ливана с достижением мирного соглашения между Израилем и Ливаном.

Вместе с тем ключевым в позиции Израиля по данному вопросу и в дальнейшем оставалось толкование резолюции № 425 Совета Безопасности ООН как такой, которая возлагает конкретные обязательства не только на Израиль, но и на Ливан, и требует их непереносимого выполнения обеими сторонами. При этом упор делался именно на *обязательном двустороннем* характере выполнения положений резолюции № 425. По мнению израильтян, резолюция № 425 вменяет в обязанность Ливану установление эффективного контроля над территорией юга Ливана, что является необходимой предпосылкой обеспечения мира и безопасности на ливано-израильской границе. Такое толкование положений резолюции № 425 давало, по мнению израильских политиков, основания официальному Тель-Авиву предъявлять предварительные требования к ливанскому правительству, согласие на выполнение которых должно было предшествовать выводу израильских войск с ливанской территории. Правительством Б.Нетаньяху 1 апреля 1998 г. были выдвинуты соответственно следующие требования:

- восстанавливая свой действенный контроль над Южным Ливаном, ливанское правительство должно гарантировать, что «эта территория не будет использоваться как база для террористической деятельности против Израиля»;

- правительство Израиля призывает Ливан начать переговоры, опираясь на положения резолюции Совета Безопасности ООН № 425 относительно осуществления ливанской стороной контроля над территорией юга Ливана и разработки системы мер по предупреждению террористической деятельности против Израиля;

- Израиль рассматривает гарантирование безопасности жителей «зоны безопасности» в Южном Ливане и солдат Армии Южного Ливана (АЮЛ) как составную часть выполнения резолюции № 425¹³.

Вышеприведенные условия были конкретизированы в интервью министра обороны Израиля И.Мордехая, который заявил, что «любое решение на юге Ливана должно основываться на принятии на себя ливанским правительством и армией полной ответственности за гарантирование безопасности вдоль всей границы с Израилем; они должны гарантировать прекращение террористической деятельности и демонтаж военной инфраструктуры всех террористических организаций – включая «Хезболлах»¹⁴.

Отметим, что израильский премьер-министр Б.Нетаньяху в своих выступлениях особо подчеркнул незыблемость выдвинутых Израилем «минимальных условий безопасности, на которые каждое правительство и каждый народ имеет право надеяться»¹⁵.

Таким образом, позиция израильского правительства относительно вывода своих войск с оккупированных ливанских территорий претерпела существенную трансформацию: она уже не базировалась на традиционных для ближневосточной практики Тель-Авива формулах «мир в обмен на территории» или же «безопасность в обмен на мир», а, по сути, основывалась на новой формуле – «*безопасность в обмен на территории*». Однако в период премьерства Б.Нетаньяху проблема юга Ливана не была решена, поскольку ливанское руководство настаивало на том, что в соответствии с резолюцией № 425 Совета Безопасности ООН вывод израильских войск с оккупированных ливанских территорий должен быть осуществлен без каких-либо предварительных условий и, поэтому, речь может идти лишь об обсуждении технических аспектов данной акции. Что же касается гарантий безопасности, то, по мнению официального Бейрута, они были предусмотрены положениями соглашения о перемирии между Ливаном и Израилем от 23 марта 1949 г.

Правительство Э.Барака, который пришел к власти в Израиле в 1999 году, сделало акцент в своей ливанской политике на одностороннем (то есть без каких-либо предварительных условий) характере вывода израильских войск с территории юга Ливана. 17 апреля 2000 г. правительство Израиля официально уведомило Генерального секретаря ООН о том, что Тель-Авив выведет свои войска из Ливана к июлю 2000 года «в полном соответствии с резолюциями 425 (1978) и 426 (1978) Совета Безопасности», а также проинформировало о своем намерении «всесторонне сотрудничать с Организацией Объединенных Наций»¹⁶. Такой новый подход Израиля к решению проблемы юга Ливана впервые с момента принятия Советом Безопасности ООН резолюции № 425 давал реальную возможность воплотить ее в жизнь в полном объеме. С другой стороны, реализация резолюции № 425 объективно ставила перед ООН ряд конкретных задач. В частности, в п. 3 резолюции № 425 отмечалось, что на созданные Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ) возлагалось выполнение трех ключевых задач, а именно «подтверждения вывода израильских войск, восстановления международного мира и безопасности и оказания помощи правительству Ливана в обеспечении возвращения ему его эффективной власти в этом районе...»¹⁷.

Выполнение первой задачи – подтверждение вывода израильских войск – на практике означало определение на месте Организацией Объединенных Наций согласованной с правительствами Израиля и Ливана линии отвода израильских войск, которая бы соответствовала международно признанной границе. На ООН лежала также подготовка ряда конкретных требований к Израилю, выполнение которых последним и должно было дать основания утверждать, что процесс вывода израильских войск с ливанской территории состоялся в полном объеме, и Израиль таким образом выполнил положения ре-

золюции № 425. Что касается определения линии вывода израильских войск, которая в дальнейшем получила название «голубой линии», то в своем докладе Совету Безопасности 22 мая 2000 г. Генеральный секретарь Кофи Аннан подчеркнул, что ООН не стремится установить международную границу между Израилем и Ливаном, поскольку это не является ее прерогативой; это должны сделать сами государства в соответствии с международным правом и существующей международной практикой¹⁸. Такая позиция Генерального секретаря имела принципиальное значение с точки зрения как процесса сближения позиций сторон относительно решения проблемы «голубой линии», так и в контексте дальнейшего налаживания отношений между двумя странами, поскольку определение Организацией Объединенных Наций линии вывода израильских войск не создавало прецедентов, которые имели бы юридическую силу, а в дальнейшем могло бы нанести ущерб интересам какого-либо из государств в процессе решения проблемы границ.

За основу определения линии вывода израильских войск Организацией Объединенных Наций были взяты соглашения 1923 г. между Францией и Великобританией «Линия границы между Сирией и Палестиной на участке от Средиземного моря до Эль-Хаммы» и «Общее соглашение о перемирии между Ливаном и Израилем» от 23 марта 1949 г., в котором подтверждалась линия границы от 1923 года. Вместе с тем как Ливан, так и Израиль высказали определенные сомнения относительно отдельных пунктов линии вывода израильских войск. В частности, официальный Бейрут 4 мая 2000 г. проинформировал Специального посланника Генерального секретаря ООН Т.Ларсена о том, что Ливан в контексте требований, которые содержатся в резолюции Совета Безопасности ООН № 425, предъявляет претензии на территорию в районе ферм Шебаа, которая (по утверждению ливанских официальных лиц) является ливанской, а не сирийской. Основанием для таких заявлений, как подчеркивалось, было решение совместного ливано-сирийского погранично-го комитета, который в 1964 г. пришел к заключению, что этот район является составной частью Ливана. Несмотря на вышеупомянутое заявление, Генеральный секретарь Кофи Аннан отметил, что ООН продолжает рассматривать этот район как сирийскую территорию. В отчете Генерального секретаря Совету Безопасности 22 мая 2000 г. было подчеркнуто, что «эти угодья находятся в районе, оккупированном Израилем с 1967 года, и, следовательно, на них распространяется действие резолюций 242 (1967) и 338 (1973) Совета Безопасности, требующих ухода Израиля с оккупированной территории»¹⁹, и, таким образом, находятся в зоне ответственности Сил Организации Объединенных Наций по наблюдению за разъединением (СООНН), а не ВСООНЛ.

После проведения Специальным посланником Генерального секретаря ООН интенсивных консультаций с правительствами Ливана, Израиля, заинтересованных государств ближневосточного регио-

на (Египта, Иордании, Сирии), с руководством Палестинской Автономии, а также с представителями Лиги арабских государств, командующий ВСООНЛ 6 июня 2000 г. официально передал ливанской и израильской сторонам карту с линией вывода израильских войск. В резолюции 1310 от 27 июля 2000 г. Совета Безопасности ООН, в свою очередь, содержался призыв к Ливану и Израилю соблюдать обозначенную ООН «голубую линию»²⁰. Правительства Ливана и Израиля согласились признать предложенную ООН линию вывода израильских войск.

Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном было сформулировано **три** требования, выполнение которых должно было дать основания говорить о полном выводе израильских войск с ливанской территории:

- вывод израильского воинского и гражданского персонала из Ливана;
- ликвидация Израилем командной структуры АЮЛ, прекращение материально-технического обеспечения и снабжения Израилем АЮЛ и изъятие у АЮЛ тяжелого вооружения;
- передача всех задержанных лиц, которые находились в тюрьме Эль-Хиам, законным ливанским властям²¹.

В своем докладе Совету Безопасности ООН 22 мая 2000 г. Генеральный секретарь Кофи Аннан рекомендовал поэтапное увеличение численности миротворческих сил ООН, которое позволило бы им успешно выполнить задачи, возложенные на них в соответствии с резолюцией № 425. На первом этапе общее количество персонала ВСООНЛ должно было быть увеличено с 4513 до 5600 человек. Это было обусловлено прежде всего насущными потребностями в усилении сил ООН контингентами инженерных войск, которые бы специализировались на обезвреживании боеприпасов, на поиске и обезвреживании мин. Последняя задача представлялась исключительно важной, учитывая тот факт, что, по некоторым оценкам, на юге Ливана сосредоточено свыше 130 тысяч мин²².

На втором этапе, который был связан с развертыванием ВСООНЛ в новых зонах ответственности, ооновские силы должны были быть усилены за счет включения в их состав двух механизированных пехотных батальонов и доведения инженерного состава до уровня полка. Это, в свою очередь, определяло потребность в возрастании численности миротворцев ООН в Ливане до 7 935 лиц²³.

Вместе с тем Генеральный секретарь потребовал от Ливана, на территории которого будут действовать ВСООНЛ, определенных гарантий безопасности для их персонала. Кофи Аннан подчеркнул, что такой шаг обусловлен стремлением избежать ситуации, при которой ВСООНЛ превратятся в боксерскую грушу, которую на границе будут швырять в ту или иную сторону Израиль и его враги²⁴. (Основание для таких опасений существовало, поскольку миротворцы ООН несли потери при исполнении своей миссии в Ливане. Так, за период с 1978

по июль 2001 года погибло 238 военнослужащих сил ООН в Ливане и 344 человека было ранено²⁵.)

5 мая 2000 г. в своем заявлении президент Ливана Э.Лахуд заявил, что Ливан будет принимать все необходимые меры с целью обеспечения безопасности персонала миротворческих сил. Однако на деле пока у Ливана нет объективных возможностей выполнить взятые на себя обязательства, поскольку подразделения ливанских войск не дислоцированы на израильской границе, – эта территория контролируется «Хезболлах». Поэтому страны, которые направили свои контингенты в состав сил ООН, настаивают на том, чтобы ливанское правительство со своей стороны выполнило положения резолюции № 425 Совета Безопасности ООН и распространило свою власть на всю ливанскую территорию, включая районы на границе с Израилем. В необходимости такого шага Специальный посланник Генерального секретаря ООН Т.Ларсен во время своего визита в Сирию, имеющую определяющее влияние в Ливане, убеждал министра иностранных дел САР Фарука аш-Шараа. При этом было подчеркнуто, что Дамаск должен полагаться в большей степени на дипломатию, чем на использование «Хезболлах» как средства давления на Израиль во время переговоров относительно Голанских высот²⁶. В свою очередь, Совет Безопасности ООН в резолюции №1310 (2000) от 27 июля 2000 г. призвал «правительство Ливана обеспечить восстановление своей эффективной власти и присутствия на юге, в частности приступить как можно скорее к значительному развертыванию Ливанских вооруженных сил», «обеспечить спокойную обстановку на всем юге»²⁷.

Следует отметить, что даже предварительно согласованный окончательный срок вывода израильских войск – 7 июля 2000 г. – требовал от ООН применения оперативных и четких действий для реализации намеченных Генеральным секретарем ООН планов выполнения резолюции № 425. Однако заявление израильского правительства относительно намерений оставить ливанские территории без любых предварительных условий сыграло роль катализатора развития событий на юге Ливана. Это нашло свое проявление в массовом дезертирстве бойцов АЮЛ и в инициированном «Хезболлах» процессе «самоосвобождения» городков и сел местными жителями, которые заставляли Армию Южного Ливана оставлять свои позиции. Как следствие, вывод израильских войск полностью завершился к 16 июня 2000 г. (это было подтверждено Генеральным секретарем ООН), а оставленные Израилем и АЮЛ районы непосредственно на границе с Израилем перешли под контроль «Хезболлах», а не ливанской армии, как это предполагалось и на что рассчитывало большинство политиков.

С ноября 2000 года Ливан изменил свою позицию по таким принципиальным и взаимосвязанным вопросам, как признание «голубой линии», так и выполнение Израилем в полном объеме резолюции Со-

вета Безопасности ООН № 425. В своем интервью премьер-министр Ливана Р.Харири подчеркнул, что проблема юга Ливана по-прежнему существует, что обусловлено, по его мнению, действием, по крайней мере, двух факторов: израильской оккупацией ферм Шебаа, имеющей место с 1967 года, и отсутствием всеобъемлющего мира между арабами и Израилем, «без которого ситуация на ливано-израильской границе будет оставаться нестойкой»²⁸. Новая позиция ливанской стороны по сути сводится к следующим положениям:

- непризнание выполнения Израилем резолюции № 425 в полном объеме; только с возвращением Ливану территории ферм Шебаа можно ставить вопрос о реализации положений вышеуказанной резолюции;

- правомерность применения любых методов и средств, включая силовые, против израильских войск для прекращения израильской оккупации ливанской территории. Это предполагает поддержку (или же, по крайней мере, отсутствие запрета) деятельности сил сопротивления с ливанской территории в зоне, непосредственно примыкающей к «голубой линии»;

- размещение ливанской армии на юге Ливана в районах, ранее контролируемых Израилем и АЮЛ, только после того, как Израиль выполнит положения резолюции Совета Безопасности ООН № 425 в полном объеме (т.е. возвратит территорию ферм Шебаа);

- трактовка призывов Израиля к формированию системы безопасности на юге Ливана как стремление официального Тель-Авива диктовать задачи ливанской армии с тем, чтобы использовать ее для гарантирования безопасности израильских границ, что является полностью неприемлемым для Ливана. Премьер-министр Ливана Р.Харири в интервью заявил в этой связи следующее: «Наши южные границы безопасны, но израильтяне требуют от нас гарантировать безопасность их границ»²⁹;

- неприемлемость для Ливана (в контексте непризнания выполнения резолюции № 425 со стороны Израиля) стратегии Организации Объединенных Наций, ориентированной на реорганизацию ВСООНЛ.

Скорректированная стратегия ООН относительно юга Ливана была изложена в докладах Генерального секретаря Кофи Аннана Совету Безопасности от 22 января и 30 апреля 2001 г. В частности, подчеркивалось, что «из трех компонентов своего мандата два ВСООНЛ, по существу, выполнили. Они подтвердили вывод израильских войск и оказали ливанским властям, насколько смогли, поддержку в возвращении в район, оставленный Израилем»³⁰. Выполнение последней задачи – восстановления мира и безопасности – в основном связано с осуществлением функций наблюдения, что позволяет провести реорганизацию сил ООН в Ливане, суть которой состоит в существенном сокращении численности подразделений ВСООНЛ (до 3600 на конец 2001 года) при одновременном возрастании роли военных наблюдателей из Органа ООН по наблюдению за выполнением усло-

вий перемирия на Ближнем Востоке в процессе осуществления миссии ООН³¹. В противовес такой стратегии ливанское правительство настаивает на сохранении численности контингентов ВСООНЛ на теперешнем уровне и выступает против сужения их функций³².

Появление новых моментов в позиции Ливана относительно проблемы юга страны свидетельствует о намеренном стремлении официального Бейрута (и, естественно, Дамаска) как изменить предмет конфликта, так и распространить действие резолюции Совета Безопасности № 425 на новые территории, в частности – район ферм Шебаа. Такая позиция Ливана представляется неприемлемой для Израиля. Для Тель-Авива, помимо прочего, это означало бы создание неблагоприятного прецедента, который в будущем может ослабить его позиции на переговорах с Сирией. Кроме того, непосредственным результатом формирования новой позиции Бейрута по проблеме юга Ливана стало расширение масштабов и интенсивности военных акций «Хезболлах» против Израиля с ливанской территории, т.е. возрастание угроз «текущей безопасности» Израиля.

В новой ситуации, которая сложилась в процессе решения проблемы юга Ливана и на ливано-израильской границе, усилия Израиля сконцентрированы на том, чтобы заставить Ливан выполнить свою часть обязательств, возложенных на него резолюцией № 425. При решении этой задачи официальный Тель-Авив во многом рассчитывает на поддержку международного сообщества. Однако ООН, не имея реальных рычагов воздействия на Ливан (Генеральный секретарь подчеркивал, что «разумеется, ВСООНЛ не могут принудить правительство Ливана к последнему шагу – размещению своего персонала вплоть до самой «голубой линии»³³), ограничивается призывами к ливанскому правительству распространить свою власть на всю территорию юга Ливана, в том числе на зоны, прилегающие к «голубой линии», направив туда контингент ливанской армии.

Некоторые израильские политики и политологи не скрывают, что рассчитывали на то, что односторонние шаги Израиля найдут больше понимания мирового сообщества, и переходят к критике позиции, которую занимает ООН. Так, Э.Гордон высказывает недоумение: «Почему ООН открыто не назовет «Хезболлах» агрессором? Заявление о том, что ООН не может принять сторону ни Израиля, ни «Хезболлах» является эквивалентом тому..., что ООН не желает поддержать свое собственное решение относительно того, где проходит международная граница»³⁴.

Соединенные Штаты, позиция которых представляется особо важной – учитывая ту роль, которую на современном этапе играет Вашингтон в ближневосточном регионе, – полагают, что Ливан должен направить свои войска в район границы с Израилем, и предпринимают попытки оказать давление на ливанское правительство с целью заставить его сделать шаги в этом направлении. Накануне визита премьер-министра Ливана Р.Харири в Соединенные Штаты, кото-

рый состоялся в конце апреля 2001 г., конгресс США принял решение о замораживании 20 млн. долл. экономической помощи Ливану (всего на 2001 год предусмотрено выделение 35 млн. долл., 15 млн. долл. из которых уже предоставлено) до тех пор, пока ливанские войска не будут размещены на юге Ливана³⁵

. Вместе с тем обращает на себя внимание осторожность и определенная противоречивость в действиях Вашингтона, что во многом обусловлено, на наш взгляд, оценками той роли, которую, как предполагают в США, может сыграть нынешний ливанский премьер-министр Р.Харири в решении всего комплекса проблем, стоящих перед Ливаном, и в частности проблемы юга Ливана.

С одной стороны, республиканцы (впрочем, как и предыдущая администрация демократов) именно в Р.Харири видят ту фигуру, которая реально может коренным образом ограничить действия «Хезболлах» в Ливане, что приведет к стабилизации ситуации на ливано-израильской границе. В этом контексте, учитывая сложность экономической ситуации в Ливане, отказ США от оказания помощи Ливану как фактор давления (и даже не столько в предоставлении второго транша экономической помощи, а сколько в поддержке позиции Ливана на переговорах со странами-кредиторами и международными валютно-финансовыми институтами о реструктуризации внешнего долга) может привести к уходу с поста премьер-министра Р.Харири и тем самым потенциально снять возможность решения проблемы «Хезболлах» в Ливане.

С другой стороны, администрация Дж.Буша осознает степень влияния Дамаска на процесс формирования и принятия внешнеполитических решений Бейрута и, следовательно, учитывает ограниченные возможности Р.Харири в осуществлении кардинальных шагов по проблеме юга Ливана. Наличие такого влияния наиболее рельефно проявилось в 1993 г., в период первого премьерства Р.Харири. В августе 1993 г. под давлением США ливанское правительство приняло решение о размещении контингентов ливанской армии на юге Ливана в зоне деятельности «Хезболлах». Однако уже 9 августа 1993 г. премьер-министр Ливана Р.Харири имел 3-часовую беседу с президентом Сирии Х.Асадом, во время которой сирийской стороной было подчеркнуто, что поспешные действия ливанского правительства могут стать причиной таких ошибок, которые впоследствии приведут к односторонним ливанским уступкам в переговорном процессе. А 16 августа 1993 г. во время встречи Х.Асада с ливанским президентом И.Храуи уже был поставлен вопрос о создании двусторонних механизмов, которые дадут Ливану возможность «избежать ошибок до того, как они случатся»³⁶. Был сформирован постоянный сирийско-ливанский комитет в составе министров иностранных дел и глав делегаций обеих стран на переговорах с Израилем, на который возлагалось обеспечение единства позиций Сирии и Ливана на арабо-

израильских двусторонних переговорах. Иными словами, было существенно ограничено пространство для выдвижения несогласованных инициатив Ливана в переговорном процессе с Израилем.

Сочетание тактики давления с оказанием поддержки политики Р.Харири, направленной на решение ливанских экономических проблем, и должно было, по мнению американских политиков, сбалансировать действие этих факторов. Кроме того, Вашингтон рассчитывает и на определенную заинтересованность Сирии в получении Ливаном кредитов и инвестиций.

В свою очередь Израиль, несмотря на заявления его должностных лиц, в частности министра иностранных дел Ш.Переса о том, что «ливанское правительство несет полную ответственность за то, что происходят на его территории»³⁷ (имелась в виду деятельность «Хезболлах», направленная против Израиля), объективно оценивает роль Сирии в происходящих событиях. В этой связи с целью изменения подходов Сирии к проблеме юга Ливана Тель-Авив использует широкий спектр средств и методов в диапазоне от военно-силовых акций до односторонних уступок. В частности, президент Ливана Э.Лахуд сообщил о том, что израильское руководство по дипломатическим каналам сделало предложение Сирии и Ливану, суть которого состояла в том, что Израиль поддержит идею постоянного сирийского присутствия на ливанской территории в обмен на то, чтобы сирийские и ливанские войска взяли бы на себя функции по поддержанию мира на юге Ливана (в том числе, и вдоль ливано-израильской границы), что подразумевало прекращение военных акции «Хезболлах» против Израиля³⁸. Ливан и Сирия отклонили это предложение.

Израиль попытался мобилизовать государства-члены ООН в поддержку своей позиции по проблеме юга Ливана, выступив против выдвижения Сирии в качестве кандидата на избрание непостоянным членом Совета Безопасности на ближайшие два года. Постоянный представитель Израиля в ООН при этом сослался на статью 23 Устава ООН, положения которой гласят, что «Генеральная Ассамблея избирает десять других Членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя, в особенности, должное внимание, в первую очередь, степени участия Членов Организации в поддержании международного мира и безопасности...». По мнению израильского руководства, оккупация Сирией Ливана и поддержка Дамаском «Хезболлах» противоречат положениям данной статьи и, таким образом, кандидатура Сирии в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН является неприемлемой до тех пор, пока Дамаск на практике не продемонстрирует свое стремление к миру³⁹.

В израильских политических кругах все больше укрепляются во мнении, что арабы восприняли вывод израильских войск в одностороннем порядке с юга Ливана как проявление слабости Израиля, а не как жест доброй воли навстречу миру. В условиях неконструктивности по-

зий Сирии и ливанского правительства и нарастания угрозы «текущей безопасности» Израиля со стороны «Хезболлах», военные акции которой привели к потерям среди израильских военнослужащих, Тель-Авив перешел к апробированной в последние почти два десятилетия стратегии «превентивной самообороны» и «ответных ударов» как средства сдерживания антиизраильских военных акций. В рамках этой стратегии 16 апреля 2001 г. ВВС Израиля нанесли ракетно-бомбовый удар по радарным установкам сирийских войск, расположенным в 35 километрах восточнее Бейрута и в 20 километрах от сирийской границы. Израильской стороной было заявлено, что эта военная акция осуществлена на основе права Израиля на самооборону и на защиту жизни своих граждан и солдат. Вместе с тем министр иностранных дел Израиля Ш.Перес особо подчеркнул, что «израильский ответ – это сигнал сирийцам, но не тем сирийцам, которые находятся в Сирии, а сирийцам в Ливане, которые, не позволяя ливанским вооруженным силам занять позиции на границе [ливано-израильской – авт.] и предотвращать обстрелы со стороны «Хезболлах»»⁴⁰.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать следующее.

1) Израилю не удалось с помощью односторонних действий, которые в разные периоды включали в себя как использование силовых методов (конфликтный подход) в 1982–1984 годах, так и тактики уступок в 1998–2000 годы, решить проблему юга Ливана. Проблема обеспечения безопасности северных границ после вывода израильских войск с ливанской территории и выполнения Израилем в полном объеме резолюции Совета Безопасности ООН № 425 по-прежнему остается одной из ключевых проблем, стоящих перед израильским обществом.

2) Неудачи в решении проблемы юга Ливана в период 1998–2000 годов в значительной степени были обусловлены усложнением общей ситуации на Ближнем Востоке, блокированием мирного процесса, обострением израильско-палестинских отношений, которые привели к началу новой интифады в Палестине. Усложнен поиск решения проблемы был и тем, что его процесс развертывался на фоне интенсивного и, главное, более высокого уровня развития взаимоотношений Ливана с Сирией, что предопределило возрастание роли проблемы юга Ливана в региональной стратегии Дамаска.

3) Появление «проблемы ферм Шебаа» является попыткой Ливана (и в первую очередь Сирии) изменить предмет конфликта и тем самым предупредить возможность решения проблемы юга Ливана на двусторонней основе без увязки с ближневосточной проблемой в целом. Это позволяет утверждать, что на текущий момент для Сирии стратегически более важным является сохранение проблемы юга Ливана в конфликтной стадии, чем перевод ее в фазу урегулирования. «Проблема ферм Шебаа» служит оправданием Дамаску для его политики поддержки «Хезболлах» и некоторых других организаций и позво-

ляет Сирии и в дальнейшем использовать проблему юга Ливана в качестве инструмента своей региональной политики, средства давления на Израиль при решении всего комплекса арабо-израильских проблем.

4) Возвращение Израиля к традиционным методам обеспечения безопасности в виде превентивных мер и ударов возмездия представляется мало эффективным. Решение проблемы юга Ливана возможно только в плоскости общего улучшения ситуации на Ближнем Востоке, достижения прогресса в ближневосточном мирном процессе и, в частности, на его израильско-сирийском направлении. Это позволяет с высокой степенью вероятности утверждать, что проблема юга Ливана в обозримом будущем останется одной из острых проблем на Ближнем Востоке.

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН 425 от 19 марта 1978 г. // СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы. – М., 1989. – С. 459.

² Doc. S/12620/ Add. 5 of 13 June 1978.

³ Doc. S/12834 of 5 September 1978.

⁴ Doc. S/12840 of 8 September 1978.

⁵ Herzog Ch. The Arab-Israeli Wars: War and Peace in the Middle East from the War of Independence to Lebanon. – London; Tel-Aviv, 1985. – С. 354.

⁶ Text of the Lebanese-Israeli Troop Withdrawal Agreement // Journal of Palestine Studies. – Summer 1983. – Vol. XII. – № 4. – С. 97.

⁷ Ibidem. – С. 92.

⁸ Israeli Withdrawal From Lebanon. 14 January 1985 // Documents On Middle East Peace, 1982–1988. Report Prepared For the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs U.S. House of Representatives by Congressional Research Service Library of Congress. – Washington: U.S. GPO, 1989. – С. 20.

⁹ The Jerusalem Report. – 2000. – July 31. – С. 25.

¹⁰ State of Israel. Ministry of Foreign Affairs. Cabinet communique on Lebanon, 1 April 1998.

¹¹ Remarks by Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Benjamin Netanyahu, before the Diplomatic Corps in Israel. 3 April 1998 // Israel. Yearbook of Official Documents 1998. – Jerusalem: Center for Archives and Infodata by Government Printer, 2000. – С. 123.

¹² Ibidem. – С. 131.

¹³ State of Israel. Ministry of Foreign Affairs. Cabinet communique on Lebanon, 1 April 1998.

¹⁴ Middle East Insight. – September-October 1998. – С. 32.

¹⁵ Remarks by Prime Minister and Minister of Foreign Affairs Benjamin Netanyahu, before the Diplomatic Corps in Israel. 3 April 1998 // Israel. Yearbook of Official Documents 1998. – Jerusalem: Center for Archives and Infodata by Government Printer, 2000. – С. 132.

¹⁶ Text of Letter from Israel Minister David Levy to United Nation Secretary General Kofi Annan. Jerusalem, 16 April 2000.

¹⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН 425 от 19 марта 1978 г. // СССР и ближневосточное урегулирование, 1967–1988: Документы и материалы. – М., 1989. – С. 459.

¹⁸ Доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюций 425 (1978) и 426 (1978) Совета Безопасности. 22 мая 2000. S/2000/460. – С. 3.

¹⁹ Там же. – С. 4.

²⁰ S/RES/1310 (2000), 27 July 2000.

²¹ Доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюций 425 (1978) и 426 (1978) Совета Безопасности. 22 мая 2000. S/2000/460. – С. 4–5.

²² The South Under Threat // Monday Morning (Lebanon). – 2000. – 20 November. – Vol. XXIX. – № 1456. – С. 8.

²³ Доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюций 425 (1978) и 426 (1978) Совета Безопасности. 22 мая 2000. S/2000/460. – С. 7.

²⁴ Le Monde. – 2000. – 24 Mai.

²⁵ Report of the Secretary-General on the United Nations Interim Force in Lebanon. 20 July 2001. – С. 3.

²⁶ Daily Star (Lebanon). – 2001. – 26 April.

²⁷ S/RES/1310 (2000), 27 July 2000.

²⁸ См.: «We Still Believe in Peace». Interview with Lebanon's Prime Minister Rafik Hariri // Middle East Insight. – January – February 2001.

²⁹ Seeking Stability. Exclusive Interview with Lebanon's Prime Minister Rafik Hariri // Al-Ahram Weekly. – 28 June – 4 July 2001. – С. 7.

³⁰ Доклад Генерального секретаря о Временных силах Организации Объединенных Наций в Ливане. 22 января 2001. S/2001/66. – С. 4.

³¹ Промежуточный доклад Генерального секретаря о Временных силах Организации Объединенных Наций в Ливане. 30 апреля 2001. S/2001/423. – С. 2–3.

³² The Jerusalem Post. – 2001. – 29 July.

³³ Доклад Генерального секретаря о Временных силах Организации Объединенных Наций в Ливане. 22 января 2001. S/2001/66. – С. 4.

³⁴ The Jerusalem Post. – 2001. – 17 July.

³⁵ The Jerusalem Post. – 2001. – 16 April.

³⁶ Middle East Contemporary Survey. – Vol. XVII: 1993. – Boulder: Westview Press, 1995. – С. 522.

³⁷ The Jerusalem Post. – 2001. – 15 April.

³⁸ The Jerusalem Post. – 2001. – 22 April.

³⁹ The Jerusalem Post. – 2001. – 14 March.

⁴⁰ The Jerusalem Post. – 2001. – 17 April.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ УСКОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК
КСА И КУВЕЙТА

В ходе исследования проблем ускоренной модернизации национальных экономик и трансформации социальных структур аравийских монархий возникает необходимость выяснить, насколько за счет опоры на нефтяной фактор они смогли продвинуться по пути преодоления недостаточности других факторов развития и в какой степени им удалось сделать национальные хозяйства системами, способными развиваться устойчиво и стабильно.

Тот по историческим меркам очень короткий промежуток развития 70–90-х годов, когда Саудовская Аравия и Кувейт вначале выступили «капиталоизбыточными» странами с громадными финансовыми ресурсами, а затем продолжили масштабную социально-экономическую трансформацию, опираясь на достигнутый экономический потенциал (хотя и при сокращении экспортной доходной базы), вырвал их из общего массива стран «третьего мира». Российские востоковеды отмечали, что рассматриваемые государства вошли в особую группу стран-производителей нефти с высокими уровнями доходов на душу населения, сопоставимыми со значениями данного показателя в развитых странах и нередко даже превышавшими их. Это «является индикатором весьма важных процессов и в экономике, и в социально-культурной жизни, игнорировать которые глубоко ошибочно». Действительно, для нефтедобывающих монархий «приток доходов с мирового рынка в виде ренты и других платежей будет, как можно предположить, еще в течение ряда десятилетий достаточно весомым (хотя он и стал сокращаться в относительных размерах и абсолютно)».

Рассматриваемые страны совершили таким образом в существенной степени необратимый прорыв к перераспределению мирового прибавочного продукта: накоплены немалые объемы национального богатства в материальной и нематериальной формах (образование и т.д.); преодолены многие стереотипы сознания, присущие периоду хозяйственного зстоя монархий до начала широкомасштабной разработки нефти под национальным контролем; произведена грандиозная перестройка хозяйственных структур (промышленные зоны на месте пустынь, транспортная и социальная инфраструктура, современные города и поселки, индустриальные комплексы и т.п.); сформированы

новые, сравнительно стабильные источники доходов (экспорт капитала и т.п.). «Из этого вытекает, что весомая роль нефтедобывающих стран в мировой экономике и политике не только отчетливо выявилась, но и обрела некоторые механизмы воспроизводства»².

Произошел огромный рост объема ВВП аравийских нефтедобывающих стран в абсолютном выражении с его увеличением в несколько раз в 70-х годах и сохранением на новом весьма высоком уровне в 80–90-е годы. ВВП КСА и Кувейта за ряд лет показан в таблице 1 и характеризует масштабы их экономического роста. Вместе с тем очевидно, что конъюнктура мирового рынка нефти оказывала очень сильное непосредственное воздействие на динамику ВВП.

Безусловно, по мнению большинства специалистов, как один из важнейших индикаторов для интегральной оценки уровня развития стран выступает показатель ВВП на душу населения³. Показатель ВВП на душу населения нефтяных монархий испытывал существенные колебания ввиду его тесной зависимости от нефтяных доходов, но он остается достаточно высоким по масштабам «третьего мира»: в 1994 г., например, 13228 долл. у Кувейта и 7003 у КСА, и, соответственно, 13484 и 6133 долл. в 1998 г. (при очень низком уровне цен на нефть), а по паритету покупательной способности ВВП КСА на душу населения в 1998 г. составил 9 тыс. долл.

Таблица 1.
ВВП Саудовской Аравии и Кувейта в 1970–1990-х гг. (млрд. риалов и млн. динар, в текущих ценах).

Год	1970	1975	1980	1985	1990	1995	1997
Саудовская Аравия	17,40	164,53	520,59	313,94	391,99	470,70	547,41
Кувейт	1026	3485	7755	6450	5328	7925	9212

Источник: International Financial Statistics Yearbook 1999, IMF Wash. – С. 574, 798.

Если сравнить показатель монархий с такой близкой к среднеразвитому капитализму страной, как Турция, то здесь душевой ВВП в 1998 г. – лишь 3213 долл.⁴ Очевидно, что КСА по уровню душевого ВВП проигрывает другим нефтяным монархиям Залива, которые имеют относительно большие доходы при малом населении, входя в верхний эшелон стран мира по душевому ВВП (свыше 9 тыс. долл.) и соседствуя там с индустриально развитыми странами, но КСА направило больше средств и усилий в создание масштабного национального хозяйственного комплекса.

Можно констатировать, что нефтяные монархии Аравии сумели включиться в систему МРТ на основе природно-естественной монополии, имеющейся у них в силу обладания нефтяными запасами.

Вместе с тем последние тенденции мирового хозяйственного развития таковы, что глобализация мирового развития, к важнейшим компонентам которой относится интернационализация обрабатывающей индустрии и сферы услуг и их взаимное проникновение, все в большей

степени опирается на МРТ. Ввиду этого добывающие сырье и нефтедобывающие страны сталкиваются с тенденцией относительного вытеснения из мировой торговли сырья⁵. Как представляется, еще одна существенная трудность опоры на экспорт нефти состоит в том, что, как уже было установлено, наращивание ее поставок неизбежно ведет к падению цены и, наоборот, чрезмерное сокращение поставок приводит к нехватке денежных средств для поддержания масштабов развития, диктуемых национальными программами. Слишком же большая ставка таких нефтяных гигантов, как КСА и Кувейт, на инвестирование доходов от экспорта за рубеж вводит их в очень большую зависимость от непредвиденных колебаний в мировой финансовой системе и от стабильности различных зарубежных финансовых институтов. Кроме того, рост населения монархий будет осложнять поддержание на прежнем уровне финансирования его потребностей при помощи различных дотаций, перераспределяемых государством в виде части нефтяных доходов, а специфике нефтедобычи присуща крайне мизерная возможность привлечения туда экономически активного населения.

Вследствие перечисленного абсолютно правильным представляется мнение большинства исследователей развития аравийских монархий о том, что здесь диверсификация структуры хозяйства является насущной задачей. Эта линия неоднократно провозглашалась и в заявлениях представителей их правящих кругов. В обеих странах существует насущная необходимость для обеспечения потенциала вовлечения экономически активного населения в различные новые рентабельные и эффективные отрасли помимо нефтедобычи, как экспортоориентированные, так и связанные с внутренним рынком. Данным государствам необходимо развивать структуру хозяйства, исходя из выгод и преимуществ от участия в МРТ и экономической кооперации и интеграции. При этом сохранение монокультурности экономики выступало бы как весьма негативное качество их экономических механизмов.

Оценка прогресса в диверсификации хозяйства и промышленности нефтяных монархий по интегральным показателям представляется достаточно сложной задачей. Это объясняется именно спецификой влияния нефтяного фактора. Дело в том, что рост объемов нефтедобычи в годы благоприятной конъюнктуры на рынке нефти, а также увеличение доли финансовых средств от нефтяной ренты, «улавливаемых» сферой услуг, финансовым сектором хозяйства и т.д., сразу же снижает в относительном выражении удельный вес обрабатывающей промышленности в структуре ВВП. Когда же происходит спад в экспорте нефти, то доля обрабатывающей промышленности может сильно возрастать. Так, по некоторым данным арабских источников, в период 1980–1995 гг. (по сути, это период, главным образом приходящийся на прекращение «нефтяного бума») проявилась тенденция сокращения доли промышленности в ВВП в ведущих аравийских странах – нефтеэкспортерах (КСА, Кувейт, ОАЭ) при одновременном росте в ней

удельного веса обрабатывающей промышленности: доля всей промышленности сократилась с 76 до 45%, а удельный вес отраслей обрабатывающей промышленности в ВВП возрос трехкратно – до 15%⁶.

В таблицах 2 и 3 сделана попытка обозначить сдвиги в диверсификации хозяйства рассматриваемых стран примерно за два десятилетия – с 1973 по 1994 гг. При этом надо отметить, что в разных источниках отрасли группируются по-разному, показатели удельного веса могут отличаться на 2–3 % по обрабатывающей промышленности и т.д., тем не менее удалось найти более-менее единообразные данные.

Таблица 2.

Удельный вес некоторых отраслей экономики в ВВП Саудовской Аравии и Кувейта в 1972–1983 гг. (%)

Отрасли	Саудовская Аравия	Кувейт
<i>Добывающая промышленность:</i>		
1972 г.	60,1	62,5
1983 г.	47,0	49,8
<i>Обрабатывающая промышленность:</i>		
1972 г.	7,0	4,5
1983 г.	5,8	6,5
<i>Сельское хозяйство:</i>		
1972 г.	3,7	0,3
1983 г.	2,1	0,6
<i>Строительство:</i>		
1972 г.	4,2	2,6
1983 г.	13,3	4,7
<i>Непроизводственная сфера:</i>		
1972 г.	22,5	28,8
1983 г.	31,5	36,9

Источник: А.А.Кулямзин. Страны Персидского Залива: иммиграция и классовая структура (50-е–80-е годы). – М., 1990. – С. 136.

В период нефтяного бума особенно проявился большой удельный вес добывающей промышленности, а также строительства, сферы услуг, которые опосредовали нефтяную ренту. В последующем тенденция стала меняться. При этом с учетом приведенных соображений в условиях таких сильно зависящих от экспорта нефти развивающихся экономик важнейшим аспектом, свидетельствующим о продвижении процесса диверсификации, выступает само по себе более-менее устойчивое поддержание доли обрабатывающей промышленности и ее постепенное увеличение.

При группировке по секторам хозяйства, представленным в таблице 2, видно, что нарастание объема нефтедобычи в период «нефтяного бума» 70-х и начала 80-х годов привело к очень высокому удель-

ному весу добывающей промышленности в ВВП, а как следствие, – к росту строительства и непроизводственной сферы, куда была перераспределена нефтяная рента. Между тем, по-видимому, удельный вес сферы услуг и других подразделений непроизводственной сферы для такого небольшого государства Персидского залива, как Кувейт, может поддерживаться на более-менее высоком уровне. Эта страна, расположенная на пересечении многих торговых потоков, морских и воздушных путей, может в значительной степени взять на себя функции торгового и финансового центра международного значения, что требует соответствующей инфраструктуры.

Таблица 3.
Доля некоторых отраслей хозяйства в ВВП Саудовской Аравии и Кувейта в 1994 г. (%)

Отрасль	Саудовская Аравия	Кувейт
<i>Нефтегазовая промышленность</i>	32,1	43,4
<i>Обрабатывающая промышленность</i>	8,6	8,6
<i>Сельское хозяйство</i>	7,0	0,5
<i>Строительство</i>	9,6	3,2
<i>Оптовая и розничная торговля</i>	7,4	4,8
<i>Банки, кредитно-финансовые институты</i>	3,1	11,1
<i>Транспорт, коммуникации, складирование</i>	6,8	3,5
<i>Рестораны и отели</i>	1,7	0,7
<i>Общественные и социальные услуги</i>	21,0	25,2

Источники: The Economist Intelligence Unit (EIU) Country Profile 1995-1996. Saudi Arabia. – L., Jan. 1996, с. 20; EIU Country Profile 1995-1996. Kuwait. – L., Sept. 1995, с. 12; EIU Country Report 1st Quarter 1996. Kuwait. – L., March 1996, с. 3.

В крупной по масштабам Саудовской Аравии тенденция складывалась иначе. Там, как видно из таблицы 3, в отличие от Кувейта, роль, например, банковской сферы все-таки оказалась в 90-е годы вспомогательной: в рамках национального хозяйства ее удельный вес в ВВП КСА составил к 1994 г. всего немногим более 3 %.

В 90-е годы, как показывают данные таблицы 3, доля обрабатывающей промышленности все-таки увеличилась, превысив в обеих странах показатель 70–80-х годов. Кроме того, имеются и другие немаловажные показатели, которые также определенно свидетельствуют в подтверждение того, что в аравийских монархиях все-таки достигнут перелом в положительном направлении в тенденции к диверсификации национальных экономик. Так, за период 1973–1993 гг. произошло сокращение доли экспорта в валовом внутреннем продукте: в Саудовской

Аравии – с 82% до 37,5%, в Кувейте – с 65,4% до 37,8%. Это само по себе уже говорит об ориентации все большего числа вновь создаваемых производств на собственный внутренний рынок параллельно с заметно возросшим спросом на разные виды местной продукции⁷.

В Кувейте, по информации Центрального банка Кувейта и министерства планирования, в 1997 г. ненефтяная часть ВВП составила 4792 млн. динар, а нефтяная – 4591 млн., а в 1998 г., соответственно, 2965 и 4944 млн. динар⁸.

Так или иначе, очевидно, что и такой аспект, как связь роста обрабатывающей промышленности с развитием нефтехимии и многих взаимосвязанных производств, выступает в условиях рассматриваемых государств в качестве нормального параметра диверсификации экономики, так как данное направление отвечает их нише в системе мирового хозяйства, позволяет увеличить долю продукции с высокой долей добавленной стоимости, обеспечивает расширение многих видов производств внутри аравийских монархий и, несомненно, снижает зависимость экономического роста от колебаний рынка сырой нефти. В настоящее время в Саудовской Аравии и Кувейте продолжается расширение номенклатуры продукции нефтехимии и других промышленных изделий на ее базе: включая химикаты, удобрения, пластиковые материалы, кабель, электротехнические товары, инструменты для автомобильной техники и т.д. Они импортируются более чем несколькими десятками стран мира, хотя это и связано с проблемами условий торговли. В Саудовской Аравии расширяется и деятельность новых промышленных компаний по выпуску все более широкого ассортимента продукции, в том числе частных в кооперации с «САБИК» и с зарубежными контрагентами, такими как, например, «Сауди Интернэшнл Петрокемикл Ко» с участием саудовской частной группы Аз-Замиля и японского концерна «Мицубиси», «Галф Эдвансд Кемикл Индастриз Компани» и т.д.⁹

Доля новых предприятий, создаваемых частным капиталом в производстве химикатов и пластмасс, в 1994 г. составила 27,6%, в производстве машин и оборудования – 24,2%, в производстве пищевой продукции – 17,6%¹⁰. В Кувейте, например, недавно заявлено о начале целого ряда новых крупномасштабных проектов развития нефтехимии под контролем кувейтской компании «Петрокемикл Индастриз», включая переоборудование завода по производству аммиака для выпуска метилового спирта, увеличение мощностей по производству мочевины с 400 тыс. тонн в год до 640 тыс., увеличение на 10% мощностей завода, производящего аммиак, строительство нового завода «КНПК» в Мина Аль-Ахмади для переработки 70 тыс. барр. в день нефти в дизельное топливо, серу и ароматические вещества, нового завода в Эш-Шуайбе по выпуску 300 тыс.т. в год кальцинированного кокса, нового предприятия по производству 650 тыс.т. в год этилена и 450 тыс.т. полиэтилена, нового нефтеочистного завода на юге Кувейта специально для снабжения топливом местной электроэнергетики и т.д.¹¹ Доля

сельского хозяйства при современных масштабах аравийских экономик не может быть высокой ввиду неподходящих природных условий для его интенсивного развития. Только в КСА за счет крупномасштабного субсидирования удалось осуществить экспериментальный «прорыв» в этой отрасли.

Однако в целом схема диверсификации экономик аравийских монархий является крайне замедленной, «статичной». Их диверсификация в корне отлична от подобных процессов, происходивших и продолжающихся в латиноамериканских государствах или странах ЮВА, где с самого начала широко развертывалось множество импортзамещающих и экспорториентированных производств, выпускающих технологически сложные изделия, а диверсификация опиралась в основном не на экспорт сырья и доходы от него, а на привлечение иностранного капитала и повышение производительности труда в несырьевых отраслях.

Нельзя не отметить еще одного важнейшего результата ускоренной модернизации национальных экономик с опорой на нефтяной фактор. Он заключается в том, что в рассматриваемых странах имеются все признаки совершившейся демографической революции именно как следствия специфики примененной там модели социально-экономического развития. До начала модернизации основная масса аравийцев была неграмотна, особенно в бесправном положении находились женщины. Результатом тяжелого, но малопродуктивного труда в условиях сурового климата были очень высокая смертность и низкая средняя продолжительность жизни. Например, в КСА в начале 50-х годов, с его на 95% неграмотным взрослым населением, средняя продолжительность жизни составляла всего 33 года¹². «Нефтяной рывок» монархий в сочетании с политикой государственного патернализма в отношении коренного населения сделал ситуацию качественно иной. Известно, что демографическая революция означает темпы прироста населения, намного превышающие показатель предшествующих десятилетий, и к быстрым темпам прироста населения относят ежегодные темпы в 2% и выше, когда население удваивается каждые 35 лет (умеренные темпы – каждые 50 лет)¹³.

В КСА и Кувейте картина роста населения достаточно осложнена из-за очень высокой доли некоренного населения и иностранных рабочих, которые чаще всего не выделяются в данных международных публикаций. Вместе с тем к некоренному населению относят многие укоренившиеся группы (в том числе арабов, египтян, ливанцев, палестинцев, сирийцев и т.д.), которые в Кувейте, например, рассматриваются как резиденты, однако выделяются в национальной статистике. В саудовской статистике сложнее найти данные за ряд лет с учетом выделения величины коренного и некоренного населения. Количество некоренных граждан может изменяться резко в связи с трудовыми миграциями.

Несмотря на эти трудности, можно констатировать, что в данных странах Аравии произошел кардинальный скачок в росте населения. Так,

в Кувейте население, определяемое как местное, утроилось менее чем за 15 лет: 1970 г. – 348 тыс. чел., 1980 г. – 1 358 тыс., 1985 г. – 1 697 тыс. В КСА за этот период местное население почти удвоилось, соответственно: 5,8 млн. чел., 9,2 млн. и 11,2 млн.¹⁴ Данный источник, однако, показывает очень большой рост населения, определяемого как иностранное: за 1970–1985 гг. с 391 до 1016 тыс. в Кувейте и с 2 до 5 млн. в КСА. По другим публикациям, непосредственно коренных граждан меньше. Так, согласно данным, опубликованным в 90-х годах в Кувейте, число собственно кувейтцев возросло с 472,1 тыс. чел. в 1975 г. до 681,5 в 1994 г. (37,3% от данным населения ввиду огромного наплыва иностранцев). В КСА число саудовцев, по последней переписи 1992 г., составило 12,3 млн. чел., т.е. 73% от всего населения численностью 16,9 млн.

При этом важен показатель темпов прироста населения, который в середине 90-х годов был очень высоким: 3,9% в Кувейте и более 3% в КСА. Одновременно продолжительность жизни стала одной из наивысших в мире: 73 года для мужчин и 77 лет для женщин¹⁵. Для сравнения можно отметить, что, по данным ООН, средние темпы прироста населения в странах «третьего мира» в тот же период оценивались на гораздо более низком уровне: 2,81% для Африки, 1,84 для Латинской Америки, 1,7 для Азии, и имеют явную тенденцию снижения¹⁶. В возрастной структуре населения монархий стали преобладать молодые возрастные группы. В Кувейте в середине 1990-х более 58% населения было моложе 25 лет, в Саудовской Аравии более 62,6% было моложе 24 лет¹⁷. По последним оценкам, в КСА в 1999 г. 55% населения моложе 18 лет, а темп роста населения будет высоким – 3-4%¹⁸. Уровень рождаемости (число родившихся) на тысячу человек, по данным ООН, составил в КСА 43,2 в 1980–1985 гг., 42,1 в 1985–90 гг., при очень низком уровне смертности величиной, соответственно, 9,0 и 7,6. В Кувейте уровень рождаемости составил 20,6 в 1991 г., 34,8 в 1992, 38,9 в 1994, 42,5 в 1997, при уровне смертности в эти же годы величиной 3,4; 3,4; 3,46 и 3,7¹⁹. В отношении уровня рождаемости можно заметить, что подобные высокие уровни были в Европе (кроме Франции) на этапе наивысшего темпа прироста населения в 70-е годы XIX в., в Китае – в 60-х годах XX в.

Можно сказать, что аравийские монархии за короткий срок вступили в тот этап демографического развития, на котором рождаемость опережает смертность, но, в отличие от других развивающихся стран (где, как, например, в Африке, высокая рождаемость вовсе не обусловила достижение населением уровня продолжительности жизни, сопоставимого с развитыми государствами), здесь почти сразу, за очень короткий исторический интервал времени, одновременно достигнута и очень высокая продолжительность жизни. В ближайшие 10–15 лет прогнозируется удвоение численности населения²⁰.

Отмеченный результат ускоренной модернизации, безусловно, в количественном плане усиливает демографический потенциал данных

аравийских стран, т.к. от величины населения в немалой степени зависит социально-экономическая и политическая мощь государств, их роль в мировом сообществе.

Вместе с тем другим, весьма специфическим результатом особого характера осуществляемой модели модернизации, наложившегося на традиционные устои аравийских обществ, стало выраженное негативное положение дел с трудовыми ресурсами этих стран. Проблема заключается в том, что развитие трудовых ресурсов не сообразовалось с императивами диверсификации национальных хозяйств. Населению монархий присущи крайне низкая склонность к производительному труду, к работе во многих отраслях промышленности, потребительское отношение к государственным ресурсам и своего рода социальный паразитизм. Анализ распределения населения по занятости между производственными и непроизводственными секторами в КСА и Кувейте в первой половине 90-х годов показал уникально гипертрофированную структуру, когда подавляющая часть населения относилась к непроизводственным секторам.

Даже для Кувейта, с его претензией на роль мирового финансово-го и коммерческого центра, часть населения, занятая в производственных секторах, является неоправданно мизерной. Это 6,9% кувейтцев в 1990 г. и 8,1% в 1994. Остальные – это занятые в непроизводственных секторах: 93,1% в 1990 г. и 91,9% в 1994 г.

Для КСА, где все-таки более 70% населения является коренным, показаны имеющиеся данные по всему населению: в 1990 и 1994 гг. в производственных секторах было занято, соответственно, 32,2% и 31,2% трудовых ресурсов, а в непроизводственных – 67,8% в 1990 г. и 68,8% в 1994 г. Причем в эти годы монархиями уже давно была осознана необходимость повышения производительного характера национальных трудовых ресурсов, предприняты немалые усилия по улучшению профессиональной подготовки местных кадров, повышению роли профессионально-технического обучения. Однако результатов, как очевидно, практически нет, либо они минимальны. В Кувейте с 1990 по 1994 г. доля занятых в промышленности вообще снизилась вместо того, чтобы увеличиться. Таким образом, в этом развивающемся государстве (пропорционально численности населения) в непроизводственных секторах занято намного больше людей, чем в такой крупнейшей развитой стране, как США (в США около 77,3% населения занято в непроизводственных секторах, при расчете без занятых в сельском хозяйстве)²¹. В Саудовской Аравии в непроизводственной сфере занято в процентном отношении населения почти столько же, сколько в США. Но развитые государства находятся на совершенно иной, более высокой стадии экономического и технологического развития с широко диверсифицированной экономикой и большим удельным весом передовых наукоемких производств. Аравийские монархии в целом представляют экономические системы, которые еще только должны будут

достигать индустриальной стадии развития, однако они весьма далеки от постиндустриальной стадии, к которой могут быть отнесены США и другие промышленно развитые государства.

Можно констатировать, что действительно в рассматриваемых арабских странах характер занятости в экономике принял формы гипертрофированного социального иждивенчества, несмотря на ускоренную модернизацию, и позитивных сдвигов пока практически не происходит. Надо добавить, что, например, в Кувейте в экономически активном населении число некувейтцев в 6 раз больше числа кувейтцев. При этом если в банковско-финансовой сфере и оказании коммерческих услуг некувейтцев занято в 3,5 раза больше, чем кувейтцев, то в сфере торговли, ресторанов, отелей – в 24,7 раза больше, в строительстве – в 165 раз. Это следствие того, что коренные граждане не склонны к «непрестижным» занятиям даже в сфере услуг (официанты в ресторанах, работники гостиниц и т.п.).

По существу, очевидно, что сознательная политика «аравийской нефтекратии», как подчеркнул еще в 80-е годы один из известных российских арабистов, привела к созданию профессиональной аристократии восточного образца²². Общество раскололось на граждан первого и второго разряда. Конечно, можно рассматривать отмеченную тенденцию и с другой точки зрения, заключающейся в том, что правящие круги монархий стремились обеспечить прежде всего своему коренному населению действительно более благоприятные условия жизни и трудовой деятельности, чем в других странах, тем самым доказывая преимущества осуществляемой ими модели развития и укрепляя авторитет своей социально-экономической политики.

В совокупности отмеченные факторы порождают множество проблем, ведь в настоящее время в монархиях из-за быстрого роста населения существенно обострились проблемы занятости. В КСА огромное по условиям данной страны число молодых коренных саудовцев – более 120 тыс. – ежегодно вступают в трудовую деятельность. Подавляющая их часть претендует на престижные государственные должности²³. Сходная ситуация складывается в Кувейте, где 10 тыс. кувейтцев, ежегодно вступающих в трудовую деятельность, ожидают щедрых оплат на государственных должностях, которые им должно предоставить старшее поколение эмирата²⁴. В результате возросло количество коренных жителей, предпочитающих находиться на государственных пособиях вместо поступления на имеющиеся на рынке труда неподходящие им по разным соображениям рабочие места. Поэтому некоторые эксперты отмечают, что при нынешней структуре занятости населения монархий растущее с огромной скоростью население представляет своего рода «демографическую бомбу»²⁵. Корни проблемы кроются в экономической политике предыдущих лет, так как правительства расширяли занятость в государственной системе и не смогли осуществить действенных мер к тому,

чтобы подвигнуть коренных граждан к участию в других видах деятельности, к замещению иностранных работников.

Среди основных результатов ускоренной модернизации национальных экономик Королевства Саудовская Аравия и государства Кувейт можно выделить следующие.

За счет использования нефтяного фактора рассматриваемые страны сумели обеспечить свое участие в системе международного разделения труда на существенно новом уровне, достигнуть значительно более высокой доли в распределении мирового прибавочного продукта, осуществить создание масштабной социальной и производственной инфраструктуры. Увеличение некоторых основных интегральных показателей экономического развития аравийских монархий показывает, что они за исторически короткий отрезок времени прошли большую дистанцию на пути экономического роста и кардинально улучшили благосостояние населения.

Вместе с тем экономика рассматриваемых аравийских монархий остается в преобладающей степени монокультурной, а процесс диверсификации промышленности осуществляется крайне замедленными темпами и сконцентрирован в производствах, сопутствующих добыче нефти.

Определенный потенциал диверсификации в ненефтяной сфере хозяйства аравийские монархии обрели за счет развития деятельности в непроизводственной сфере, в сфере кредитно-банковской системы, финансов, коммерции, транспорта, в ходе направления части доходов на создание инфраструктурных объектов международного значения, а также за счет выхода аравийских банковских, инвестиционных, холдинговых учреждений и компаний на международную арену. Однако если данный акцент и ставка на выполнение роли финансового и коммерческого центра международного значения во многом эффективны для такого небольшого государства, как Кувейт, то они совершенно недостаточны для Саудовской Аравии как крупной по территории и крупнейшей по населению из аравийских стран.

Вместе с тем потенциал устойчивости данных аравийских монархий – «нефтяных гигантов» Персидского залива, базирующийся на их роли как распорядителей больших запасов стратегически важного топливного сырья, создает запас прочности на довольно длительную перспективу и может до определенного уровня компенсировать издержки структурной неразвитости национальных хозяйств.

Еще одним важнейшим результатом ускоренной модернизации, осуществлявшейся в данных государствах, стал скачок в росте населения, сочетающийся с большим повышением продолжительности жизни, что явилось следствием проводимой социально-экономической политики и, разумеется, повысило демографический потенциал этих аравийских наций. Однако положительный эффект увеличения численности населения очень ощутимо сводится на нет проявившимся ижди-

венческим характером населения, отсутствием у экономически активного населения склонности к трудовой деятельности в ключевых для промышленной диверсификации отраслях национальных хозяйств. Эти характеристики экономически активного населения аравийских монархий также явились результатом той модели социально-экономического развития, которая проводилась их правящими кругами в ходе модернизации с 70-х годов. Она обусловила большие достижения, но не смогла изменить характер воспроизводственного процесса, т.е. диверсифицировать экономику таким образом, чтобы вновь созданные ее компоненты смогли заметно потеснить нефтяной фактор.

¹ Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. – М. 1983. – С. 51, 55–56.

² Там же, с. 57.

³ Там же, с. 45–46.

⁴ Databank. Economic Indications, с. 40.

⁵ А.Я.Эльянов. Внешние экономические связи в стратегии развития стран Юга. – М. 1998. – С. 19.

⁶ Central Bank of Kuwait Quarterly Economic Report, с. 5–7.

⁷ ОПЕК Annual Statistical Bulletin 1993, Vienna, 1994, с. 5–7.

⁸ Special Report Kuwait // MEED. – Feb. 2000. – № 8. – С. 10.

⁹ Special Report Saudi Arabia // MEED. – Dec. 1999. – № 48. – С. 18–19; там же, Sept. 2000. – № 37. – С. 44–45.

¹⁰ Country Profile 1996–97, Saudi Arabia. – Dec. 1996. – С. 35.

¹¹ Special Report Petrochemicals // MEED. – Nov. 1989. – № 46. – С. 13; Special Report Kuwait // MEED. – Feb. 2000. – № 8. – С. 15–16.

¹² Кулямзин А.А. Страны персидского Залива: иммиграция и классовая структура (50-е – 80-е годы). – М., 1990. – С. 7.

¹³ См.: Ломакин В.К. Мировая экономика // World Economy, Textbook. – М. 1999. – С. 252.

¹⁴ Кулямзин А.А., с. 138.

¹⁵ EIU Country Profile 1995–96, Kuwait. – Sept. 1995. – С. 8–9; EIU Country Profile 1996–97, Saudi Arabia. – Dec. 1996. – С. 21–22.

¹⁶ Ломакин В.К., с. 223.

¹⁷ EIU Country Profile 1995–96, Kuwait. – March 1996. – С. 9; EIU Country Profile 1996–97, Saudi Arabia. – May 2000. – С. 22.

¹⁸ Special Report Saudi Arabia // MEED. – June 2000. – № 26. – С. 26–28.

¹⁹ The middle East and North Africa. – L., 1999. – С. 752, 848.

²⁰ Special Report Saudi Arabia // MEED. – July 2000. – № 29. – С. 26–28.

²¹ Тенденции мирового экономического развития // МЭМО. – М. 1991. – С. 39.

²² Андреасян Р.Н. Нефть и арабские страны в 1973–1983 гг. – М. 1998. – С. 211.

²³ Special Report Saudi Arabia // MEED. – June 2000. – № 29. – С. 26–28.

²⁴ Special Report Kuwait // MEED. – Feb. 2000. – № 8. – С. 9.

²⁵ Эксперт. – М., 26.06.2000. – С. 13.

**ИОРДАНСКИЕ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ»:
ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСЛАМИСТОВ И ВЛАСТИ**

В каждой арабской стране существуют исламские организации, либо зарегистрированные партии и движения, либо как благотворительные, культурно-просветительские или иные общественные объединения, либо находящиеся на подпольном положении. При этом, как отмечают исследователи, подавляющее большинство этих организаций не интересуется религиозно-богословскими вопросами, а занимаются претворением в жизнь своих политических установок, заметно отличающихся от официальных государственных доктрин.

Расхождения подобного рода, наиболее ярко проявившиеся в Египте и Алжире, имеют место даже в Саудовской Аравии, где власти стараются действовать в строгом соответствии с вахабитской (наиболее консервативной в исламе) концепцией внутренней и внешней государственной политики. По сути, ни один режим не готов сегодня принять выдвигаемые фундаменталистами модели государственного и общественного устройства, тем более поделиться с ними властью.

С другой стороны, многие религиозные организации требуют, как правило, незамедлительного принятия их рецептов развития исламских стран и не настроены на затяжной диалог или кропотливую политическую работу с режимами. Зачастую более эффективным им представляется давление на руководство страны методами, выходящими за рамки правового поля. Реакцией правительств на подобные шаги исламистов обычно бывают карательные меры различной (в зависимости от ситуации) степени жесткости.

Дальнейшая конфронтация между этими организациями и режимом, как показал опыт целого ряда арабских стран, нередко оборачивается кровавыми событиями: власти используют все имеющиеся в их арсенале средства, исламисты же – террор, направленный как против собственных государственных структур и граждан, так и апологетов иностранных интересов. Здесь опять-таки полезно вспомнить известные инциденты в Сирии, Алжире, Египте, Саудовской Аравии.

В этой связи определенный интерес представляет опыт взаимоотношений иорданского руководства с собственными исламистами, занимающимися активной общественно-политической деятельностью еще с конца 40-х годов XX века. Основной характерной чертой этого

опыта является длительное конструктивное взаимодействие иорданских фундаменталистов (в лице «братьев-мусульман» и созданного ими в начале 90-х годов политического крыла – партии Фронт исламского действия) с режимом в политической и социальной сферах.

Умение и готовность «братьев-мусульман» в Иордании постоянно приравнивать к «требованиям власти» свои шаги и подходы позволили удерживать отношения между сторонами в конструктивных рамках. В отличие от единомышленников во многих других арабских странах, иорданские «братья» ни разу не прибегали и даже не угрожали прибегнуть к насилию. Вместе с тем они отнюдь не отказывались от своих идеологических установок и присущих этому движению теоретических построений.

Запрет на деятельность политических партий в Иордании, формально действовавший с 1957 по 1992 г., не коснулся этой организации, которая дальновидно зарегистрировала себя как благотворительный фонд. Впрочем, это был сознательный выбор власти. Как и ее соседи – Египет, Сирия, Ирак – Иордания в 50-х и 60-х годах столкнулась с волной левонационалистических идей, и в борьбе с ними монархия предпочла иметь на своей стороне легально действующих исламистов для эффективного отражения экспансий «чуждых», как выразился король Хусейн, идеологий.

Движение однозначно заняло сторону режима и в сложном конфликте с вооруженными палестинскими отрядами, фактически взявшими курс на свержение королевской власти («черный сентябрь» 1970 г. – лишь один из эпизодов, хотя и весьма яркий, этого противостояния). Таким образом, позиция «братьев-мусульман» сыграла существенную роль в поддержании внутреннего мира и стабильности в стране.

В этом контексте показательны слова одного из руководителей «братьев» – шейха и депутата Хамзы Мансура о том, что «безопасность и стабильность Иордании – священный долг движения». В более развернутом плане та же мысль прозвучала у него следующим образом: «Стабильность любой исламской общины является необходимым условием для противостояния западным и иным враждебным устремлениям, нацеленным на ослабление исламских обществ и ислама как такового через разжигание волнений и подрыва спокойствия. Иордания – это мусульманское общество, чья стабильность и безопасность должны быть сохранены»¹.

Возьмем на себя смелость утверждать, что эти слова – не пропагандистское клише. Всякий раз, когда режим оказывался в состоянии какого-либо социального или политического конфликта с силами, угрожавшими устоям страны, иорданские «братья-мусульмане» неизменно вставали на сторону власти. Как известно, такого рода подход не был присущ многочисленным ячейкам «братства» в других арабских странах.

Иорданская ветвь «братьев» была основана выходцем из Салта (административный центр провинции Балка – второй по значимости город Иордании) Абдель Латыфом Абу Курой², который познакомился с идеями духовного лидера движения Хасана аль-Банна в 1943 г. Главный притягательный момент в его учении Абу Кура увидел в призыве к джихаду для искоренения «еврейской угрозы Палестине». В 40-е годы развитие событий на территориях к западу от Иордана находилось в центре внимания всех политических и общественных сил Иордании. После налаживания контактов с шейхом аль-Банной А.Л.Абу Кура был введен в состав руководящих структур египетских «братьев-мусульман». По возвращении на родину в сопровождении двух египтян из числа активистов движения Абу Кура занялся организационным оформлением иорданского крыла «братства».

На церемонии открытия штаб-квартиры иорданских «братьев-мусульман» в Аммане 19 ноября 1945 г. присутствовал лично король Абдулла. Движение было зарегистрировано в соответствии с Законом об общественных объединениях (*Канун аль-Джамийят*) как благотворительная организация³. Первый этап деятельности «братьев-мусульман» (до 1953 г.) ознаменовался расширением рядов и укреплением организационной структуры. Никаких намеков относительно необходимости установления исламского правления не делалось. Порой все напоминало дискуссионный клуб по исламской тематике. Ячейки «братьев» в провинциях были практически предоставлены сами себе.

В декабре 1953 г. «контролером» (по-арабски пост главы «братства» именовался *аль-мушриф аль-амм*) движения стал Мухаммед Абдель Рахман Халифа. Его деятельность на этом посту была направлена на консолидацию организации, достижение большей скоординированности между подразделениями. Под влиянием установок египетских «братьев-мусульман», произошло некоторое видоизменение концепций иорданского крыла «братства». За этим стоял египтянин Наджиб Джувейфель, бежавший из своей страны после репрессий со стороны режима Насера. Его как соратника Х.аль-Банна даже ввели в состав руководства иорданского движения. Только традиционная умеренность иорданцев, их личные тесные отношения с королем и его окружением позволили «братьям» избежать скатывания к «подпольщине», на которую активно настраивал Н.Джувейфель⁴.

Следует особо отметить, что на характер движения в Иордании серьезнейшее воздействие оказал сам образ мышления иорданцев, в своей массе крайне осторожно подходивших к вопросам возможного противостояния легитимной монархической власти Хашимитской династии. Руководство «братьев» всегда подчеркивало свою лояльность режиму и в любом своем начинании стремилось заручиться его поддержкой. Все заседания структур «братьев» были открытыми и на них постоянно приглашались (и постоянно приходили) государствен-

ные чиновники, представители армейских и официальных религиозных кругов. Не стало неожиданностью и то, что «братство» как самостоятельная организация приняло участие в парламентских выборах 1956 г. Власти дали карт-бланш на проведение широкой пропагандистской кампании. Выборы принесли «братьям» 4 депутатских мандата (из 40). Депутатами стали Мухаммед Халифа, Абдель Кадер аль-Омар и Абдель Баки Джаммо (все от Восточного берега), и Хафез ан-Натша (от Хеврона)⁵.

Тем не менее антизападная направленность идеологии «братьев», провозглашение ими шариата в качестве единственной основы для государственного устройства и устойчивые связи со значительно более радикальными коллегами из Египта закрепляли у дворца и правительства понимание объективной опасности для себя, таящейся в деятельности движения. Поэтому говорить о «безоблачности» отношений между иорданскими «братьями-мусульманами» и режимом было бы большим преувеличением.

В 1954 г. группа активистов организации была задержана за антиправительственную демонстрацию под лозунгом очищения армии от английских офицеров. После предупреждения командующего Арабским легионом (иорданской армией) Дж. Глабба о том, что деятельность различных «подрывных структур» идет вразрез с интересами и политикой государства, пятничные проповеди и публичные выступления лидера «братьев» были поставлены под жесткий контроль, а так называемые еженедельные лекции для населения запрещены.

В этот же период в Иордании возникла другая исламская организация – *Хизб ат-Тахрир* (Партия освобождения). Ее руководителями стали палестинские фундаменталисты, активно использовавшие исламскую риторику в «борьбе за освобождение Палестины». Лидер *Хизб ат-Тахрир* шейх Такиэддина ан-Набхани проповедовал идею восстановления панисламского халифата как единственно приемлемого с религиозной точки зрения государственного образования. В соответствии с доктриной партии легитимность иорданской монархии была поставлена под вопрос. Отношение властей к такой концепции было вполне предсказуемым. В 1956 г. партию запретили, ее лидера, эмигрировавшего в Ливан, поместили в Бейруте под жесточайший надзор. Альтернативой экстремистам из *Хизб ат-Тахрир* режим видел политическую идеологию «братьев-мусульман» как не представляющую какой-либо реальной угрозы стране со всеми вытекающими отсюда последствиями⁶.

В свою очередь движение «братьев» пришло на помощь режиму в опасное для последнего время борьбы за выживание в условиях попыток левых опрокинуть королевскую власть (мятеж иорданских «свободных офицеров» в Зарке в 1957 г., деятельность правительства С.Набулси и др.). «Братья-мусульмане» постоянно организовывали массовые мероприятия в поддержку монарха за «последова-

тельное отстаивание им дела ислама». Позитивную реакцию встретило у них и решение дворца ввести запрет на деятельность ряда политических партий (с соответствующим крупным ограничением свободы слова для всех), поскольку в первую очередь речь шла об ударе по левым течениям, прежде всего насеристам, к которым вся международная сеть «братьев» испытывала одинаковую ненависть после жестоких гонений на своих соратников в насеровском Египте.

Спад левой антиправительственной деятельности вновь вызвал обострение между прежними союзниками: режим ужесточил цензуру печати и риторики «братьев», последние развернули кампанию критики властей за косвенное «пособничество Западу в торпедировании справедливого решения палестинского вопроса». Однако за всякой конфликтной ситуацией следовало восстановление взаимопонимания. Если иногда и давали о себе знать известные противоречия в подходах сторон к различным аспектам внутренней и внешней политики, то в сложные времена для режима движение неизменно вставало «под его знамена».

Режиму не приходилось серьезно опасаться роста влияния исламистов. Этому препятствовала сама структура иорданского общества. В бедуинских и полукочевых племенах практически любая политическая активность вне рамок официальных структур воспринималась негативно, что касается палестинской, студенческой и профсоюзной («рабочей») среды, то здесь большей популярностью пользовались националистические и левые идеи. Зато исламистам, в отличие от, к примеру, баасистов и социалистов, была открыта дорога в парламент и даже правительство. При этом контролируемое лояльными дворцу шейхами племен и клановыми старейшинами волеизъявление иорданцев легко позволяло сохранять в «разумных пределах» представительство «братьев-мусульман» в Национальном собрании. Так, на выборах 1963 г. депутатами смогли стать двое «братьев» (Юсеф аль-Азм от округа Маан и Мшхур ад-Дамен от Наблуса), в 1967 г. – вновь двое (Юсеф аль-Азм и Хафез ан-Натша от округа Хеврон).

Схожая ситуация сохранилась и в последующие годы (конец 60-х и начало 70-х годов). После войны 1967 г., приведшей к переходу контроля над Западным берегом р.Иордан к Израилю, палестинское движение сопротивления (ПДС) перебазировалось на Восточный берег и развернуло мощную вербовочную работу. Ряд успешных антиизраильских акций партизан на начальном этапе, исход битвы при Караме (апрель 1968 г.) в пользу ПДС и Иордании вызвали массовый приток молодежи в ряды *фидаинов* (самоназвание партизан). Вооруженную борьбу против Израиля (к чему всегда призывали исламисты) возглавили националисты и левые – ФАТХ, Демократический фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, коммунисты и др. Популярность «братьев» была скромной и им пришлось подключаться к *джихаду*, вставая под чужие знамена.

Положение коренным образом изменилось после разгрома иорданской армией вооруженных отрядов ПДС и их фактической депортации с территории Иордании – «Черный сентябрь» (1970 г.) и «Джерашские события» (1971 г.). Ряды «братьев» существенно пополнились, поддерживающая их социальная инфраструктура получила значительную финансовую подпитку. Развертывание при молчаливом согласии иорданских властей повышенной активности движения в 1972–1975 годах сослужило добрую службу режиму. Пришедшийся на те же годы всплеск антизападных настроений в арабских странах обернулся возникновением в рядах исламистов новых радикальных течений, исповедовавших насильственный путь устранения «греховных нелегитимных правительств». Иордания практически избежала этого вследствие легальной работы «братьев», дававшей происламски настроенной молодежи возможности реализовать свои устремления.

Другим фактором, сохранившим уравновешенный характер деятельности иорданских исламистов, стал приход в ряды его руководителей интеллигентов из университетской профессуры и учительского сословия. Именно это сравнительно молодое и образованное поколение – Абдалла Аззам, Ахмед Науфаль, Мухаммед Абу Фарес, Хумам Сайд, Ибрагим Хрейсат и др. – определило лицо движения «братьев-мусульман» в 70-х – начале 80-х годов⁷.

Вместе с тем имели место и «инциденты». Всякий раз, когда происходило укрепление королевской власти, исламисты начинали вести себя более независимо от режима, что не всегда для них проходило гладко. Так, во время визита в Амман президента Никсона в 1974 г. «братья» устроили массовые демонстрации протеста с транспарантами: «Никсон, убирайся домой». За это генеральный контролер и целый ряд членов движения были арестованы. Открытый антиамериканизм «братства» неоднократно становился причиной возникновения у него проблем с властями.

Несмотря на определенные внешнеполитические издержки, Амман встал на сторону сирийских «братьев-мусульман» в их конфликте с официальным Дамаском в начале 80-х годов⁸. Безавшим активистам сирийского крыла движения и их семьям Амман предоставил убежище. Действующие боевики проходили тренировку на базах в Иордании. И хотя впоследствии экс-премьер-министр Модар Бадран утверждал, что многое делалось без его ведома, это маловероятно при том уровне деятельности спецслужб, который был в стране⁹.

Благодаря такой линии правительства собственные иорданские исламисты присоединились к лагерю наиболее преданных сторонников режима и были готовы поддержать практически любые внешнеполитические шаги Аммана. Позиции исламистов в стране в целом заметно усилились в начале 80-х годов после революции в Иране, событий в Афганистане и Сирии. На так называемых «довыборах» (*интихабат такмилият*) в парламент¹⁰ «братья» получили 3 из 8

мест по таким округам как Ирбид (Ахмед аль-Куфахи), Тафиля (Абдалла аль-Акайла) и Маан (Аты Абу аль-Азз).

Очередное охлаждение отношений между режимом и исламистами началось после назначения на пост премьер-министра Зейда Рифаи, составной частью мандата которого являлось восстановление прежних связей с Дамаском. Приступая к реализации директив короля, правительство провело соответствующую подготовительную работу: многие «братья» и их сторонники лишились постов в государственном аппарате, у части изъяли загранпаспорта и поместили под жесткую опеку спецслужб. Именно на этом этапе немалое число рядовых иорданских исламистов отправилось в Афганистан воевать на стороне моджахедов против «коммунистической агрессии».

Здесь следует отметить, что в Иордании вплоть до 1992 г. действовали законы чрезвычайного положения (*аль-ахкам аль-урфийя*) и любые шаги по пресечению той или иной политической (и не только) активности формально находились в рамках правового поля.

Умерив политические инициативы от собственного имени, движение бросило все силы на завоевание профессиональных ассоциаций, находившихся ранее под влиянием панарабистов и левых. Через ассоциации исламисты также намеревались провести своих людей в различные муниципальные советы. Экономический кризис в стране 1988–1989 годов способствовал росту популярности «братьев», что они с успехом реализовали на очередных парламентских выборах в ноябре 1989 г.

Кандидаты «братьев-мусульман» получили 22 места из 80, еще 4 мандата завоевали независимые исламисты. В итоге в Нижней палате появилась крупнейшая фракция, оказавшая серьезное влияние на внутривнутриполитическую жизнь в 1990–1991 годах. Спикером палаты депутатов был избран видный деятель «братьев» Абдель Латыф Арабийят. Формирование правительства состоялось с учетом распределения мест в парламенте, и 5 членов «братства» заняли министерские кресла в кабинете Модара Бадрана (декабрь 1989 – июнь 1991)¹¹. Премьеру был представлен Список насущных задач из 14 пунктов, которые собирались реализовывать министры-исламисты. В частности, речь шла о введении шариата и отмене противоречащих ему элементов национального законодательства, о восстановлении права иорданцев на зарубежные банковские счета (т.е. их легализация для возможности привлечения в страну в качестве инвестиций), предлагалось запретить продажу алкоголя мусульманам, ввести раздельное для юношей и девушек школьное обучение. Впоследствии сами «братья-мусульмане» описывали свои намерения как результат «романтического взгляда на политику».

На этапе до окончания войны в Персидском заливе («Буря в пустыне») министры-исламисты еще вписывались в политическую систему страны, однако переход Иордании к более глубоким реформам, а

главное ангажированность королевства на участие в арабо-израильском мирном процессе понудили режим убрать «братьев» из правительства.

Принятие Закона о партиях от 1992 г. позволило «братьям» легализоваться как политической партии (до этого они по-прежнему числились общественной благотворительной организацией). Был создан Фронт исламского действия (ФИД)¹², в который наряду с движением «братьев-мусульман» вошли и независимые исламисты. В 1993 г. количество членов ФИД оценивалось в 3000 человек, в стране действовали 22 отделения партии.¹³ Позднее абсолютный диктат «братьев-мусульман» в новой партии вызвал череду громких отставок их временных, как оказалось, союзников из числа независимых.

Исследование территориального распределения популярности исламистов показывает, что в глубинке, при всей ее отсталости и патриархальности, сторонников «братьев-мусульман» весьма немного¹⁴. Там устойчиво сохраняется традиция следовать клановой дисциплине, что же касается трайбалистской верхушки, то в ее правилах – быть абсолютно лояльным руководству страны. Потому основные центры активности «братства» – крупнейшие города страны Амман, Зарка и Ирбид.

В 1993–1994 годах вследствие предоставленной демократическими преобразованиями возможности вести открытую политическую деятельность обострились противоречия и в стане самих «братьев». Началась острая полемика вокруг различных аспектов деятельности и идеологии движения, которая выплеснулась на страницы многочисленных печатных изданий, появившихся у движения на этом новом этапе. Ряд видных активистов попал в опалу. Начало формироваться новое поколение в руководстве «братьев-мусульман». В 1994 г. ветеран движения Мухаммед Абдель Рахман Халифа, практически бесценно возглавлявший его с 1954 г., уступил пост генерального наблюдателя Абдель Маджиду Занейбату, представителю «молодых»¹⁵.

Несмотря на усилившуюся разногласия в своих рядах, ФИД остался достаточно популярным среди определенной категории населения и на парламентских выборах в ноябре 1993 г. получил 16 мест. Независимым исламистам досталось 6 мандатов. Однако ситуация существенно отличалась от выборов 1989 г. Главной силой на политической арене (включая новую Палату депутатов) стали проправительственные консервативные партии – Партия прогресса и справедливости, «аль-Якза», Партия народного единства, «аль-Ахд», «аль-Ватан», Либеральная юнионистская партия и др.

С 1993 г. критика правительства становится доминирующей политической линией ФИД. Основные претензии: во внутренних делах – вестернизация, выдавливание исламистов из государственных и общественных структур, недостаточно последовательная борьба с коррупцией, производство алкоголя в стране и его свободная продажа

мусульманам; во внешних – следование американской (что у «братьев» равнозначно израильской) концепции ближневосточного урегулирования (БВУ). Здесь же отметим, что комплексной программы переустройства королевства ни ФИД, ни «братья-мусульмане» так и не выдвинули (из-за ее отсутствия), потому их схватки с руководством страны всегда носили относительно частный характер и концентрировались вокруг конкретных вопросов, связанных с арабо-израильским конфликтом или проблемой исламизации различных сторон иорданской жизни.

На антизападной (включая антиизраильский компонент) и «реформаторской» (призывы к ликвидации nepотизма, коррупции и всевластия спецслужб) платформах «братья» впервые за годы существования наладили тесное взаимодействие с представителями панарабского и левого течений. При этом и те и другие твердо отвергают какую-либо возможность перевода полемики с правительством (король, по давно установившейся традиции, всегда вне критики) в конфронтационную неполитическую плоскость.

Продолжая линию на маргинализацию исламистов, правительство приняло Временный закон о выборах, по которому вводился электоральный принцип «один человек – один голос». Ранее количество подаваемых избирателем голосов равнялось числу мандатов, выделенных избирательному округу. Таким образом, иорданец мог теперь поддержать только одного кандидата. Нетрудно понять, что это означало на практике в условиях царящей в Иордании клановой системы. Партийный кандидат мог получить доступ в парламент лишь в том случае, если он одновременно являлся консенсусной фигурой для местных кланов. Исключение составляют округа в Аммане, поскольку в большей части этого полуторамилионного города компактное проживание кланов отсутствует.

Данный шаг правительства нанес весьма ощутимый удар по планам ФИД, рассчитывавшего провести в парламент до 35 своих кандидатов с целью, прежде всего, оказания воздействия на ход иордано-израильских мирных переговоров. Внутри фронта сформировалась группа активистов, выступавших за бойкот выборов. Пытаясь заставить правительство отыграть назад, ФИД также пригрозил коллективным обращением в Верховный суд, оспаривая конституционность нового закона. На решение «братьев» принять участие в выборах повлияло обращение короля Хусейна «не допустить подрыва стабильности и благополучия страны, поддержать курс руководства на дальнейшую демократизацию». Старая гвардия исламистов, воспитанная в духе неконфронтационных отношений с режимом, оказалась неготовой идти до конца, добиваясь своих целей.

В 1994 г. произошло омоложение руководящих кадров «братьев-мусульман» и ФИД. Там сменилось около 40% состава, в новом исполнительном бюро фронта (16 человек) появилось много членов

моложе 45 лет. Как уже упоминалось, Абдель Маджид аз-Занейбат был избран «генеральным наблюдателем» (аль-муракиб аль-амм) движения, освобожденный им пост председателя *шуры* ФИД занял Аднан аль-Маджали.

В августе 1994 г. ФИД заявил о своей независимости от «братьев-мусульман», которые несколько раз публично объявляли о невмешательстве в процесс выработки политической линии фронта и его финансирования. При этом обе организации декларировали наличие «единой идеологии и практики исламского действия», что на деле означало независимость ФИД лишь в кадровых вопросах и, возможно, в формировании и распределении расходов партийного бюджета¹⁶.

После подписания иордано-израильского мирного договора от 26 октября 1994 г. исламисты обрушили нещадную критику на правительство, появилась угроза личной безопасности ряда высокопоставленных лиц из руководства страны, в т.ч. премьер-министра Абделя Саляма аль-Маджали. Надзор над «братьями» и другими исповедующими фундаментализм группировками усилился. Были пушены в ход и меры по политической маргинализации исламистов. 11 июля 1995 состоялись одновременные выборы в 259 муниципальных совета (*балдийят*). «Братья-мусульмане» намеревались одержать ошеломляющую победу, в реальности их представители взяли под свой контроль только 30% муниципалитетов, ФИД оценил эти результаты как серьезный провал. Подлинная причина поражения – своевременное вмешательство государства. Была оказана массированная поддержка тем, кто входил в ряды проправительственных сил. В день голосования участки были наводнены военными, кое-кого из активистов «братства» под различными благовидными предлогами арестовали. Венцом операции можно считать некоторые «корректировки» результатов.

Судя по всему, правительство сочло набор принятых мер эффективным средством для «контролируемого допуска» фундаменталистов в представительные органы власти и на будущее. В начале 1997 г. взяла старт предвыборная кампания в парламент (выборы должны были состояться в ноябре). Первые же месяцы показали, что режим твердо намерен провести ее по своему сценарию. Дабы добиться более приемлемых для себя условий участия в выборах, «братья-мусульмане» и ФИД оказали мощное давление на правительство. Одним из самых раскручиваемых тезисов в пропагандистской кампании исламистов стал призыв «всемерно укреплять демократические завоевания и гражданские свободы в Иордании».

Наиболее острая дискуссия развернулась вокруг избирательного закона. Оппозиция, в ряды которой, помимо ФИД, вошли панарабские и левые партии, вновь подвергла закон резкой критике и выдвинула требования внести в него изменения. Во-первых, утверждали оппозиционные силы, с точки зрения требований демократии порочными являются практика введения квот для отдельных катего-

рий населения (выходцы из Северного Кавказа, христиане, бедуины); во-вторых, «нарезка» избирательных округов, не соответствующая демографическому принципу. В провинциях Маан, где проживает около 80 тыс. человек, Тафиля (около 62 тыс. чел.) и Акаба (около 81 тыс. чел.) депутат получает голоса 3–3,8 тыс. избирателей, в Северном бедуинском округе – 14 тыс., в то время как в провинции Зарке (около 650 тыс. чел.) – 50 тыс., а во Втором амманском округе, где, в частности, расположен большой палестинский лагерь аль-Вахдат, – 76 тыс. В-третьих, принцип «один человек – один голос» в условиях доминирующих в Иордании кланово-племенных отношений (*ан-низам аль-аша'ирий*) означает, что в подавляющем большинстве округов могут быть избраны лишь ставленники кланов, и у политических партий ничтожно малы шансы найти фигуру, устраивающую обе стороны.

Все прекрасно понимают, что такая система обеспечивает исключительно интересы коренных иорданских кланов и племен, на которые опирается режим¹⁷. Крупные города – Амман, Зарка и Ирбид, где нет четкого разделения по трайбалистскому принципу, с точки зрения идеологических и политических пристрастий в меньшей степени благонадежны. В этом и состоял расчет государства при создании избирательной системы, когда 28,4% населения в глубинке представлены 42 депутатскими мандатами, а 71,6% жителей страны, проживающих в трех провинциях – аль-Асыма (Большой Амман), Зарка и Ирбид выбирают лишь 38 парламентариев, из которых еще не менее 10 – кандидаты от тех же сельских районов и 3 – от черкесов и чеченцев¹⁸.

Не добившись никаких уступок от правительства по изменению избирательного законодательства, ФИД объявил 24 июля 1997 г. о своем неучастии в ноябрьских парламентских выборах, фактически подхватив «почин» четырех левых партий, сделавших это чуть ранее. 30 июля к рядам бойкотирующих присоединились еще пять партий¹⁹. В дальнейшем отказались от продолжения избирательной кампании оппозиционно настроенные (в основном по вопросу арабо-израильского урегулирования) экс-премьер-министры Ахмед Обейдат и Тахер аль-Масри и бывший вице-премьер Сулейман Аррар. «Братья-мусульмане» отказались и от какого-либо участия в работе Сената (верхняя палата иорданского парламента), хотя в 1993–1997 гг. членом Сената являлся видный деятель «братьев» и генеральный секретарь ФИД Абдель Латыф Арабийят.

Не желая обострения ситуации, режим начал маневрирование. Было выдвинуто предложение начать диалог, однако разговор предполагалось вести лишь в возможных условиях принятия исламистами установленных правил проведения выборов. Шаги кабинета министров наглядно демонстрировали, что поддаваться давлению «братьев» власть не собиралась.

В мае 1997 г. были приняты поправки к Закону о прессе и публикациях от 1993 г., которые, по сути, означали конец оппозиционной дея-

тельности в средствах массовой информации. Существенное увеличение капитала для ежедневной газеты с 50 тыс. иорданских динаров (71 тыс. долларов) до 600 тыс. (850 тыс. долл.) и для еженедельника с 15 тыс. динаров (21,5 тыс. долл.) до 300 тыс. динаров (425 тыс. долл.), которое газетам следовало завершить в течение трех месяцев под угрозой закрытия, имело целью выдвинуть с информационного рынка различные малоформатные партийные и иные оппозиционные издания. Для «братьев-мусульман», способных в случае нужды аккумулировать требуемые суммы, было введено дополнительное условие – главный редактор газеты должен был обладать опытом работы в этой должности не менее 10 лет.

Еще более сужая поле пропагандистской деятельности оппозиции во главе с ФИД поправками к Закону от 1993 г., власти запретили публикацию репортажей, статей, фотографий, карикатур и др., которые бы:

- оскорбляли короля и королевскую семью;
- предоставляли без разрешения соответствующего органа или правительственного чиновника информацию об иорданских вооруженных силах, службах безопасности;
- оскорбляли религию, признанную конституцией;
- подрывали национальное единство, поощряли раскол, ненавистничество, сеяли разногласия и дисгармонию в обществе;
- предавали огласке правительственные документы закрытого характера;
- раскрывали ход закрытых парламентских заседаний;
- имели целью дестабилизацию или понижение доверия к национальной валюте;
- содержали выпады против глав арабских, исламских и дружественных государств или могли нанести ущерб отношениям Иордании с другими странами;
- оскорбляли достоинство и личные свободы частных лиц или наносили ущерб их репутации;
- противоречили общественной морали и этике;
- содержали дезинформацию или слухи, которые подрывали бы интересы общественных или государственных институтов.

Нарушение предусмотренных поправками положений влекло за собой приостановку издания газеты. Произошло повышение штрафов с сумм, не превышавших 6 тыс. динаров (9 тыс. долл.), до 15–25 тыс. динаров (21,5–35,6 тыс. долл.). В сентябре 1997 г. правительство на основе нового законодательства закрыло 13 еженедельных газет, существенно сократив таким образом пропаганду и агитацию оппозиционных взглядов.

С решением руководства ФИД о неучастии в парламентских выборах 1997 г. не согласился ряд видных членов «братьев-мусульман», усмотревших в нем помимо политической близорукости также и личные мотивы. При сохранении системы «один человек – один голос» на вы-

боры не мог быть вынесен так называемый партийный список, а значит, если бы кто-либо из «братьев» и прошел в парламент, то это в большинстве случаев были бы не руководящие партийные кадры, а люди из провинции, поддержанные клановой верхушкой.

О намерении участвовать в выборах заявили Абдалла аль-Акайла, Ахмед аль-Азайда. В ноябре 1997 г. ряды «братьев» покинули Бассам аль-Аммуш и 2 члена исполнительного совета движения Аднан Джальджули и Абдель Рахим аль-Акур. Всех их исключили из движения (но не из ФИД, где их членство было лишь заморожено на ограниченный 6-месячный срок) за неподчинение решениям руководства, что явилось беспрецедентным шагом. В интервью «Джордан Таймс» А.аль-Акайла назвал исключения «действиями, продиктованными личными мотивами и ведущими к разрушению организации». «Внутри движения идет борьба за власть, – отметил он, – и в конечном счете все умеренные объединятся под крышей новой партии»²⁰.

Забегая вперед, отметим, что правительство «закрепило» раскол тем, что пригласило в правительство Б.аль-Аммуша (в 1998–1999 годах) на должности министра административного развития и госминистра по парламентским вопросам и А.аль-Акура (в 2000–2001 годах) министром по делам муниципалитетов, деревень и экологии, а затем государственным министром. В декабре 1998 г. также усилились противоречия между руководством ФИД и его региональным отделением в провинции Балка из-за проведения последним встречи с депутатами парламента от этой провинции (ФИД настаивал на том, чтобы бойкот выборов в 1997 г. распространялся и на двусторонние контакты с депутатами)²¹.

Одновременно были приняты меры по консолидации проправительственных сил. С прицелом на предстоящие выборы был создан крупный политический альянс Национальная конституционная партия, в которую влились восемь ранее самостоятельных партий. Чтобы притормозить перенос оппозицией политической работы в профессиональные ассоциации режим активизировал дискуссию о законодательном ограничении сферы деятельности этих ассоциаций чисто профессиональными вопросами²², а также о необязательности членства в них для занятия той или иной профессией. В прессе были утечки информации о планируемой проверке финансов отдельных партий и профсоюзных ассоциаций якобы в связи с имеющимися данными о поступлении им денежных средств из-за рубежа. Без объяснения причин губернаторы, как правило, отвечали отказом на заявки о проведении оппозицией демонстраций и шествий, связанных не только с выборами или другими внутренними событиями, но и отношениями с Израилем. Разногласия внутри ФИД и движения «братьев-мусульман» по вопросу участия в выборах вызвали и более широкую дискуссию о целях исламского движения и путях их достижения. Образовались три лагеря – «ястребы», центристы и «голуби».

Первый (представители – Хумам Сайд, Ибрагим Масуд Хрейсат, Дауд Коджак, Али аль-Атум, Мухаммед Абу Фарес, Кандиль Шакер, Хейтам Абу ар-Рагеб и др.) проповедует необходимость «поднять улицу» и действовать путем массового общественного давления на правительство. Именно им принадлежит инициатива проведения различных шествий, демонстраций, пятничных проповедей политического характера (за что немало проповедников подвергалось арестам). По данным специалистов, это крыло находится под сильным воздействием идеологических установок ХАМАС (палестинское Движение исламского сопротивления), полулегально присутствовавшего в 1993-2000 годах на политической арене в Иордании.

«Голуби» (умеренные) выступают за нормальную партийную политическую деятельность, считая, что «не в интересах движения доводить дело до столкновения с режимом, которое, если произойдет, будет означать конец иорданского исламского движения, конец полувекового опыта деятельности в атмосфере доверия со стороны власти»²³.

Третий лагерь – центристы (заместитель главы «братьев» Имад Абу Дия, пресс-атташе Джамиль Абу Бакр, Салем Фаляхат, Сауд Абу Махфуз, Наиль Масальха, Абдель Хамид аль-Куда и др.), пытающиеся навести мосты между двумя первыми группами «братьев»²⁴. Они проповедуют «золотую середину», сами будучи при этом в состоянии, близком к расколу, поскольку кому-то более импонируют идеи «ястребов», а другим – подходы умеренных.

Пока более многочисленным умеренным (Исхак аль-Фархан, Абдель Латыф Арабийят, Хамза Мансур, Бадр ар-Рияты, Абдель Маджид Занейбат, Дейфалла аль-Момани, Сулейман ас-Саад и др.) удастся сдерживать напор радикалов, оказывающих, тем не менее, определенное воздействие на политику движения. По результатам выборов в совет шуры ФИД в декабре 1997 г. умеренные и центристы сохранили контроль над партией, получив около 75% мест (у «голубей» и центра – 95 мест из 120, у «ястребов» – 25)²⁵. Схожими результатами завершились и выборы исполнительного бюро ФИД в декабре 1999 г. Лидером партии остался Абдель Латыф Арабийят. Другие члены бюро – Хамза Мансур, Зухейр Абу ар-Рагеб, Зияд Халифа, Хумам Сайд, Нимр аль-Ассаф, Тарек ат-Телль, Джамиль Абу Бакр, Наиль Зейдан, Али Абу ас-Суккар, Мухаммед Овейда, Ирхейль Гарайба, Ахмед Танаш.

После ноября 1997 г. ФИД и «братья-мусульмане» взяли курс на усиление своего влияния в муниципалитетах, профессиональных ассоциациях и студенческих союзах. Была развернута борьба с правительством на идеологическом поле. В феврале 1998 г. исламисты инспирировали волнения в южноиорданском городе Маане в связи с кризисом вокруг инспекционной деятельности ООН в Ираке; имели место столкновения между демонстрантами и полицией, 1 человек погиб.

Неудовлетворенность режима, в том числе дворца, отношениями с исламистами, фактически переросшими в длительное противостояние, вызвала пересмотр его подходов к «братьям». Призыв короля Хусейна к диалогу, прозвучавший на специальной встрече с журналистами 6 июня 1998 г., явился своего рода подведением итогов целого этапа взаимоотношений властей с движением (о добрых традициях которого монарх упомянул во вводной части своего выступления)²⁶. После его смерти ситуация действительно начала коренным образом меняться.

Крупными узлами противоречий между «братьями» и режимом во внешней политике остаются такие вопросы, как подписание мира с Израилем и последующая нормализация отношений с ним, поддержка исламистами ХАМАС и их нападки на администрацию ПНА (в частности, Арафат обвиняется в «неспособности обеспечить палестинскую государственность в такой форме, которая отвечала бы потребностям палестинского народа»²⁷). Ранее критике исламистов подверглось решение Иордании не принимать у себя с визитом выпущенного на свободу духовного лидера ХАМАС шейха Ясина (под давлением, как указывалось, Я.Арафата)²⁸.

Здесь же следует отметить, что за конфронтацией с правительством зачастую стоит и желание отдельных ортодоксов укрепить таким способом собственные ряды «братьев», пригасить кризисы внутри организации. Наиболее ярким примером подобного сценария аналитики называют взвинченную консервативными исламистами дискуссию и появившийся в результате нее Меморандум совета *шурь* ФИД от 6 февраля 2000 г. В нем с претензией на статус религиозного эдикта (*фетвы*) «братья-мусульмане» объявили введенный правительством субботний выходной день (в дополнение к пятнице) запретным для мусульман (хором), повторением еврейской традиции и одним из элементов полномасштабной нормализации отношений с Израилем²⁹.

Не попав в парламент и обставив потенциальное участие в правительстве целым рядом условий (большей частью заранее неприемлемых для властей)³⁰, «братья-мусульмане» и ФИД приступили к подготовке реванша на муниципальных выборах, назначенных на 14 июля 1999 г. На кампанию было потрачено более 50 тыс. иорд. динаров (70,5 тыс. долл.), что для этих выборов является значительной суммой. Надо признать, что проведенная ими работа оказалась результативной: крупный успех был достигнут в традиционных зонах влияния исламистов – Зарке, Ирбиде и Русейфе. В Мадабе, где седьмая часть избирателей – христиане, ФИД получил 6 мест в муниципальном совете из 11. В Аммане удалось добиться 5 мест из 20 (еще 21 член муниципального совета Большого Аммана, включая председателя, назначается правительством), при том, что общее число кандидатов от ФИД составляло 10 человек³¹.

К 2000 г. немалое число профессиональных объединений оказалось под контролем исламистов³². Этому способствовали тяжелое финансовое положение многих организаций и их членов, особенно тех, чья работа изначально является низкооплачиваемой³³, и потеря доверия к подавляющему большинству иорданских политических партий. Отсюда – «сильная религиозная ориентированность этих людей, видящих в исламе выход из своих социальных и экономических проблем»³⁴. По этой причине захват профассоциаций «братьями», по мнению аналитиков, произошел без особых усилий, без серьезной предварительной подготовки, что, впрочем, вовсе не свидетельствует о бездействии «братьев-мусульман».

9 апреля 2000 г. состоялся Национальный конгресс поддержки и помощи студентам университетов. Его итогом стало создание постоянно действующего комитета с аналогичной задачей, оказавшегося под мощным влиянием ФИД. Целью комитета стало оказание давления на руководство высших учебных заведений, 60% которых являются государственными, чтобы добиться ликвидации существующего в крупнейшем в стране Иорданском университете положения, при котором председатель и половина членов студенческого союза назначаются приказом ректора. Такая система по замыслу властей призвана надежно защищать студенческие объединения от исламистов и левых политических течений, способных политизировать их деятельность, вносить элементы конфронтационности в отношения с руководством ВУЗов. Естественно, «братья-мусульмане» делают все возможное, чтобы изменить ситуацию, разыгрывая при этом карту борьбы за демократию и права студентов, «против правил в духе чрезвычайного положения, наносящих ущерб репутации Иордании и препятствующих ее движению по демократическому пути»³⁵.

Там, где студенческие союзы таким способом не защищены, «братья» неоднократно получали контроль над ними, что, как правило, приводило к противостоянию с руководством ВУЗов. Не удивительно поэтому, что ректораты вынуждены применять административные меры для восстановления спокойствия. В Научно-технологическом университете (провинция Ирбид) студенческий совет был распущен практически сразу после его избрания (победили исламисты), схожие шаги предприняло руководство Университета Мута (провинция Керак)³⁶.

Серьезным испытанием для иорданских исламистов стал кризис вокруг представительства ХАМАС, начавший постепенно раскручиваться в августе 1999 г. Предыстория этого дела такова: в 1993 г., вступив в полосу трений с Я.Арафатом по ряду ключевых аспектов палестинского урегулирования, король Хусейн в целях оказания на него определенного давления через разыгрывание карты ХАМАС заключил с этим движением устное соглашение (переговоры велись

через премьер-министра З.Бен Шакера) об открытии на территории Иордании «информационного бюро»³⁷. Поскольку это было нужно самим иорданцам, в Аммане длительное время закрывали глаза на то, что деятельность данного бюро не соответствовала иорданскому законодательству.

Когда внешнеполитические приоритеты Иордании начали меняться (отношение Аммана к деятельности ХАМАС в Иордании также неоднократно привлекало внимание США и Израиля), представители ХАМАС стали сталкиваться с определенными проблемами. В 1995 г. под предлогом отсутствия иорданского гражданства были высланы из страны член политбюро ХАМАС Муса Абу Марзук³⁸ и Имад аль-Ильми. Пресс-атташе представительства Ибрагима Гошу неоднократно вызывали на допросы в органы безопасности, а 7 сентября 1997 г. арестовали (первый арест представителя ХАМАС в Иордании) за нарушение договоренности об освещении иорданскими ХАМАСовцами терактов движения на территории Израиля. Аргументация правительства на последовавшие протесты «братьев-мусульман» сводилась к тому, что исходящие с территории королевства приветственные заявления по итогам взрывов, повлекших жертвы среди гражданского населения Израиля, представляют собой «угрозу национальной безопасности Иордании»³⁹. Встречные доводы о том, что политическое крыло ХАМАС не несет ответственности за акции военного крыла – подразделений Изэддин аль-Кассам, иорданцы оставили без внимания, собственно как и заявление исламистов о прямой связи между проведением репрессий против «палестинских борцов» и визитом в регион госсекретаря США М.Олбрайт⁴⁰.

Позиция правительства по данной проблеме была кратко сформулирована следующим образом: или «представители» ХАМАС в Иордании покидают территорию страны, поскольку их организация является иностранной и не имеет законных оснований для деятельности в королевстве, или они остаются в Иордании в качестве законнопосланных граждан⁴¹ и отказываются от дальнейшей активности от имени нелегальной с формальной точки зрения организации. На этой основе кризис разрешить не удалось, и в итоге 21 ноября 1999 г. правительство депортировало четырех иорданских ХАМАСовцев в Катар. Начиная с конца августа 1999 г. около 20 человек⁴² было арестовано по подозрению в причастности к деятельности ХАМАС на территории Иордании⁴³.

Реакция «братьев-мусульман» была предсказуемо негативной, однако каких-либо юридически весомых аргументов, кроме лозунгов о необходимости оказания помощи борьбе с израильской оккупацией они не нашли, поддержка представительства ХАМАС в Аммане носила исключительно эмоциональный характер⁴⁴. Иорданский истеблишмент имел иную точку зрения, разделяя мнение правитель-

ства о том, что конечной целью присутствия ХАМАС на территории Иордании было взорвать ситуацию внутри страны.

Вместе с тем часть умеренных «братьев» восприняла высылку членов иорданского бюро ХАМАС с удовлетворением, поскольку последние старались вести себя самостоятельно и независимо, «игнорируя большинство рекомендаций, дававшихся советом шурь «братьев-мусульман» и выходя за те рамки, которые были им определены»⁴⁵. Примечательно, что и ХАМАС не оценило должным образом посреднические усилия «братьев» по разблокированию кризиса с иорданским правительством. Находившийся в Катаре Ибрагим Гоша обвинил «братьев-мусульман» в том, что они не встали на сторону его движения и предпочли играть роль посредника, что, мол, открыло властям путь к масштабной кампании репрессий против членов и сторонников ХАМАС. Все это свидетельствует, резюмировал И.Гоша, о непоследовательной линии иорданских исламистов в отношении «исламской концепции освобождения Палестины»⁴⁶.

Любопытно, что позиционирование за линией раскола в отношении ХАМАС зависело от происхождения членов «братства». Выходцы из коренных иорданских кланов во всем исходили из интересов их движения именно как иорданской организации, палестинцы – из целей борьбы за права своего народа на оккупированных территориях. Заместитель генерального наблюдателя «братьев-мусульман» Имад Абу Дия высказался по этому поводу предельно четко: «Место ХАМАС – в Палестине, а не в Иордании»⁴⁷. В среде иорданской части «братьев» стало заметно стремление к иорданизации кадров.

В конце мая 2000 г. правительство предложило поправки к Закону о благотворительных организациях (БО), существовавшему в неизменном виде с 1966 г. В новой редакции государственным органам предоставлялись большие полномочия по надзору и инспекции за финансовым положением этих организаций, среди которых, как известно, числятся и «братья-мусульмане». Ведущим самостоятельным подразделением движения также является Общество исламского центра (*Джамийят аль-Марказ аль-Исламий*), средства которого оцениваются в 50 млн. иорданских динаров (70,5 млн. долл.). Всего же контролируемых исламистами БО насчитывается более сотни. Предполагается ограничение срока председательства в Союзе благотворительных обществ двумя сроками подряд (к тому моменту Абдалла аль-Хатыб находился на посту председателя СБО с начала 80-х годов). Министерство социального развития получало весомые полномочия по замене руководства отдельных БО в случае обнаружения финансовых или административных нарушений⁴⁸.

Новым для взаимоотношений между режимом и «братьями» стало ужесточение подходов властей непосредственно к движению и его политическому крылу. На состоявшейся 26 марта 2001 г. встрече руководства ФИД и «братьев-мусульман» с премьер-министром А.Р.ар-

Равабдой (показательно, что на ней также присутствовали глава службы безопасности С.аль-Баттыхи и министр внутренних дел Н.аль-Кады) правительство дало понять, что предполагается дальнейшее усиление контроля за соблюдением законов страны, которые в последнее время оппозиция неоднократно нарушала⁴⁹.

Особое внимание уделяется мечетям. Согласно закону, какая-либо партийно-политическая работа в их стенах запрещена. Однако во время пятничных проповедей наряду с духовными и религиозными темами нередко затрагиваются политические (чаще всего ситуации в Палестине и вокруг Ирака). Поэтому Министерство по делам вакуфов и ислама при подборе имамов для чтения проповедей руководствуется указаниями соответствующих органов, фиксирующих малейшие проявления нелояльности и несоответствия официальной государственной позиции.

Ранее, 5 марта 2000 г., лидеров «братства» принял король Абдалла II и высказал им свое неудовольствие по поводу выхода движения за рамки политкорректности. Это было расценено аналитиками как знак, что при новом короле, вероятнее всего, уже не будет личных теплых отношений между монархом и ведущими исламскими деятелями, как это было при королях Абдалле I и Хусейне. Примечательно, что неприкрытому пессимизму властей по поводу дальнейшего сотрудничества с «братьями», последние, как бы оправдываясь, противопоставили выдержанные в радужных тонах оценки встреч с Абдаллой II и главой кабинета министров⁵⁰.

Подробное описание мер правительства по борьбе с оппозицией, в авангарде которой находятся ФИД и «братья-мусульмане», сделано специально с тем, чтобы проиллюстрировать тот факт, что в Иордании вопросы сохранения стабильности и внутреннего мира имеют для руководства первостепенное значение. Для реализации данной задачи власть использует весь спектр имеющихся у нее возможностей, в том числе весьма спорных, как может показаться, с точки зрения демократических устоев, или даже откровенно неконституционных.

Здесь следует также отметить, что любые попытки выхода тех или иных политических сил за пределы конституционного поля на самой ранней стадии будут пресечены властями. Для этого во всех организациях действует разветвленная сеть агентов и информаторов спецслужб. В этом плане Иордания представляет собой весьма эффективное полицейское государство, что позволяет надежно контролировать ситуацию, не допускать эксцессов, ставящих под угрозу внутреннюю стабильность страны. При этом власть старается не нанести ущерба тщательно выстраиваемому имиджу демократического государства (в Иордании такой вид демократии называют монархическим – *димукратыйя малякийя*) со свойственным ему плюрализмом мнений, существованием легальной оппозиции, действующей в рамках конституции и законности.

Более того, наличие легальной оппозиции позволяет режиму использовать этот фактор в своих внешнеполитических целях. Известно, что целый ряд массовых протестов против тех или иных элементов американской схемы ближневосточного урегулирования в середине 90-х годов был инспирирован сверху с целью убедить партнеров по БВУ в «непростой внутривнутриполитической ситуации в Иордании» и постараться направить ход процесса в удобное для Аммана русло.

Существование мощной разветвленной сети движения «братьев-мусульман» препятствует появлению иных серьезных фундаменталистских организаций, в том числе экстремистского толка. Было бы неверным утверждать, что они не возникают вовсе, однако, как правило, это чрезвычайно мелкие и глубоко законспирированные группы. Иорданцы не скрывают, что «раскрытие подпольных исламистских экстремистских ячеек происходит в среднем раз в год»⁵¹. При этом спецслужбам зачастую удается отследить и нейтрализовать их еще до совершения ими каких-либо серьезных акций.

По такому сценарию в 1991 г. была разгромлена *Джейш Мухаммед* (Армия Мухаммеда); в 1994 г. – группировка так называемых «арабов-афганцев» (лиц, воевавших в качестве добровольцев или наемников в рядах моджахедов в Афганистане); в 1995 г. – *Бейат аль-Имам* (Клятва имама), которую также организовали арабы-афганцы; в 1998 г. – *аль-Ислах ва ат-Тахадди* (Преобразование и вызов), члены которой взорвали автомашину одного из крупных чиновников спецслужб и стену Американской школы в Аммане. В 1992 г. и марте 1999 г. часть осужденных экстремистов была амнистирована, в последний раз в связи с восшествием на престол короля Абдаллы II.

Зачастую к акциям террора пытаются прибегать отдельные индивидуумы из ячеек, отколовшихся по тем или иным причинам от «братьев-мусульман», но также не проповедующих насильственный путь достижения своих идеологических целей. Малочисленные группы возникают вокруг религиозных деятелей (шейхов) низового звена. Обычно они пытаются совершить нечто, способное вызвать общественный резонанс, как, например, нападение на посольство Израиля и или его сотрудников, взрыв автомашины или туристического автобуса. Арест таких людей, как правило, происходил во время поиска ими оружия, снаряжения и в период другой подготовительной работы. В этих случаях органы безопасности сами придумывали задержанной группе (потенциальный исполнитель и 2–3 пособника) кодовое название для облегчения себе и судебным органам их идентификации.

В начале 2000 г. иорданский *мухабарат* (служба безопасности) обезвредил группу лиц, тесно связанных с организацией «*аль-Каида*» Усамы бен Ладена. Свою роль здесь тоже сыграли ветераны войны в Афганистане, до сих пор имеющие связи со своими «однополчанами». Среди арестованных (около 15 человек), помимо иорданцев, были граждане Ирака и Алжира. Некоторые – Мухаммед Абу Гошер, Абу Му-

хаммед аль-Мақдаси Иссам Барукин – уже привлекались к ответственности по аналогичным делам в 1991 и 1995 годах. Непосредственно причастен к этой группировке оказался и эмигрировавший в Лондон бывший «афганец» Омар Абу Омар, ранее оставивший свой террористический след в Йемене и Алжире. Громкое дело несостоявшихся террористов наглядно продемонстрировало глубину проникновения и присутствия агентов спецслужб в сердцевине экстремистских и террористических организаций в случаях, когда таковые возникают.⁵²

Вместе с тем исламистам всегда оставляется ниша для легальной работы, поскольку только таким образом можно обеспечить эффективный контроль за их деятельностью. Власти всегда подчеркивают свою заинтересованность во взаимодействии с ними (при этом единственной реальной силой среди них остаются лишь «братья-мусульмане») и налаживании плодотворного диалога во имя интересов страны. Примечательно, что схожий настрой имеется и у самих «братьев», привыкших за долгие годы к тому, что они являются влиятельной силой на политической арене. «Отношения движения с режимом можно назвать примером для других, позитивным опытом, изучаемым политологами во всем мире, чего не скажешь о многих других арабских странах», подчеркивает один из лидеров «братьев-мусульман» и генсекретарь ФИД Абдель Латыф Арабийят⁵³.

Расходясь с исламистами во мнении по многим вопросам внутренней жизни страны, руководство демонстрирует близость взглядов с ФИД и «братьями» по внешнеполитической проблематике, имеющей отношение к исламу. В частности, когда речь идет о «правах мусульман» в Боснии и Герцеговине, Косово, Чечне, Ираке. При этом имеется в виду, что официальная позиция Аммана формируется с учетом международных обязательств королевства, его политических и экономических интересов, особых отношений с Западом и прежде всего США. Однако акцент в таких случаях сознательно смещается в сторону гуманитарных аспектов проблемы, что является своего рода поддержкой подходов исламистов, пропагандистские кампании которых в таких случаях не подвергаются цензуре.

Так, «братья-мусульмане» и официальный Амман в унисон отреагировали на воздушную операцию НАТО против Югославии в марте-апреле 1999 г. Достаточно мягко смотрели власти Иордании и на откровенно антироссийскую позицию исламистов по чеченскому вопросу. С подачи созданного ФИД Национального иорданского комитета поддержки Чечни и отдельных представителей чеченской диаспоры Амман неоднократно высказывал озабоченность гуманитарной ситуацией в Чечне, хотя и подчеркивал, что проблема является сугубо внутренним российским делом. В прессе (в том числе контролируемой государством) в основном публиковались материалы в поддержку сепаратистов. Не имея возможности открыто выступить против собственного правительства, ФИД подверг критике официальную

иорданскую позицию косвенно, обнародовав соответствующий Меморандум, осуждающий заявления арабских послов в Москве о признании чеченской проблемы внутренним делом России⁵⁴. По иракскому вопросу исламисты также занимают более радикальную позицию (немедленное снятие санкций), во многом, тем не менее, все же перекликающуюся с правительственной, поскольку антииракское эмбарго наносит ощутимый ущерб иорданской экономике.

Подводя итоги, следует констатировать, что пока внутривнутриполитическая ситуация в Иордании остается стабильной, у режима есть достаточно эффективная система противодействия распространению исламского радикализма в обществе. Не отказываясь от взаимодействия и диалога с ФИД и «братьями-мусульманами» во имя «дальнейшего прогресса страны», что препятствует возникновению у них желания вести подпольную деятельность, власти делают ставку на преемственность в среде исламистов традиций лояльного неконфронтационного отношения к режиму. В сфере ограничения воздействия «братьев» на умонастроения иорданцев государство использует авторитет и влияние кланов, а также применяет различные юридические меры. Курс руководства получает мощнейшую информационно-пропагандистскую поддержку в подавляющем большинстве СМИ. При этом подчеркивается, что государство не допустит, чтобы «демократия становилась механизмом подрыва национального единства, мира и спокойствия в иорданском обществе». Естественно, что любые попытки выхода за пределы правового поля будут самым решительным образом пресекаться, что уже неоднократно было продемонстрировано за последнее десятилетие.

Вместе с тем социальные проблемы страны и непрекращающийся экономический кризис делают фундаменталистскую риторику крайне привлекательной для малоимущих. Аналитики с тревогой отмечают, что уровень бедности не только не сокращается, но даже и не стабилизировался. Серьезную проблему представляет безработица, особенно в палестинских кварталах и южных провинциях. В Восточном Аммане усиливающаяся исламизация общества заметна невооруженным глазом.

Другую угрозу стабильности этой весьма уязвимой со многих точек зрения страны представляют на данном этапе потенциальные внешние потрясения. К примеру, предлагавшаяся США концепция «умных санкций» против Ирака, в реализации которой определенная роль отводилась и Иордании. По прогнозам иорданского правительства, в случае ее одобрения СБ ООН следование концепции могло поставить страну на грань экономического коллапса с последующим сильнейшим социальным взрывом. Подобный сценарий развития событий способен привести к отторжению большинством населения нынешней схемы развития страны по западному образцу (с учетом национальной специфики) и постановке вопроса об исламском правлении.

¹ Цит. по Islamic Movements in Jordan, Amman, Al-Ur dun Al-Jadid Research Center, 1997. – С. 14.

² Клан Абу Кура изначально происходит из Сирии. Предки Абдель Латыфа Абу Куры переселились в Иорданию (Салт) в начале XVIII века. Следует отметить, что наибольшими ревнителями ислама в бедуинской Иордании обычно оказывались именно выходцы из Сирии. Их усилиями был создан и учебный центр Научный исламский факультет, который, в частности, закончили король Хусейн, его братья и многие дети.

³ *Аль-Хайям*, 1.07.1997.

⁴ Одним из направлений деятельности Н.Джувейфеля в Иордании было создание некоего подразделения «Специальная директива», которая бы выполняла «поручения», выходящие за рамки возможностей обычных членов организации «братьев-мусульман».

⁵ *Аль-Хайям*, 30.07.1998.

⁶ Kamal Salibi. *The Modern History of Jordan*. – London: I.B.Tauris & Co., 1993. – С. 175.

⁷ *Аль-Хайям*, 15.04.1998.

⁸ Президент Х.Асад недвусмысленно давал понять, что за антирежимные действия сирийские исламисты получают поддержку иорданцев, предоставляющих боевикам помощь и убежище. 21 мая 1980 г. премьер-министр Иордании Абдель Хамид Шараф отверг обвинения Дамаска. В конце ноября того же года сирийцы вновь возложили на Амман ответственность за теракты «братьев» внутри Сирии. 26 ноября началась концентрация сирийских войск (20 тысяч человек и 400 танков) на границе с Иорданией. Ситуацию удалось разрядить лишь благодаря энергичному вмешательству Саудовской Аравии.

⁹ Laurie A.Brand. *Jordan's Inter-Arab Relations*. – New York: Columbia University Press, 1994. – С. 170.

¹⁰ 7 января 1984 г. вышел указ короля Хусейна о созыве с 9 января IX-го парламента на чрезвычайную сессию с целью внесения изменений в ст. 73 иорданской конституции (возможность проведения парламентских выборов в половине округов, не находящихся под оккупацией). 16 января начала работу первая очередная сессия X-го парламента, ознаменовавшая восстановление парламентской жизни в королевстве после 17-летнего перерыва. Довыборы для заполнения образовавшихся в результате смерти ряда депутатов мест состоялись 12 марта 1984 г.

¹¹ Абдалла аль-Акайла, министр просвещения; Ибрагим Зейд аль-Килани, министр по делам вакуфов и ислама; Аднан аль-Джалджули, министр здравоохранения; Маджид Халифа, министр юстиции; Юсеф аль-Азм, министр социального развития.

¹² 8 октября 1992 г. инициативная группа из 353 человек, включая такие известные фигуры, как Абдалла аль-Акайла Абдель Маджид аз-Занейбат, Раиф ан-Наджм, Абдель Латыф ас-Субейхи и Исхак аль-Фархан, подала заявку на регистрацию партии Фронт исламского действия. Требу-

емая регистрация была произведена Министерством юстиции Иордании 8 декабря 1992 г. в соответствии с принятым в середине того же года Законом о партиях. Вместе с тем подготовительная работа к созданию исламской политической партии была начата по инициативе «братьев-мусульман» сразу же после парламентских выборов 1989 г. Только на разработку уставных документов новой организации ушло два года. Учредительное заседание ФИД состоялось 25 декабря 1992 г. Генеральным секретарем фронта был избран Исхак аль-Фархан, председателем *шуры* (руководящий совет) – Абдель Маджид аз-Занейбат. Таким образом, руководство находилось в руках представителей «братьев». На уровне заместителей и помощников главы *шуры* (3 человека) один человек был от «братьев» (Фарадж Фрейдж) и двое – от независимых исламистов (Абдель Азиз Шрейда и Ахмед Ханташ).

¹³ Islamic Movements in Jordan. – Amman, 1997. – С. 100.

¹⁴ Информация о количестве членов движения не разглашается ни «братьями-мусульманами», ни правительством, однако, по данным прессы, оно составляет до 10 тыс. человек.

¹⁵ Пост главы «братства» был переименован с «надзирателя» на «наблюдателя» (*аль-муракиб аль-амм*). По уставу движения, каждые четыре года низовые организации «братьев» избирают совет *шуры* (в 1998 г. его численность была увеличена с 30 до 46 человек). Члены *шуры* в свою очередь проводят выборы исполнительного бюро «братства» (*аль-мактаб аттанфизий*) из 6 человек и генерального наблюдателя. Последний раз выборы в *шуру* прошли 9–10 июля 1998 г. Через две недели, 23 июля, был определен состав нового исполнительного бюро – Имад Абу Дия (родом из Салта), Дауд Коджак (черкес, родом из Наура), Салем Фаляхат (родом из Мадабы), Джамиль Абу Бакр (палестинец), Абдель Хамид аль – Куда (родом из Аджулуна), Хейтам Абу ар-Рагеб (родом из Салта), (*аль-Хайят*, 30.08.1998).

¹⁶ Независимость ФИД, по сути, представляет собой временный тактический маневр «братьев». Несмотря на вполне серьезный характер утверждений ряда иорданских аналитиков об этой независимости, фронт всегда был партийно-политическим органом «братьев-мусульман». Этому имеется целый ряд подтверждений. Так, через 6 лет после «Декларации о независимости» ФИД именно «братья» принимали решение о составе нового совета *шуры* партии, который должен был быть избран 11 февраля 2000 г. Значительное число членов совета *шуры* движения «братьев-мусульман» входит в одноименный орган ФИД. (*Jordan Times*, 13.02.2000).

¹⁷ Следует указать, что расчет правительства полностью оправдался: по итогам ноябрьских выборов 1997 г. кланово-племенные кандидаты получили 62 места из 80, так называемым независимым исламистам досталось 8 мандатов, представителям панарабских и левых сил – 10. По мнению оппозиции, бойкот выборов привел к тому, что в них приняли участие всего 54,6% от числа зарегистрированных избирателей, при этом в сельских и бедуинских районах этот показатель в среднем достигал 78–80%, а в городе Зарке и ряде амманских округов – 20–29%. В северо-иорданском городе

Аджлуне кандидат был избран всего лишь двумя процентами от числа зарегистрированных избирателей. Вместе с тем правительство утверждало, что явка была всего на 3–4% ниже, чем в 1993 г., что, дескать, явно свидетельствует о переоценке оппозицией своего влияния на население.

¹⁸ *Jordan Times*, 16.08.2000.

¹⁹ В том числе «ХАТТТЛ», «аль-Ансар», Партия национального действия, «аль-Мустакбаль», Партия конституционного фронта.

²⁰ *Jordan Times*, 24.11.1997.

²¹ *Шейхан*, 19.12.1998.

²² Эта тема получила продолжение и после выборов. Наиболее яркий пример – тронная речь короля Хусейна на заседании парламента 29 ноября 1997 г. (*Ар-Рай*, 30.11.1997).

²³ *Аль-Усбуа аль-Арабий*, 22.11.1999.

²⁴ *Аль-Хайят*, 15.04.1998.

²⁵ *Аль-Хайят*, 21.12.1997.

²⁶ *Аш-Шарк аль-Аусат*, 10.06.1998.

²⁷ *Jordan Times*, 22.02.1999.

²⁸ *Аш-Шарк аль-Аусат*, 26.05.1998 и 9.06.1998.

²⁹ *Аль-Араб аль-Яум*, 10.02.2000.

³⁰ Неучастие «братьев-мусульман» в правительстве принимало и такие формы, как вызов на партийный суд тех, кто вел переговоры с премьер-министром о возможном принятии портфеля министра или сигнализировал о готовности стать членом правительства. К примеру, такой процедуре подвергся шейх Ясир аль-Омари, который занимал достаточно влиятельный пост главы муниципалитета второго по величине иорданского города Зарки. (*Аш-Шарк аль-Аусат*, 2.07.2000).

³¹ Всего в муниципалитеты прошло 79 кандидатов от ФИД и «братьев-мусульман»: 5 в Аммане, 9 в Русейфе (включая главу муниципалитета), 10 в Зарке (включая главу муниципалитета), 7 в Ирбиде (включая главу муниципалитета), 5 в Мадабе, 1 в Айн-Баша (Балка), 9 в Сахабе (Большой Амман), 9 в Тафиле (включая главу муниципалитета), 2 в Северной части долины Иордана (Ирбид) 1 в Шаджара, 5 в Кераке, 11 в Хашимийе (Зарка), 6 в Дулейле (Зарка) // *Jordan Times*, 17.07.1999; *Аль-Араб аль-Яум*, 18.07.1999; *Аш-Шарк аль-Аусат*, 20.07.1999.

³² Выборы в Ассоциацию инженеров 25 февраля 2000 г., Ассоциацию агрономов 24 марта 2000 г., Ассоциацию младшего медперсонала.

³³ Например, в рядах Ассоциации агрономов около 40% членов – безработные, средняя зарплата работающих – 120 иорд. динаров (168 долл.). (*Jordan Times*, 29.03.1998). В то же время кандидаты исламистов потерпели сокрушительное поражение в «богатых» профобъединениях – ассоциациях врачей (6.05.2000) и стоматологов (30.04.2000).

³⁴ *Шейхан*, 15.04.2000.

³⁵ Слова генерального секретаря ФИД А.Л.Арабийя в *Аль-Араб аль-Яум*, 12.04.2000.

³⁶ *Аль-Араб аль-Яум*, 12.04.2000.

³⁷ *Аль-Маджалля*, 24.05.1997.

³⁸ Из Иордании М.Абу Марзук, имеющий на руках египетский проездной документ для палестинцев, переехал в ОАЭ, а затем в США, где был арестован 25 июля 1995 г. как член террористической организации. Вашингтон согласился депортировать Абу Марзука, если его примут на Ближнем Востоке, и через два года, в мае 1997 г., Иордания приняла его обратно, мотивируя это гуманитарными соображениями. По прибытии в Амман М.Абу Марзук возобновил политическую деятельность.

³⁹ *Аль-Хайят*, 8.09.1997 и 11.09.1997.

⁴⁰ В первые месяцы кризиса многие аналитики вообще сочли его скоротечной пиаровской акцией официального Аммана, сделанной под визит короля Абдаллы II в Вашингтон для обсуждения американской финансовой помощи Иордании.

⁴¹ Иорданскими подданными, в частности, являются активисты представительства ХАМАС в Аммане Мухаммед Наззаль, Халед Мишааль (который также избран членом политического бюро ХАМАС).

⁴² Среди них, в частности, активисты «братьев-мусульман», бывшие депутаты шейх Абдель Мун'им Абу Зант и Диб Анис.

⁴³ *Аш-Шарк аль-Аусат*, 22.11.1999.

⁴⁴ Фактическое бездействие «братьев-мусульман» в ходе кризиса правительства с ХАМАС объясняется и опасениями вызвать огонь на себя и стать следующими жертвами кампании против экстремизма. К тому же в начале октября 1999 г. лидер «братьев» Абдель Маджид Занейбат допустил серьезную тактическую ошибку, заявив в интервью о том, что «в случае запрета движению вести политическую работу развитие ситуации может пойти по египетскому или алжирскому сценарию, где это обернулось потоками крови». В правительстве эти слова расценили как неприкрытую угрозу перехода к террору. После встречных предупреждений «братьям» пришлось резко умерить свои высказывания, в том числе и по поводу поддержки ХАМАС. (*Аш-Шарк аль-Аусат*, 9.10.1999).

⁴⁵ *Jordan Times*, 23.11.1999.

⁴⁶ *Аш-Шарк аль-Аусат*, 24.01.2000.

⁴⁷ *Аш-Шарк аль-Аусат*, 25.01.2000.

⁴⁸ *Аль-Хаят*, 3.06.2000.

⁴⁹ *Аль-Араб аль-Яум*, 28.03.2000.

⁵⁰ *Аш-Шарк аль-Аусат*, 7.03.2000.

⁵¹ *Аль-Араб аль-Яум*, 29.03.2000.

⁵² Там же.

⁵³ *Аль-Васат*, 12.01.1998 (№ 311).

⁵⁴ *Аль-Араб аль-Яум*, 6.03.2000.

Приложение

Таблица 1

Исламские центры в Иордании (по состоянию на 1996 г.)

1	Центр при мечети аль- Канауи	Амман/ район Северный аль-Хашими
2	Бюро Исламского конгресса для Иерусалима	Амман/ Абдун
3	Центр Абу Хурайра	Мадаба
4	Салтский исламский центр	Салт/ Балка
5	Исламский центр Священного Корана	Амман, район Наззаль
6	Исламский центр Хай аль-Азайда	Мадаба
7	Исламский центр Джава	Амман
8	Центр исламской веры	Русейфа/ Мушайрафа
9	Исламский центр Али Бен Абу Талиба	Амман
10	Мужской исламский центр Шухабийя	Керак/ Шухабийя/ резиденция Шамайла
11	Скауты Джаафара Тайяра	Амман/ Джебель Хусейн
12	Скауты Тарека Ибн Зияда	Амман/ Джебель Надыф
13	Исламские скауты аль-Баррак	Амман/ Абдун/ мечеть госпожи Айши
14	Исламский центр Куфр Асад	Ирбид/ аль-Вустыйя/ Куфр Асад
15	Исламский центр поселка Дейр Аби Сайд	Ирбид/аль-Кура/Дейр Аби Сайд
16	Исламский центр поселка Куфр аль-Маа	Ирбид
17	Исламский центр поселка аль-Мазар аш-Шималий	Ирбид/ аль-Кура/ аль-Мазар аш-Шималий
18	Исламский центр поселка Бейт Яфа	Ирбид/ Бейт Яфа
19	Исламский центр поселка Сама	Ирбид/ Бени Кинана/ Сама
20	Исламский центр поселка Саммуа	Ирбид/аль-Кура/ Саммуа
21	Исламский центр поселка Умм Кайс	Ирбид/Бени Кинана/ ас-Сарих
22	Исламский центр поселка ас-Сарих	Ирбид/Бени Кинана/ Умм Кайс
23	Исламский центр Мисааба Ибн Омара	Ирбид/Хусн/ лагерь беженцев Азми аль-Муфти
24	Исламский центр поселка Малка	Ирбид/ Бени Кинана
25	Исламский центр поселка Дждейта	Ирбид
26	Исламский центр поселка Куфр Ракеб	Ирбид/ Куфр Ракеб
27	Исламский центр поселка Айдун	Ирбид/ Бени Обейд
28	Исламский центр н.п. Рамта	Ирбид/ округ Рамта/ н.п. Рамта
29	Исламский центр поселка Шуна Шималийя	Ирбид/ округ Агвар Шималийя
30	Исламский центр поселка Курайма	Ирбид/ округ Агвар Шималийя
31	Исламский центр Ваккас	Ирбид/ округ Агвар Шималийя
32	Исламский центр поселка аль-Машариа	Ирбид/ округ Агвар Шималийя
33	Исламский центр Гор ар-Рама	Балка/ округ Дейр Алла
34	Мужской исламский центр ар-Рауда	Балка/ округ Дейр Алла
35	Исламский центр аль-Джауфа	Балка/ округ Дейр Алла
36	Мужской исламский центр аль-Карама	Балка/ округ Южная Шуна
37	Женский исламский центр аль-Карама	Балка/ округ Южная Шуна
38	Исламский центр ас-Савальха	Балка/ округ Южная Шуна

Таблица 2

**Исламские общества в Иордании
(по состоянию на 1996 г.)**

1	Центральный комитет по делам мечетей	Амман
2	Бюро Всемирной исламской лиги	Амман
3	Общества заботы за детьми павших мучеников (шахидов)	Амман
4	Благотворительное общество (Б/О) Айн Карем	Амман
5	Б/О аль-Бурак	Амман
6	Б/О Беэр-Шева	Амман
7	Б/О Удрух	Амман
8	Общество дома Священного Корана	Амман
9	Общество Салахэддина аль-Айюби	Амман
10	Общество Джаафара Тайяра	Амман
11	Молодежный центр ат-Талибийя	Амман
12	Исламское общество Али Ибн Абу Талиба	Амман
13	Центр изучения Священного Корана при мечети Омара Бен аль-Хаттаба	Амман
14	Б/О Ярка	Салт
15	Балкское общество социального развития	Салт
16	Национальное общество Красного полумесяца	Салт
17	Иорданское общество заботы о престарелых	Салт
18	Салтский спортивный клуб	Салт
19	Б/О Османа Ибн Аффана	Зарка
20	Б/О Омара Ибн аль-Хаттаба	Зарка
21	Б/О исламского обучения	Зарка
22	Б/О Бени Хасан	Зарка
23	Исламское культурно-благотворительное общество	Зарка
24	Б/О аль – Ихсан	Зарка
25	Общество исламской книги	Зарка
26	Салтское Б/О – Свейлахское отделение	Свейлах (пригород Аммана)
27	Балкский исламский центр заботы о молодых мусульманках	лагерь беженцев аль-Бакаа
28	Б/О Хуфа	Ирбид/ Хуфа
29	Исламское Б/О поселка Сама	Ирбид/ Сама
30	Б/О поселка аль-Ашрафийя	Ирбид/ аль-Кура
31	Б/О поселка Дейр Аби Сайд	Ирбид/ аль-Кура
32	Б/О поселка Куфр Альма	Ирбид/ аль-Кура
33	Исламское Б/О	Ирбид
34	Б/О аль-Хусн	Ирбид/ аль-Хусн
35	Исламское Б/О Дукарх	Ирбид
36	Исламское агентство помощи	Амман
37	Б/О аль-Аффаф	Амман
38	Исламская комиссия закята для поддержки народа Палестины	Амман
39	Исламское общество заботы и планирования семьи	Амман
40	Арабское исламское культурное общество	Амман
41	Общество Лиги исламского обучения	Амман

Продолжение таблицы 2

42	Б/О ар-Рауда	Амман
43	Общество Дома исламской науки и литературы	Амман
44	Исламское общество Анвара аль-Худы	Амман
45	Исламское культурное общество Ибад ар-Рахман	Амман
46	Ассоциация молодых мусульманок	Амман
47	Б/О Урва аль-Вуска	Амман
48	Общество зеленого полумесяца	Амман
49	Исламское культурное общество Хамзы Ибн Абдель Муталиба	Амман
50	Б/О Исламского центра	Амман
51	Общество правоверных по обучению Священному Корану	Амман
44	Салтское исламское Б/О	Салт
35	Общество заботы о сиротах имени Зейда Ибн Харита	Тафиля
32	Акабское Б/О	Акаба

Таблица 3

**Подготовительный комитет по созданию партии
Фронт исламского действия**

Имя	Дата рождения	Племя или клан	Профессия
Исхак Фархан	1934	Бени Хасан (род. в Палестине)	профессор
Раиф Наджм	1926	палестинец из Назарета	инженер
Абдалла Акайла	1945	аль-Карашин (Маан)	экономист
Абдель Маджид Занейбат	1945	Занейбат (Керак)	юрист
Абдель Латыф Арабийят	1933	Арабийят (Салт)	агроном
Юсеф Мубаидин	1922	Мубаидин (Керак)	парламентарий
Али Хавамда	1932	Джавабра (Тафиля)	доктор
Абдель Раззак Тбейшат	1939	Тбейшат (Керак)	доктор
Юсеф аль-Азм	1930	Азазма (Беэр-Шева-Маан)	
Зухейр Абу ар-Рагеб	1942	Абу ар-Рагеб (Салт)	юрист
Маджед Халифа	1948	Авамля (Салт)	юрист
Хаммам Сайд	1944	палестинец из Дженина	преподаватель
Ибрагим Хрейсат	1941	Хрейсат (Салт)	депутат
Раджих аль-Курди	1947	Аль-Курди (Салт-Амман)	преподаватель
Абдель Азиз Джабр	1933	палестинец из Фаллуджи	преподаватель
Мухаммед Овейда	1947	палестинец из Фаллуджи	профессор
Иззат Азейзи	1933	н/д	профессор
Абдель Латыф Субейхи	1932	Салт	
Мухаммед Абу Фарес	1940	палестинец из Фаллуджи	парламентарий
Хамза Мансур	1944	палестинец из района Хайфы	учитель

**УЧАСТИЕ СУДАНА В МЕЖДУНАРОДНЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

В условиях политической независимости Судан, став полно-властным субъектом внешнеэкономической политики, вступил в международные и региональные экономические организации, оказывающие содействие и помощь в хозяйственном развитии государства региона. Среди них – Международный валютный фонд (МВФ), Мировой банк развития и реконструкции (МБРР), Арабская организация по развитию сельского хозяйства (АОРСХ), Арабский фонд экономического и социального развития (АФЭСР), Инвестиционный фонд сельскохозяйственного развития арабских стран (ИФСХРАС), Арабский банк для экономического развития Африки и другие. Некоторые из региональных организаций разместили в Хартуме свои штаб-квартиры. В частности, это – АОРСХ и АФЭСР, играющие на протяжении последних десятилетий заметную роль в социальном и экономическом развитии арабских государств-членов ЛАГ.

Обширные планы обнародовал учрежденный в 1976 г. Инвестиционный фонд сельскохозяйственного развития арабских стран (по английской аббревиатуре ИФАДАК), вскоре переименованный в Арабское учреждение для сельскохозяйственных инвестиций и развития (АААИД) со штаб-квартирой в Хартуме. Его уставный капитал на конец 1988 г. составил 542 млн. долл. США. К середине 90-х годов в состав акционеров АААИД кроме Судана входило большинство основных арабских экспортеров энергосырьевой продукции: Алжир, Ирак, Кувейт, Катар, ОАЭ, Оман, Ливия, Саудовская Аравия, а также Египет, Мавритания, Марокко, Сирия, Сомали, Тунис. Значительную роль в хозяйственном развитии Судана в постколониальный период играют МВФ и МБРР. Это связано с тем, что иностранный частный капитал весьма неохотно инвестировал средства в экономику страны, в которой на протяжении длительного периода ведется гражданская война (между Севером и Югом), где чрезмерно вмешательство государства в хозяйственную жизнь, в которой наблюдаются кризисные явления и в целом невысок уровень экономического развития. Именно в этих условиях МВФ и МБРР берут на себя роль доноров для развития важнейших сфер экономики, способствуют (наряду с другими донорами, в том числе частными кредитными структурами) восстановлению расстроеного

хозяйственными неурядицами платежного баланса, участвуя в (частичном) покрытии дефицита по текущим платежам.

Практически в течение последних трех десятилетий Судан прибегает к кредитам МВФ, которые не только позволяют привлечь средства Фонда для целей развития, но и открывают путь для привлечения прочих заемных средств. Соглашения с МВФ и МБРР позволяют также добиться отсрочек по выплате внешнего долга страны, размеры которого в 80–90-е годы приобрели угрожающий характер. В соответствии с уставами этих двух международных экономических организаций Судан получает доступ к очередным кредитным линиям в случае выполнения согласованной с ними стабилизационной программы. Причем требования данных финансовых институтов носят достаточно жесткий характер, в особенности в том, что касается сроков, характера и масштабов проведения соответствующих реформ (установления курса национальных валют, цен на товары на внутреннем рынке, государственного субсидирования товаров и т.д.).

В 80-х – первой половине 90-х годов, когда Судан испытывал нарастающие экономические трудности, выполнение согласованных с МВФ и МБРР стабилизационных программ и в особенности погашение задолженности перед ними сталкивалось со значительными сложностями. В отдельные годы по разным причинам страна была не в состоянии выполнять взятые на себя обязательства, хотя международные эксперты не раз отмечали, что Судан – один из наиболее дисциплинированных в Африке заемщиков, который аккуратно погашал свою задолженность. В конце 80-х – начале 90-х годов, когда ситуация была особенно неблагоприятна, Судан просрочил свои обязательства и возник кризис в отношениях между ним и основными донорами – МВФ и МБРР. В результате сначала было приостановлено его членство в этих организациях, а затем Судан вовсе был лишен статуса члена МВФ и МБРР.

Сотрудничество Судана с МВФ и МБРР продолжалось вплоть до возникшего в их отношениях в 1993 г. кризиса. Оно в основном заключалось в выработке соглашений, касающихся проведения в стране прорыночных реформ, принятии и выполнении стабилизационных программ, получении займов и кредитов, в переговорах об отсрочке выплат по внешнему долгу Судана. Таким образом, партнерство с этими ведущими международными экономическими организациями охватывало важнейшие стороны экономической жизни страны на протяжении последней трети XX в. Оно, естественно, затрагивало такие его ключевые области, как внешнеэкономические связи, включая внешнюю торговлю (сдерживание роста импорта и поощрение экспортеров, демонополизация экспорта важнейших товаров и активизация роли местного частного капитала во внешнеторговой сфере), а также регулирование курса национальной валюты. Последнее, в частности, рассматривалось как действенный инструмент улучшения

основных показателей платежного баланса за счет регулирования экспорта и импорта.

Сотрудничество с МВФ и МБРР способствовало смягчению ряда острейших текущих хозяйственных проблем, включая долговую проблему, получение дополнительных займов и кредитов у зарубежных финансовых институтов, необходимых для реализации проектов развития (как уже отмечалось, поддержка со стороны МВФ и МБРР дает «зеленый свет» притоку внешних ресурсов, в особенности от частных иностранных инвесторов и кредиторов), содействовало началу либеральных экономических реформ в стране и, наконец, большей активности частных экспортеров и в целом поддержке экспортных отраслей.

Однако такое сотрудничество является лишь одним из общих необходимых условий экономического роста и позитивных преобразований в хозяйственной сфере. Следует отметить, что прочие из необходимых для этого требований и, в частности, последовательность прорыночных преобразований в стране в 70–80-е годы либо были явно недостаточны, либо вовсе отсутствовали. Эксперименты с «исламизацией» суданской экономики, которые вступали в явное противоречие с прорыночными реформами, тормозили и даже в отдельных случаях блокировали ее развитие, что особенно проявилось во второй половине 80-х годов, когда экономический кризис в стране приобрел особую остроту. Одним из его проявлений в концентрированном виде стал огромный внешний долг.

Таблица 1
Динамика внешнего долга Судана в 80–90-е годы

	1980	1985	1990	1997
Объем внешнего долга (млрд.долл.)	3,1	11,5*	14	20
Платежи по обслуживанию долга (млрд.долл.)	1,1	3,59*	1,0**	
Отношение внешнего долга к ВВП страны (%)	58	164*	187	291

Примечание:* – 1987/1988 г.

** – 1988/89 г.

Источники: Судан: Справочник. – М., 2000 г. – С. 190–194; The Middle East and North Africa. 2000. L., 2000. – С. 1055, 1056.

Наряду с ростом внешнего долга отчетливо выявилась неспособность погашать свои внешние финансовые обязательства за счет притока экспортных доходов и других источников внешних ресурсов, нарастание социальной напряженности, блокирующей проведение стабилизационных программ и реформ в целом. Именно отход Судана от реализации ранее согласованных с МВФ и МБРР реформ и программ и неспособность выплачивать свой долг этим организациям привели к тому, что в 1986 г. МВФ приостановил выделение кредитов Судану, т.к. он не смог погасить просроченную задолженность в 500 млн. долл. Отношения с МВФ и МБРР продолжали ухудшаться ввиду того, что ва-

лютно-финансовый кризис в Судане приобретал все больший размах. Страна в конце 80-х – начале 90-х годов уже была не в состоянии удовлетворять требования кредиторов даже в относительно небольших объемах. Эксперты отмечают, что полностью ни одно из соглашений с МВФ Суданом так и не было выполнено. МБРР в 1991 г. закрыл свое представительство в Хартуме, а МВФ временно лишил в 1993 г. Судан права голоса в этой организации. Угроза лишения Судана членства, приведение в действие которой означало экономический крах страны, стала реальностью.

В целом расчеты на то, что дружественные арабские государства и, в частности, Ливия смогут компенсировать потери страны из-за прекращения помощи со стороны МВФ и МБРР, себя не оправдали. Кризисные явления в суданской экономике в 90-е годы лишь усилились, и в этих условиях стало ясно, что разумной альтернативы ни партнерству с ведущими международными экономическими организациями, ни рыночным реформам не существует. Осознанию этого способствовало также то, что политика «опоры на собственные силы» и достижения самообеспечения важнейшими товарами желаемого результата не дала и в условиях жесточайшего экономического кризиса не могла дать.

Суданское руководство во главе с Х.аль-Баширом начинает предпринимать необходимые меры для восстановления в полном объеме отношений с МВФ и МБРР, тем более, что это соответствовало социально-экономическому курсу правивших с середины 80-х годов в стране режимов, определившегося в пользу рыночных преобразований, умеренного подхода к вопросу об исламизации экономики, активизации внешних торгово-экономических связей (избранная модель была близка к той, которая более или менее успешно реализовывалась на протяжении последних десятилетий прежде всего в странах Залива и Тунисе, а также в Египте и Марокко).

Либерализация банковской сферы и валютного регулирования наряду с другими факторами позволила стране в начале второй половины 90-х годов получить дополнительные валютные доходы и приступить в 1996 г. к погашению своей накопившейся задолженности перед МВФ и МБРР. Под влиянием позитивных подвижек в вопросах погашения долга, продолжения курса рыночных реформ, а также под воздействием других факторов в конце 90-х годов полномочия Судана в МВФ были полностью восстановлены. Однако переговоры о размере выплат Суданом в счет своих долговых обязательств перед Фондом шли непросто и потребовалось длительное время, пока стороны согласовали свои позиции. В ходе трудных переговоров с МВФ Судан в 1997 г. подписал соглашение, основными условиями которого были повышение темпов экономического роста и обуздание инфляции. Таким образом, удалось избежать новой угрозы в отношении членства страны в Фонде. В

1998 г. комиссия МВФ, оценивавшая экономическую ситуацию и ход реформ в стране, одобрила программу экономического развития на 1998–2003 годы. Программа определила в качестве целей достижение 6% ежегодного роста ВВП, снижение к 2000 г. годового уровня инфляции до 5%, увеличение частных накоплений и инвестиций в экономику страны. МВФ объявил также о намерении открыть представительство Фонда в Хартуме для укрепления отношений партнерства с суданским правительством.

Фонд в 1999 г. в целом положительно оценил некоторый прогресс, достигнутый Суданом в погашении своей задолженности перед МВФ (сумма долга снизилась с 1570 млн. долл. в 1997 г. до 1540 г. в 1998 г.), а также в ощутимом снижении уровня инфляции (ее темпы упали с 133% в 1996 г. до 8% в 1998 г.). МВФ также отменил свою Декларацию от 1990 г., в которой объявлялось о свертывании сотрудничества с Суданом.

Оценивая перспективы дальнейшего сотрудничества Судана с МВФ и МБРР, следует отметить, что позитивные подвижки в конце 90-х годов не сняли полностью те проблемы, которые привели к кризису в отношениях Судана с этими международными организациями. Тяжелое экономическое положение, а также возможные рецидивы антирыночных шагов вновь могут осложнить их партнерство. Обнадеживающим фактором в этом плане является начало разработки и экспорта нефти и нефтепродуктов Суданом, а также возросший приток переводов от суданцев, работающих за границей, что в совокупности должно значительно смягчить валютно-финансовое положение страны, создать более благоприятные условия для проведения прорыночных реформ и привлечения иностранных инвестиций. Нормализация отношений с МВФ и МБРР разблокирует путь для привлечения в различных формах остро необходимых внешних ресурсов для финансирования сооружения различных хозяйственных объектов, экспертной помощи при разработке планов экономического развития Судана.

Важное значение для подъема экономики страны и решения конкретных хозяйственных задач имело сотрудничество с другими международными экономическими организациями, в частности, с региональными. В этом отношении выделяется партнерство с Арабской организацией по развитию сельского хозяйства (АОРСХ). Последняя, действуя под общим руководством Лиги арабских государств, в начале 70-х годов учредила свою штаб-квартиру в Хартуме. Тем самым подчеркивалась исключительная роль Судана в реализации широкомасштабной программы арабских стран по развитию этой жизненно важной для них и в экономическом, и в социальном отношениях отрасли. Программа имела своей целью превратить Судан, обладающий огромным потенциалом и благоприятными агроклиматическими условиями, в «продовольственную кор-

зину» Арабского Востока, крупного экспортера продовольствия, а также сельскохозяйственного сырья.

Достижение этой цели могло сыграть огромную роль во всем экономическом подъеме Судана, развитии его экспортного потенциала, формировании устойчивых источников валютных поступлений и т.д. В соответствии с решениями АОРСХ поначалу планировалось реализовать проекты по развитию экспортного направления животноводства. Однако спустя несколько лет, в середине 70-х годов Лига арабских государств совместно с АОРСХ и Арабским фондом экономического и социального развития (АФЭСР) принимает новую, крупномасштабную программу, рассчитанную на 1976-1985 годы, которую вряд ли можно признать реалистичной. Согласно этой программе, в стране намечалось построить сотни объектов, связанных с производством продукции растениеводства и животноводства, ее переработкой, транспортировкой и экспортом. Их суммарная стоимость должна была составить свыше 6 млрд. долл. Предполагалось, что Судан не только сможет утроить производство продовольствия, но и удовлетворить в значительной мере (до 20–60% по отдельным позициям) потребности ряда крупных арабских стран в различных видах продовольствия.

К реализации данной программы подключались и некоторые другие региональные экономические организации, в частности, Инвестиционный фонд развития сельского хозяйства арабских стран, штаб-квартира которого также была учреждена в Хартуме. Фонд должен был принять участие в финансировании примерно ста объектов сельскохозяйственного профиля.

В рамках продовольственной программы основывались специализированные компании, к ее реализации подключались компании отдельных стран – арабских и европейских, региональные компании, различные фонды. Они должны были участвовать в увеличении производства сахара, растительных масел, молока и молочных продуктов, глюкозы, различных овощей и фруктов, сорго, кунжута, соевых бобов и т.д.

Однако реализация отдельных проектов и программы в целом столкнулась с серьезными трудностями, главные из которых носили внутренний характер (дефицит квалифицированных кадров, слабое развитие инфраструктуры, недостаток внутренних финансовых ресурсов и другие). Сказались также рост стоимости импортного оборудования, трудности, с которыми столкнулись основные доноры после падения цен на нефть. В результате многие проекты были законсервированы, и в целом программа не была выполнена. Идея превращения Судана в «продовольственную корзину» арабского мира, крупнейшего экспортера сельскохозяйственной продукции на Арабском Востоке была отложена на неопределенное будущее. Таким образом, опыт сотрудничества Судана с общеарабскими и международными

организациями по развитию своей ключевой отрасли экономики следует признать неудачным, хотя в ходе него и был создан ряд крупных сельскохозяйственных объектов.

Особое место в области сотрудничества Судана с международными экономическими организациями занимает его партнерство с арабскими странами в рамках Соглашения об экономическом единстве арабских стран, заключенного в 1977 г. (в соответствии с ним создан Арабский экономический и социальный совет), и с крупными региональными финансовыми структурами. Будучи типичной афро-арабской страной, Судан занимает удобное географическое положение с точки зрения тех финансовых потоков, которые образовались в 70-е годы после так называемой революции цен на нефть между крупными нефтедобывающими арабскими государствами и африканскими странами со значительным мусульманским населением. В Хартуме в этот период размещаются головные офисы таких международных финансовых структур арабского мира, как Арабский банк для экономического развития Африки с уставным капиталом свыше 1 млрд. долл., активно действует Африканский банк развития (АБР) и его филиал – Африканский фонд развития, участвующие в финансировании отдельных проектов (модернизация объектов железнодорожного транспорта, ирригационных сооружений и т.д.), Исламский банк развития и другие международные финансово-экономические структуры. По линии общеарабского экономического сотрудничества в Судане с 70-х годов активно действовали наряду с региональными структурами фонды и банки отдельных нефтеэкспортеров Ближнего Востока, в частности Саудовский фонд развития, Кувейтский фонд экономического развития, Фонд Абу-Даби экономического и социального развития и другие.

Сотрудничество с некоторыми из них велось с 1963 г. вплоть до середины 80-х – середины 90-х годов, когда контакты с большинством международных арабских экономических структур разладились. Как и в случае с МВФ и МБРР, периодически в отношениях с рядом из них возникали кризисные ситуации. В частности, это произошло в 1984 г., когда приостановились отношения с Арабским фондом. В 1987 г. то же произошло в отношениях с Арабским фондом экономического и социального развития, в 1990 г. – с фондами отдельных арабских государств. В 1993 г. Арабский валютный фонд (АВФ) и Арабский фонд экономического и социального развития приняли решение заморозить членство Судана в этих двух организациях из-за неспособности правительства страны выполнять свои минимальные обязательства по погашению задолженности. Такое решение, естественно, было крайне болезненно воспринято в Судане, и в апреле 1999 г. правительство страны объявило о том, что оно ищет возможности восстановить свое сотрудничество с обеими организациями и выплатить им свои задолженности.

В целом до приостановления сотрудничества с Суданом эти арабские финансово-экономические структуры предоставили в виде кредитов и безвозмездной помощи Судану свыше 2,4 млрд. долл. Эти средства в виде компенсации за повышение цен на импортируемую страной нефть и т.д. были предоставлены на модернизацию железных дорог, строительство плотин, сахарных заводов, развитие аэропорта в Хартуме, текстильных предприятий, строительство животноводческих объектов. В целях восстановления партнерства с вышеназванными структурами во второй половине 90-х годов правительство страны формирует новое министерство международного сотрудничества (The Middle East and North Africa. 2000. – Л., 2000. – С. 1056; Ахмед Абу Джабаль. Роль организаций и фондов арабских стран в экономическом развитии Судана // Аль-Иктисадий. – 1998. – № 38. – С. 24–25 – на араб.яз.)

Важным каналом партнерства Судана с международными экономическими организациями служили связи с Парижским и Лондонским клубами, с каждым из которых в период 70–90-х годов было проведено несколько раундов переговоров и по их результатам подписаны соглашения об отсрочке погашения Суданом долгов перед частными финансовыми зарубежными структурами и государствами-кредиторами и рефинансировании текущих платежей, производимых страной. Парижский и Лондонский клубы вели каждый раз, когда Судан обращался к ним с просьбой об отсрочке платежей, длительные и сложные переговоры, идя в основном навстречу просьбам суданского правительства: сроки платежей существенно отодвигались, долг частично сокращался, выделялись средства на его рефинансирование и т.д., но общее положение с погашением внешних обязательств Судана, тем не менее, не менялось. Единственно, чего удавалось достичь реально, – предотвращения объявления страны банкротом. Страна находилась с 80-х годов в условиях такого жесточайшего финансово-экономического кризиса, что уже была не в состоянии выполнять даже вновь достигнутые договоренности. По некоторым оценкам, правительство страны в конце 80-х – начале 90-х годов рассчитывало выплачивать лишь 10% от суммы его накопившихся обязательств.

В нынешней ситуации, когда Судан имеет огромную внешнюю задолженность, ему предстоит провести весьма обстоятельные переговоры как с Парижским, так и с Лондонским клубом относительно всей будущей стратегии погашения своих обязательств перед разными группами кредиторов. При этом, вероятно, будут учитываться такие новые факторы, как возросший приток валютных переводов от суданцев, работающих за рубежом, возможные будущие доходы от экспорта нефти и некоторых других сырьевых товаров.

Таким образом, вплоть до конца 90-х годов отношения Судана с международными экономическими организациями, которые выступали в качестве доноров его развития, складывались далеко не лучшим образом, а с рядом из них даже можно определить как кризисные. Вследствие этого заметно сократился и приток внешней помощи, о чем свидетельствует таблица 2.

Таблица 2

Структура внешних кредитов, предоставленных Судану, и инвестиций в его экономику по источникам получения в первой половине 90-х годов (млн. долл.)

	1991/92	1992/93	1993/94	1994/95
Международная организация развития	85,3	81,9	14,7	–
Международный фонд развития сельского хозяйства	1,37	2,84	3,46	0,85
Фонд стран ОПЕК	1,17	0,26	13,9	–
Банк африканского развития	25,2	45,3	4,0	31,3
Исламский банк развития	3,9	2,0	0,4	1,9
Фонд европейского развития	16,4	6,7	0,6	1,7
Европейский инвестиционный банк	3,4	1,1	–	–
Арабский фонд	4,2	2,3	–	–
Саудовский фонд	17,7	2,4	5,0	–
Всего, включая прочие	159,1	157,8	31,0	44,8

Источник: Центральный банк Судана. 1998 г.

Среди различных международных организаций, оказавших Судану ощутимую помощь, выделяются, помимо МВФ и МБРР, Ассоциация международного развития (МАР) и Фонд развития сельского хозяйства. Только в период с 1988 по 1995 годы они направили в Судан порядка 543 и 14 млн. долл. соответственно. Часть средств была предоставлена на беспроцентной основе. За счет этих источников, в частности, финансировались такие важные экономические проекты, как сооружение плотин Рохад и Росейрос, электрификация различных районов страны, дорожное строительство, улучшение водоснабжения и механизация сельского хозяйства, объекты животноводства, а также образовательные программы.

Сотрудничая с Африканским банком развития с начала 70-х годов, Судан также получил значительные средства на цели развития. Их объем за первую половину 90-х годов превысил 105 млн. долл.

Большие средства на оказание Судану финансово-экономической помощи выделялись по программам ООН ее специализированными организациями. Только за четыре года – с 1988 по 1991 страна получила свыше 184 млн. долл. Представление об этом дает следующая таблица.

Таблица 3

**Финансово-экономическая помощь Судану
по линии ООН в 1988–1991 гг. (млн. долл.)**

	1988	1989	1990	1991
Программа ООН по развитию:				
Программа развития	3,1	9,6	11,3	25,1
Специальные фонды	2,1	2,9	2,8	3,5
Другие программы ООН:				
Фонд населения	1,7	2,2	2,3	1,1
Детский фонд	12,6	26,0	21,6	29,9
Мировая продовольственная программа	42,5	21,1	37,6	115,0
Другие системы ООН:				
Регулярный бюджет	2,0	2,9	2,8	3,3
Сверх бюджета	16,6	31,4	9,2	6,8
ВСЕГО:	80,6	96,0	87,1	184,7

Источник: Центральный банк Судана. 1997

Значительные масштабы сотрудничества в последние два десятилетия установились у Судана с Евросоюзом как на многосторонней основе, так и по линии двустороннего сотрудничества с отдельными странами – членами ЕС. Участие страны в трех Ломейских конвенциях (1975, 1984 и 1989 годов) позволило ей стать ассоциированным членом ЕС. Это, в частности, способствовало развитию суданского экспорта в Европу, прежде всего таких его приоритетных сельскохозяйственных культур, как хлопок и арахис, т.к. ассоциированное членство освобождало экспорт сырьевых товаров Судана от таможенных пошлин и количественных ограничений. В результате доля стран – членов ЕС в суданском экспорте за 70–80-е годы резко выросла (более чем в полтора раза и достигла почти 50%).

Подписание Ломейских конвенций позволило стране получить по линии сотрудничества с ЕС дополнительно около 350 млн. долл. в виде различной финансовой и технической помощи. Эти средства были направлены на модернизацию железнодорожной сети страны, осуществление проектов в области сельского хозяйства и образования.

Положение Судана как ассоциированного члена ЕС содействовало развитию двусторонних экономических связей с рядом государств – ведущих членов Союза, включая Великобританию, Германию, Голландию и Италию, которые начали оказывать ему помощь еще в 60-е годы. В частности, Германия предоставила кредиты на строительство сахарных заводов, сооружение плотины Росейрес и проекты развития сельского хозяйства, на модернизацию основного оборудования суданских железных дорог (совместно с Францией), подготовку национальных кадров, строительство текстильных фабрик, нефтепровода Порт-Судан – Хартум, электростанции в Северном Хартуме, сельскохозяйственной исследовательской лаборатории,

чайной фабрики, а также на создание и организацию работы суданского телевидения, электрификацию провинции Голубой Нил, расширение судоходства по Белому Нилу и т.д.

Бывшая метрополия – Великобритания в 1959 и 1963 годах подписала с Суданом два соглашения о предоставлении кредитов на срок до 6 и 20 лет на сумму свыше 14 млн. долл. на закупку оборудования для железных дорог, сооружение автодорог, а также развитие сети водо- и электроснабжения. В соответствии с долгосрочным соглашением на 1971–1974 годы о помощи Великобритании предоставила кредиты на сумму более 33 млн. долл. на дорожное строительство (34% суммы кредитов), закупку и установку насосного оборудования в Северной провинции (свыше 21%), на развитие сельского хозяйства в южных провинциях (около 13%), на сооружение элеваторов, помещений для хранения урожая, плотины, закупку генераторов. Общий объем средств, выделенных Великобританией по соглашениям (до 1976 г.) составил примерно 85 млн. долл. или около 5% всего объема иностранной помощи, полученной Суданом в данный период. В первой половине 80-х годов Судан становится вторым среди развивающихся стран получателем внешней помощи из бывшей метрополии. Крупные средства – порядка 140 млн. долл. – Судан получает на реализацию программы строительства и модернизации действующих электростанций. Совместно с МБРР она финансирует развитие портовых мощностей в г. Порт-Судан, реконструкцию железных дорог, сооружение предприятий химической промышленности, поставку запчастей и продовольственных товаров.

В 70-е годы Судан получает кредиты от Италии на строительство автодорог, мостов, расширение международного аэропорта в Хартуме. Кредиты выделялись на льготных условиях и под гарантии итальянского правительства.

Значительную помощь Судану оказывали также Нидерланды. С 1975 г. он является постоянным получателем нидерландской помощи, ее размеры составляли порядка 10 млн. долл. в год. Половина кредитных сумм предназначалась для поддержания платежного баланса страны. Совместно с рядом европейских стран Нидерланды финансировали строительство автодорог. На безвозмездной основе предоставлялась помощь в подготовке кадров, оборудовании медицинских учреждений и т.д.

В целом роль ЕС и европейских стран в создании объектов экономического и социального назначения в Судане в последней четверти XX в., исключая кризисные годы в отношениях страны с международными экономическими организациями, была значительной и в немалой мере способствовала предотвращению сползания ее экономики к краху.

В конце 1994 г. суданское правительство приняло решение о подготовке к вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО)

в качестве наблюдателя. В 1997 г. был сформирован комитет по изучению последствий вступления в ВТО. Суданские эксперты отмечали как положительные, так и отрицательные последствия этого шага. К первым отнесли:

- снижение таможенных пошлин на экспортируемые Суданом товары, прежде всего сельскохозяйственные;
- отмену ограничений – количественных, санитарных, административных на товары суданского экспорта;
- открытие дополнительных возможностей для оказания слуг – туристических, банковских и т.д.

Отмечались и другие положительные стороны вступления Судана в эту организацию.

Среди негативных последствий выделялись следующие:

- прекращение субсидирования производства сельскохозяйственной продукции промышленно развитыми странами приведет к росту ее стоимости, а также цен на сельскохозяйственную технику, удобрения, инсектициды, семена и другие товары производственного назначения;

- рост стоимости импортируемых передовых технологий;
- потери, которые придется нести в отдельных отраслях сферы услуг – туристической, банковской и т.д.;

- рост конкуренции на суданском рынке с зарубежными товарами, а также товарами, производимыми филиалами ТНК в Судане;

- необходимость полного пересмотра национального законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность.

(Ахмед ат-Тахами. Международная торговля и ее влияние на экономику развивающихся стран. Хартум. – 1997. – на араб.яз.).

В целом положительная позиция Судана в отношении вступления в ВТО должна строиться с учетом сложностей, которые возникнут вследствие этого шага и необходимости разработки и реализации соответствующих мер, направленных на ограничение негативных последствий.

Вместе с тем неизбежность вступления в ВТО очевидна, т.к. арабские страны уже приступили к формированию единого общеарабского торгового пространства: в январе 1998 г. 18 арабских государств создали под эгидой Лиги арабских государств и ее специализированного органа – Арабской торгово-промышленной палаты – торговый союз (АФТА) с целью отмены всех таможенных барьеров во взаимной торговле к 2008 г. Кроме того, продолжают углубляться торгово-экономические связи с Евросоюзом, протоколы о сотрудничестве с которым также предусматривают формирование единого торгового пространства в ближайшей перспективе. Иными словами, данный шаг лежит в русле основных тенденций развития мирового хозяйства.

В целом участие Судана в деятельности международных экономических организаций носило до середины 80–90-х годов довольно

масштабный характер, его партнерство с рядом из них играло важную, а в некоторых аспектах – ключевую роль в развитии экономики страны, ее отдельных жизненно важных отраслей (транспорт, энергетика, ирригация, промышленность и сельское хозяйство, подготовка национальных кадров, поддержка платежного баланса страны). Относящийся к числу наименее экономически развитых стран мира, Судан выступал главным образом как реципиент помощи, поступающей по каналам сотрудничества с международными организациями. Принципиальное значение в отношениях с ведущими международными экономическими организациями имело своевременное погашение перед ними своих долговых обязательств. Последнее в настоящее время во многом зависит от эффективности проводимых в стране реформ, а также позитивных подвижек в сфере внешней торговли.

**НЕОБРАТИМОЕ ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС?
ФИАСКО ИЗРАИЛЬСКИХ ЛЕВЫХ НА ВЫБОРАХ 2001 ГОДА
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

**1. Провалы на выборах в 1977 г. и провал в 2001 г.:
возможен ли ренессанс социал-демократов в Израиле?**

Прошедшие 6 февраля 2001 года выборы закончились для израильских левых сокрушительным фиаско. Выдвинутый ими кандидат, тогдашний глава правительства Эхуд Барак получил поддержку лишь чуть более трети избирателей, принявших участие в голосовании. Разрыв между Баракком и победившим на выборах Ариэлем Шароном составил более 25% голосов. Подобного провала израильские социал-демократы не знали с 1977 года, когда они вынуждены были уступить власть считавшимся «вечными оппозиционерами» лидерам правого лагеря. Тогда представительство социал-демократов в парламенте Израиля сократилось более чем на треть: с 51 мандата в 1973 году до 32 мандатов – в 1977. Реформа системы выборов, проведенная в Израиле в первой половине 90-х годов, значительно затрудняет сравнение итогов нынешнего электорального противоборства с результатами кампании 1977 года, однако общность тенденций представляется очевидной. Выборы 2001 года продемонстрировали еще более резкое сокращение числа сторонников кандидата социал-демократов: с 56,5% участвовавших в выборах избирателей в 1999 году до 37,5% – в 2001 году к тому же на фоне уменьшения почти на четверть электоральной активности избирателей. Иными словами, в то время как в 1999 г. Эхуда Барака поддержали около 45% всего обладающего избирательным правом населения страны, в 2001 г. таковых было лишь чуть более 22%. Является ли потеря социал-демократами за период менее чем в два года половины своих сторонников временным явлением, вызванным теми или иными особенностями развития современной политической ситуации, либо же речь идет о закате левых партий и разделяемой ими идеологии? Смогут ли социал-демократы извлечь уроки из своего фиаско на выборах и впоследствии вновь реально претендовать на высшие посты в пирамиде государственной власти, как это и случилось в начале 80-х годов, когда консолидация сил в левом лагере привела к почти 50-процентному – с 32 до 47 мандатов – росту

их представительства в парламенте страны? Либо же поражение социал-демократов является необратимым, а их «второй ренессанс» – делом заведомо нереальным?

Эти вопросы представляют большой интерес не только для тех, кто интересуется собственно израильской внутривнутриполитической жизнью, но и для всех, прямо или косвенно, вовлеченных в ближневосточный переговорный процесс. Несмотря на то, что и мирный договор с Египтом, и документы Мадридской международной мирной конференции были подписаны тогда, когда у власти в Израиле находились коалиционные правительства правоцентристской ориентации, кажется очевидным, что готовность левых сил к территориальным и иным уступкам ради продвижения переговорного процесса с палестинцами и арабскими странами выше, чем готовность правых. В этой связи возможный закат левых партий в Израиле может иметь далеко идущие последствия для всего процесса ближневосточного урегулирования. Поэтому вопросы, находящиеся в центре внимания настоящей работы, имеют большую как внутри-, так и внешнеполитическую значимость. Представляется, что адекватный анализ происходящих ныне в израильской политике процессов возможен только сквозь призму рассмотрения текущих событий в сравнительно-исторической перспективе.

На протяжении десятилетий социал-демократы оставались крупнейшей политической силой Израиля, игравшей центральную роль во всех сформированных в 1948–1977 годах коалиционных правительствах. Более того, на определенном этапе израильской истории основная борьба за голоса избирателей шла не между социал-демократами с одной стороны и либералами или партиями национального лагеря – с другой, а между социал-демократами и их оппонентами слева – представителями радикальных социалистических партий МАПАМ и *Ахдут ха-авода*. Произошедший в 1960–1970-е годы резкий спад популярности левосоциалистических партий кардинально изменил всю политическую конфигурацию в Израиле; возможный закат социал-демократов в настоящее время будет иметь не менее серьезные последствия.

Изложение важнейших аспектов истории левых партий в данной работе предваряет рассмотрение центрального вопроса, которому посвящена статья: какие структурные механизмы и контекстуальные факторы внешней политики могут оказать влияние на возрождение или, наоборот, окончательный крах израильских социал-демократов. Разумеется, подобная статья, написанная по «горячим следам» актуальных событий, может рассматриваться лишь как возможный прогноз, подтвердить или опровергнуть который может лишь время.

2. Особенности

партийно-политической системы Израиля

Прежде всего целесообразно попытаться понять и проанализировать основные социальные опоры, идеологический облик, принципы организации и ряд других факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие левых партий в Израиле.

Партии обрели немалую значимость еще в догосударственный период, когда вся полнота политической власти в Палестине принадлежала английским мандатным властям. В отличие от большинства стран мира, где партии возникали в политических системах государств, существовавших до этого на протяжении многих лет, в Палестине/Эрец-Исраэль первые партии возникли в начале XX века (т.е. задолго до провозглашения государства Израиль) и послужили одним из факторов создания самого государства и его общественных институтов. Следует отметить и то, что большинство партий (и их идеологии) возникли еще в странах еврейской диаспоры. В период британского мандата политические партии были представлены как в центральных органах еврейского ишува и сионистского движения (таких как Федерация профсоюзов, Национальное собрание и т.д.), так и в институтах местного самоуправления. Более того, деятельность большинства партий не ограничивалась политической сферой, но охватывала самые различные области жизни – от организации отрядов самообороны до создания разветвленных сетей поликлиник и школ.

С течением времени значимость партий в Израиле заметно снизилась, они утратили часть своих функций, но вместе с тем и в наши дни в определенной степени остаются актуальными слова известного правоведа и политолога Вениамина Акцина, сказанные еще в 1955 году: «В Израиле партии играют более важную роль и пользуются большим влиянием, нежели в любой другой стране, если не считать нескольких однопартийных государств»¹. Несмотря на снижение веса партий в израильской политике, и в 1970–1990-х годах многие важные решения нередко принимались партийными органами.

Следует отметить и то, что в Израиле деление партий на левые и правые в известной мере условно, поскольку левые партии не являются носителями «пролетарской» идеологии, а большинство их сторонников принадлежит к обеспеченному среднему классу².

В идейном плане в качестве левых обычно воспринимаются партии, видящие свой идеал в достижении общественного равенства и ратующие за широкие социальные программы, прогрессивное налогообложение, развитый общественный сектор и активное вмешательство государства в социально-экономическую жизнь. В израильском контексте эти воззрения находят выражение в приверженности левых халуцианской традиции, в их представлении о киббуцах и мошавах как о воплощенной социальной утопии и стремлении отстоять веду-

щие позиции Федерации профсоюзов в экономике и в государстве в целом. Правые же традиционно выступают против чрезмерного, по их мнению, расширения функций Федерации профсоюзов, лоббируют интересы собственников, инициируют законодательные инициативы, направленные на создание условий для свободной конкуренции в экономической и социальной сферах.

Социологически левые партии с каждым годом все труднее отличить от правых, и этот процесс в Израиле происходит аналогично подобному же «размыванию» социальной базы партийного электората в европейских странах. Еще в 50-х годах в крупнейшей социал-демократической партии Израиля (МАПАИ, ныне – Рабочая партия Израиля) состояли не только рабочие, но и многие представители среднего класса, а националистически ориентированное правое движение *Херут* («Свобода») пользовалось значительной поддержкой среди малообеспеченных жителей городов развития. Бывшая умеренной центристской силой партия Общих сионистов опиралась на поддержку состоятельных слоев общества, а такая элитарная партия ашкеназского истеблишмента, как созданное в 1973 году движение *Рац*, ставшее краеугольным камнем основанного в 1992 году блока МЕРЕЦ, являлось – и является – наиболее последовательным защитником прав арабского населения Израиля. Примерно на те же группы населения опирались партии ДАШ, *Шинуй* и Независимые либералы³. Такие движения, как *Рац* и распавшиеся в конце 1970-х – начале 1980-х годов *Шели*, *Мокед*, *Мацпен* и СИАХ, прослыли левыми не потому, что пользовались сколько-нибудь существенной поддержкой в рабочей среде, а из-за своей так называемой «голубиной» внешнеполитической ориентации и бескомпромиссной приверженности антиклерикальной идеологии.

Историческая связь левых партий с Федерацией профсоюзов также подверглась в последние годы значительной ревизии. Нынешний председатель Федерации профсоюзов Амир Перец основал незадолго до выборов 1999 г. самостоятельную партию (получившую два мандата в Кнессете), не вошедшую в руководимое Эхудом Баракком правительство социал-демократов! Подобная ситуация была абсолютно немыслимой в 1950-е – 1960-е годы, когда Федерация профсоюзов представляла собой стержневой остов всего социал-демократического лагеря, а ее руководители фактически назначались узким кругом лидеров МАПАИ. В 1990-х годах левые партии заметно «охладели» к Федерации профсоюзов, где в результате выборов 1994 г. к власти пришла отколовшаяся от Рабочей партии группа Хаима Рамона.

В экономической политике правительства Рабочей партии и леворадикального блока МЕРЕЦ в 1992–1996 годах также проявились характерные для правых приватизационные и рыночные тенденции; с другой стороны, правоцентристский блок *Ликуд* («Единство»), поль-

зующийся поддержкой менее обеспеченных слоев населения, стал уделять все большее внимание социальной проблематике. Указанные перемены, затронувшие и правых, и левых, нашли отражение в тенденциях последнего десятилетия, когда обе большие партии приблизились к политическому центру, а расхождения между ними как в области социально-экономической, так и внешней политики значительно уменьшились.

3. Эпоха правления левых и левоцентристских партий в Израиле и ее политическое наследие

Крупнейшая партия левого лагеря – МАПАИ (с 1968 года – Рабочая партия Израиля) – на протяжении первых сорока семи лет своего существования занимала доминирующие позиции во всех национальных институтах и муниципальных советах. МАПАИ возникла в результате слияния существовавшей в ишув с 1919 года партии *Ахдут ха-авода* («Единство труда») и основанной еще в диаспоре в 1905 году партии *Ха-поэль ха-цаир* («Молодой рабочий»). В целом разделяя социалистическую идеологию, МАПАИ и ее «прародители» предпочитали говорить о строительстве нового общества путем «классового созидания», а не о революции и перераспределении богатств между классами. Лидеры МАПАИ не видели противоречия между еврейским национальным самосознанием и социализмом, более того – рассматривали рабочее движение как авангард сил, воплощающих в жизнь сионистскую идею. Идеологическая позиция МАПАИ отличалась известным прагматизмом: социал-демократы стремились к тому, чтобы создаваемое в ишув новое общество зиждилось на крупном профсоюзном секторе экономики, но ради достижения целей сионизма выступали за привлечение частного капитала к развитию страны и не видели ничего предосудительного в сотрудничестве с буржуазными сионистскими партиями.

В 1950-е – 1960-е годы политическая линия МАПАИ не претерпела значительных изменений. Эта партия по-прежнему рассматривала Федерацию профсоюзов в качестве фундамента своего могущества, по-прежнему выступала за преобладание в экономике крупного общественного – профсоюзного и государственного – сектора, проявляя в то же время все большую готовность пойти навстречу частной инициативе. С течением времени МАПАИ постепенно превращалась в социал-демократическую партию западноевропейского типа, стоящую за смешанную экономику, парламентскую демократию и развитую систему социального обеспечения. Вениамин Нойбергер заметил: «Если в начале 1950-х годов пролетарская идеология еще давала о себе знать в таких инцидентах, как отказ удовлетворить требование Общих сионистов не вывешивать 1 мая красные флаги в школах, приведший к коалиционному кризису, или исключение видного партийного деятеля в

связи с его «буржуазным» образом жизни, неприемлемым для «рабочей» партии, то уже в следующем, «прагматичном» десятилетии подобные проявления стали казаться глубоко архаичными»⁴.

Позиция партии по вопросам обороны и внешней политики также была центристской и прагматичной. До середины 1960-х годов подобный курс поддерживали и религиозные партии, и представители Общих сионистов и Прогрессивной партии. В самой партии МАПАЙ состояли политики, придерживающиеся как «активистских», так и умеренных взглядов. Среди сторонников «жесткой линии» выделялись первый премьер-министр и министр обороны Израиля Давид Бен-Гурион, второй министр иностранных дел и четвертый премьер-министр страны Голда Меир и многолетний министр обороны Моше Даян. Политика второго и третьего глав правительства страны, Моше Шарета и Леви Эшколя, также избранных от партии МАПАЙ, отличалась не только значительно большим стремлением к достижению внутривнутриполитического согласия в самом Израиле, но и известной умеренностью по арабскому вопросу.

Говоря о внешней и оборонной политике МАПАЙ 1950–1960-х годов, нельзя не упомянуть о ее сугубо прозападной ориентации (в соответствии с которой она положительно относилась к тесным связям с США, Францией и даже Англией, отношения с которой казались безнадежно испорченными в годы мандата), а также о поддержке этой партией достигнутого в 1952 г. соглашения о немецких репарациях.

По вопросам взаимоотношений между религией и государством МАПАЙ придерживалась курса на примирение и компромисс. Она противостояла стремлению религиозных ортодоксов превратить Израиль в фундаменталистское государство, но одновременно с этим отказывалась поддержать требования секулярных кругов об отделении религии от государства, о введении гражданского брака, признании реформистского и консервативного направлений в иудаизме и призыве учащихся религиозных учебных заведений в армию наравне с их нерелигиозными сверстниками.

Наиболее опасными соперниками МАПАЙ в первые годы государственной независимости Израиля были оппоненты слева, объединившиеся в 1948 г. в рамках Объединенной рабочей партии (МАПАМ). Как единый союз левосоциалистических сил партия МАПАМ просуществовала лишь шесть лет, распавшись в 1954 г. из-за внутреннего кризиса на две партии, причем та из них, которая сохранила название МАПАМ, получила на состоявшихся в 1955 г. выборах в Кнессет третьего созыва меньше голосов, чем отколовшаяся группа, воссоздавшая партию *Ахдут ха-авода* – *Поалей Цион*. Для лидеров МАПАЙ единый блок левых социалистов представлялся наиболее серьезным конкурентом. Причин тому было несколько. Во-первых, принципиальные идеологические разногласия между ними практически исключали отток голосов от социал-демократов к правым, центристским или ре-

лигиозным партиям, однако не исключали возможности массового оттока голосов от одной социал-демократической партии к другой: и МАПАЙ, и МАПАМ представляли прежде всего разделявших социалистические идеалы *халуцим*, прибывших в Палестину/Эрец Исраэль из России и Восточной Европы в период второй и третьей волн алии. Парадоксально, но факт: несмотря на то, что единый левосоциалистический блок был наиболее близкой МАПАЙ по духу политической силой, он не входил ни в одну из шести сформированных социал-демократами правительственных коалиций. Впервые левые социалисты вошли в правительство Бен-Гуриона уже после своего раскола, в 1955 г., когда угроза гегемонии МАПАЙ миновала.

Во времена ишува идеология отцов-основателей МАПАМ сочлала ценности коллективизма, романтического социализма и *халуцианского* сионизма, однако в 1940-х годах романтический идеализм, характерный для них в предыдущие десятилетия, все больше уступал место приверженности ортодоксальному марксизму. МАПАМ конца 1940-х – начала 1950-х годов представляла собой жестко централизованную партию, ориентировавшуюся на построение в Израиле социалистического общества и ратовавшую за установление диктатуры пролетариата. В противовес сугубо прозападной ориентации лидеров МАПАЙ Давида Бен-Гуриона, Моше Шарета и Голды Меир, лидеры МАПАМ последовательно выступали за переориентацию внешней политики Израиля в сторону максимально большего сближения с Советским Союзом и странами Восточного блока⁵.

Целый ряд событий, произошедших в первой половине 1950-х годов, способствовал изменению зафиксированной в программных документах левых социалистов внешнеполитической ориентации. Прошедший в Праге в 1952 г. процесс против бывшего генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Рудольфа Сланского и других высокопоставленных государственных деятелей (одиннадцать из шестнадцати обвиняемых на процессе чехословацких руководителей были евреями), на котором обвинение в подрывной деятельности против социалистической Чехословакии было предъявлено, в том числе, и члену ЦК МАПАМ Мордехаю Орену и (заочно) работавшему прежде в Праге израильскому дипломату Эху-ду Авриэлю, привел к серьезнейшему внутреннему кризису в партии и во многом способствовал ее расколу. Депутаты Кнессета Давид Лившиц и Хана Ламдан вышли из МАПАМ и присоединились к МАПАЙ, а Моше Сне и Авраам Берман – к Коммунистической партии.

Ликвидация созданного в СССР в годы второй мировой войны Еврейского антифашистского комитета, расстрел в августе 1952 года Переца Маркиша, Давида Гофштейна, Вениамина Зускина и других крупнейших деятелей советской идишской культуры, появившееся 13 января 1953 года в «Правде» сообщение об аресте органами НКВД крупнейших врачей еврейской национальности, как и другие очевид-

ные проявления государственного антисемитизма в СССР, равно как и публичное признание Н. Хрущевым преступлений сталинского руководства на состоявшемся в 1956 году XX съезде КПСС не могли не привести к переоценке партией МАПАМ своей внешнеполитической позиции.

Немаловажной в этой связи была и резкая смена ближневосточного внешнеполитического курса СССР: поддержка создания Государства Израиль осталась в прошлом, сменившись заключенным в 1955 году соглашением о продаже Чехословакией (с ведома и согласия Советского Союза) оружия Египту и угрозами в адрес Израйля, исходившими от советских руководителей в дни Синайской кампании (октябрь-ноябрь 1956 г.). Попытка значительной части руководителей МАПАМ сохранить просоветскую ориентацию партии стала одним из решающих факторов, ускоривших ее раскол и фактическое постепенное исчезновение с политической сцены. В 1955 г. и МАПАМ, и партия *Ахдут ха-авода* вошли в правительственную коалицию с социал-демократами, в 1965 году *Ахдут ха-авода* вошла в блок с МАПАЙ, годом позже в этот же блок вошла и партия МАПАМ. Единый блок левых партий, получивший название *Маарах*, просуществовал пятнадцать лет – до 1984 года.

Создание единого левого блока стало возможным во многом благодаря «поправению» социалистических партий. Партия *Ахдут ха-авода* – *Поалей Цион* даже и в середине 1950-х годов придерживалась сугубо просоветской и антиамериканской линии: в своей предвыборной платформе перед состоявшимися в 1955 г. выборами в Кнессет третьего созыва партия обвиняла США в том, что они проводят «антиизраильский курс, поощряющий политические нападки на Израиль и акты вооруженной агрессии против него», а правительство страны – в поддержке американского империализма во время войны в Корее. В этом же документе Советский Союз характеризовался как «оплот мира во всем мире». На исходе 1950-х годов симпатии *Ахдут ха-авода* к Советскому Союзу, равно как и ее антиамериканизм, значительно сократились⁶. Внешнеполитическая ориентация левых социалистов, прошедших в 1950-е годы путь от безоговорочного преклонения перед Советским Союзом до призывов к нейтралитету Израйля в международных делах, претерпела после Шестидневной войны дальнейшие изменения. После того, как Советский Союз поддержал арабов в ходе Шестидневной войны, МАПАМ, расценившая ее – в отличие от Синайской кампании 1956 года – как справедливую и оборонительную, отказалась от нейтралитета и с тех пор больше не выступала против прозападного курса правительства, в которое она входила в 1965-1977 годах. Этому повороту способствовало также смещение акцентов во внешней политике Израйля, имевшее место после Шестидневной войны. Вместо вопроса о геополитической ориентации страны на первом плане оказалась проблема контролирую-

мых территорий, по которой МАПАМ нашла общий язык с Рабочей партией: оба партнера по блоку *Маарах* выступали за территориальный компромисс при условии заключения мирных соглашений с арабскими странами. Обе партии приняли так называемую «формулу Ярива – Шем-Това» о допустимости переговоров с Организацией освобождения Палестины (ООП) в том случае, если она признает право Израиля на существование в безопасных границах и откажется от террористической деятельности.

И в области социально-экономической политики, и во внешнеполитической сфере платформа *Маараха* и его курс соответствовали позициям партии МАПАЙ. Строительство единого блока левых партий привело к практически полной победе умеренной социал-демократической позиции над идеологическими постулатами левых радикалов. Так как малочисленная (ни разу не добившаяся поддержки даже 5% избирателей), существовавшая почти исключительно благодаря советской поддержке Коммунистическая партия не воспринималась израильским обществом как сколько-нибудь значимая политическая сила, Рабочая партия фактически лишилась оппозиции слева. В результате в условиях постепенного роста популярности правогоцентристского блока движения *Херут* и Либеральной партии (этот блок, созданный перед выборами 1965 года, добился 26 мандатов в Кнессете), сама Рабочая партия стала восприниматься как «левая». В свою очередь, необходимость бороться за голоса избирателей теперь уже не с левыми социалистами (об этой борьбе в первой половине 1950-х годов см. выше), а с правогоцентристским блоком подвигла к еще большему смещению единого блока левых партий в сторону политического центра. Подобная прагматичная линия, казавшаяся недостаточной одним и выглядевшая оппортунистической в глазах других, привела к тому, что блок *Маарах*, бывший умеренной социал-либеральной партией, стал считаться «левофланговым» израильской политики. В результате многих причин, подробно проанализированных в научной литературе, важнейшими из которых были кризис, вызванный Войной Судного дня, и ряд скандалов по поводу коррупции среди высших государственных руководителей, популярность Рабочей партии в израильском обществе резко снизилась. Катализатором политического «переворота» 1977 г. стало создание центристской партии ДАШ («Демократическое движение за перемены»). Подавляющее большинство избирателей, поддержавших Рабочую партию в 1973 г. и отказавших ей в доверии четыре года спустя (партия потеряла девятнадцать мандатов), отдали голоса на выборах 1977 г. за список Движения за перемены.

4. Левые партии после «переворота» 1977 года

«Демократическое движение за перемены» ворвалось на политический небосклон с внезапностью метеора и за несколько месяцев

обрело такую популярность, что в результате майских выборов 1977 г. его фракция в Кнессете девятого созыва оказалась третьей по численности. В ДАШ сошлись воедино самые разные силы. Одним из его основных компонентов стало движение *Шинуй* («Перемены»), созданное по инициативе группы бизнесменов, обладателей свободных профессий и университетских преподавателей в 1974 г., вскоре после Войны Судного дня и публикации отчета Комиссии под руководством судьи Ш.Аграната, другим – Демократическое движение, основанное профессором археологии, генералом в отставке Игалем Ядином и объединявшее преимущественно военных и хозяйственников, к которым присоединилось несколько представителей академического мира. Движению за перемены удалось увлечь за собой широкие круги избирателей, однако амбициозные цели, которые оно ставило перед собой, были достигнуты лишь частично.

Основатели Движения за перемены декларировали своей целью создание прагматичной партии, которая не проводит различий между правыми и левыми, а во главу угла ставит эффективность работы органов власти и соблюдение государственными служащими морально-этических норм. Движение за перемены не использовало какую бы то ни было социалистическую риторику, однако в тот период подобным же образом вели себя едва ли не все партии в Израиле, кроме коммунистической.

Движение за перемены изначально создавалось не с целью стать оппозицией Рабочей партии, а для того чтобы иметь возможность влиять на проводимую ею политику. Сохранявшаяся на протяжении нескольких десятилетий гегемония Рабочей партии привела к тому, что вопрос о правящей партии как бы сам собой оказался снятым с повестки дня. Регулярно проводившиеся избирательные кампании должны были дать ответ о коалиционных партнерах Рабочей партии и числе министерских портфельей, на которые они могли претендовать. Основная задача создателей движения за перемены состояла в том, чтобы стать крупнейшим коалиционным партнером Рабочей партии. Однако действительность неожиданно оказалась иной: добившись триумфального успеха на выборах и отняв у Рабочей партии пятнадцать мандатов (многочисленные опросы свидетельствовали, что почти все избиратели Движения за перемены на выборах 1973 г. голосовали за список Рабочей партии), Движение за перемены стало той силой, которая помогла «вечно оппозиционному» движению *Ликуд* впервые в истории страны добиться победы на всеобщих выборах. Лидеры движения за перемены, изначально видевшие себя центральными коалиционными партнерами Рабочей партии, неожиданно для себя должны были решать вопрос об участии в отстранении Рабочей партии от власти и о вхождении в правоцентристское коалиционное правительство. Рабочая партия на семь лет оказалась лишенной возможности от участия в работе правительства.

Политическая история Израиля 1977–1984 годов была насыщена многими важными событиями во внутренней и внешней политике, однако их детальное рассмотрение находится за рамками настоящей работы. Нужно сказать, что уже после выборов 1981 г. Рабочая партия почти достигла политического паритета с блоком *Ликуд*, получив лишь на один мандат меньше, чем правоцентристский блок. Рабочая партия увеличила свое представительство в парламенте с 32 до 47 мест, недобрав лишь четырех мандатов до собственного электорального достижения 1973 года. Вместе с тем рост числа мандатов, полученных движением *Ликуд*, не позволил Рабочей партии вернуться к власти, оставив ее в оппозиции на второй срок подряд. Важно отметить, что в обоих важнейших внешнеполитических процессах, инициированных правительством Менахема Бегина, социал-демократы выступили на стороне правительства. Так было и при утверждении в Кнессете подписанного в Кэмп-Дэвиде мирного договора между Израилем и Египтом, предусматривавшего полное отступление израильских сил с Синайского полуострова, и при первом обсуждении в Кнессете в первой половине июня 1982 г. вопроса о начале Израилем военных действий в Ливане; выдвинутый по этому поводу вотум недоверия правительству поддержали тогда только депутаты от Коммунистической партии. Впоследствии многие лидеры Рабочей партии выступали за прекращение этой войны, однако сразу после ее начала их позиция была весьма близка позиции правительства.

23 июля 1984 г. выборы в Израиле впервые состоялись в условиях ведения страной боевых действий. Их результаты создали серьезные трудности на пути создания правительства. Ни один из двух основных блоков не имел необходимого количества депутатских мандатов для формирования кабинета своими силами и не располагал поддержкой мелких партий, которая позволила бы быстро образовать правящую коалицию, опирающуюся на устойчивое большинство в Кнессете. Выборы вновь подтвердили, что при существовавшей политической конъюнктуре мелкие и религиозные партии могут оказывать воздействие на политическую ситуацию в стране в гораздо больших, нежели их реальные возможности, масштабах.

Происходившее после выборов размежевание среди мелких партий не дало существенного перевеса ни одному из блоков. На внутриполитической арене возникла «патовая ситуация», в результате чего получила значительную поддержку идея создания правительства «национального единства». Собственно говоря, подобное правительство уже существовало в Израиле в конце 1960-х годов, однако тогда его создание стало следствием исключительных событий, приведших к Шестидневной войне. Кроме того, тогда руководящая роль Рабочей партии в составе кабинета никем не оспаривалась; достаточно сказать, что лидер правых, Менахем Бегин, получил в правительстве под руководством Леви Эшколя лишь пост министра без портфеля. В се-

редине восьмидесятых годов политическая конфигурация в стране кардинально изменилась, и на этот раз речь шла о создании паритетного союза левоцентристской Рабочей партии и правоцентристского блока *Ликуд*. Лидеры обоих блоков восприняли эту идею в целом позитивно, и с начала августа 1984 г. председатель получившей на выборах 44 мандата Рабочей партии Шимон Перес, которому президент Израиля Хаим Герцог поручил формирование кабинета, вступил в соответствующие контакты с лидером имевшего 41 мандат блока *Ликуд* Ицхаком Шамиром. Однако внутри блоков эта идея вызвала неоднозначную реакцию. Против сотрудничества с правыми выступили представители киббуцного движения и фракции МАПАМ. В *Ликуде* против малейших компромиссов ради участия в правительстве выступил Ариэль Шарон.

Переговоры лидеров Рабочей партии и блока *Ликуд*, продолжавшиеся около полутора месяцев, продемонстрировали стремление обеих сторон войти в правительство. Лидеры *Ликуда*, остававшиеся у власти до сформирования нового правительства, учитывали, что, хотя *Маарах* и имеет некоторое преимущество в депутатских мандатах, создать свое, так называемое «узкое» правительство он при сложившейся расстановке политических сил не в состоянии. Поэтому *Ликуд* повел переговоры с *Маарахом* в жесткой форме, требуя сохранения за собой основных министерских портфелей, включая и пост премьер-министра.

Существенную роль здесь сыграла позиция Шимона Переса. Для него вопрос об участии в правительстве имел критическое значение для всей его дальнейшей политической карьеры. Соратники по руководству партии не склонны были прощать ему третье подряд поражение на выборах, всерьез рассматривая возможность передачи поста лидера партии более популярным в то время политикам, среди которых выделялись Ицхак Рабин и Ицхак Навон.

В выработанном в результате переговоров коалиционном соглашении вопрос о распределении власти был по настоянию Шамира решен на основе полного паритета обоих блоков. Пост премьер-министра в течение первых двух лет должен был занимать Ш. Перес, а И. Шамир – посты заместителя премьер-министра и министра иностранных дел. Затем на основе ротации лидерам предстояло поменяться местами. Министерские портфели и по количеству, и по степени их важности были распределены поровну.

Коалиционное соглашение было основано на четырех принципах: оздоровление экономики страны; вывод израильских войск из Ливана при обеспечении безопасности северных границ; улучшение отношений с Египтом на основе кэмп-дэвидских соглашений; установление контактов с Иорданией в целях решения палестинской проблемы. Хотя эти принципы повторяли пункты предварительных условий, выдвинутых *Маарахом* при вступлении в переговоры о формировании правительства национального единства, в их конкретной ин-

терпретации в коалиционном соглашении *Маарахом* были сделаны серьезные уступки *Ликуду*. Так, в вопросе о выводе войск из Ливана лидеры *Маараха* согласились с предлагавшимися И. Шамиром мерами по «обеспечению безопасности северных израильских границ», которые предусматривали сохранение военного присутствия и контроля над южноливанскими районами, что привело к созданию просуществовавшей до 24 мая 2000 г. так называемой Зоны безопасности Южного Ливана. По вопросу о налаживании связей с Иорданией была выработана формула, основанная на дальнейшем развитии переговорного процесса путем подключения Иордании к выработанному в Кэмп-Дэвиде рамочному соглашению⁷.

Создание коалиционного двухблокового правительства открыло собой новый этап в политической жизни Израиля, характеризовавшийся нестабильным равновесием между основными политическими группировками. Однако, несмотря на широко распространенное в то время мнение, что такое правительство не может быть долговечным, так как его громоздкая структура, предстоявшая ротация на посту премьер-министра и неизбежное соперничество между партнерами внутри кабинета сделают невозможным решение наиболее острых политических проблем, правительство национального единства просуществовало полный срок и даже было воссоздано после также закончившихся «ничьей» выборов 1988 года. Оно справилось с задачами смягчения экономического кризиса и вывода основного контингента израильских войск из Ливана, что позволило разрядить тяжелую внутривнутриполитическую атмосферу, которая сложилась в Израиле в результате Ливанской войны.

Однако во второй половине 1980-х годов эффективность работы коалиционного правительства значительно снизилась. Цели, сформулированные правительством в сфере финансово-экономической стабилизации, были в основном достигнуты, вывод большей части войск из Ливана был завершён в 1985 году, а попытка достижения мирного договора с Иорданией, предпринятая Шимоном Пересом в 1988 году, не получила одобрения бывшего тогда премьер-министром лидера *Ликуда* Ицхака Шамира. В 1989 году король Иордании Хусейн объявил о своем отказе от территориальных претензий на потерянном в ходе Шестидневной войны Западном берегу реки Иордан, что со всей отчетливостью обозначило необходимость достижения политического урегулирования с палестинскими арабами. Кроме того, неспособность правительства и силовых структур справиться с начавшимся в декабре 1987 г. первым витком интифады привела к усилению взаимных обвинений и вражды, фактически парализовавших работу кабинета министров. Расхождения во взглядах между лидерами Рабочей партии и блока *Ликуд* отчетливо проявились в принятии Ицхаком Шамиром решения о выводе из кабинета министров одного из лидеров Рабочей партии (в прошлом, кстати, одного из создателей блока *Ликуд*) Эзера

Вейцмана, встречавшегося с некоторыми лидерами объявленной тогда в Израиле террористической Организации освобождения Палестины. Протестуя против решения И.Шамира, лидеры Рабочей партии приняли решение о выходе из правительства национального единства. Многомесячный период изнурительных коалиционных переговоров привел к созданию «узкой» коалиции правых и религиозных партий. Социал-демократы вновь оказались за бортом правительства.

5. Кризис арабо-израильского урегулирования и будущее левых партий

Период 1990–2001 годов охарактеризовался крайней нестабильностью политической системы Израиля. В 1990–1992 годах у власти находилась правоцентристская коалиция под руководством Ицхака Шамира, в 1992–1995 -левоцентристская коалиция под руководством Ицхака Рабина, после убийства которого 4 ноября 1995 года главой правительства страны вновь стал Симон Перес. Поражение Ш. Переса на выборах, состоявшихся в мае 1996 г., вновь привело социал-демократов в оппозицию, однако на этот раз «отлучение» от власти было сравнительно недолгим. Просуществовав лишь три года, правоцентристская коалиция Вениамина Нетаньяху пала, вновь открыв социал-демократам путь к руководству страной. Однако победа их лидера Эхуда Барака на всеобщих выборах в мае 1999 г. обернулась грандиозным провалом менее чем два года спустя. Уступив Ариэлю Шарону более чем 25% голосов избирателей, Барак ушел в отставку, оставив социал-демократов перед нелегкой дилеммой: вновь уйти в оппозицию, либо же, признав победу А. Шарона, войти в правительство под его руководством.

Мнения руководителей социал-демократов по данному вопросу разделились. Бывшие в правительстве Э. Барака министрами Шломо Бен-Ами (министр иностранных дел), Йоси Бейлин (министр юстиции), Яэль Тамир (министр абсорбции) и некоторые другие лидеры партии, среди которых выделялся председатель Кнессета Авраам Бург, однозначно выступили за уход партии в оппозицию, иначе, – говорили они, – избиратели Рабочей партии поддержат на будущих выборах либо леворадикальный блок МЕРЕЦ, либо *Ликуд*. В противовес этой позиции тогдашний министр связи Биньямин Бен-Элиэзер, министр экологии Далия Ицик, министр науки, культуры и спорта Матан Вильнаи, заместитель министра обороны Эфраим Снэ и их сторонники выступили за присоединение к правительству А. Шарона. Решающим стало мнение Шимона Переса, возглавившего партию после отставки Э.Барака: Ш.Перес поддержал идею о вхождении в правительство национального единства. Раскол среди руководства партии по этому вопросу привел к глубокому внутрипартийному кризису, последствия которого не преодолены до сих пор. Состоявшиеся 4 сентября 2001 г. выборы председателя Рабочей партии лишь запутали положение; месяц спустя после выборов их итоги не подведены

до сих пор, председатель избиркома партии подал в отставку, а апелляции Б.Бен-Элиэзера, отставшего от А.Бурга лишь на 1,5% голосов, до сих пор рассматриваются во всевозможных инстанциях. Не менее важно и то, что около половины членов партии вообще бойкотировали выборы председателя, что ставит под сомнение легитимность победы любого кандидата.

Конец первой половины 1990-х годов ознаменовался значительным продвижением процесса арабо-израильского мирного урегулирования: в 1991 году прошла международная конференция по вопросам арабо-израильского урегулирования в Мадриде, начиная с 1993 г. в Осло, Вашингтоне, Шарм-аль-Шейхе и Уай-плантейшн был подписан целый ряд промежуточных соглашений с палестинцами, в 1994 г. был подписан мирный договор между Израилем и Иорданией, восемь арабских стран открыли в Израиле свои представительства.

Продвижение переговорного процесса отчетливо продемонстрировало, что готовность на далеко идущие территориальные компромиссы проявили как лидеры социал-демократов, так и политики правоцентристской ориентации: договор о полной отдаче территории Синайского полуострова Египту был подписан Менахемом Бегинем, руководителем израильской делегации на международной конференции в Мадриде был Ицхак Шамир, а соглашение о шестикратном увеличении находящейся под полным палестинским контролем территории зоны А в Иудее и Самарии было подписано в Уай-Плантейшн Вениамином Нетаньяху и Ариэлем Шароном. В этой связи социал-демократы лишились своего основного электорального козыря: опыт правления так называемого «национального» лагеря свидетельствует – для того, чтобы развивать и углублять отношения с палестинцами и арабскими странами, совсем не обязательно облачать всей полнотой власти социал-демократов. Достижение тех или иных договоренностей между Израилем и арабами во много большей степени зависит от готовности или неготовности тех или иных арабских лидеров идти на соглашение с Израилем, чем от того, какая именно политическая партия находится у власти в Израиле. Этот факт стал абсолютно очевидным в период правления Эхуда Барака, который ценой любых, прежде казавшихся невероятными, уступок пытался достичь мирного договора с палестинцами, результатом чего стал не мирный договор, а новый виток палестинской интифады.

Еще одним важным выводом из политических перипетий последних лет стало осознание того фактора, что и в социально-экономической сфере различия между социал-демократами и правоцентристами не являются принципиальными. Кульминационным в этой связи можно признать тот факт, что назначенный после выборов 2001 г. министром финансов Сильван Шалом внес на утверждение Кнессета тот же проект бюджета, который был разработан прежним правительством. Основные экономические цели правительства, среди которых – сокращение бюджетного дефицита, обуздание инфляции, постепенная приватизация

государственных компаний, – разделяются как социал-демократами, так и лидерами *Ликуда*. Становится очевидным, что если в вопросе о путях мирного урегулирования с палестинцами большинство израильского общества и существующих политических партий заметно сдвинулось влево, то в вопросе об экономической политике страны победа либеральной идеологии над социал-демократической не вызывает сомнений. Еще десять лет назад идея о создании палестинского государства на Западном берегу реки Иордан отрицалась не только правыми, но и социал-демократами, а в настоящее время против нее не выступают даже лидеры *Ликуда*, на протяжении десятилетий певших партийный гимн: «Два берега у Иордана, тот – наш, и этот – тоже». При этом многолетние заклинания лидеров рабочего движения о верности идеалам социализма выглядят гротескным анахронизмом.

Едва ли можно усомниться в том, что основной причиной беспрецедентного электорального фиаско кандидата социал-демократов на выборах в феврале 2001 года стал начавшийся четырем с половиной месяцами раньше новый виток палестинской интифады. В Израиле даже левые небезосновательно не поверили в версию о посещении группы парламентариев во главе с А. Шароном Храмовой горы в Иерусалиме как о причине этой вспышки насилия. Большее значение имел провал многомесячных переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе представителей кабинета Э. Барака с палестинцами, в ходе которых израильские представители выразили готовность пойти на казавшиеся прежде заведомо невозможные уступки, включая обсуждение вопроса о разделе столицы страны – Иерусалима. Основной причиной, приведшей к провалу переговоров, стали разногласия по вопросу о праве на возвращение палестинских беженцев.

Палестинские лидеры, включая и тех из них, кто имеет израильское гражданство, выдвигают требование о предоставлении права на возвращение в Израиль всем палестинцам, покинувшим свои дома в ходе развязанной арабами войны с Израилем в 1948–1949 годах, а также их потомкам. В ходе первой арабо-израильской войны свои дома покинули примерно шестьсот – восемьсот тысяч палестинских арабов, большинства из которых за давностью лет уже нет в живых⁸. Цифры, касающиеся общего числа палестинских беженцев, приводимые в различных источниках, зачастую не соответствуют друг другу. Так, бывший премьер-министр Израиля Голда Меир была убеждена, что их число не превысило 590 тыс. человек. Согласно приводимым ею данным, 30 тыс. человек уехало сразу после ноября 1947 г., после принятия Генеральной ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины; еще 200 тысяч – зимой и весной 1948 г. (в том числе большинство из 62 тысяч арабов, живших в городе Хайфа); остальные покинули Палестину после провозглашения Государства Израиль и закончившегося провалом вторжения на его территорию армий арабских стран⁹. Согласно информации, приводимой другим бывшим премь-

ер-министром Израиля, Шимоном Пересом, в соответствии с оценками Центрального статистического бюро Израиля, переданными министру иностранных дел Моше Шарету 2 июня 1949 г., количество палестинских беженцев составляло 577 тыс. человек. Поскольку часть палестинцев сумела вернуться на территорию Израиля после подписания соглашений о прекращении огня, израильское правительство пришло к выводу, что общее количество беженцев не превышало 520–530 тыс. человек¹⁰. По оценкам британских официальных источников, общее количество палестинских беженцев колебалось между 600 тысячами (в соответствии с оценками отдела исследований министерства иностранных дел в Лондоне) и 760 тысячами человек (в соответствии с оценками Комиссии по примирению). Арабские страны назвали ООН еще более высокую цифру, выглядящую значительно завышенной – 900 тысяч человек. Палестинские беженцы содержались в арабских странах в лагерях для перемещенных лиц, и ни одно государство, кроме Иордании, не предоставило им гражданство. Как отмечает Шимон Перес, «лидеры арабских стран [...] стремились использовать нерешаемую проблему беженцев в качестве политического оружия против Израиля. Платить же за это пришлось – и приходится сейчас – прежде всего самим палестинцам, которых фактически превратили в нацию беженцев»¹¹. Полвека спустя палестинские лидеры заявляют, что в настоящее время правом на возвращение обладают более четырех миллионов представителей палестинской диаспоры – потомков беженцев 1948 года. Удовлетворение этого требования приведет к превращению Израиля в двунациональное государство с равным удельным весом еврейского и арабского населения. Учитывая высокие темпы естественного прироста среди арабского населения (по данным ЦСУ Израиля, среди израильских арабов в среднем приходится 4,57 ребенка на семью – против лишь 2,64 детей на семью среди евреев), Израиль в течение считанных лет станет преимущественно арабским государством, еврейское меньшинство которого окажется под угрозой духовного и физического уничтожения: разгром, учиненный палестинцами на переданной под их контроль могиле праотца Иосифа в Шхеме, стал недвусмысленным индикатором и предостережением. Принципиально важным является то, что в то время как требование о возвращении в Израиль потомков палестинских беженцев отвергается почти всеми живущими в Израиле евреями, в том числе и сторонниками левого блока МЕРЕЦ и миротворческой организации «Мир – сегодня», палестинские лидеры, как и подавляющее большинство имеющих израильское гражданство арабов, рассматривают право потомков палестинских беженцев на возвращение на территорию Израиля как неотъемлемое условие любого политического урегулирования между арабами и израильтянами.

Данная ситуация ставит израильских левых в крайне проблематичное положение. В Израиле практически никто не выступает против

заклучения мирных договоров с арабами, дебатруется лишь вопрос о том, какова та максимально допустимая цена, которую Израиль может позволить себе уплатить в рамках процесса мирного урегулирования. Основным аргументом левых политиков на протяжении многих лет оставалось утверждение о том, что программа правых, предусматривавшая отказ от согласия на создание палестинского государства и болезненные территориальные уступки, заведомо невыполнима, ибо является принципиально неприемлемой для палестинцев – партнеров Израиля по переговорам. Провал переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе отчетливо показал, что и та высокая готовность к тяжелейшим для Израиля уступкам, на которые способны пойти лидеры левых сил, также не может привести к достижению мирного урегулирования. Иными словами, получив возможность реализовать на практике свою миротворческую программу, лидеры левых обнаружили (и продемонстрировали и израильскому обществу), что и их программа не приближает к желанной цели, а готовность признать права палестинцев на возвращение на территорию Израиля приведет к скорому превращению Израиля в палестинское государство с еврейским меньшинством. Лишившись в 1970-е годы собственной экономической программы (сегодняшняя экономическая линия социал-демократов практически ничем не отличается от той, что исповедуется правыми партиями на протяжении нескольких десятилетий), социал-демократы оказались в 2000-е годы и без внятной позиции по вопросам путей арабо-израильского урегулирования. В этой ситуации кризис левых партий представляется крайне глубоким, а возможный путь выхода из него не столь очевидным.

В 1948–1973 годах доминирование социал-демократических и радикально левых партий в политической системе Израиля было явлением очевидным. Преобладание левого лагеря выражалось в солидном отрыве от ближайшего соперника, в их продолжительном пребывании у власти и в отсутствии подлинных альтернатив этим партиям. Преобладание этих партий было заметно по их ведущей роли во всех сформированных в те годы правительствах. В 50-х годах партии МАПАМ и *Ахдут ха-авода* ратовали за марксистский социализм и диктатуру пролетариата, в то время как МАПАЙ в большей степени склонялась к умеренному и прагматичному социал-демократизму. На сегодняшний день релевантность социалистической идеологии для Израиля крайне сомнительна. Во внешней политике просоветская ориентация левых социалистических партий также доказала свою ошибочность. Крах концепции левых в вопросе о путях арабо-израильского мирного урегулирования может привести израильских социал-демократов к потере основополагающего *modus vivendi* их существования. Данная ситуация позволяет предположить, что их успех на выборах в ближайшие годы едва ли является вероятным.

¹ См.: Benjamin Akzin. The Role of Parties in Israeli Democracy // Journal of Politics. – Vol. 17(1955). – С. 507–545.

² Arian A. and Shamir M. The Primary Political Functions of the Left-Right Continuum // Arian A. (ed.) The Elections in Israel, 1981. – Tel-Aviv: Ramot, 1984. – С. 259–279.

³ Нойбергер В. Политические партии в Израиле // Власть и политика в Государстве Израиль. – Тель-Авив: Открытый университет, 1998. – Т. 7–8. – С. 342–343.

⁴ Там же, с. 58.

⁵ Подробнее см.: Вайц И. Poleмика об отношениях с Советским Союзом: процесс Сланского в Праге и его влияние на израильское общество и политическую систему // Становление израильского парламентаризма. Политические и идеологические дискуссии // Курс «Становление израильской демократии. Первое десятилетие». – Тель-Авив: Открытый университет, 2001. – Т. 2. – С. 136–175.

⁶ Там же, с. 80–81.

⁷ Государство Израиль в 80-е годы: Очерки / Под ред. Т.А. Карасевой. – М.: Наука, 1992. – С. 155–156.

⁸ О проблеме палестинских беженцев в общем контексте арабо-израильского конфликта см.: Baruch Kimmerling and Joel Migdal. Palestinians: The Making of a People. – New-York: Free Press, 1994; Benny Morris. Righteous Victims. A History of the Zionist-Arab Conflict. – New-York: Alfred A. Knopf, 1999.

⁹ См.: Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. – Иерусалим: издательство «Библиотека Алия», 1990. – Т. 2. – С. 311.

¹⁰ См.: Перес Ш. Новый Ближний Восток. – Москва: Прогресс, 1994. – С. 239.

¹¹ Там же, с. 219.

¹² State of Israel, Central Bureau of Statistics. // Israel in Figures, 1998. – С. 8.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
И АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ СТРУКТУР
В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ СТРУКТУР В ЕГИПТЕ**

Египет – одно из наиболее динамично развивающихся государств Ближнего Востока и Африки, осуществлявшее в 80-е и особенно в 90-е годы политику открытых дверей, основной задачей которой было преодоление неэффективности экономической системы, активизация в ней роли частного сектора, совершенствование рыночных механизмов, широкое привлечение иностранного капитала.

В 70-е годы ведущее положение в экономике Египта занимал госсектор: на его долю приходилось 70% всей производимой в стране промышленной продукции, в том числе 98% в горнодобывающей и 68% в обрабатывающей, 100% в энергетике. Госсектору отводилось 80% общего объема капиталовложений в экономику¹.

Политика «инфитаха» наряду с другими целями подразумевала всестороннюю поддержку частного сектора, которому со временем отводилась ведущая роль в формировании экспорта Египта, а также создание благоприятного инвестиционного климата для зарубежных партнеров.

Сущность юридической базы политики «открытых дверей» сводилась к предоставлению гарантий от ареста, национализации и конфискации активов частного иностранного капитала, а также права на перевод прибылей за границу и репатриацию капитала. Мероприятия по либерализации экономики включали также выделение свободных зон, на которые не распространялось национальное торговое законодательство. Сферами приложения для иностранного капитала стали в основном разведка и добыча нефти, а также энергетика, машиностроение и нефтехимия.

В рамках курса на экономическую либерализацию акцент в планах развития сместился на капиталовложения в третичный сектор экономики, т.е. в непроизводственную инфраструктуру и сферу услуг, включая туристический бизнес. При этом государственный сектор, сохраняя доминирующее положение в национальной экономике, продолжал контролировать наиболее доходные отрасли народного хозяйства, включая добычу полезных ископаемых (в том числе топливные ресурсы), электроэнергетику, производство основных видов промышленной продукции. В этот период (70-е – начало 80-х годов) иностранные инвесто-

ры предпочитали вкладывать деньги именно в государственные предприятия, технологически и организационно лучше подготовленные к сотрудничеству, чем частные египетские фирмы. При этом фактически единственной отраслью промышленности, привлекательной для иностранных инвесторов, стала нефтяная индустрия. В этих условиях не была решена основная задача по диверсификации египетского экспорта, в структуре которого на смену хлопку пришла нефть, доля которой в стоимости экспорта достигла в 1985 г. 68%².

С мая 1991 г. Египет приступил к реализации рыночно ориентированных экономических реформ, программа которых была согласована с Международным валютным фондом и предусматривала, с одной стороны, мероприятия по финансовой стабилизации, а с другой – ликвидацию убыточных компаний и приватизацию предприятий госсектора. На первой стадии рыночных преобразований Египет осуществлял в основном стабилизационные мероприятия с целью сокращения бюджетного дефицита. Эта политика привела к определенному результату: доля государственных расходов в ВВП сократилась с 43,5% в 1988–1989 годах до 34% в 1992–1993 годах, а доля доходов возросла с 26–28% до 30% соответственно.

Вместе с тем монетаристские стабилизационные меры в значительной степени исчерпали себя, и Египет встал перед необходимостью начать структурные реформы, в первую очередь – приватизацию промышленных предприятий.

К 1995 г. из 314 нефинансовых компаний, включенных в приватизационный список, насчитывалось только 16, которые начали соответствующую процедуру. К концу 1997 г. были приватизированы 53 государственных предприятия, в 1998 г. государство продало свои акции в 119 компаниях. При этом на торги выставлялись в основном крупные отели, рестораны, участки из земельного фонда, страховые компании и коммерческие банки смешанного типа³.

Таким образом, к 2000 г. начальный план приватизации был выполнен на 50%, с торгов ушли наиболее прибыльные компании, а у оставшихся резко возросла банковская задолженность. В январе 2001 г. было заявлено о приватизации еще 49 государственных компаний, в том числе 5 крупных торговых предприятий⁴.

Подводя итоги экономического развития Египта в 90-е годы, следует отметить его определенные успехи на пути реализации рыночных реформ. Темпы прироста ВВП в 1995–2000 годах в постоянных ценах составляли, по разным источникам, 5–5,5% в год, бюджетный дефицит снизился до 1% по отношению к ВВП. Уровень инфляции в 1999 г. не превышал 3,7%⁵.

К 2000 г. доля частного сектора в ВВП поднялась до 70%, на него приходилось более 65% всех капиталовложений⁶.

Относительно стабильное финансово-экономическое положение АРЕ, структурная перестройка экономики создают достаточно благо-

приятный климат для притока инвестиций. С 1991 по 1995 годы объем инвестиций значительно вырос: реализовано и реализуется около 5000 частных проектов общей стоимостью 100 млрд. ег.ф. (30 млрд. долл.), при этом доля иностранных капиталов составляет 50%⁷.

В 1996 г. началась приватизация банковской сферы: египетское руководство приняло решение о приватизации доли госсобственности в 23 совместных банках. Благодаря этому шагу активизировалась конкуренция в банковской сфере, показатели развития и экономической активности коммерческих банков улучшились в несколько раз.

На египетском финансовом рынке в 1999 г. действовали 35 совместных банков, 22 отделения иностранных банков и 4 государственных банка. Общий объем депозитов составлял 207 млрд. ф., из которых 120 млрд. находилось в государственных банках.

Важным достижением политики стабилизации стала конвертируемость египетского фунта. Стабильность обменного курса в сочетании с положительным уровнем реальных процентных ставок вызвала приток капиталов в страну, что позволяет в течение длительного времени сохранять курс обмена фунта к доллару на уровне 3,4 к 1.

Этапным моментом в либерализации финансовой системы стало принятие в июне 1998 г. закона, разрешающего продажу акций госбанков частному сектору.

Таким образом, в 90-е годы в Египте повысилась активность частного сектора в различных отраслях экономики, что создает определенную базу для расширения сотрудничества с иностранными фирмами, в том числе и российскими. Более сбалансированная внешняя политика Х.Мубарака, в основе которой лежит диверсификация внешних связей, в том числе торгово-экономических отношений, в географическом и структурном аспектах, открывает перспективы для развития российско-египетских деловых контактов как на государственном уровне, так и по линии сотрудничества частных предприятий.

Египет и Россия – в прошлом деятельные экономические партнеры переживали в последнее десятилетие спад делового сотрудничества, связанный, в первую очередь, с трудностями переходного периода и трансформацией экономических систем обеих стран. Объем двусторонней торговли на рубеже 80–90-х гг. упал примерно втрое. Резко сократилось участие российских организаций в сооружении экономических объектов в Египте.

Однако в последние годы появились предпосылки оживления торговых и экономических связей между Россией и АРЕ как на государственном уровне, так и по линии сотрудничества представителей частного бизнеса. Последнее направление рассматривается египетским руководством как приоритетное. Во время своего визита в Москву в сентябре 1997 г. президент АРЕ Хосни Мубарак заявил: «В экономическом сотрудничестве с Россией ставка будет сделана на част-

ный сектор, на развитие отношений с негосударственными предприятиями и банками обеих стран»⁸.

Перспективные сферы делового сотрудничества российских частных предпринимателей в АРЕ и египетских – в России определяет комплекс факторов и, прежде всего, современная экономическая ситуация в этих странах, результаты приватизации, перспективы реализации наиболее крупных инвестиционных проектов с привлечением иностранного капитала, а также финансовые возможности каждой страны, действующее инвестиционное законодательство и банковская политика обеих стран.

I. Особая роль в двусторонних торгово-экономических связях, осуществляемых по линии негосударственных коммерческих структур, принадлежит договорно-правовой базе.

До 1992 г. торговые отношения СССР и АРЕ регулировались торговым и платежным соглашениями от 23 июня 1962 г., которыми предусматривалось взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в вопросах торговли и мореплавания. Расчеты в торговле осуществлялись по клирингу в фунтах стерлингов.

После распада СССР возникла необходимость создания новой договорно-правовой базы в интересах развития российско-египетских торгово-экономических отношений. В результате состоявшихся в Каире переговоров 14 мая 1992 г. было подписано Соглашение о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве между РФ и АРЕ, предусматривающее переход в расчетах между двумя странами на СКВ.

5 ноября 1993 г. соглашение было дополнено специальным протоколом. В нем, помимо пункта о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, стороны согласились использовать в расчетах наряду с СКВ также и национальные валюты.

9 ноября 1994 г. было заключено новое межправительственное Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между Россией и Египтом, содержащее согласованный перечень отраслей и объектов сотрудничества, в частности в области промышленности, энергетики, ирригации и т.д.

II. Торговые связи в настоящее время являются основной сферой двустороннего делового партнерства.

До конца 80-х годов АРЕ являлась одним из крупнейших торговых партнеров СССР из числа развивающихся стран. Важнейшими товарами советского экспорта в Египет были машины и оборудование, а также пиломатериалы, целлюлоза, фанера, картон, бумага газетная и мешочная, химические удобрения, уголь, чугун, мороженая рыба и другие товары. Основную часть российского импорта составляли хлопок, хлопчатобумажная пряжа, ткани, натуральные эфирные масла, парфюмерно-косметические изделия, цитрусовые, одежда, товары бытовой химии, мебель.

Торговля осуществлялась как на базе межправительственных протоколов о товарообороте, так и на основе бартерных операций, позволявших продвигать на египетский рынок наши машины и оборудование против встречных закупок товаров народного потребления и сырья для их производства. К концу 80-х годов общий товарооборот России с Египтом достигал 1 млрд. долларов⁹.

В 1991–1993 годах объем торговли с АРЕ резко сократился в результате распада СССР. Большая часть портов Черного моря, на которые прежде были ориентированы грузы в торговле с АРЕ, оказались на территории Украины, в связи с чем возросли транспортные расходы в российско-египетской торговле, а также степень риска в обеспечении сохранности грузов. Снижение товарооборота объясняется также переводом торговли с клиринга на СКВ, ресурсы которой у государственных организаций обеих стран ограничены.

Таблица

Товарооборот России с АРЕ (млн. долл.)

	1993 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Оборот	313,6	422,5	470,8	415,8
Экспорт	169,9	387,7	438,8	399,2
Импорт	143,7	34,8	32	16,6

Как видно из этой таблицы, с 1993 по 1997 год товарооборот России с Египтом увеличился в 1,5 раза с 313,6 млн. долл. до 473 млн. долл. Это увеличение произошло полностью за счет роста в 2,6 раза российского экспорта в АРЕ, в то время как импорт в Россию египетских товаров сократился со 143,7 млн. долл. в 1993 г. до 32 млн. долл. в 1999 г., т.е. более чем в 4 раза. 1998 и 1999 годы не являются достаточно показательными, так как после августовского кризиса 1998 г. в России сократился общий объем товарооборота с зарубежными странами, прежде всего за счет сокращения импорта, которое составило в 1998 г. по отношению к 1997 г. 25%, а в 1999 г. по отношению к 1998 – еще 48%. Это не могло не сказаться на наших торговых отношениях с Египтом, импорт товаров из которого упал в 1998 г. до 16,6 млн. долл. (по другим данным до 20 млн. долл.).

По предварительным оценкам, к 2000 г. ситуация начала несколько выправляться: общий объем экспорта российских товаров удалось поднять на докризисную отметку, однако импорт египетских товаров продолжает оставаться на чрезвычайно низком уровне (по различным данным, эта цифра колеблется от 15 до 30 млн. долл.).

Весьма примечательно, что практически всю номенклатуру товаров, поставленных в Россию, производят египетские частные фирмы. Они весьма заинтересованы в сотрудничестве со своими российскими коллегами.

Таким образом, Россия, как и раньше, представляет собой перспективный рынок для египетских товаров. Наибольшую отдачу частным фирмам могут принести поставки или создание совместных предприятий по следующим направлениям:

1. фармацевтика (относительно новый для России и очень перспективный рынок);
2. изделия легкой промышленности, особенно из хлопка, которые по качеству намного выше китайских и турецких аналогов;
3. продовольственные товары, в том числе замороженные овощи и фрукты, которые существенно дешевле европейских;
4. изделия бытовой химии.

В свою очередь Египет по-прежнему нуждается в производимом в России оборудовании и передовой технологии. Здесь наиболее интересными представляются поставки российских автомобилей (легковых и грузовых), оборудования для химической и газовой промышленности, металлообрабатывающих станков, а также сельскохозяйственного оборудования и самолетов различного назначения.

Во многом активизация российско-египетской торговли зависит от нормализации работы Новороссийского порта, а также от сотрудничества в области транспортных перевозок и снижения таможенных пошлин.

III. Создание совместных предприятий и реализация инвестиционных проектов представляют собой одно из важнейших, а в перспективе – главное направление взаимодействия коммерческих структур обеих стран.

С 1958 г. в рамках межправительственных соглашений СССР построил 97 промышленных, энергетических и сельскохозяйственных объектов, многие из которых, прежде всего Асуанская высотная плотина, Хелуанский металлургический комбинат, алюминиевый завод в Наг-Хаммади, играют и сегодня важную роль в египетской экономике.

Перспективной сферой деятельности российских предпринимателей в АРЕ может стать участие в реконструкции объектов, построенных в Египте при содействии СССР. Во второй половине 90-х годов российские государственные и частные организации ежегодно принимали участие в 20–25 международных тендерах по модернизации этих объектов. Только в 1998 г. российские фирмы участвовали в 19 тендерах на общую сумму 19,8 млн. долларов и выиграли 8 тендеров на сумму более 1 млн. долларов¹⁰.

В январе 2001 г. исполнилось 30 лет со дня ввода в строй Асуанского гидроэнергетического комплекса. В рамках программы обновления и реконструкции этого комплекса правительство АРЕ объявило о своей заинтересованности в привлечении иностранных инвестиций, в том числе и российских¹¹.

Другой важной сферой приложения российского частного предпринимательского капитала может стать участие в крупнейших инве-

стиционных проектах Египта по освоению новых земель, в частности речь идет о проекте канала «Тошка» и освоении территории губернаторства Новая Долина.

Еще одной перспективной сферой деятельности российских частных фирм является геологоразведка, связанная, в первую очередь, с поиском нефтяных и газовых месторождений. На этом направлении российские фирмы обладают современными, не имеющими аналогов в мировой практике технологиями. Это же относится и к совместной деятельности в сфере нефте- и газодобычи, переработки попутных газов. В этой области, однако, российские фирмы будут испытывать острую конкуренцию со стороны американской фирмы «Амоко» и итальянской «Аджип», которые доминируют сейчас на нефтегазовом рынке Египта.

Определенных успехов могут добиться фирмы, имеющие опыт в области освоения пустынных территорий, занимающиеся животноводством, птицеводством, рыболовством. Очень важна для египтян деятельность, связанная с совершенствованием городского хозяйства, прежде всего в Каире, где проживает, по разным оценкам, от 15 до 19 млн. человек. Российские частные фирмы получают одобрение египетского правительства, если будут реализовывать проекты жилищного строительства, развивающие городскую инфраструктуру, включая электро- и водоснабжение, канализацию, автодороги и связь, а также объекты по охране окружающей среды.

В связи с быстрым развитием туризма и бумом российского туризма в Египет в 90-е годы возможно создание смешанных туристических компаний, а также кооперирование сил и средств в строительстве гостиниц, мотелей, пансионатов, туристических городков и развлекательных учреждений (ресторанов российской кухни, русских клубов и т.п.).

Весьма перспективным является также сооружение контейнерных терминалов, складов-холодильников, водоочистительных сооружений, зернохранилищ и т.п. Важной новой сферой деятельности частного капитала из России может стать развитие современных видов коммуникаций – сотовых телефонов, программного обеспечения, предоставление услуг в сети Интернет. В этой области у России за последние 5 лет накоплен большой опыт, а стоимость предоставляемых услуг ниже мировых аналогов.

Процессу активности зарубежных фирм способствуют достаточно привлекательные кредитно-финансовые условия, предоставляемые им в рамках реализации инвестиционных проектов: 40% – дар, 20% – так называемый «мягкий» кредит (17–20 лет рассрочка, 10 лет – льготные, 2,5–4% годовых) и 20% – бюджетное финансирование, а также возможность размещения части изготавливаемого технологического оборудования на египетских заводах. К 2000 г. рынок Египта способен принять и вложить в проекты до 3 млрд. долларов¹².

Российские предприниматели должны понимать, что в Египте они столкнутся с острой конкуренцией со стороны западных и арабских инвесторов. Наибольший напор на египетском рынке проявляют американские, западноевропейские и японские фирмы, а также быстро развивающиеся компании из Юго-Восточной Азии. В то же время к представителям из России в Египте сохраняется благожелательное отношение, заложенное годами успешной деятельности советских и российских специалистов. Для достижения удачи российские предприниматели должны непременно участвовать в тендерах, где они выглядят пока еще довольно слабо по сравнению с западными конкурентами. Обязательно участие в ежегодных каирских Международных ярмарках. Здесь представители российского бизнеса в последние годы проявляют определенную энергичность.

Одним из важнейших и наиболее динамично развивающихся направлений делового сотрудничества между Россией и АРЕ стал туризм. Египет, для которого туризм является одним из главных источников валютных поступлений, связывает с российским туристическим рынком большие надежды. Уже в 1995 г. «Страну пирамид» посетило 113 тыс. россиян, в 1996 г. – 130 тыс., в 1997 г. – 200 тыс. Египтяне признают, что после трагических событий в Луксоре в ноябре 1997 г., когда приток туристов из западноевропейских стран резко сократился, именно россияне буквально «спасли» египетский туристический бизнес от резкого спада. В 2000 г., по разным оценкам, Египет посетило от 400 до 500 тыс. россиян, в 2001 г. предполагается увеличение этой цифры по меньшей мере на 25%. Иными словами, туристические поездки наших соотечественников в Египет стали по-настоящему массовыми.

В конце 80-х годов в Египте было лишь три туристических агентства, занимавшихся СССР, и 8 официальных русскоязычных гидов. Теперь имеющих дела с Россией частных турагентств здесь около 300 (к ним относятся такие крупные фирмы, как «Лаки турз», «Интергалф трэвэл», «Мыср трэвэл» и др.), а число гидов перевалило за 200, но и этого уже не хватает. В 1999 г. в России было 240 фирм, предлагающих туры в Египет, и это число постоянно растет. В последние 2 года развивается такая новая форма сотрудничества, как работа россиян в качестве экскурсоводов и представителей туристических фирм в Египте. Только в отелях Хургады работает несколько десятков российских граждан.

Что касается сотрудничества в научно-технической сфере, то во время визита в Москву президента Х. Мубарака 15 мая 1997 г. была принята Долгосрочная (до 2000 г.) программа НТС. Египетская сторона проявила особый интерес к российским предложениям в областях охраны окружающей среды (определение радионуклидов в объектах окружающей среды с использованием люминесцентного фотометра; создание комплекса экологически безопасных очищающих средств

широкого спектра действия), геологии и природных ресурсов (разработка методов, технических средств и технологий геофизических, геохимических и космоэрологических исследований, в том числе районов континентального шельфа и исключительной экономической зоны АРЕ), сельского хозяйства (совершенствование эксплуатации систем мелиорации и дренажа). В ходе визита в Египет делегации РАН во главе с главным ученым секретарем, академиком Н.А. Платэ 26 ноября 1998 г. была подписана Исполнительная программа межакадемического сотрудничества. Она предусматривает конкретные проекты взаимодействия в области химии, в том числе полимерных материалов, природных ресурсов, электротехники, геологии и охраны окружающей среды.

В январе 2001 г. в Каире прошел семинар «Высшее образование в России». На нем обсуждались возможности подготовки египетских студентов в университетах и вузах РФ. Египтяне проявляют интерес в первую очередь к подготовке инженеров различного профиля и специалистов в точных науках с их стажировкой на российских предприятиях, в том числе и на частных. Это еще один достаточно перспективный канал сотрудничества российских и египетских деловых кругов.

Усилился интерес египетской стороны к возможностям привлечения российских преподавателей и научных сотрудников для работы в вузах и НИИ АРЕ. В настоящее время в египетских вузах работает 16 преподавателей из России.

В последние годы постоянным явлением российско-египетской деловой жизни стали совместные экономические семинары.

На них анализируется состояние российско-египетских экономических отношений, определяются перспективы и отрасли сотрудничества, обсуждаются пути преодоления трудностей.

Так, на Каирском семинаре 1998 г. отмечалось, что египетские предприниматели до сих пор плохо знают специфику и конъюнктуру нынешнего российского рынка, зачастую живут устаревшими, унаследованными от советских времен представлениями о нем. Это ограничивает их возможности активно работать в России, в том числе в сфере инвестиций.

Крайне болезненной проблемой, отмечалось на семинаре, являются трудности при транспортировке экспортно-импортных грузов. Участники встречи высказались за формирование предпринимательскими кругами совместной координирующей структуры, способной облегчить осуществление торговых сделок при дефиците валютных средств на основе системы взаимозачетов (так называемый «многосторонний бартер» вместо широко использовавшегося ранее, в период существования СССР, клиринга).

К сожалению, следует отметить, что усилия по созданию российско-египетских совместных предприятий для расширения египетского экспорта в Россию, как и российского экспорта в Египет пока не при-

несли результатов. Большие надежды в этой сфере возлагаются на созданный в 2000 г. Российско-египетский совет делового сотрудничества. К крупным инвестиционным проектам египетского капитала в экономику России можно отнести договоренность между российской компанией «Авиастар» (г. Ульяновск) и египетской «Сирокко Аэропейс Интернешнл» о совместном финансировании производства и поставке 200 самолетов Ту-204. Три таких лайнера уже летают из Каира, еще 5 машин закуплено в 2000 г.

В 2000 г. создана совместная египетско-российская компания по производству в Египте новых российских внедорожников на базе Ульяновского автомобильного завода. Уставный капитал нового проекта – 50 млн. ег. фунтов.

Не следует забывать, что россиян довольно чувствительно теснят на рынке Египта их партнеры по СНГ, особенно Украина, к которой после распада СССР перешли почти все черноморские порты.

Весьма негативно на развитии египетско-российских деловых отношений сказался августовский кризис российской экономики 1998 г.: многие совместные проекты были приостановлены.

Несмотря на объективные и субъективные трудности, сотрудничество российских и египетских бизнесменов имеет неплохие перспективы. Российские предприниматели в последние годы расширили территориальные границы своей деятельности и проявляют интерес к Африке.

Большие надежды египетские и российские деловые круги связывают с официальным визитом президента РФ В.В. Путина в АРЕ, намеченный на 2001 г. Возможно, что в результате этой встречи будут достигнуты новые договоренности по активизации деятельности российских частных предпринимателей в Египте и египетских – в России.

¹ Князев А.Г. Египет после Насера 1970–1981. – М.: Наука, 1986. – С. 81.

² Арабская Республика Египет. Справочник. – М.: Наука. – С. 190.

³ IMF. Egypt Beyond Stabilization, Toward a Dynamic Market Economy. – Washington, D.C. May, 1998. – С. 57–59.

⁴ www.uk.sis.gov.eg/online.

⁵ www/cia.gov/cia/publications/factbook/goes/eg/html.

⁶ www.uk.sis.gov.eg/online.

⁷ Аль-Ахрам. Каир, 09.01.2000.

⁸ Аль-Ахрам. Каир, 24.09.1997.

⁹ БИКИ, № 89 (7979). – 03.08.1999. – С. 4–5.

¹⁰ www.polpred.com.

¹¹ www.uk.sis.gov.eg/online.

¹² www.polpred.com.

**РОССИЙСКО-АЛЖИРСКОЕ ДЕЛОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ПО ЛИНИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОМПАНИЙ
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ И СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В АЛЖИРЕ**

Экономические реформы

На рубеже 80-х годов в Алжире встал вопрос о внесении принципиальных изменений в реализуемую стратегию социально-экономического развития. В качестве основных причин этого были названы слабое использование внутренних ресурсов и возможностей развития, чрезмерная централизация функций управления экономической и социальными процессами.

На первом этапе коррективы были внесены в политику индустриального развития. Отрасли второго подразделения были отнесены к числу приоритетных. С наращивания мощностей акцент был перенесен на повышение эффективности и рентабельности действующих предприятий и их специализацию. Особое внимание предполагалось уделить развитию малых и средних предприятий. Эти предприятия должны были решить проблему производства потребительских товаров для удовлетворения нужд населения и стать связующим звеном между созданными ранее крупными предприятиями, которые превратились в своеобразные промышленные анклав и сами по себе были не в состоянии стимулировать повышение эффективности экономики.

Именно в этот период была поставлена задача более широкого использования в интересах развития экономики возможностей частного капитала. Активизация национального частного предпринимательства предполагалась как дополнительное средство в экономическом развитии страны при сохранении и упрочении господствующего положения государственного сектора.

Приоритетной сферой приложения частных капиталов, согласно действующему законодательству, должна была стать производственная деятельность, прежде всего создание и эксплуатация мелких и средних промышленных предприятий, способствующих увеличению занятости и закреплению трудовых ресурсов в труднодоступных, отдаленных и остальных районах. Важное значение придавалось также участию в решении таких проблем, как удовлетворение внутреннего спроса на товары первой необходимости, организация ремонта и обслуживания установленного оборудования и эксплуатируемой техники, развитие сферы обслуживания.

На основе нового подхода алжирского государства к вопросу о национальном частном секторе и нового закона об инвестициях (1983 г.) в Алжире наметилась тенденция к либерализации экономики, значительно улучшился инвестиционный климат для национального предпринимательства¹.

На рубеже 90-х годов Алжир сделал поворот к радикальной экономической реформе, направленной на либерализацию экономики и общее повышение ее эффективности путем стимулирования деловой активности в стране. В качестве инструментов экономической политики предполагалось использовать методы экономического регулирования, юридические льготы и гарантии, при этом отказаться от директивного планирования и жесткого контроля за импортными операциями. Центральным звеном этой программы была объявлена приватизация в сельском хозяйстве и предоставление полной хозяйственной самостоятельности государственным предприятиям. На подготовительном к рынку этапе стабилизации экономики в Алжире намечалось провести реорганизацию налоговой системы, предполагающей упрощение действующего порядка взимания прямых налогов путем введения подоходного налога с единой ставкой. Кроме того, планировалась перестройка банковской системы с последующей либерализацией процентных ставок по банковским кредитам и отменой контроля над ценами.

Экономические реформы, с проведением которых режим явно запоздал, протекали в 90-е годы со многими осложнениями и срывами. Положение усугублялось политическим и финансово-экономическим кризисом. Режим опасался идти на радикальные преобразования. Этот процесс получил новый импульс после подписания трехлетнего соглашения (май 1995 – май 1998 годов) между Алжиром и Международным валютным фондом, которое предусматривало широкую приватизацию государственных учреждений. В 1995 г. был подписан закон о создании в Алжире 11 холдингов (в дальнейшем их число увеличилось до 16), каждый из которых объединил компании и предприятия, сходные по профилю своей деятельности. Руководители холдингов должны провести реструктуризацию, входящих в них объединений и подготовить их к приватизации.

В 1998 г. было выставлено на продажу свыше 300 предприятий. Приватизация затронула разные отрасли экономики: строительную, агропромышленную, машиностроение. Она распространилась также на черную металлургию, телекоммуникации, химическую и фармацевтическую промышленность, горнодобывающие предприятия и сферу услуг². Эти меры предусматривали не только увеличение объема частного предпринимательства, но и существенно расширяли его границы.

До начала приватизации традиционными сферами частного предпринимательства в Алжире были отрасли легкой промышленности (текстильная, швейная, пищевая, кожевенно-обувная), жилищное строительство, сфера обслуживания. Частные предприятия специа-

лизировались на производстве готовой продукции, оставляя трудоемкие и капиталоемкие процессы переработки сырья и выпуска полуфабрикатов государственному сектору. С конца 80-х годов руководство Алжира предпринимало попытки расширить адреса частных инвестиций за счет отраслей, стимулирующих развитие хозяйственных связей между государственным и частным секторами.

Закон от 3 апреля 1988 г. в качестве приоритетных для частных инвестиций обозначил следующие виды деятельности: производство оборудования, инструментов, полуфабрикатов и промежуточной продукции для промышленности и сельского хозяйства; переработка и восстановление промышленных отходов, переработка местного сырья, гостиничное дело, инжиниринговые услуги. Недоверие к режиму, многие годы ущемлявшему интересы частного сектора, а также причины, изложенные выше, сдерживали алжирских предпринимателей в освоении новых направлений приложения сил.

Алжирские предприниматели в основном работают на внутренний рынок. Однако в последние годы многие из них, в том числе фирмы по производству стройматериалов и синтетических изделий, стараются наладить производство экспортной продукции и заинтересованы в привлечении зарубежных технологий, создании смешанных предприятий. Решение этой проблемы сегодня облегчается либерализацией внешней торговли Алжира.

С целью привлечения частных иностранных капиталовложений в 1994 г. было создано Агентство по поддержке и содействию инвестиций (АПСИ). Оно рассматривает ежемесячно свыше 400 заявок. Из них 40% составляют промышленные проекты. Стоимость самых крупных из них пока не превышает 500 млн. дин., но и они составляют всего 2% от общего количества предложений. Половина предлагаемых проектов оценивается от 20 до 100 млн. дин.

Большинство инвесторов (80%) заинтересовано в создании новых предприятий. 20% – в расширении уже существующих объектов.

В 1998 г. 35% инвестиций поступило из западноевропейских стран, 29% – из арабских государств, 28% составили капиталовложения США и 8% – прочих стран³.

Агентство АПСИ оказывает им помощь и стимулирует инвестиционную деятельность путем использования таких мер, как освобождение от подоходного налога в первые пять лет реализации проекта. Однако страна, в течение трех десятилетий ориентированная на централизованное планирование, с большими трудностями переходит к новым формам хозяйствования. В Алжире еще сохраняется большой государственный сектор (свыше 70% промышленного производства) и отсутствует эффективно действующий аппарат для защиты инвесторов, в том числе от произвола чиновников.

Притоку иностранных инвестиций должна содействовать начавшаяся в Алжире либерализация банковской системы.

До недавнего времени банковская система страны находилась под контролем государства. В Алжире действовало 6 государственных банков: Банк Экстерьер д'Альжери, обслуживающий нефтегазовый и нефтехимический сектор страны; Банк Насьональ д'Альжери, отвечающий за обслуживание других промышленных отраслей, торговли и транспорта, исключая морские перевозки; Креди Попюлер д'Альжери, специализирующийся на обслуживании жилищного строительства, туризма, рыболовства и ремесел; Банк сельскохозяйственного развития, созданный в 1982 г. для финансирования фермерских хозяйств и пищевой промышленности, и Банк местного развития, действующий с 1985 г. в целях претворения в жизнь программ развития отдельных районов страны. Кроме того, функционирует государственный Алжирский Банк развития, созданный в 1963 г. и занимающийся долгосрочными кредитными операциями, открытием кредитных линий с участием иностранных банков, а также финансированием проектов в рамках межправительственных соглашений. С 1964 г. в стране действует национальная сберегательно-страховая касса, аккумулирующая через свою сеть сбережения и предоставляющая кредиты для приобретения частной и кооперативной собственности, индивидуального жилищного строительства и т.д.

В 1990 г. в рамках начавшейся реформы были выданы первые разрешения на открытие в Алжире филиалов французским банкам «Банк Насьональ де Пари» и «Сосьете Женераль», а банку «Креди Лионе» – на представительство в алжирской столице.

Представительства иностранных банков имели право действовать в качестве посредников зарубежных компаний при экспортно-импортных операциях, проводить сбор конъюнктурной информации. Получение лицензий на деятельность представительств иностранных банков в Алжире не давало им права осуществления прочих финансовых операций.

В начале 2000 г. Алжир официально объявил о приватизации банковского сектора и сферы страхования. (Сфера страхования, формально открытая для иностранного участия в 1995 г., на деле открылась лишь в 1997 г. В 1999 г. она имела оборот в 16 млрд. долл. При этом 70% указанной суммы реализовывали государственные компании.)⁴

По данным министерства финансов, будут приватизированы все шесть государственных банков, составляющих в настоящее время основу финансовой системы Алжира. При этом французские финансовые магнаты получили приглашение первыми принять участие в приватизации банковского сектора.

В 2000 г. в Алжире были открыты два частных банка, принадлежащих алжирским предпринимателям: «Банк Аль-Халифа» и «Юньон Банк». Начали действовать также иностранные банки: «Ситибанк» (США), «Араб бэнкинз корпорейшен» (АИС), филиалы французских

банков «Сосьете Женераль» и «Натексис-БФСЕ» (французский внешнеторговый банк)⁵.

Либерализация банковской системы должна способствовать аккумуляции средств и более эффективному распределению кредитов между предприятиями, в том числе теми, которые создаются в процессе продолжающейся приватизации государственного сектора.

Осуществляемая в Алжире либерализация экономики объективно создает более благоприятные условия для привлечения иностранных партнеров, в том числе и российских. Вместе с тем потеря Россией прежних позиций в Алжире и ее уход из многих традиционных областей сотрудничества, а также возросшая в новых условиях конкурентная борьба за алжирский рынок осложняют развитие связей между молодым и пока малоопытным российским бизнесом и алжирской стороной.

Направления российско-алжирского сотрудничества

В 60–80-е годы Советский Союз широко сотрудничал с Алжиром на основе межправительственных соглашений. Советские организации, из которых подавляющее большинство были российскими, выполняли работы во многих сферах алжирской экономики: черной и цветной металлургии, энергетике, сельском хозяйстве, промышленности строительных материалов, подготовке национальных кадров, а также в здравоохранении и просвещении. С их помощью создано свыше 150 объектов в различных отраслях экономики. В настоящее время многие из этих предприятий требуют реконструкции и модернизации, которую могли бы осуществить российские государственные и частные организации.

Ориентация Алжира в настоящее время на более дешевую технику и технологию среднего уровня, а также повышенный интерес к развитию на этой базе средних и мелких производств открывают для российских коммерческих структур определенные возможности расширения экспорта соответствующих товаров. В первую очередь это касается промышленности строительных материалов, черной металлургии (с использованием различных технологий прямого восстановления железа), металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, а также производства простых машин и оборудования для пищевой промышленности, ирригации и водоснабжения.

Возможными объектами российско-алжирского бизнеса могли бы стать бурение скважин на воду и строительство ирригационных каналов, водохранилищ.

Организация снабжения водой восточных и западных районов страны остается острой проблемой. Для ее решения Мировой банк выделил кредит в 350 млн. долл. Планируется к 2004 г. увеличить среднегодовую добычу подземных вод на 149 млн. куб.м. В этой отрасли российские компании также могли бы оказать существенную

помощь, особенно сегодня, когда финансовое положение Алжира стабилизируется и его доходы растут.

В числе предприятий, намеченных к приватизации в первую очередь значатся предприятия горнорудной промышленности. В настоящее время в Алжире насчитывается свыше 400 малых государственных и частных компаний, которые действуют в добывающей промышленности страны, в основном в добыче мрамора, гипса, соли и глины. Благодаря многообразию этого сектора промышленности, открытию новых месторождений и наличию большого запаса минералов в Алжире имеются большие возможности для партнерства в области разведки полезных ископаемых, разработки месторождений и производства различной продукции. При этом надо иметь в виду, что советские геологи уже разведали на территории Алжира запасы железной руды, полиметаллов, ртути, вольфрама, золота, обнаружили значительные запасы воды и др. Это была одна из наиболее стабильных сфер нашего сотрудничества с Алжиром. В настоящее время там продолжают работать российские геологи по индивидуальным контрактам.

Заслуживают внимания возможности внедрения на алжирский рынок инженерно-консультативных услуг и технологий, в том числе через создание смешанных обществ, проектно-конструкторских и постоянно действующих строительных организаций. Несмотря на значительные успехи в области развития высшего образования – число студентов выросло с 2,7 тыс. в 1962 г. до 400 тыс. в 1998 г., – Алжиру не удалось обеспечить отечественную экономику инженерными кадрами. И даже при снижении их дефицита алжирская промышленность еще в течение длительного времени будет страдать от нехватки специалистов с высшим образованием.

Структура кадрового научного потенциала также не отвечает требованиям современного этапа развития Алжира, хотя наибольшее число научных работников в истекшие годы было подготовлено в области технических наук. Часть из них занималась решением прикладных задач.

Пока проектно-изыскательские работы и инженерно-консультативные услуги оказывают Алжиру, главным образом, западноевропейские страны и США. Их фирмы имеют там постоянные представительства, зарегистрированные в алжирской торгово-промышленной палате. Эти виды работ представляют собой одно из наиболее выгодных направлений сотрудничества, в том числе и для России. Валютные затраты на их проведение невелики. Наиболее трудоемкие работы могут выполняться в стране подрядчика. Решение этих проблем могло бы способствовать созданию в России банка данных по Алжиру.

В последние два десятилетия происходило сокращение объема товарооборота сначала между Алжиром и СССР, а в дальнейшем между Алжиром и Россией. В 90-е годы он колебался от 120 до

200 млн. долл., что не соответствует потенциальным возможностям двух стран, имевшим в период подъема наших связей торговый оборот свыше 1 млрд. долл. (включая военные поставки). В 2000 г. товарооборот Алжира, по оценочным данным, составил около 24 млрд. долл. Доля России во внешней торговле Алжира составляет на протяжении последних лет всего порядка 0,5%. Алжирский экспорт состоит в основном из поставок к нам товаров в счет погашения задолженности АНДР. Совокупная задолженность Алжира России составила к началу 1999 г. 3,9 млрд. долл.⁶

Внутренние причины, препятствующие расширению российско-алжирских торговых отношений, связаны в значительной степени с недостаточным вниманием к емкому алжирскому рынку со стороны наших внешнеторговых организаций, особенно после реструктуризации МВТ и либерализации внешней торговли. Трудности возникают также из-за неудовлетворительного информационного обеспечения организаций и специалистов сведениями о рыночной конъюнктуре и законодательстве АНДР, а алжирских контрагентов – о возможностях российских партнеров. Низок уровень рекламной деятельности.

В конце мая 1998 г. состоялся визит в Алжир группы российских предпринимателей, которые стараются вернуть Россию на алжирский рынок, оставленный ею в 1992 г. В ходе майского бизнес-форума был подписан ряд предварительных соглашений (документы о намерениях) между предпринимателями двух стран. Наиболее значительные планы намечены в сфере строительства. Они касаются поставок российской стороной стройматериалов, специальной техники, обмена технологиями, выполнения значительных по объему подрядных работ.

15–19 марта 1999 г. в Москве состоялся ответный российско-алжирский бизнес-форум. Российская сторона была представлена в нем финансово-промышленным союзом БИН (основной организатор), а также компаниями «Стройсервис», «Мосстрой», «Машиноимпорт», «Трансгаз» и др.

Практическим результатом бизнес-форума явилось подписание 9 контрактов и протоколов о намерениях на поставку в Алжир полуфабрикатов и сырья для производства пластмасс, трансформаторов и электродвигателей, промклеев и др., прорабатывается вопрос о создании в Алжире СП по сборке тракторов из России. Алжирцы намерены поставлять в Россию продукты питания, медикаменты, парфюмерию, канцтовары и стройматериалы. Для алжирских строительных компаний была организована выставка российских проектов современных жилых районов.

Достигнута договоренность о создании в Алжире строительного СП и предприятия по производству стройматериалов. ФПС БИН предложил учредить совместный банк для финансирования строительных работ. Достигнута договоренность об организации в Алжире выставки-продажи российских товаров. ФПС БИН и ТПП АНДР подпи-

сали соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает оказание содействия в установлении контактов между предпринимателями и обмен информацией коммерческого характера¹.

Дальнейшее развитие эти договоренности получили в 2000 г. в ходе пребывания в Алжире делегации московского правительства во главе с зам. премьера В.Ресиним. Делегация была принята в Агентстве содействия и поддержки инвестиций, в Национальной торговой палате и в Торговой палате Сахеля. Рассматривались следующие направления сотрудничества: строительство, нефтедобыча, производство продуктов питания, туризм и рекламное дело.

Подписанный договор предусматривает использование государственных и частных строительных организаций Москвы при возведении жилья в Алжире, реконструкции центра столицы АНДР, строительстве нефтяного терминала в алжирском порту, прокладке линий метрополитена, совершенствовании дорожной инфраструктуры, фармакологии.

Особое внимание было уделено привлечению московских строительных фирм к возведению жилья в городе-спутнике в окрестностях г. Алжира. В рамках начавшейся реализации большой программы телекоммуникационного развития Алжира российским фирмам было предложено принять участие в тендере для получения лицензий на работы, связанные с развитием системы мобильной сотовой связи на базе GSM.

На данном этапе российские бизнесмены не используют возможности алжирского рынка в полном объеме и не усматривают очевидных выгод от развития экономических отношений с этой страной.

Российские и алжирские частные предприниматели не имеют достаточного профессионализма и опыта международного сотрудничества. Кроме того, бизнес как в России, так и в Алжире, действует в значительной степени в сфере теневой экономики, частично криминализован, что оказывает сдерживающее влияние на развитие делового партнерства между предпринимателями обеих стран.

Следует также отметить, что в России и, особенно, в Алжире пока не завершен процесс реальной приватизации, идет медленное и болезненное перераспределение собственности, что мешает стабилизации положения новых собственников и развитию их международных связей.

¹ Закон от августа 1983 г. разрешил частным лицам покупать земли у государства. Кроме того, более половины кооперированных земель были переданы в частную собственность безвозмездно.

² Jeune Afrique. – Paris, 1999. – № 1985. – С. 95.

³ Там же, с. 99.

⁴ Пульс Планеты, 7.02.2000.

⁵ Jeune Afrique. – P. 1999. – № 2032. – С. 54–55.

⁶ <http://geo.2000.nm.zu./data/afrika/algeria/7.htm>.

⁷ <http://geo.2000.nm.ru/data/afrika/algeria/7.htm>, 7.02.2001. page 3, 4.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЛИВИИ
И ВОЗМОЖНОСТИ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ
ДЕЛОВЫХ СТРУКТУР В СНЛАД**

Преобладание неблагоприятной динамики цен на мировом нефтяном рынке со второй половины 80-х до конца 90-х годов неоднократно сопровождалось значительными спадами доходов от экспорта нефти (с 22 млрд. долл. в 1980 г. до 10 млрд. в 1992 г. и 6,5 млрд. в 1998 г., когда в результате обвального падения цен на нефть экспортная выручка СНЛАД по сравнению с 1997 г. сократилась на 30%), осложняя валютно-финансовое положение Ливии. Вместе с тем страна сохраняла достаточно высокую платежеспособность (золотовалютные резервы, как правило, не опускались надолго ниже 7 млрд. долл.). Внешняя задолженность, по имеющимся оценкам, не превышала сколько-нибудь существенно симметричного уровня в 7 млрд. долл.

Разработка новых нефтяных и газовых месторождений и интенсификация работ на уже действующих, даже поддержание объема добычи нефти на прежнем уровне требуют внедрения новых передовых технологий, замены устаревшего, зачастую изношенного оборудования. В результате действия международных санкций в отношении Ливии нефтегазовая отрасль страны испытывает большие трудности. Особенно негативно этот ограничительный режим сказался на ее нефтяной составляющей, значительно (в среднем в четыре раза) увеличивая стоимость импорта оборудования, запчастей к нему и его транспортировки. Санкции тормозили и дальнейшую экспансию ливийцев на новые рынки сбыта нефти, препятствуют проникновению в СНЛАД американских компаний, до 1986 г. весьма активно работавших в ливийском нефтяном секторе (их капиталы были заморожены). Против Ливии не вводилось международное нефтяное эмбарго, однако США в одностороннем порядке предприняли ряд мер, чтобы максимально затруднить нормальное функционирование нефтегазовой отрасли Ливии, усложнить проведение платежей и расчетов с иностранными подрядчиками через мировую банковскую систему¹.

Доминирующую роль во внешнеэкономических связях СНЛАД играют Италия, ФРГ, Великобритания, Франция, Испания, Япония, Южная Корея. На долю этих стран приходится 75% общего объема внешнеэкономических связей СНЛАД. Товарооборот Ливии с зару-

бежными государствами в 1998 г. составил 12,7 млрд. долл. (в 1997 г. – 16 млрд. долл.).

Со второй половины 80-х годов в Ливии периодически проводятся кампании экономической и политической либерализации. Стали поощряться кооперативные формы собственности, частная торговля, были освобождены многие политзаключенные, ливийским гражданам разрешен свободный въезд и выезд из страны. Продолжаются процессы разгосударствления, акционирования и приватизации некоторых ливийских производственных предприятий, включая иногда крупные, например, металлургический комбинат в г. Мисурата. В качестве насущно важных целей неизменно подчеркивается освоение природных ресурсов, альтернативных нефти и газу, достижение самообеспеченности СНЛАД продовольствием, ускоренное развитие внутренних районов страны и другие мероприятия с широким вовлечением в их реализацию частных инициатив. Обозначился курс на умеренную либерализацию экономики, на возрождение малого и среднего частного бизнеса. Одновременно в собственности и/или под строгим контролем государства удерживаются ключевые отрасли, прежде всего нефтегазовая промышленность, а также основные виды внешнеэкономической деятельности, включая экспортно-импортные, валютно-финансовые, другие операции и контракты: например, продолжает действовать и даже эпизодически ужесточается полномасштабная валютная монополия, курс ливийского динара фиксируется центральным банком.

Для стимулирования внутреннего рынка проводится приватизация оптовой и розничной торговли, принят закон, разрешающий учреждение частных банков (первый из них за период после революции 1969 г. основан в начале 1997 г. в Мисурате). В регионах поощряется организация так называемых народных акционерных банков, которые призваны содействовать развитию производительного предпринимательства на местах, расширяется деловая активность в сферах сельского хозяйства, услуг, легкой промышленности, начато учреждение акционерных обществ, принято решение о приватизации нерентабельных госпредприятий.

Ливийское руководство заявляет о своей готовности открыть двери для иностранных капиталовложений (на первом этапе преимущественно в сфере туризма). В 1997 г. принят «Закон об иностранных инвестициях». Этот акт предусматривает создание независимого Бюро по поощрению инвестиций (далее – "Бюро") при Главном народном комитете (ГНК, министерстве) экономики и торговли для практической реализации данного Закона. Намечено первоочередное привлечение инвестиций в следующие отрасли: машиностроение, туризм, сельское хозяйство, здравоохранение, службы быта, а также другие, определенные Высшим народным комитетом (ВНК, правительством). Проектам, осуществляемым в рамках Закона, будет предоставлен ряд

«стандартных» в мировой практике привилегий: машины и оборудование, запчасти и сырье, необходимые для их функционирования, освобождаются от всех импортных пошлин в течение 5 лет; исполнители проектов освобождаются от подоходных налогов на 5-летний срок со времени ввода в действие созданных предприятий и объектов. Этот период может быть продлен еще на 3 года. То же самое относится и к прибыли, при условии ее реинвестирования в ливийскую экономику. Товары, производимые на экспорт, полностью освобождаются от налоговых и таможенных сборов. Закон предусматривает право инвесторов реэкспортировать свой капитал в случаях, если сроки реализации проекта закончились, либо проект аннулирован, либо продан полностью или частично.

Инвесторы уполномочены привлекать из-за рубежа иностранную рабочую силу и специалистов, если на территории СНЛАД нет лиц необходимой квалификации для заполнения созданных рабочих мест. Иностранцам разрешено в рамках данного Закона переводить за рубеж часть своей зарплаты и других выплат, полученных в ходе работы по осуществлению проектов. Согласно этому акту, преимуществами пользуются проекты, направленные на развитие периферийных регионов СНЛАД, особенно внутренних, а также способствующие сбережению электроэнергии и водных ресурсов. Для осуществления проектов инвесторы имеют право открывать валютные счета в одном из государственных коммерческих банков или в специализированном «Ливийском арабском внешнем банке»³.

Одновременно в некоторых важных сферах экономической жизни наблюдались обратные тенденции: сохранялись и даже усиливались властные полномочия и/или расширялось прямое участие центральных органов государства в хозяйственной деятельности. Так, 4 мая 1986 г. был издан Закон №7, который формально упразднил земельную собственность в Джамахирии, заменив ее понятием "использование земли". (До принятия этого закона в СНЛАД, несмотря на провозглашение земли общенациональным достоянием, фактически равноправно сосуществовали четыре вида земельной собственности: государственная, кооперативная, частная и вакуфная). В соответствии с упомянутым законом и разъясняющими его подзаконными актами юридические и физические лица получают право использовать сельскохозяйственные угодья, причем эти территории могут приобретаться путем так называемого "захвата". Под захватом в ливийском законодательстве подразумевается обработка земли: с началом культивации участка ее инициатор автоматически приобретает права владения. Фермер может привлекать к работе не только членов своей семьи, но и других, наемных работников. Не допускается, однако, ни продажа земельных участков, ни сдача их в аренду. Владельцам разрешено лишь передавать свои участки по наследству. Каждая ливийская семья (родители и их несовершенно-

летние дети) имеет право на один участок земли, размеры которого специально не оговариваются.

Процедура получения прав на владение землей, формально весьма демократичная, фактически осложнена многими бюрократическими процедурами. Контроль над распределением земельного фонда осуществляет Служба социалистической регистрации недвижимости и документации при ГНК юстиции и общественной безопасности. Так, под лозунгом "земля не является чьей-либо собственностью", государство окончательно ликвидировало землевладения племен и стало полномочным собственником всех территорий. Для пресечения нарушений порядка использования земель была создана так называемая аграрная полиция, которая при взаимодействии с комитетами по чистке (КЧ) ведет контроль за правильным использованием земель, в частности, следит за тем, чтобы на плодородных территориях не возводились жилые дома.

Несколько иначе складывается ситуация вокруг несельскохозяйственных земель и жилого фонда. Наряду с государственной собственностью на недвижимость официально признается и "священное" право частной собственности на жилье. Правом собственности на недвижимость обладают как физические лица, так и частные компании, организации и кооперативы. В понятие недвижимости Закон № 11 от 1988 г. включает жилые дома, магазины, территории, пригодные для строительства, и любые другие постройки. Недвижимость может продаваться, покупаться и передаваться по наследству, однако и в этой сфере запрещена аренда. Исключение составляют лишь некоторые льготные категории населения. Вдовы, военнослужащие и ливийцы, работающие за границей, имеют право сдавать свои жилища в аренду. Все операции с недвижимостью регистрируются в уже упомянутой службе и облагаются налогами, причем сумма сборов варьируется в зависимости от размера площади. Это в первую очередь касается жилого фонда и земель, пригодных для строительства. Каждая ливийская семья имеет право лишь на одну единицу жилья, площадь которого не ограничивается. В соответствии с решением Высшего народного комитета (ВНК, правительства) № 49 от 1990 г. выходцы из арабских стран, получившие постоянный вид на жительство в СНЛАД, уравниваются с ливийцами в правах на недвижимость и сельскохозяйственные угодья.

В рамках реализации социальных программ государство начало кампанию по выделению участков обрабатываемой земли и территорий, пригодных для строительства жилья, "лицом с ограниченными доходами". В марте 1999 г. ГНК жилищного строительства и коммунального хозяйства объявил о выделении свыше 3000 таких участков в различных районах страны (из них сельхозугодий – только 84). Выделение участков по ливийским законам дает гражданину такие же права на землю и недвижимость, как и другие способы их получения.

Реформы, проводимые в Ливии в последнее десятилетие, свидетельствуют о становлении тенденции на ослабление всеобъемлющего государственного регулирования и рост частного сектора. Последний становится более активным участником партнерских отношений во внешнеэкономической сфере. Таким образом, уже в настоящее время частный ливийский сектор представляет собой потенциального партнера российских компаний, что, в принципе, расширяет возможные рамки их деятельности в Ливии.

Однако проводимые преобразования носят ограниченный характер. Сохраняется не только обширный госсектор, но и жесткий государственный контроль над экономикой, живучая сложная и неповоротливая система бюрократических проволочек при решении хозяйственных вопросов. Таким образом, госсектор остается ведущим партнером российских коммерческих структур на ближайшую перспективу.

Торгово-экономическое сотрудничество с Ливией в 70–80-е годы носило в целом ограниченный характер (общий объем – 1 млрд. долл.). В его рамках в СНЛАД были сооружены такие объекты, как Центр атомных исследований (ЦАИ) «Таджура», две ЛЭП (190 и 467 км), газопровод протяженностью 570 км. Пробурено 130 нефтяных эксплуатационных скважин, проведены почвенные, геоботанические и экологические исследования на 3,5 млн. га, разработаны схемы развития газовой промышленности, ЛЭП высокого напряжения и машиностроения, подготовлено ТЭО для второй очереди металлургического комплекса в г. Мисурата (1,6 млн. т продукции в год с возможностью расширения до 5 млн. т). В последние годы наше двустороннее сотрудничество в торгово-экономической сфере по ряду объективных причин было практически свернуто (ежегодный товарооборот в 1994-97 годах составлял менее 1 млн. долл., а доля РФ в общем объеме внешней торговли СНЛАД не превышала сотых долей процента).

Основными статьями нашего экспорта (без учета поставок так называемых «специальных» товаров и услуг военного и/или двойного назначения в рамках ВТС) традиционно являлись машины и оборудование, запчасти к ранее поставленной технике, оказание услуг (капремонт и подготовка ливийских кадров) по линии «Авиаэкспорта», «Автоэкспорта» и других организаций. В настоящее время наш экспорт представлен незначительными объемами пиломатериалов, бытовой электротехники и др.

До 1991 г. в счет урегулирования финансовых обязательств в области ВТС осуществлялся импорт нефти из Ливии, значительная часть которой без завоза в СССР перепродавалась в третьи страны. В последние годы ливийский экспорт в нашу страну практически отсутствовал.

20–23 октября 1997 г. в Москве и 7–8 октября 1998 г. в Триполи под председательством министра России С.К.Шойгу и министра энергетики Ливии А.С.Бадри прошли первые две сессии Межправительственной Российско-Ливийской комиссии по торгово-экономическому

и научно-техническому сотрудничеству. По их итогам подписаны межправительственное и межведомственное соглашения о сотрудничестве в области топлива и энергетики, достигнуты принципиальные договоренности об участии российских организаций в осуществлении в Ливии крупных проектов в области энергетики, связи, транспорта, сельского хозяйства, добычи нефти и газа, строительства газопроводов и объектов инфраструктуры. Эти договоренности получили дальнейшее развитие в ходе третьего заседания межправительственной комиссии в Москве 25–28 октября 1999 г.

Заключены контракты на реконструкцию систем обеспечения построенного при нашем содействии ЦАИ «Таджура» и строительство газопровода Хомс-Триполи протяженностью 117 км. На завершающей стадии находятся переговоры по заключению контракта на расширение ТЭС «Триполи-Запад» с установкой двух энергоблоков по 325 мвт. ГУП «Технопромэкспорт» вышло в финал тендерного конкурса на строительство ЛЭП мощностью 400 кВт. по направлению «Хомс – Великая искусственная река» и протяженностью 430 км. Продолжаются переговоры по вопросам создания многофункционального космического спутника гражданского назначения (проект «Либсат»), проектирования и строительства АЭС «Султан» (на 400 МВт. в районе Сирта), создания в Ливии железнодорожной сети, сотрудничества в области гражданской авиации, гуманитарного разминирования, геологоразведочных работ на нефть и поставок Ливии нефтяного и энергетического оборудования, создания объектов в сфере освоения нетрадиционных источников электроэнергии.

Начало формированию современной договорно-правовой базы российско-ливийских торгово-экономических связей было положено в ходе визита в Москву в июле 1995 г. министра энергетики СНЛАД А.С. Бадри, когда были подписаны Соглашение о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве и Соглашение о создании Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и СНЛАД. В стадии согласования находятся проекты соглашений «О поощрении и взаимной защите капиталовложений», «Об избежании двойного налогообложения», «О сотрудничестве в области культуры, науки и образования», «О сотрудничестве между ЦБ России и ЦБ Ливии для обслуживания расчетов между РФ и СНЛАД». Изучаются проекты создания совместной холдинговой компании (не существует ни одной российско-ливийской смешанной компании), а также основания совместного банка и привлечения ливийских инвестиций в экономику России, где они отсутствовали до 2000 г.

Российские нефтяные компании нацеливаются на участие в нефтедобывающих проектах в Ливии, рассчитывая прийти в страну "на волне" будущих российских военных контрактов и сотрудничества в гуманитарной области, что отчасти помогло бы восполнить существующие пробелы в сфере современных технологий.

В конце октября 2000 г. Ливию посетила российская делегация во главе с Министром по чрезвычайным ситуациям С.К.Шойгу для обсуждения совместных проектов, в том числе по обезвреживанию мин, оставшихся со времен Второй мировой войны. С.К.Шойгу сопровождали представители руководства многих российских нефтяных компаний, как и во время его последней поездки в Ирак.

По мнению ряда российских источников, компания "Альфа-Эко", чьи представители сопровождали С.К. Шойгу в Багдаде, имеет хорошие шансы стать оператором по нефти от имени МЧС. "Альфа-Эко", уже реализующая собственную программу в Ливии, является трейдинговым подразделением "Альфа-Групп", одного из главных акционеров ТНК.

В 1999 г. эта ТНК попыталась добиться от российского правительства поддержки в заключении СРП по ливийским проектам, однако она была вынуждена воздержаться от дальнейших действий из-за своего второго основного акционера – консорциума "Аксесс/Ренова". Подразделение этого консорциума – "Аксесс Индастриз" – зарегистрировано в США, что могло бы создать серьезные проблемы в связи с нарушением американских санкций против Триполи. Тем не менее ТНК по-прежнему настроена на расширение своего бизнеса и рассматривает возможность участия в нефтедобывающих проектах в Нигерии, Анголе и Иране.

Другим активным претендентом на участие в добыче нефти на ливийских месторождениях является ЮКОС. Компания подала заявку на приобретение до конца года нескольких нефтедобывающих лицензий из 137 блоков, предложенных иностранным фирмам. ЮКОС, который намерен в течение четырех лет выйти в Ливии на уровень добычи в 100 тыс. баррелей в день, заявляет, что его представители были единственными российскими участниками презентации ливийских месторождений, проводившейся весной 2000 г. в окрестностях Триполи.

Подтверждая расчет на то, что соглашения по вооружениям могут способствовать развитию нефтяного "диалога" с Ливией, ЮКОС ввел в состав совета директоров компании представителя частной фирмы "Русское Оружие".

По мнению специалистов, "Сибнефть" также может рассчитывать на приобретение доли в разведке и разработке ливийских нефтяных богатств. Для компании это может стать серьезным прорывом, особенно учитывая, что "Сибнефть" была "отлучена" от сделок с иракской нефтью. Эксперты полагают, что "Сибнефть" не останется в стороне от ливийской "гонки", тем более, что Москва твердо намерена заключить с Триполи официальное соглашение.

Помимо вопросов торговли и поставок оборудования, предметом острой дискуссии обещают стать огромные долги Ливии со времен СССР, которые оцениваются в 2–3 млрд. долларов⁵.

Нынешний всплеск активности во взаимоотношениях последовал за августовским 2000 г. визитом в Москву министра нефти Ливии А.С. эль-Бадри, который был принят Президентом В.В. Путиным. Ливийский министр пригласил российского президента посетить Триполи для встречи с лидером страны Муаммаром Каддафи.

¹ <http://www.polpred.com/afrika1/livia/03.html>

² <http://www.polpred.com/afrika1/livia/04.html>

³ <http://www.polpred.com/afrika1/livia/07.html>

⁴ <http://www.polpred.com/afrika1/livia/02.html>

⁵ Драчева М., Шарушкина Н. Оружие дружбы: Российские компании следуют моде на все ливийское.

<http://www.energyintel.com/http://www.rusoil.ru/obzory/323554.html>

РОССИЙСКИЙ ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ В МАРОККО: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

С конца 1983 г. по рекомендациям МВФ и МБРР королевство осуществляет политику структурной перестройки, включающей в себя комплекс реформ по оздоровлению финансов, либерализации экономики, становлению в стране развитой рыночной системы, ориентированной на экспорт. Проводимые в стране реформы предусматривают существенную децентрализацию управления экономикой и социальной сферой за счет делегирования значительных полномочий на региональный и местный уровни. Главной задачей экономического курса на ближайшую перспективу является привлечение иностранных инвестиций в страну с целью увеличения промышленного экспортного потенциала и создания новых рабочих мест. Одновременно со структурными реформами по рекомендациям МВФ продолжаются преобразования в сфере либерализации инвестиций и финансовых операций, реализуется программа приватизации, набирают силу бюджетные и налоговые реформы, идет пересмотр торгового и инвестиционного кодексов, законодательной базы акционирования. В 1998 г. впервые за последнее время Марокко добилось значительных темпов роста ВВП – 6,3%. Внешняя задолженность на 1 января 1999 г. составила 23 млрд. долл. США. С 1993 г. Марокко не прибегало к отсрочкам погашения внешнего долга (в 1999 г. на эти цели было направлено 33% госбюджета).

Марокко является одной из немногих стран, официально объявивших об успешном завершении основных этапов программы структурной перестройки, последовательно проводимой со второй половины 80-х годов. В ходе реализации этой программы особое внимание уделялось достижению и поддержанию важнейших макроэкономических пропорций, обеспечению сбалансированной кредитно-денежной политики, созданию условий для повышения конкурентоспособности экономики и ее интегрирования в мировое хозяйство. Валютно-финансовое положение страны хотя и является весьма напряженным, имеет необходимый «запас прочности». Удалось снизить размер внешнего государственного долга с 22,5 млрд. в 1996 г. до 19,3 млрд. долл. в 1998 г. или на 14,2%. Внешняя задолженность составляет 52% от ВВП страны, а ежегодные платежи в ее погашение эквивалентны трети доходов от экспорта товаров и услуг. Марокко в

полной мере выполняет свои финансовые обязательства перед странами-кредиторами. Основными донорами являются Франция (31,2%), США (11,9), Япония (9,7), Испания (7,1), Германия (3,9), Италия (3,2%).

Котировки марокканской внешней задолженности на вторичном рынке долговых обязательств в конце 90-х годов установились на уровне 70%, довольно высоком для развивающихся стран. Постепенно набирает обороты процесс конверсии части марокканской задолженности в инвестиции на двусторонней основе. В 1998 г. марокканцы достигли договоренности о конверсии части своей задолженности Франции на 1,1 млрд. дирх. (115 млн. долл.) в различные сферы марокканской промышленности, туристический бизнес, недвижимость.

Существенным источником бюджетных поступлений, в том числе валютных, стала приватизация государственных пакетов акций в предприятиях промышленности, нефтепереработки, кредитно-финансовой сфере, энергетике, гостиничном хозяйстве. В целом за 80–90-е годы, благодаря приватизации, было получено около 20 млрд. долл. Приватизация привлекает иностранные инвестиции: в 1997 г. – 1,25 млрд. долл., в 1998 г. – 0,5 млрд. долл.¹

По поступлениям зарубежных инвестиций 1997 г. был рекордным благодаря удачно проведенной правительством приватизации в нефтеперерабатывающей и энергетической отраслях. В результате Франция, традиционно опережавшая по объему инвестиций другие страны, уступила в 1997 г. позиции Швеции и США, вложившим свои капиталы в две упомянутые отрасли. В то же время французские инвесторы имеют все шансы вернуть и сохранить лидерство за счет проводимой ими конверсии марокканской задолженности в инвестиции. В 1998 г. Франция деблокировала второй транш в сумме 110 млн. долл. в рамках конверсии долгов в инвестиции и согласилась перевести часть задолженности в размере 80 млн. долл. на поддержку малых и средних предприятий.

Инвестиционный климат в 1998 г. обеспечивал практически те же самые условия, что и в 1997 г. Однако приход к власти нового правительства, представившего свою программу развития страны и не сумевшего предложить крупные объекты приватизации, отразился на настроении инвесторов. За девять месяцев 1998 г. сумма иностранных капиталовложений составила всего лишь 60% от полученной за соответствующий период 1997 г. Объем прямых инвестиций снизился с 630 млн. долл. в июле 1997 г. до 88 млн. долл. в июле 1998 г. Займы также упали на 69,6%, т.е. с 71,8 млн. долл. до 21,8 млн. долл. Напротив, портфельные инвестиции возросли на 53,6% или на 13,7 млн. долл., т.е. с 25,6 млн. долл. до 39,3 млн. долл. В сентябре 1998 г. частные инвестиции и займы снизились на 76,5% по сравнению с тем же периодом 1997 г. Это снижение было обусловлено отсутствием широкомас-

штабной приватизации в 1998 г. и замедлением ритма конверсии задолженности в инвестиции.

С 1999 г. законодательно предусматривались меры, направленные на поддержку инвестиций, в частности предоставление налоговых льгот инвесторам в случае превышения ими определенной суммы финансирования проекта.

Валютная реформа. Введен режим конвертируемости дирхама для всех текущих операций. Уполномоченные банки могут располагать значительными средствами в валюте, что позволяет им самостоятельно, без обращения в Управление валютного контроля, осуществлять операции купли-продажи валюты, проводить казначейские операции, такие как выдача кредитов, операции обмена (так называемые SWAP-операции), предоставление клиентам финансовых инструментов для покрытия валютных рисков. Марокканские банки получили право беспрепятственно вести операции на международном валютном рынке с отменой 2% комиссионных, ранее выплачиваемых центральному банку. Существует ограничение: приобретенная на основании этих операций валюта не может быть вложена или инвестирована в иностранные учреждения, заимообразно переводиться или служить основанием для кредита в иностранных банках.

Обсуждаются перспективы дальнейшей либерализации валютного контроля и предоставления ряду уполномоченных банков возможностей приобретения недвижимости за рубежом, валютных вложений в инвестиционные проекты и размещения средств в иностранных кредитно-финансовых институтах. Что касается частных лиц, то ограничения, связанные с процедурой обмена валют, продолжают действовать.

Марокканцы, а также иностранные граждане, проживающие в Марокко, имеют право на обмен и получение валюты в пределах 10 тыс. дирх. – 1 тыс. долл. (ранее лимит составлял 5 тыс. дирх.). Обмен осуществляется любым банком по предъявлении загранпаспорта, билета на поездку за границу, турпутевки или другого документа, подтверждающего, к примеру, факт обучения или лечения за рубежом.

Сняты ограничения с операций, осуществляемых уполномоченными банками по счетам иностранцев, проживающих в Марокко, а также жен-иностранок марокканских граждан. Тем самым этой категории лиц разрешено проведение трансфертных операций, связанных с переводом за рубеж заработной платы, гонораров, прочих видов дохода в полном объеме, тогда как раньше разрешенный «потолок» составлял 50%.

Иностранные туристы могут свободно ввозить в Марокко неограниченные суммы валюты (банковские купюры, дорожные, почтовые, банковские чеки, кредитные карты и прочие средства платежа), причем без какого-либо контроля со стороны таможенных служб – не требуется ни письменных, ни устных деклараций.

Находясь в Марокко, туристы вправе обменивать (в банках или у имеющих лицензии менял) неограниченные суммы в инвалюте. При совершении этих операций туристам вручаются квитанции, которые должны храниться все время пребывания в стране, чтобы по возвращении обеспечить беспрепятственный обратный обмен не потраченных на инвалюту наличных дирхамов в пределах указанных сумм. Последняя операция также подтверждается квитанцией².

По завершении программы приватизации государство отказалось от прямого инвестиционного участия, сосредоточиваясь на законодательной и налоговой поддержке процессов перестройки и развития индустрии туризма. Это выражается, прежде всего, в снижении ставок НДС на туристические услуги с 14% в 1995 г. до 7% в 1998 г.

Экономическое и техническое сотрудничество с Марокко получило наибольшее развитие в области энергетики и горнорудной промышленности. При советском – российском содействии построены ТЭС «Джерада», гидроузел «Мансур Эд-дахби», ЛЭП протяженностью 200 км., ГЭС «Мулай Юсеф». Символом плодотворного двустороннего сотрудничества является один из крупнейших в арабском мире и Африке гидроэнергетический комплекс «Аль-Вахда», на сооружение которого нами был выделен кредит в 100 млн. евро. В 1998 г. по линии «Энергомашэкспорта» продолжалось проведение на коммерческих условиях капитального ремонта ТЭС «Джерада».

Тенденция роста объема взаимной торговли сохраняется с 1994 г. Основными статьями нашего экспорта в Марокко являются: нефть (поставки возобновлены в 1996 г.), аммиак и другие химические товары, комплектное энергетическое оборудование, металлопродукция. Поставки российских товаров в Марокко осуществляются почти исключительно через крупных международных посредников. В 1998 г. Россия вышла на второе место (после ЕС) среди импортеров марокканской сельхозпродукции, закупив цитрусовые и томаты на 216 млн. долл.

К числу новых направлений экономических связей относится сотрудничество в области гидротехнических работ – российские организации выполнили работы по реконструкции рыболовческих портов Эль-Аюн и Тан-Тан на общую сумму 750 тыс. долл. и имеют реальные перспективы на получение контрактов на объекты Дахла, Агадир и Тарфая.

Конкретные наработки имеются в области геологии, добычи полезных ископаемых, ирригации, водоснабжения, атомной энергетики, освоения космоса (в 2000 г. российским ракетоносителем был выведен на орбиту марокканский спутник). Установлены деловые контакты с Королевским управлением фосфатов с целью изучения возможностей возобновления контрактов на поставки марокканского фосфорсодержащего сырья.

В апреле 1994 г. были подписаны рамочное торговое соглашение и соглашение о создании межправительственной комиссии по эконо-

мическому и научно-техническому сотрудничеству (вступило в силу 4 июля 1995 г., заседаний пока не проводилось).

В августе 1999 г. вступило в силу соглашение об избежании двойного налогообложения.

Товарооборот в 1998 г. составил 258,6 млн. долл., что на 8,3% ниже уровня 1997 г., но превышает на 34,5 % среднегодовой показатель за последние пять лет (192,3 млн. долл.). По сравнению с 1997 г. экспорт РФ в Марокко сократился на 37% и составил 43,8 млн. долл.

Главными факторами сокращения российского экспорта в 1998 г. явились снижение в 2 раза физических и в 2,9 раза стоимостных показателей экспорта нефти в Марокко, а также прекращение комплектных поставок технологического оборудования и материалов в связи с завершением строительства ГЭС «Аль-Вахда». Стоимость поставок машино-технической продукции и выполненных строительно-монтажных работ уменьшилась по сравнению с 1997 г. в 4,3 раза и составила 7,4 млн. долл. Удельный вес машин, оборудования и оказанных услуг в общем объеме нашего экспорта в Марокко составил 5,2% против 14,1% в 1997 г.

В 1998 г. номенклатура экспорта российских сырьевых товаров существенно не изменилась, а их доля в стоимостном объеме экспорта составила 94,9%. Закупки российской нефти осуществлялись марокканскими импортерами по-прежнему не напрямую у отечественных экспортеров, а через международных посредников (в 1998 г. – 465 тыс. т на 38,2 млн. долл.).

В 1998 г. возросли объемы экспорта в Марокко российского металлопроката (220 тыс. т.), что в 2,6 раза больше показателя 1997 г. Значительно увеличились физические объемы поставок бумаги и картона (в 3,2 раза), пиломатериалов (в 1,5 раза), аммиака (в 1,3 раза). На уровне прежних лет остались объемы поставок синтетического каучука. Уменьшился экспорт карбамида (в 2,2 раза), серы (в 2,1 раза), аммиачной селитры (в 1,2 раза).

В 1998 г. сохранились негативные тенденции, характерные в последние годы для российского сырьевого экспорта в Марокко – неустойчивость, узость номенклатуры, падающая конкурентоспособность многих видов отечественного сырья и материалов. На трех марокканских импортеров – «Королевское общество нефти» (сырая нефть), «Королевское управление фосфатов» (аммиак, химические удобрения, сера) и марокканский филиал немецкой фирмы «Маннесман» (металлопрокат) приходится 95,3% от всего объема российского экспорта сырья и полуфабрикатов.

Сохраняется зависимость российских экспортных поставок сырья и материалов в Марокко от услуг международных посредников.

Объем российского импорта из Марокко в 1998 г. по сравнению с 1997 г. возрос в 2,1 раза и достиг высшего показателя за предыдущие десять лет. Основой импорта марокканских товаров, как и ранее, являлись закупки цитрусовых. Отгрузки апельсинов и мандаринов (кле-

мантинов) осуществлялись по линии «Атлас Фрут Боард» – ведущего экспортера марокканских цитрусовых и ранних овощей. Продолжались закупки марокканских консервированных сардин, агар-агара, свежей и свежемороженой рыбы.

Основным объектом сотрудничества в 1998 г. оставался гидроэнергетический комплекс «Аль-Вахда», второй по величине после Асуана в Африке. Плотина, ее оборудование и все три энергоблока ГЭС находятся в гарантийной эксплуатации. Объект бесперебойно функционирует, обеспечивая выработку 30% электроэнергии, производимой всеми электростанциями страны, что свидетельствует о высоком качестве российского оборудования и выполненных работ. Объем осуществленных по контракту ГУП ВО «Технопромэкспорт» в 1998 г. строительно-монтажных работ составил 5 млн. долл. Предоставленный российской стороной для финансирования строительства объекта государственный кредит в 100 млн. евро использован в объеме 65 млн. евро.

Марокко, являясь платежеспособной страной, неукоснительно выполняет свои финансовые обязательства перед Россией. Просроченной задолженности Марокко перед Россией не имеет. В 1998 г. в Марокко действовало пять совместных предприятий (СП) с российским участием: «Марюспесиа» (транспортное строительство), «Комежи» (добыча и переработка гипса), «Магрюс» (бурение скважин на воду), «Фрюбаг Марок» (поставки сельскохозяйственной техники), «Электроникс-Инжиниринг» (импорт и сборка электронного оборудования для текстильной и швейной промышленности). Общий годовой объем выполненных указанными СП работ оценивался в 1,5 млн. долл. Большинство перечисленных СП переживают серьезные трудности, вызванные как вялой конъюнктурой марокканского рынка, так и организационными проблемами.

В Марокко на коммерческой основе в системе профессионально-технического образования работают 30 российских преподавателей. В вузах России и других государств СНГ обучалось 5 тыс. марокканских студентов.

В рамках Межправительственного Соглашения по морскому рыболовству от 28 декабря 1995 г. в 1998 г. рыбопромысловую деятельность вели 10 российских рыболовных судов. Лицензионный отлов рыбы составил 65 тыс. т. В Москве 25 ноября 1998 г. был подписан Протокол о продлении срока указанного межправительственного Соглашения на один год. Одновременно стороны договорились установить квоту и количество судов на уровне 90 тыс. т и 12 единиц соответственно³. Однако в связи с ухудшением условий воспроизводства морских биологических ресурсов в прибрежных водах Марокко 1999 г. стал годом тяжелых переговоров по поиску компромисса практически со всеми его многочисленными партнерами по использованию этого природного потенциала. От исхода переговоров во многом зависит и отношение марокканской стороны к продолжению сотрудничества в

рамках соглашения по рыболовству Россия-Марокко и промысла 27 иностранных пелагических траулеров в рамках закона об аренде⁴.

Пассажирские авиаперевозки по линии Москва-Касабланка (с посадкой на Мальте) «Аэрофлот» осуществлял до ноября 1998 г. Зимний период является для авиакомпании убыточным. Возобновление прямых рейсов Аэрофлота по указанному маршруту планировалось с 1 апреля 1999 г. Перевозки внешнеторговых грузов из России в Марокко и в обратном направлении осуществляются с использованием зафрахтованных чартеров, чаще всего иностранных.

По итогам 1998 г. российские поставки в Марокко составили 1,7% всего марокканского импорта товаров. Закупки российских импортеров в Марокко составили 2,4% от совокупного марокканского экспорта. Соответственно, удельный вес России во внешней торговле Марокко по сравнению с 1997 г. существенно не изменился и составил около 2%⁵.

Общее число туристов из России ежегодно оценивается в 10–12 тыс. человек (до 1991 г. Марокко посещало 5–6 тыс. советских граждан в год, главным образом в рамках средиземноморских круизов). Национальное марокканское Управление по туризму принимает активное участие во всех международных туристических салонах, проводимых в Москве и Санкт-Петербурге. Сделанные марокканской стороной прогнозные оценки потоков российских туристов на ближайшие годы составляют 30–40 тыс. человек в год⁶.

¹ <http://www.polpred.com/afrika1/Marokko/02.html>

² <http://www.polpred.com/afrika1/Marokko/04.html>

³ <http://www.polpred.com/afrika1/Marokko/10.html>

⁴ <http://www.polpred.com/afrika1/Marokko/06.html>

⁵ <http://www.polpred.com/afrika1/Marokko/10.html>

⁶ <http://www.polpred.com/afrika1/Marokko/07.html>

**ТУНИС: ДЕЛОВОЕ ПАРТНЕРСТВО
В УСЛОВИЯХ УСПЕШНЫХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ**

**Либерализация экономики и развитие частного
предпринимательства**

Курс на либерализацию экономики и поощрение частного национального и иностранного предпринимательства был провозглашен в Тунисе на рубеже 70-х годов после провала массивного кооперирования крестьян в 60-е годы. Либерализация экономики, центральным звеном которой является экспорториентированное развитие, позволяет Тунису, по мнению его руководства, более полно использовать национальные ресурсы и интенсифицировать вовлечение страны в систему международных экономических связей.

Одним из инструментов подъема в стране деловой активности стало либеральное инвестиционное законодательство, прежде всего в сфере материального производства. Закон об инвестициях, принятый еще в июле 1969 г., предоставил частным инвесторам ряд финансовых льгот и гарантий. Они освобождались в течение трех-пяти лет от уплаты торгово-промышленного налога и налога на доходы от движимого имущества, а также имели право на дополнительные финансовые льготы, включая получение среднесрочных и долгосрочных банковских кредитов для закупок оборудования и проведения строительно-монтажных работ.

Владельцам предприятий, представляющих особый интерес для экономики Туниса, полагались дополнительные льготы, в том числе возмещение государством расходов, пошедших на создание промышленной инфраструктуры. Полностью или частично запрещался импорт конкурирующей продукции и др.

Закон предоставил иностранным вкладчикам равные с тунисскими предпринимателями права. Иностранец, вложивший средства в твердой валюте, имел право перевести за границу вложенный капитал и доходы с него, а также средства, полученные от продажи акций предприятия или при его ликвидации.

В 1972 г. был принят закон, направленный на развитие экспортных отраслей в обрабатывающей промышленности. Предоставленные законом льготы касались в основном налогообложения. Они распространялись на приобретение недвижимости для производства экспортной

продукции, на получение займов. Предприниматель освобождался от таможенных пошлин на импорт производственного назначения и от уплаты налогов на продукцию, закупаемую на местном рынке.

В 1973 г. было создано Агентство поощрения капиталовложений (АПК), призванное координировать частные инвестиции и регулировать деловые контакты между государственными организациями, тунисскими предпринимателями и иностранными фирмами. Инвестиционная политика, разработанная и осуществляемая в эти годы, была направлена на становление национальной промышленности, сокращение дефицита торгового баланса за счет развития экспортных и импортозамещающих отраслей, а также на решение острой проблемы занятости, путем создания рабочих мест вне сферы сельского хозяйства.

При этом тунисское руководство пыталось обеспечить местным предпринимателям преимущества при получении разрешений на создание или расширение промышленных предприятий, в том числе импортозамещающих производств.

Либеральное инвестиционное законодательство в сочетании с благоприятной конъюнктурой на мировом рынке сырья не только способствовало активизации частного предпринимательства, но и стимулировало экономическое развитие в целом. Доля частных инвестиций в экономику возросла с 28% в 1962–1971 годах до 44% в 1973–1981 годах¹.

Возрос приток частных капиталов в такие отрасли промышленности, как текстильная, кожевенно-обувная, пищевая, металлообработка, а также в строительство, туризм, торговлю и сферу обслуживания.

Тунисские предприниматели, как и прежде, отдавали предпочтение отраслям экономики с быстрой оборачиваемостью капитала, но теперь перечень этих отраслей существенно расширился. Следует отметить, что в этот период происходило повышение удельного веса частного национального капитала в смешанных предприятиях с участием тунисского государства.

Для устранения территориальных и отраслевых диспропорций в экономике в 1982 г. был принят закон, поощряющий развитие периферийных отсталых районов. Он предоставил предпринимателям, вкладывающим свои капиталы в эти зоны, дополнительные налоговые льготы и финансовую помощь.

Для децентрализации промышленных инвестиций и роста мелких и средних предприятий был создан Фонд содействия промышленному развитию и децентрализации (ФОПРОДИ).

Это кредитное учреждение выдавало ссуды на срок до 12 лет из 3% годовых, которые варьировались от 21% для проектов стоимостью менее 250 тыс. динаров и до 13,5% для проектов от 250 до 500 тыс. дин.

ФОПРОДИ предоставлял кредиты из 4% годовых на создание объектов, стоимость которых не превышала 75 тыс. дин., сроком на 10 лет, включая трехлетний льготный период².

В 1982 г. тунисское руководство предоставило целый ряд льгот инвесторам в сельскохозяйственную отрасль, в том числе освобождение от налогов на срок от 5 до 7 лет, от уплаты таможенных пошлин при импорте оборудования, сократило налоги на реинвестируемые прибыли и доходы в размере 30% ежегодной суммы доходов для физических лиц и до 50% налогов на лицензии. Государство всячески поощряет создание смешанных сельскохозяйственных предприятий и фирм с участием национального частного и иностранного капитала.

Инвестиционная политика 1970–80-х годов, направленная на всестороннее развитие частной инициативы, дала определенный эффект. В 1987 г. в частном секторе создавалось 75% ВВП, было сосредоточено 77% всех рабочих мест в несельскохозяйственной сфере, распределялось 70% основного фонда заработной платы. Частный капитал контролировал 30% экспорта и 50% импортных поставок³. Тунисские предприниматели расширили свои позиции в финансовых учреждениях страны.

В августе 1987 г. Национальное собрание Туниса приняло новый кодекс промышленных инвестиций. Его принятие направлено на структурную перестройку экономики. Льготы, как и прежде, предусматривались при полном или частичном экспорте производимой продукции, при создании новых отраслей промышленности, а также при внедрении современных технологий с максимальным использованием местного сырья, полуфабрикатов и готовых изделий.

Государство сняло с себя ответственность за реализацию новых проектов. Она полностью ложится на инвесторов и финансирующие их кредитно-финансовые учреждения.

В конце 1980-х годов тунисское руководство заявило о своем намерении расширить процесс либерализации экономики: ликвидировать централизованные бюрократические структуры, при этом существенно сократив госсектор, либерализовать внешнюю торговлю, а главное, благоприятствовать дальнейшему развитию частной инициативы, в том числе иностранной, для создания процветающей экспортноориентированной экономики. Среди ключевых элементов провозглашенной экономической политики важное место занимает приватизация государственных предприятий.

Юридической основой приватизации являются закон от 1 января 1989 г. «О приватизации госпредприятий» с дополнениями от 1994 и 1996 годов, а также закон от 30 декабря 1989 г. «О реструктуризации госпредприятий».

Этот процесс осуществляется под строгим контролем правительства. Используется пять законодательно утвержденных методов разгосударствления:

1. Продажа активов, когда требуется вливание значительных средств в деятельность предприятия.

2. Акционирование. Если желательно привлечение максимально-го числа акционеров, то это происходит через биржу. Если одного владельца, – то путем тендера.

3. Слияние-поглощение.

4. Дополнительная эмиссия акций (открытие капитала через биржу).

5. Концессия (передача прав на управление и эксплуатацию предприятия в частные руки).

До настоящего времени в Тунисе пользуются главным образом первыми двумя методами⁴.

За первые 10 лет приватизации в бюджет поступило всего 400 млн. долл. В 1987–1994 годах в среднем ежегодно приватизировалось 6 предприятий, в 1995–1997 годах – 15, в 1998–2001 годах этот показатель должен превысить 25. К 1999 г. полностью перешли в частные руки такие сектора экономики, как туризм, текстильная промышленность, грузовые автоперевозки, торговля⁵.

Основные усилия постепенно переносятся на приватизацию промышленных комплексов. В целом она должна охватить более 60 предприятий с общим активом 1,4 млрд. долл. в относительно прибыльных секторах экономики. Тунисское государство выставило на продажу конкурентоспособные предприятия, в том числе в секторах: нефтяном, стройматериалов, цементном и др. В 1998 г. доля госсектора в производстве составила 20%. Интерес к приобретению тунисских предприятий, особенно в цементной промышленности, проявляют компании Франции, Испании, Швейцарии, Португалии, Италии, Греции, США.

Государство готово передать иностранцам строительство ТЭЦ, скоростных автодорог, станций опреснения и очистки воды. Приватизация коснется компании Le Moteur, представляющей «Мерседес», «Фиат» и «Ивеко», здравоохранения, телекоммуникаций, авиаперевозок и др.

Надо иметь в виду, что экономическое положение Туниса достаточно устойчиво. Руководство страны проводит линию на дальнейшую либерализацию экономики, поэтапную реализацию разработанного при участии МВФ плана ее «оздоровления», включающего, в частности, дальнейшее привлечение и поощрение иностранных инвестиций, создание свободных экономических зон, введение конвертируемости тунисского динара.

Таким образом, прогрессивное по своему содержанию инвестиционное законодательство и довольно высокий уровень свободы деятельности частного капитала способствовали притоку в Тунис внешних инвестиционных ресурсов, возникновению около 2 тыс. совместных (с участием иностранного капитала) компаний, филиалов компаний из промышленно развитых стран, а главное – развитию тунисского бизнеса. Относительно высокие и устойчивые темпы экономического роста, стабильность национальной валюты, стабильная внутриполитическая обстановка создают благоприятные условия для даль-

нейшего расширения деятельности национального и иностранного капитала в стране и углубления торгово-экономических связей со странами-членами ЕС.

Возможные перспективы сотрудничества с российскими предпринимателями

В 1961 и 1976 годах между Тунисом и СССР были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. В счет советских кредитов велось строительство ряда плотин и гидроэлектростанций, комплекса гидротехнических сооружений в районе озера Гараэт-Ашкель, водопровода Седженан-Джумин и Национальной инженерной школы. Тунису были предоставлены средства на гуманитарные цели, борьбу с сельскохозяйственными вредителями и т.д.

Основой для торгово-экономических отношений между РФ и Тунисом служат межправительственные соглашения, подписанные 11 ноября 1993 г. Стороны предоставляют друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации. Правительство РФ подтверждает согласие продолжить оказание экономического и технического содействия по инвестиционным объектам (плотины, водопроводы). Создана российско-тунисская межправительственная Комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (первое заседание прошло 25–26 марта 1999 г. в Тунисе). Между Россией и Тунисом осуществляется сотрудничество на основе соглашений между структурами обеих стран в области образования и здравоохранения. Так, в декабре 1998 г. подписаны новые общие условия (конвенция) командирования российских медицинских специалистов в Тунис.

Тунис как деловой партнер представляет несомненный интерес для российских предпринимателей. Одним из перспективных направлений является создание смешанных предприятий и «офшорных фирм». Тунис заинтересован в привлечении зарубежных технологий для промышленного сектора, работающего на экспорт. Тунисские фирмы готовы к сотрудничеству в таких областях, как машиностроение, электроника, приборостроение, химия, в частности, к созданию предприятий по сборке электротехнического, электронного и механического оборудования. Упор делается на создание малых и средних предприятий. Стартовые условия для легализации – учредительный капитал в 10 тыс. долл., 51% которого приходится на долю местного партнера, при этом учитывается стоимость поставляемого зарубежного оборудования. Налоговые льготы, о которых говорилось выше, низкая стоимость рабочей силы, географическая близость к товароёмким рынкам Западной Европы являются главными факторами активного участия зарубежных фирм в создании совместных предприятий с тунисским капиталом.

Всеми вопросами, связанными с учреждением и оформлением смешанных предприятий в Тунисе, занимается уже упоминавшееся Агентство по промышленному развитию (АПР). Помимо осуществления

юридических формальностей, оно дает рекомендации заинтересованным зарубежным фирмам, занимается поиском тунисских партнеров, выступает в роли посредника между заинтересованными сторонами.

Кроме того, в Тунисе практикуется объявление международных торгов по самой широкой номенклатуре – от покупки судов для каботажного плавания до заказов на строительство дамб, предназначенных для создания искусственных водоемов.

Большое место в экономике Туниса занимает международный туризм. В стране создана одна из наиболее развитых в Северной Африке туристических инфраструктур: отели, рестораны, супермаркеты, спортивные площадки. Сервис не уступает европейскому, хотя цены туров в Тунис значительно ниже. Туристическим агентствам России предоставляются возможности для сотрудничества с тунисскими фирмами в деле организации туризма в Тунис и в отдельные российские регионы, в том числе специальные туры.

Российские коммерческие структуры могли бы проявить интерес к участию в быстро окупаемых проектах на условиях предоставления собственных кредитных ресурсов. Например, обсудить с тунисской стороной, под ее гарантию, вопрос о строительстве объектов туризма и здравоохранения.

По данным ведущих рейтинговых агентств, Тунис, с точки зрения инвестиционного риска, входит в первую пятерку среди стран Магриба и Ближнего Востока, т.е. признается одним из самых надежных плательщиков.

Тунис занимает 2-е место в Африке по конкурентоспособности и находится по этому показателю на уровне Польши и Греции, а по качеству рабочей силы он опережает все африканские страны.

Внешняя торговля. Внешняя торговля Туниса характеризуется опережающим ростом импорта и сохранением отрицательного сальдо торгового баланса.

Главные импортные товары: машины и оборудование, сера, зерновые, ткани и пряжа, сахар, растительные масла, древесина, чай, а также сталь, чугун, железная руда, продукция химической и фармацевтической промышленности, пластмассы и изделия из них, сельскохозяйственное, текстильное и полиграфическое оборудование, транспортные средства.

Ведущие поставщики товаров в Тунис – Франция, Италия, Германия.

Основными группами товаров в структуре экспорта являются текстиль и кожа, энергоносители, фосфаты и их производные, продовольственные товары, продукция металлообрабатывающей и электротехнической промышленности, керамические изделия, бумажная паста и др.

Во второй половине 1990-х годов наметилась тенденция роста экспорта продукции обрабатывающих отраслей: электротехнической,

металлообработывающей, текстильной и кожевенной. В то же время экспорт энергоносителей, сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров не стабилен. Следует отметить, что свыше 60% экспорта составляет продукция офшорных предприятий, остальное обеспечивают предприятия-резиденты. Главные потребители экспортной тунисской продукции – Франция, Италия, Германия, Испания. Объем внешней торговли в 1998 г. составил 14 млрд. дин. (14 млрд. долл.)⁶.

В целом направления внешнеторговых потоков Туниса, несмотря на меры по их диверсификации, остаются достаточно стабильными – около двух третей стоимости импорта и трех четвертей экспорта приходится на страны ЕС.

Тунис – член Всемирной торговой организации (ВТО). С марта 1998 г. началась поэтапная реализация соглашения о партнерстве Туниса с ЕС и создании к 2008 г. зоны свободной торговли.

Доля России во внешней торговле Туниса составляет около 1% (2,1% в импорте Туниса, 0,05% – в экспорте), т.е. товарооборот формируется с преобладанием российского экспорта. Импорт крайне незначителен. В 1998 г. товарооборот между Россией и Тунисом составил 133,5 млн. долл.⁷

Основу российского экспорта в Тунис составляют аммиак, пиломатериалы, целлюлоза, сера, асбест, нефтепродукты, синтетический каучук, стальной прокат, бумага.

Россия импортирует парфюмерно-косметические товары, морепродукты, сантехнику, кафельные плитки, синтетические краски.

С конца 90-х годов Тунис проявляет интерес к российским станкам (металлообработка, швейная промышленность). Увеличился спрос на запчасти к ранее поставленному оборудованию для бурения на воду, подшипники, изделия бытового назначения, медтехнику, комплектующие для электротехнической промышленности. Имеются возможности поставок в Тунис оборудования, материалов и запасных частей для фармакологических предприятий, российских изотопов.

Россия могла бы увеличить импорт из Туниса за счет закупок суперфосфатной кислоты, фосфорных удобрений, оливок, томатной пасты, текстиля и обуви.

Развитие российско-тунисской торговли сдерживается рядом причин. Одной из них является отсутствие дотации экспортерам тунисской сельскохозяйственной продукции. При торговле цитрусовыми, оливками и оливковым маслом экспортеры из стран-конкурентов Туниса по этим товарам – Турции и Греции – получают от своих правительств значительные субсидии (до 30% их стоимости), что делает тунисские сельскохозяйственные товары не конкурентными на российском рынке. Сдерживающим фактором в торговле готовой и наукоемкой продукцией является слабая маркетинговая работа рос-

сийских организаций на тунисском рынке, а также отсутствие у наших производителей международных сертификатов.

Негативное влияние на российский экспорт оказывает действие запрета на осуществление авансовых платежей, а также рекомендации по оплате товара после его приемки в Тунисе. Это требует либо получения кредитов для оплаты транспортных расходов российскими экспортерами, либо привлечения иностранных посредников.

¹ Trabeisi M. L'industrie manufacturiere tunisienne et sa place dans l'economie nationale. – Tunis, 1985. – С. 27.

² Trabeisi M. L'industrie manufacturiere tunisienne et sa place dans l'economie nationale. – Tunis, 1985. – С. 48.

³ Миронова Е.И. Частное предпринимательство в экономической политике Туниса // Страны Северной Африки: национальный частный сектор. – М., 1990. – С. 160.

⁴ <http://www.polpred.com> Afrika (Tunis) 10.htm.

⁵ Там же.

⁶ <http://www.polpred.com> Afrika (Tunis) 10.htm.

⁷ <http://www.polpred.com> Afrika (Tunis) 10.htm.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В СУДАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКО-СУДАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Инвестиционный климат в Судане на протяжении длительного периода определяется комплексом противоречивых экономических и политических факторов. В настоящее время Судан относится к группе развивающихся государств с низким инвестиционным рейтингом. Данное обстоятельство не может не влиять на масштабы и характер двустороннего делового партнерства между РФ и Суданом, которое в целом остается на низком уровне. Объем внешнеторгового оборота между двумя странами в лучшие годы едва составлял скромную величину в несколько миллионов долларов, до последнего времени масштабы сотрудничества в традиционных областях делового партнерства были крайне ограниченными.

Однако происходящие на протяжении последних лет подвижки как в экономической, так и общественно-политической жизни Судана открывают перспективы для активизации российско-суданских торгово-экономических связей. Среди них следует выделить следующие:

- усиление курса на нормализацию отношений Судана с внешним миром, ведущими международными экономическими организациями, в том числе МВФ и МБРР;
- либерализацию хозяйственной жизни и привлечение иностранного капитала в национальную экономику;
- начавшуюся в конце 90-х годов **XX** в. разработку нефтяных ресурсов страны.

Не последнюю роль играет также возросшее стремление к оживлению партнерства между деловыми кругами обеих стран. Однако несмотря на изменения последних лет, инерция прошлого продолжает сдерживать процессы нормализации внешнеэкономических связей Судана.

Среди факторов, негативно влияющих на инвестиционный климат в стране, необходимо прежде всего указать на продолжающийся в течение последних десятилетий конфликт между мусульманским Севером и христианским Югом, провоцирующий вооруженные столкновения между войсками центрального правительства и повстанческими группировками, базирующимися на юге страны. Гражданская война в Судане продолжается уже 30 лет. За время конфликта жертв

вами боев, стихийных бедствий и голода стали 2 млн. суданцев. Многочисленные попытки урегулировать конфликт политическими средствами до настоящего времени ожидаемого результата не дали. Периодически вспыхивающие широкомасштабные боевые действия в основном в южных провинциях страны не только дезорганизуют экономическую жизнь, но и отвлекают огромные по масштабам страны ресурсы.

Затянувшаяся гражданская война на юге Судана служит источником внутривнутриполитической нестабильности, ставит под угрозу жизнь персонала иностранных компаний, действующих в стране, препятствуя тем самым притоку иностранного капитала, и нередко приводит к свертыванию их деятельности в периоды наибольшего обострения ситуации. Имелись случаи гибели среди иностранных специалистов в ходе обострения внутрисуданского конфликта.

По инициативе Хартума и при поддержке ряда арабских и африканских государств в последние годы ведутся переговоры между враждующими сторонами об урегулировании конфликта. Здесь имеются некоторые позитивные подвижки. В то же время на фоне развития переговорного процесса на рубеже XX–XXI веков наблюдается очередной всплеск боевых действий в южных провинциях. В особенности ситуация обострилась в провинции Бахр эль-Газаль, на юге Кордофана, а также в южных и западных районах Голубого Нила. В настоящее время сложно предсказать, как дальше развернутся события: с одной стороны, в конце 90-х годов Хартум получил солидный источник финансовых средств в виде доходов от разработки нефтяных месторождений, что позволяет и дальше оказывать военное давление на повстанцев, с другой стороны, велика вероятность того, что политическое решение приведет к отделению де-факто южных провинций и утрате Хартумом основных нефтедобывающих районов. Ситуация осложняется тем, что из-за обвинений в проведении Хартумом политики международного терроризма Соединенные Штаты оказывали поддержку повстанцам на юге страны.

Дополнительным фактором, дестабилизирующим внутривнутриполитическое положение, является периодически обостряющиеся отношения с соседними странами, прежде всего с Эфиопией, массовые перемещения беженцев как в результате природных катаклизмов, затрагивающих страны зоны Сахеля, так и из-за боевых действий на суданском Юге.

Несмотря на наличие различных политических партий, элементов парламентской демократии, для постколониального периода в основном типична авторитарная форма правления: для политической жизни Судана характерен режим личной власти – представителя армейской верхушки или одного из ведущих политических течений исламского толка. Отсутствие устойчивой демо-

кратической традиции в политической жизни также не служит укреплению внутривнутриполитической стабильности и, соответственно, улучшению инвестиционного климата.

В течение относительно продолжительного периода – с 1989 г. у власти находится военный режим исламского толка генерала О.аль-Башира, установившийся в ходе военного переворота. Вместе с тем в середине 90-х годов была восстановлена работа парламента, О.аль-Башир избран президентом Судана. Практически в руках последнего сосредоточена вся полнота законодательной и исполнительной власти, несмотря на то, что в 1998 г. принята новая конституция страны, декларировавшая восстановление демократических прав и свобод, многопартийной системы, отмененной в 1989 г. В 2000 г. внутри правящего режима произошел раскол – президент О.аль-Башир отстранил от руководства правящей партии второго человека в управлении страной Х.ат-Тураби, в решающей мере способствовавшего в 1989 г. приходу к власти нынешнего главы государства и известного как лидера исламистского спектра политических сил в Судане.

Судан – сельскохозяйственная страна, относящаяся к наименее развитым странам мира. Отвлечение значительных средств от экономического развития, изменчивость экономического курса часто сменявшихся правительств, неудачные эксперименты с формированием «исламской» экономики и другие факторы своим следствием имели низкие темпы экономического роста, падение в 80–90-е годы показателя национального дохода в расчете на душу населения, сохранение ограниченной роли промышленности – на нее до начала разработки месторождений нефти приходится лишь 5–7% ВВП. Кризисное состояние суданской экономики в последние десятилетия выразилось в гиперинфляции, резком обесценении суданского фунта (динара), возросшей и без того огромной внешней задолженности, усиливающейся несбалансированности внешней торговли и т.д. В отдельные периоды последнего десятилетия Судан, имевший ранее репутацию одного из наиболее надежных заемщиков среди африканских стран, был не в состоянии погашать свою внешнюю задолженность, его членство в МВФ было приостановлено (возобновлено в конце 90-х годов). Длительное кризисное состояние суданской экономики своим следствием имело также слабое развитие инфраструктуры, почти полный физический и моральный износ основных фондов важнейших транспортных артерий, включая железные дороги. Последние имеют ключевое значение для обеспечения жизнеспособности экономики страны.

Сложившийся в постколониальный период неэффективный государственный сектор, расходы на содержание обширного слоя государственных чиновников ложились тяжелым бременем на бюджет Судана.

Общая тяжелая экономическая и внутривластная ситуация в 70–90-е годы не способствовала привлечению иностранных инвестиций, остро необходимых для экономического развития и модернизации национального хозяйства. За 90-е годы объем ежегодной иностранной помощи Судану сократился с примерно 800 млн. долл. до 59 млн. Ситуация еще более обострилась после неоднократных попыток ужесточить государственный контроль над экономикой и введения норм исламского законодательства в регулирование общественной и хозяйственной жизни. Обвинения Судана в международном терроризме, выдвинутые в 1998 г. после взрывов у посольств США в Кении и Танзании, и введение санкций усилили экономическую изоляцию страны.

Кризисные явления в экономике препятствуют росту денежных переводов со стороны суданцев, работающих за границей, которые в последние десятилетия являются едва ли не главным источником получения иностранной валюты, необходимой для обеспечения импортных программ, погашения внешнего долга.

Вместе с тем в конце 90-х годов правящий режим предпринимает настойчивые попытки решить внутривластные проблемы страны, реализовать меры, направленные на восстановление национальной экономики. Периодически возобновляются переговоры с руководством повстанцев с целью урегулирования южносуданской проблемы. Значительные усилия направляются на то, чтобы ввести в хозяйственный оборот месторождения нефти и тем самым если не решить, то значительно ослабить остроту финансовых проблем, укрепить платежеспособность страны, без чего трудно представить нормальное развитие делового сотрудничества с иностранными донорами и инвесторами.

Определенные усилия предпринимаются с целью проведения прорыночных реформ – приватизируются предприятия и компании госсектора, вводится более либеральный инвестиционный кодекс, усиливаются рыночные основы функционирования банковской системы, предпринимаются шаги, направленные на снятие ограничений на деятельность частного капитала во внешнеторговой сфере и т.д.

Определенных успехов удалось достичь в области нормализации отношений с МВФ – в 1998 г. было принято решение о восстановлении представительства Фонда в Хартуме, которое было закрыто с 1984 года. С 1997 г. Судан возобновил выплату долга МВФ. Реформы позволили в последние годы значительно снизить уровень инфляции, сдержать темпы обесценения национальной валюты.

Представление об экономическом положении страны на рубеже XX – XXI вв. дают следующие цифры.

Основные экономические показатели:

ВВП, рассчитанный на основе покупательной способности, составил в 1999 г. 32,6 млрд. долл. (оценка);

темпы роста ВВП (фактические): 3% (1999 г.);
ВВП в расчете на душу населения (рассчитано на основе покупательной способности): 940 долл. (1999 г., оценка).

Отраслевая структура ВВП:
сельское хозяйство – 41%;
промышленность – 17%;
услуги – 42% (1997 г., оценка).

Темпы инфляции (рост потребительских цен): 20% (1999 г.).

Внешний долг: 24 млрд. долл. (1999 г., оценка).

Экспорт: 580 млн. долл. (фоб, 1999 г., оценка).

Импорт: 1,4 млрд. долл. (сиф, 1999 г., оценка).

1 ам. долл. = 230,2 суд.динара или 2 526,34 суд. фунта (старые банкноты).

Признаки оживления хозяйственной деятельности отмечаются в целом ряде ведущих отраслей национальной промышленности – текстильной и сахарной, а также в золотодобывающей. В частности, совместное предприятие с участием правительственной компании (60%) и частной «Source» (40%) в 1997 г. увеличило добычу золота до 150 тыс. унций. Китайские компании активно ведут разведку в горных районах вдоль побережья Красного моря. Компания «Вади ар-Равда» из ОАЭ получила концессию на проведение геологоразведочных работ на золото и медь в провинции Дарфур на западе страны (16 тыс. кв. км). Иностраный капитал начинает с конца 90-х годов постепенно возвращаться в Судан.

Нефтегазовая отрасль остается основной сферой приложения капиталов. Во многом положение в ней отображает ситуацию в экономике и в стране в целом, определяет ближайшие перспективы хозяйственного развития. Обнаруженные более 35 лет назад месторождения нефти (в настоящее время разведанные запасы составляют порядка 800 млн. барр. нефти) в течение длительного периода не были введены в хозяйственный оборот из-за политических и экономических трудностей, несмотря на участие в попытках их промышленного освоения крупными международными нефтяными компаниями, вложившими значительные средства в нефтяной бизнес в Судане, а также льготы, предоставляемые иностранному капиталу. Следует отметить, что всплеск вооруженных столкновений в середине 80-х годов, приведший к гибели иностранных специалистов в районах месторождений нефти, в сильной мере сказался на деятельности нефтяных компаний, отдельные из которых свернули свои операции и продали свои интересы. Однако суданское правительство продолжило усилия по привлечению иностранного капитала, строительству нефтепровода, нефтеперерабатывающих мощностей и т.д. Пуск транссуданского нефтепровода в конце 90-х годов позволил обеспечить внутренние потребности страны в нефтепродуктах и впервые начать экспорт нефти и нефтепродуктов. В конце 90-х годов

добыча нефти в стране достигла 150 тыс. barr. в день. Иностраный капитал (в том числе – американский) продолжает сохранять интерес к активному участию в нефтяном бизнесе страны. Вокруг нефтедобывающих районов созданы так называемые «зоны безопасности», которые обеспечивают минимально необходимые условия для работы компаний и их персонала, хотя полностью проблему безопасности не решили. Месторождения и на западе страны, и на юге дают нефть, но повстанцы уже трижды за последний год взрывали экспортный нефтепровод, имелись случаи перестрелки и на самих месторождениях.

По оценкам российских экспертов, крупные международные нефтяные компании пока не приступили к окончательному разделу суданского рынка нефти, возможно их активное сотрудничество с российскими компаниями, тем более, что были неоднократные попытки привлечения российских структур к реализации проектов в нефтяной сфере страны. Практический опыт освоения нефтяных ресурсов Судана показал, что в сложившейся в последнее десятилетие в стране ситуации иностранные инвестиции в значительно меньшей степени подвержены политическому риску в северных провинциях страны и в прибрежной зоне.

Вместе с тем экономическое оживление находится лишь в самой начальной фазе. Финансовое положение Судана продолжает оставаться сложным. Из-за нехватки финансовых средств многие предприятия либо остановлены, либо работают на неполную мощность. Иностранные инвестиции остаются на относительно низком уровне, в основном они направляются в сферу нефтедобычи. Местные капиталовложения ограничены по объему и не в состоянии обеспечить процесс модернизации и развития большинства отраслей экономики, включая ее ведущую отрасль – сельское хозяйство, где имеются большие природные ресурсы для успешного и динамичного его развития. Несмотря на ожидания последних лет, не только сохраняется значительный дефицит внешней торговли, но в 1998 г. он даже вырос, достигнув самого высокого показателя за всю историю страны (1,2 млрд. долл.), что негативно сказывается на валютно-финансовом положении Судана. До последнего времени надежды на получение крупных экспортных доходов от продажи нефти и нефтепродуктов, а также морепродуктов не оправдывались, но с 1999 г. в Судане, наконец, началась разработка месторождений нефти, и имеются планы увеличить экспорт жидких углеводородов на сумму до 150–200 млн. долл. в год. По некоторым оценкам, эта цифра может быть в короткие сроки доведена и до 1 млрд. Дестимулирующее влияние на внутренних производителей экспортных товаров пока оказывает игнорирование таможенными органами правительственных решений о снижении таможенных тарифов на ряд традиционных статей суданского экспорта. Негативно сказываются на деятельности коммерческих структур и

вводимые налоги на импорт с целью обеспечить нужды министерства обороны в условиях обострения вооруженного конфликта на юге страны.

Таким образом, российским коммерческим структурам, которые начинают проявлять растущий интерес к отдельным проектам сотрудничества в области разработки нефтяных ресурсов страны, прокладки нефтепроводов, сооружения нефтеперегонных мощностей, а также к разведке и добыче полезных ископаемых, модернизации объектов инфраструктуры, сооружению энергетических объектов, модернизации построенных Советским Союзом предприятий, предстоит столкнуться с рядом проблем, которые необходимо учитывать при разработке планов делового партнерства.

Вместе с тем некоторая активизация иностранных компаний в Судане в последние годы свидетельствует о расширении возможностей и для российских коммерческих структур в налаживании делового партнерства в отдельных областях.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.В.Агавельян ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЛИВАНЕ	3
Б.Н.Гашев О РАЗВИТИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ЕГИПТА И ВАРИАНТАХ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	11
В.И.Гусаров АРАБСКИЙ МИР: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ	19
Б.В.Долгов ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ (на примере Алжира)	30
А.К.Константинов МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – ОПАСНЕЙШИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ	43
О.В.Копылов К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ	49
В.В.Куделев МАРОККО: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДВУХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ МОХАММЕДА VI	58
Н.М.Мамедова ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНЕ В 2001 Г. (НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ)	68
Нодар Мосаки КУРДСКИЙ МАКИАВЕЛЛИ	82
Э.В.Павлуцкая ОТНОШЕНИЯ МАРОККО СО СТРАНАМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА	94
Амир Рифаат ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СДВИГИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (на примере ряда арабских стран)	106
Ю.С.Скороход ПРОБЛЕМА ЮГА ЛИВАНА	120
М.Хамамде ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ УСКОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК КСА И КУВЕЙТА	136

К.З.ХАМЗИН	
ИОРДАНСКИЕ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ»: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСЛАМИСТОВ И ВЛАСТИ	148
ЛЮБНА АЛЬ-ХАСАН, А.А.ТКАЧЕНКО	
УЧАСТИЕ СУДАНА В МЕЖДУНАРОДНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	177
А.Д.ЭПШТЕЙН, В.В.МАРЧЕНКО	
НЕОБРАТИМОЕ ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС?	190
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ СТРУКТУР В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ	209
И.О.АБРАМОВА	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ СТРУКТУР В ЕГИПТЕ	210
Е.И.МИРОНОВА	
РОССИЙСКО-АЛЖИРСКОЕ ДЕЛОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ЛИНИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ И СИСТЕМНОГО КРИЗИСА В АЛЖИРЕ	220
В.Ю.КУКУШКИН	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЛИВИИ И ВОЗМОЖНОСТИ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ДЕЛОВЫХ СТРУКТУР В СНЛАД	228
В.Ю.КУКУШКИН	
РОССИЙСКИЙ ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ В МАРОККО: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	236
Е.И.МИРОНОВА	
ТУНИС: ДЕЛОВОЕ ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ УСПЕШНЫХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ	243
А.А.ТКАЧЕНКО	
ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В СУДАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ АКТИВИЗАЦИИ РОССИЙСКО-СУДАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	251

CONTENTS

YU.AGAVELYAN SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF PALESTINIAN REFUGEES IN LEBANON	3
B.GASHEV ON THE DEVELOPMENT OF WATER RESOURCES OF EGYPT AND WAYS OF THEIR USE	11
V.GUSAROV THE ARAB WORLD: NEW PERSPECTIVES AND OLD PROBLEMS	19
B.DOLGOV GLOBALIZATION AND THE DEVELOPING COUNTRIES (THE CASE OF ALGERIA)	30
A.KONSTANTINOV INTERNATIONAL TERRORISM AS THE MOST DANGEROUS CHALLENGE OF THE CURRENT REALITY	43
O.KOPILOV ON THE TURKISH POLICY IN TRANSCAUCASIA	49
V.KUDELEV MOROCCO: SOME RESULTS OF TWO YEARS REIGN OF MOHAMMAD VI	58
N.MAMEDOVA POLITICAL SITUATION IN IRAN IN 2001 (ON THE EVE AND AFTER PRESIDENTIAL ELECTION)	68
N.MOSAKI KURDISH MACHIAVELLI	82
E.PAVLUTSKAYA MAROCCO: RELATIONS WITH EC	94
A.RIFAAT ECONOMIC POLICY AND CHANGE IN INDUSTRIAL PRODUCTION (THE CASE OF SOME ARAB COUNTRIES)	106
YU.SKOROHOD THE PROBLEM OF SOUTH LEBANON	120
M.HAMAMDE MAIN RESULTS OF ACCELERATED MODERNIZATION OF NATIONAL ECONOMICS OF SAUDI ARABIA AND KUWAIT	136

K.HAMZIN	
MUSLIM BROTHERS OF JORDAN: THE CASE OF COOPERATION BETWEEN ISLAMISTS AND POWER	148
L.AL-HASSAN & A.TKACHENKO	
THE SUDAN'S PARTICIPATION IN INTERNATIONAL AND REGIONAL ECONOMIC ORGANIZATIONS	177
A.EPSTEIN & V.MARCHENKO	
FINAL DEFEAT OR TEMPORAL CRISIS	190
ECONOMIC REFORMS AND INTENSIFICATION OF BUSINESS COOPERATION BETWEEN RUSSIAN COMMERCIAL STRUCTURES IN THE NORTHERN AFRICA COUNTRIES	209
I.ABRAMOVA	
ECONOMIC REFORMS AND PROMISING DIRECTIONS ACTIVITY FOR RUSSIAN COMMERCIAL STRUCTURES IN EGYPT	210
E.MIRONOVA	
RUSSIAN-ALGERIAN BUSINESS COOPERATION THRU COMMERCIAL ORGANIZATIONS AND COMPANIES IN THE LIGHT OF REFORMS AND SYSTEM CRISES IN ALGERIA	220
V.KUKUSHKIN	
ECONOMIC CHANGE IN LIBYA AND POSSIBILITIES FOR INTENSIFICATION OF RUSSIAN BUSINESS STRUCTURES IN THERE	228
V.KUKUSHKIN	
RUSSIAN PRIVATE CAPITAL IN MAROCCO: GAINED RESULTS AND MISSED OPPORTUNITIES	236
E.MIRONOVA	
TUNISIA: BUSINESS PARTNERSHIP IN THE FRAMEWORK OF SUCCESSFUL MARKET REFORMS	243
A.TKACHENKO	
INVESTMENT CLIMATE IN THE SUDAN AND PERSPECTIVE TO SPEED UP RUSSIAN-SUDANIAN ECONOMIC COOPERATION	251